

РОССИЙСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

при содействии

АКАДЕМИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
И ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

литературно-художественный журнал

№ 5

Санкт-Петербург
«Гамма»
2012

*Литературно-художественный журнал
Российского Межрегионального Союза Писателей*

Под общей редакцией Е.П.Раевского

Шеф-редактор: Н.А.Веселова

Редактор отдела поэзии: Д.Н.Киршин

**Редколлегия: А.А.Облог, А.Н.Молоканов, А.Губаревская,
Е.В.Сакс, Ю.В.Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmssp.pro

Официальный сайт АРСИИ ми. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим литературным изданием по
итогам 2011 года*

ISBN 978-5-4334-0055-9

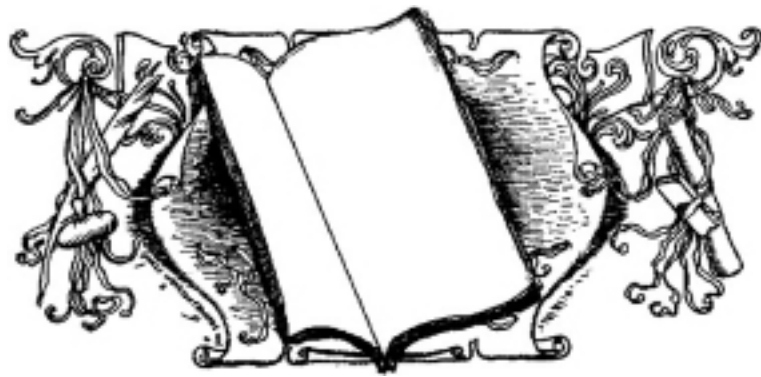
© Коллектив авторов, текст, 2012
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2012
© Н.А. Веселова, фото на 1-й
странице обложки, 2012

«Академия русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина - одна из самых старейших и самых престижных академий России!»

Председатель Исполкома
Международного Сообщества
Писательских Союзов,
Герой Социалистического труда
Ю.В.Бондарев

ΠΡΟΖΑ

Макар АЛПАТОВ

Протухло ли солнце?..

повесть

Обращение к читателю

Повесть эта родилась совершенно случайно. Сами понимаете, порой не ведаешь, «из какого сора» - как сказала великая поэтесса - или из какого разговора возникнет потребность записать то, что тебя вдруг неожиданно взволнует. Я был занят тогда заказным сценарием, сроки поджимали, а дело никак не двигалось с мёртвой точки – всё что-то мешало, не клеилось. Надо было подумать на природе, в одиночестве. От проспекта Славы на электричке до Павловска можно добраться за полчаса. И лучше думается в день буден в парке на какой-нибудь отдалённой скамейке в тишине. Там я и примостился, сидел один и мыслил, делая заметки, как вдруг услышал приятный мужской голос:

- Позвольте присесть? – я кивнул, почему-то внутренне вздрогнув. Мужчине на вид было лет за 60. Благородная осанка. Красивое мужественное лицо. Глаза скрывали очки. Высок, осанист, крепок; пожалуй, чуть полноват. Одет хорошо.

- Думаете? - снова спросил незнакомец. Я кивнул. – Скажите, а, правда, что Грузия уже не наша; теперь вроде, как за граница? - задал третий вопрос присевший.

- Странный вопрос. Почему он возник у вас? - удивился я.

- Хотите, расскажу? - и он начал историю своей жизни, проговорив несколько часов подряд. Я иногда перебивал вопросами. Почему он доверился именно мне, не понимаю до сих пор - может, просто хотел выговориться?!

Вот так и родилась эта повесть, которую я практически не писал, а лишь пересказал своими словами, хотя за достоверность событий не ручаюсь и, честно признаюсь,

сам не до конца поверил в их подлинность, но мой собеседник отнюдь не производил впечатление ненормального, несмотря на то, что чересчур нервничал и утверждал, что буквально недавно вышел из больницы, где лечат сумасшедших. Меня фантастическая история его бытия ошеломила. Мы познакомились ближе, периодически встречались, он задавал мне свои вопросы о жизни, по его словам, продолжал «путь к задуманной глобальной Цели», о которой не любил распространяться. С ним было не скучно, но иногда страшно.

Интересно, а какое впечатление эта история произведёт на вас? Прочтите, пожалуйста. При встрече - скажете. Кстати, свой сценарий я сдал в срок - что-то помогло. На полученный гонорар хочу издать эту повесть в память ушедшего.

Вместо вступления

Консилиум

- И всё равно, как бы мы ни откладывали, нам придётся принять решение, - тяжело вздохнул главный врач – профессор.

- Скорее, вам, - горько констатировал начмед.

- Что ж, подведём итоги, начав с предыстории. Больной поступил к нам 43 года назад, когда большинства из нас ещё не было не только здесь, но и на свете, - продолжил главврач. - Я работаю почти 20 лет и этот случай - самый уникальный в нашей практике...

- Наше дело - лечить, вылечивать и выписывать - больной и так большой срок был на иждивении государства – сегодня совершенно другие финансовые отношения. Больница сама должна платить

за него, - веско уточнил начмед.

- Подождите, - перебил главврач, - не надо забывать, что паспорт больному был выписан в 1959 году и с тех пор не менялся ни разу - на нынешний день паспорт недействителен. Больной никогда и нигде не работал - у него нет профессии. Он детдомовский, сирота, ничего неизвестно о его родных и близких, за время болезни его никто не навещал. Он всю свою жизнь прожил в общежитиях и у него не было и нет никакой жилплощади. Предположим, что пенсия по инвалидности какая-никакая у него будет, но куда он пойдёт, что будет делать, как жить?

- Ну, это уж не наши проблемы. Существуют Собес и прочие органы помощи и опеки, - резко бросил начмед.

- Я сказал - подождите! - сердито нахмурился профессор. - Лидия Борисовна, как ординатор, последние два года ведущая больного, освежите в памяти присутствующих его историю болезни и покороче, пожалуйста.

- Прошу. Горбатов Михаил Николаевич. Родился 13 ноября 1943 года в блокадном Ленинграде. Отец погиб на фронте, мать умерла при родах. Воспитывался в детских домах Ленинграда, Гатчины и Волхова. Среднюю школу закончил с отличием и поступил в Ленинградский государственный Университет на филфак. В 1962 году в числе других был арестован по странному не разглашаемому соответствующими органами делу и в числе тех, кто выжил на допросах, перемещён из тюремной больницы к нам. Читаю далее, следователи в белых халатах - тут так написано - переусердствовали с инсулином; в 1963 году больной впал в коматозное состояние, из которого периодически его удавалось выводить, но он снова в него возвращался до 2003 года включительно. С 1965 года больной был помещён в отдельную палату, стал предметом научных исследований.

На примере его лечения защищены 5 докторских и 17 кандидатских диссертаций. Молодой крепкий организм, фантастическое природное здоровье

позволили больному вначале буквально вернуться с того света, затем вынести все эти годы, обрести былые функции действующего организма, снова научиться двигаться, ходить, мыслить, говорить.

Не буду останавливаться на сегодняшних медицинских показаниях больного, прошедшего обследование у всех специалистов, - они в норме - я об этом подробно докладывала на прошлой конференции. Отмечуещё-больной до конца не осознаёт, что прошёл столь длительный срок его пребывания на больничной койке. Он в принципе адекватен, но, естественно, не имеет никакого ни только жизненного, а даже и житейского опыта. И ещё - больной-любимец всего медперсонала, что в нашем учреждении, сами понимаете, редчайшее явление. Он - потрясающий оптимист и жизнелюб. К нему тянутся больные.

- Ну, это уже лирика, - вмешался начмед, - что вы конкретно предлагаете?

- Предлагаю выписать Горбатова Михаила Николаевича как вполне здорового полноценного человека, - улыбнулась Лидия Борисовна.

- Выписать, конечно, придётся, - ещё тяжелее вздохнул главврач, - но ведь мы с вами отвечаем за него и опять возникает этот главный вопрос: куда он пойдёт? Ну, хорошо, сначала до назначения пенсии в санаторий, потом можно перевести в пансионат, - но это предположим, полгода, чуть больше. А дальше?

- Вы ведь знаете, - обратилась к профессору Лидия Борисовна, - мы с больным однофамильцы. Муж у меня умер. Сын с семьёй за границей. Я живу с ещё не старой своей тётёй, тоже врачом, она на пенсии. Квартира трёхкомнатная. Мы можем взять Михаила Николаевича к себе.

- Вы с ума сошли? Зачем вам такая хвороба? У него же будет совсем маленькая пенсия? Ему уже за 60? Да и на каком основании? Кто разрешит? - закидал вопросами начмед.

- Я вас понимаю, Лидия Борисовна, словно не слыша истерики начмеда,

тихо проговорил главврач, - конечно, это и дополнительный материал к вашей докторской да и вообще - благородный поступок. Обещаю вам, что всё зависящее от меня лично и от больницы, беру на себя. Все документы, рекомендации, ходатайства и что ещё понадобится - будет сделано.

- Ну, вот, говорили, до ночи этот вопрос будут решать, а тут - Слава Богу! - так быстро, - обрадовался совсем ещё молодой враченок в белоснежном, почти поварском колпаке и с серьгой в ухе.

- Дело это очень серьёзное и наше сегодняшнее решение, отнюдь не окончательное. Горбатов больше 40 лет не был за воротами больницы и нам всем необходимо по мере сил и возможностей помочь уважаемой Лидии Борисовне довести этого больного до окончательного излечения и полноценного возвращения к нормальной жизни, - попытожил главврач, но его уже слушали невнимательно, спеша поскорее покинуть помещение, чтобы вернуться к своим личным, насущным проблемам...

Глава первая Ночной гость

ОН вошёл совершенно неслышными шагами, как бы проникнув сквозь стену. Сел на стул возле кровати, положил ногу на ногу и дымно пыхнул знакомой до ужаса трубкой - запах одурманивающего табака заставил открыть глаза: странно - ничего общего с примелькавшимися портретами - неожиданно мал ростом, не упитан, а скорее одутловат - опухшее лицо, особенно нижняя часть - утяжелённый подбородок в лунках разноформатных оспин - меченый?! - волосы с заметной лысинкой, тонкокудрые пеговатые, как раздетая металлическая проволока. Обычный для южанина крупный строгий нос. Глаза - янтарные - с блёстками огоньков - не тигровые, не злые, а больше собачьи и до горечи нездоровые. Крепкие, жёлтые, будто

у пожившего хищного животного, зубы, больно стискивающие трубку. Усы, сильно тронутые временем словно у старого пса, седенькие, выгоревшие и только самые кончики чуть-чуть почерневшие. Всё тот же, казалось, не снимаемый годами светлый военный китель. Золотые, вышитые солнцем погоны из громадного пятиконечного символа Его власти, брюки-галифе с кровавыми подтёками лампасов. Мягкие бесшумные заказные сапожки из тонкой кожи, зеркально блестящие, как и привычно одинокая геройская звёздочка на груди. Бросающаяся в глаза застарело увечная, «сухая» левая рука... да, ещё уши, прижатые точно у испуганного, бездомного и - извините, я обещал говорить только правду! - всех на свете боящегося шелудивого изгоя-кобеля. Может, отсюда и псевдоним молодости? - подумалось тогда - Коба.

На дворе, по-летнему резвясь гласностью апрельской капели, перестраивалась в осень бывшая горбачёвско-ельцинская весна - больному мозгу об этом ничего не было известно - в снегу прошуршало забытое 5 марта, а ОН сидел рядом, осязаемый - только руку протяни! - и смотрел внимательно, странно улыбаясь, собрав все возможные морщины вокруг нечеловечески горьких глаз - горящих маленьких углей. Маугли - волчий сын?! Трубочный дым запах «сюрчиком», сюрреализмом - такое состояние уже бывало, когда приходил в сумерках Его Старший Товарищ - тоже ни капельки не похожий на опортреченного себя и к тому же в предрассветных беседах почти не картавющий, как упорно доказывалось всеми, кому ни лень. И далеко не такой «добренький дедушка», как уговаривали поверить все Они, включая и сегодняшнего гостя из мира ушедших.

Конечно, подавление интеллектом дело страшное для обычного человека, но кто сказал, что все люди одинаково воспринимают суперличности с любым знаком - плюс или минус - не имеет значения?! Нынче один лишь Его

Старший Товарищ всё ещё с большой натяжкой времени продолжает носить ранг Великого, хотя и на него круто замахнулась жаждущая кумачово-красных сенсаций, лающая братия борзописцев, тех, кто в любые времена - застоя ли, перегиба ли или перепоя - всегда шагают с поводырём нога в ногу и слизывают сливки истории, иногда рядясь в тоги гонимых вождём, тех, кто всегда доволен эпохой. Великий – один на всех. Остальные делали (или делают?!) ошибки, много ошибок, но ведь наверняка не только ошибки?..

- Тогда ми нэ магли нэ дэлать ащипки-всио било новое, - изрёк Ночной Гость, неожиданно отвечая на будившие мысли. Так именно и произнёс - «ащипки». А что это, в сущности, означало? Кто и кого «ощипывал»? Каламбур ли оно - слово с акцентом? И правда ли, что «новое» у них «било» таинственное «всио»?

Стало жутко и жарко, пот вмиг облил с головы до пят. Мысли бились в черепную коробку, как тяжеленные льдины в ледоход об основы моста... моста через жизнь? Предстояла привычная долгая беседа в ночи на гнетущие обоим темы, но только удалось огромными усилиями воли заставить себя собраться, как ввалились Они – остальные - много! - все. Они превратили кровать в стол заседаний Президиума ЦК, усевшись вокруг, как на пир - Политбюро?!

Председательское место оказалось в ногах, так как спинка кровати вдруг куда-то исчезла, и ОН открылся, как на ладони. Впрочем, все Они тоже - Боже Мой, Боже, как Они всё же похожи?! Разве такое сходство может быть у вождей, у личностей, у индивидуальностей? Что их объединяет? Кто с ума сошёл? - Они кажутся все на одно лицо. А – понятно – усы! - подавляющее большинство со щетиной подчёркнутого мужества над верхней губой - под Него, под Главного, Хозяина... Да-да, вон у того тихого, с леденящим взглядом, что слева, в интеллигентском пенсне - усы. И у этого-эстета противно-рыхлого с буравчатыми глазами. У чёрного горбоносого кавказского ворона тоже. А у четырёх почти близнецов

седовласых в самой дали стола скромно сидящих костюм, галстук, глаза, усы – всё одинаковое - ужас какой-то! Пойдите, есть ведь ещё козлобородый старикашка с хитринкой из-под дедушкиных очков, а справа тестообразный увалень со сросшимися червяками бровей на матовом истраченном пустом лице. Рядом - явно пресмыкающееся, не человек, а змеюка с гусеницами-губами сластолюбца и черноморским носом-морковкой. Вот он наклонился в сторону свиноподобного жиряги с жабыми бородавками на сытой физиономии - последние трое чисто выбриты без признаков растительности на почтительных для Него и наглых для нас рылах - ага! - конечно, именно эти и будут насмерть биться за власть, за Его власть, за Его трон. Эта далеко не святая троица хоть как-то стремится выделиться, но вообще-то все Они - паяцы-марионетки в Его кукольном театре у подножия Царь-Пушки и Лобного места - дёрнул Хозяин за верёвочку - ура-а!

А если оборвёт невзначай тугое натяжение, тогда - что ? - лопнет жизни струна.

Сейчас их тринадцать во главе с Ним – что это - тайная вечеря?! ОН ведь воистину духовно многоопытный специалист - церковному православному делу обучался в юности - должен соображать. Или это нарочно, чтобы возникли сравнения? Их тринадцать - чёртова дюжина - и Они делают «ащипки». А Кто будет отвечать, на Кого повесят всех собак страха, подлости и подонства? На Него, Главного, Хозяина?.. Боже мой, какие у Него горькие глаза...

- Колесо истории никого не щадит, - безмолвно и на этот раз безо всякого акцента послал импульс Его взгляд и снова приторно вздохнула сюрреалистическим дымом знакомая трубка, искусанная сильными жёлтыми зубами...

Глава вторая

Утро в доме призрения, а может, презрения

- Ин-су-лин - это министр КГБ Китая или новый премьер Тайваня? - вдруг внятно спросил новичок палаты №13 N-ского отделения больницы имени Проклятия палачам Карла Либкнехта и Розы Люксембург. В течение пары суток кряду он монотонно повторял одну и ту же фразу как заклинание или молитву: «Я нормальный человек!», причём, ничуть не меняя интонации.

Поэтому вопрос об инсулине произвёл-таки некоторое впечатление на привыкших здесь ко всему обитателей. Они - остальные четверо - до этого лежали спокойно, отрешённо. На спинах. Глаза их грустно и, казалось, безжизненно вонзались в белый потолок больничного неба. Всё вокруг сверкало снегом неземной, потусторонней чистоты. Белизна как будто расширяла пространство клинической тюрьмы духа. На окнах звенели от жизненного, прозрачного ветра пограничные решётки-намордники, охраняя стёкла человеческого аквариума, которые не смогла бы пробить даже самая твёрдая забубённая головушка.

Вопрос новенького - пока безымянного пришельца из того полосатого, ставшего чужим для них мира за закрытой навсегда форточкой - заставил замереть сердца, отвлечься от долгих тяжких дум и попытаться сосредоточиться...

Остальные четверо, разумеется, числились больными, но не были идиотами и хорошо усвоили, что такое «инсулин» - и какое это мощное оружие в руках следователей - садистов-убийц в белоснежных халатах. Сколько показаний - да каких?! - вынималось «под инсулином» в корчах мук и в дикой жажде скорейшей смерти-избавления?! Потом оказывалось - ты вернулся в стерильность палаты с желанного того света, где душа так

хотела и могла найти покой... А скольких несчастных поганый инсулин и вправду сводил с ума или не возвратил назад к жизни уж больше никогда?! Никто, естественно, не ответил спрашивающему, и тогда тот словно факир-флейтист, укрощавший кобру, многократно повторил мелодию, как ему мнилось, китайского звучания слова: «ин-су-лин, инн-суу-лин, иин-суу-лиинн!» - буква «эн» разносилась будто колокол призыва потушить пожар из искр мечтаний, надежд - костёр судьбы? Тишина становилась синонимом белизны, нарушая все принятые жизнью законы и растворяя, выбеливая окружающее до рези в глазах. Тишина оглушала. В окно заглянуло солнце и в ужасе отшатнулось, узрев выражение лица новенького - в его глазах читалось ослепление темнотой света, мира. Чёрные глаза дико контрастировали с царством белого безумия вокруг. Присутствующим захотелось заговорить, но все молчали, хотя новичок совсем не походил на провокатора - бережёного Бог бережёт! Пауза повисла в тяжёлом, спёртом больничном воздухе, как топор палача, готовый упасть на уже приготовленную на плахе-подушке голову. Дверей в палате не полагалось. Горький плач из соседней кельи разрядил обстановку и заставил обитателей палаты №13, кроме вновь прибывшего, как по команде, вместе глубоко вздохнуть...

- Что ж, тогда я сам расскажу - что такое инсулин, - удивительно умиротворённо выдал новичок. - Инсулин - ровесник века. Он впервые получен в Канаде в 1922 году. После нашей Октябрьской революции, значит. От латинского «инсула» - по-русски - «остров». Этот препарат представляет из себя гормон поджелудочной железы, выделяемый её клетками-островками. Если ввести живому организму значительную дозу инсулина, сахар из крови утечёт, как водица в песок. Инсулинируемый почувствует сначала жуткий голод, беспокойство, страх, потом неимоверную слабость, обильный пот. Мысли начнут скакать, путаться, речь

станет нечленораздельной, неразборчивой, дальше - судороги, а, может, и потеря сознания. Да! За ложку сахара на всё пойдёшь, всё отдашь, а её - порцию с вожделенной сладостью - держат передо ртом, перед глазами и повторяют одно слово - «подпиши, подпиши, подпиши...», - зашипев, больной закашлялся и остановился не в силах продолжить.

- Навязался на нашу голову новый знаток медицинской энциклопедии, видимо, внимательно изучавший её натошак и перед сном, - хрипнул, так как давно не разговаривал, лежащий у окна.

- А вам не кажется, незнакомые коллеги по несчастью, что наши римские предки не зря называли восстающих против правящих тиранов инсургентами? – отдышавшись, спросил вновь прибывший.

- Он и вправду не в себе, - кратко резюмировали от того места, где могла бы быть дверь. Остальные двое не проронили звука. Плач у соседей достиг апогея безысходности.

- Так и будем молчать? - сделал ещё одну попытку новенький.

Наступившая в отделении резкая тишина стала ему ответом. Плачущего больного из палаты рядом увезли на укол или в морг. Насторожённо, как обычно, напряжённо ждали обхода - состояние натянутой струны...

- Мне не хотелось бы их разочаровывать, но я, кажется, действительно пришёл в себя после этой долгой гадости. Молчите, конечно, если здесь так принято, - прошептал новичок.

- Это никому никогда ещё не повредило, - донеслось от окна.

- Но должен вам объявить, люди, без ложной скромности, - продолжил вновь прибывший, минуя реплику, - что горжусь собою. Несмотря на все эти страхи-ужасы, мне выпало обнаружить в себе приличную силу воли. И вот ведь, кажется, это длилось целую вечность... всё помню, хотя, понятно, как грёзы наяву, но главное, удалось ничего не подписать и никого не выдать, а это, - говоривший радостно

всхлипнул и нездорово засмеялся, - это счастье! Я – нормальный человек!

- На круги своя вернулся, Господи, помоги ему! - возжелала вошедшая пожилая санитарка Тамара, - н-ну, кому утку?

- Подсадную, что ли? – буркнул до этого не возникавший голос из середины.

- Слово - серебро, а молчанье - золото, - твёрдо стоял на своём лежащий у окна.

- Не всё золото, что блестит, - со слезой в голосе печально уронил новичок, знаток инсулина.

Снова упала тишина, как бесшумный удар грома.

До обхода оставались считанные минуты...

Глава третья **Бдения в бреду**

От липкой тишины загудело в голове. Предметы и лица расплывались-размывались. Стало привычно плохо - сегодня даже что-то совсем немогуту. Шум в ушах, гром, грохот нарастали... Вы слышали, как стучат по железной крыше подкованные сапоги? – мутящий цокающий звук не даёт покоя - крутит-мотает на жёсткой койке, как ерша колючего на жаркой сковородке – прыг-скок! Тяжко ушам. Мистический колокольный звон всё растёт до опустошающего разум вязкого резкого выстрела - а-а-ахх!!! И всё! - друга нет - неживой лежит. Он успел повернуть дуло снайперской винтовки на себя и поразить замеревшее сердце наповал - на то истинный чемпион по пулевой стрельбе! Его уже ничто и никто не будет мучить, топтать коваными сапогами на допросах, лупить злыми тупыми чоботами в пах и по печени, выбивать ими его крепкие красивые молодые зубы. Очень болезненно, когда попадает подковкой по голове – и что там может ныть - это же кость? Или ещё по позвоночнику, по крестцу - хрясть! Уй, больненько!.. По тюремному телеграфу стало известно, что здорового атлета

Иманта (не будем про фамилии, памяти велено их прочно забыть!), которого даже январские невские льдины побаивались и расступались перед обнажённым торсом северного богатыря в трескучем почтении, когда он в самую стужу покорял вокруг застывшую полноводную питерскую реку - о! - эти сукины коты затоптали его на допросе в кабинете следователя по особо важным делам. Насмерть. Видите ли, он со связанными руками - да что врать-то?! - в наручниках! - сумел сбросить с себя шестерых истязателей и врезать буйной головой подонку-офицеру, куда следует, когда садист-извращенец попытался лишить его мужества. Пал геройской смертью храбрых под сапогами негодяев, но хоть одного на тот свет отрядил... Ах, как невыносимо болит мозг!.. Да, видать, это покушение оказалось исключительно нелепо, по-детски кем-то замысленным. Или? Тогда кто же провокатор, кто предал? Кто?

...И об этом оповестил тюремный телеграф—не верилось, но струсил один из главных руководителей, кто больше всех клялся в верности молодёжной организации с таким громко-идиотским, как теперь стало ясно, названием «Сталин жив!» *Do mortius aut bene, aut nihil* - про мёртвых плохо не говорят, это не о «Сталине мудром, родном и любимом», а о нашем записном слюнтяе со смешно подходящей фамилией - Зайчонок. На допросах он сразу вычислился, паскуда. От страха, говорят, дал дуба. Или? *Do mortius-veritas* — о мёртвых - правда. Зайчонок и псевдоним - или кликуху? - придумал себе лихо - Овод-2.

Помнится, как ржали: «Он слишком много трендит, беспрестанно льёт воду из пустого в порожнее и его следует переименовать из Овода-2 в «Освод в квадрате». Молодые остряки, где вы нынче? Кто вам - нет, не целует пальцы, а засаживает иглы под ногти? Б-р-р!.. Антон, лёжа на крыше «Пассажа» и готовясь привести в исполнение приговор Совета организации, ты направил своё оружие

- увы! - не в ту сторону. Поэтому Бог и прибрал тебя, спасая твою честь и твой разум. Ты со своей патологической тягой к правде не пережил бы, когда б уразумел, осознал Что и Кто всё это затеял и Зачем ты пошёл не верную погибель. Задним-то умом всякий крепок, даже в сумасшедшем доме!... А ты, искренне веривший в «правду вождя» Имант, внук латышского стрелка - «мстителя, чистителя-ассенизатора революции», не вспомнил споры о Нём в смертный час? Не выкормыши ли даугавского деда уничтожили твою, так счастливо начавшую складываться жизнь - в 23 года кандидат наук! Эх, ЛГУ - лгу? — не лги! Светлая башка с золотыми волосами поэта, приспичило тебе лезть в эту вонючую политику, где никто ничего никогда понять не в состоянии? Ах, у нас даже воздух социален? Кто прав, кто виноват? Где аргументы и факты? Что делать?.. Боже, как жарко... Как тяжело остаться одному...

Ночной Гость по привычке медленно встал, положив неразлучную трубку на стул, взял правой здоровой рукой полотенце со спинки кровати и старательно вытер мой мокрый лоб: «Разве можно так нервничать? Сейчас я всё объясню».

- Ах, оставьте! Нет нужды ни в каких объяснениях - столько переговорено?! Что ещё возможно сказать неизвестного? — язвительный смех зазвучал, пожалуй, чересчур громко и разбудил чуткого соседа у окна.

- Кончай орать! Сестру позову! - пригрозил проснувшийся.

- Пусть ОН уйдёт, - настаивал звенящий болью обруч головы.

- Да ушёл он, ушёл давно, псих ненормальный, - добродушно донеслось от двери. Заворочались остальные.

- Сколько время? - поинтересовались из середины.

- Да ночь ещё, мужики, дрыхните, черти! Дайте покой! - донеслось от окна.

- Покой всем только снится - здесь всегда ночь, - возвестил ОН и пропал в темноте, взрывом света ударив по глазам.

Запахло чем-то неприятным, горелым - может, это вышли из строя человеческие предохранители? Или солнце протухло в ночи? Дымящаяся трубка осталась лежать на стуле...

Когда всех убрали из палаты, оставив только одного, а место двери завесили плотным одеялом, стало ясно – снова грядёт инсулиновый допрос-пытка. И началось, **н а ч а л о с ь!**..

- Кто является инициатором покушения? – как в тумане монотонным скрипучим бабьим голосом мучил пыточных дел мастер в белом ледяном халате.

- Я-а, - стонало естество.

- Назовите фамилии членов вашей тайной организации, - звучало будто в убыстренном темпе магнитофонной плёнки хитрым голосом сказочного Буратино.

- Иванов, Сидоров, Петров... и, конечно, Ильф, но он умер. Алёша, то есть Олеша. Генрих или Томас Манн... дельштам. Рабле. Хе-хе - хемингуэй, - смех переходил в истерику, терзавшую жалкое рваное тело, а картинка жизни растворялась в белизне.

- Где взяли оружие... ру - жи - и - э? – гроыхал громадный рот зубастого громкоговорителя.

- Нашли... в капусте... пусти, пусти, гад! Гад! Ад! – сознание уходило из-под власти мозга. Больше ничегошеньки не помнится. Ой, больненько! И белый лист бумаги, чистый лист, как небо, как потолок, как стена...

- Не подпишу-у-у! - страшный вой тела и души. - О, Господи - Воля Твоя!!!..

-...Правительство объявляется низложенным. Партия, комсомол, профсоюзы, как дискредитировавшие себя, распущены - хотя и так распущены до предела, отметил мозг. - Все члены ЦК КПСС и министры должны быть временно задержаны до особого распоряжения – их будет судить народ. ЦК партии, а также обкомы, райкомы, парткомы на местах считаются аннулированными. Вся полнота власти передаётся народу – его представителям в Советах Народных депутатов. Высшей мерой наказания, народного воздействия на не

оправдавших доверие, обанкротившихся государственных и партийных функционеров считается отныне полное освобождение их от возможности заниматься политической, общественной деятельностью, впредь когда-либо быть избранными в органы управления и занимать руководящие должности. Они не будут лишаться жизни и даже свободы, но честным трудом по специальности обязаны, выполняя долг, искупить свою вину перед народом, который так обманули, - голос гремел всё звонче, сильнее, металлическое и, усиленный микрофонами, разносился по всей стране, по всей земле, по всему свету – везде!..

- Жизнь так ничему никого из вас не научила и навсегда оставила идеалистами, - вновь неизвестно откуда появившийся Ночной Гость пыхнул из трубки наркотиком пахучего дурмана, заложил нездоровую руку за отворот кителя – под Наполеона? – и хищно, по-пёсьи, ухмыльнулся. И вдруг, поднявшись со стула, начал неожиданно расти по мере увеличения силы звука динамиков; мелькнув огоньками глаз-янтарей, отпечатался своим гигантским портретом во всю белокрашеную стену напротив и застыл, непонятно чему улыбаясь в усы, с трубкой в крепких прокуренных зубах.

- Вы опять уходите от политических споров любыми способами, - захотелось громогласно крикнуть, но не достало сил переорать радиомикрофоны.

- Сам ещё недавно просил уйти, спорщик. Впрочем, с инсулином не шутят, но счёт всё же в твою пользу, - прохихикал незнакомый голосок.

- Это кто? - рявкнули остатки разума.

- А никто... Так - второе «я» - слышал о таком? – ответило что-то невидимое под громадой портрета на стене.

- Чёрт возьми, там и вправду что-то беленькое чернеется, - само собой сказалось вслух.

- И возьмёт чёрт, если людям спать будешь мешать и нести хреновину, - констатировали от двери.

- А радио-то почему выключили, ведь важное сообщение обещали передать? -

ещё спросилось само собой.

- Окстись, дитятя! Откуда радио? Ночь на дворе. Все спят. Может, медсестру позвать? Укол или таблетку? И заснёшь... - басовито донеслось от окна.

- Засну... навеки? - охнуло эхом.

- Ну, ты даёшь, сердечный! Закололи они тебя препаратами. Отдохни. Соберись с силами. Восстановиться надо, - продолжались добрые советы от места, где могла бы быть дверь.

- Восстановиться и восстать?! - проговорилось против воли.

- Ты это брось. Спи лучше, - велели от окна.

- ...Ленинград провозглашён столицей Российской Федерации, - обрадовалось под оркестровый аккомпанемент взорвавшееся ором радио, - слушайте первые декреты новой власти, истинной власти народа! - музыка безудержно ликовала.

- Фиг вам, работает динамик! Наши взяли водокачку. Ура! - шумело в голове.

...Портрет неприлично засмеялся, скорее, заржал и всё смолкло. Только опять завоняло палёным и невкусным - что-то вроде серы - снова людские предохранители не выдержали? - но тут сон накинута бархатными обволакивающими лапами, без видений, без жутких картин - спасительный отдых мозга и тела - Господи, спасибо Тебе...

... А портрет со стены хохотал всё громче и ехиднее, но кого он может разбудить, чёртов мертвяк, которого теперь каждый отброс общества при желании имеет возможность пхнуть куда, когда и как угодно?! Ну, погоди, устану спать, поговорим за жизнь...

- Как тебя зовут? - поинтересовался оживший настенный образ Ночного Гостя.

- Вы забыли? Всё так же - Миша Горбатов, - тихо пролепетали губы. И тогда ещё оглушительнее прозвучал голос опортреченного Ночного Гостя, которого уже давно не было на свете:

- Горбатова, как и горбатого, могила исправит...

И настал провал в сознании... до утра, когда измеряют температуру тела термометром, а силу усталого духа пришедшим днём...

Глава четвёртая Версии, факты и споры

Чтобы окончательно не тронуться умом, необходимо чётко расставить акценты над действительными фактами. Спокойно. Версия из сумасшедшего дома для здоровых и свободных 5 марта 1953 года ушёл из жизни «великий вождь всех времён и народов». Страна, потерявшая на похоронах уйму затоптанных, раздавленных, убитых, умерших от разрыва сердца в фанатичных толпах, пролила океаны слёз по «зашедшему солнцу». Впрочем, как впоследствии выяснилось, плакали далеко не все. Некоторые - сколько их? - посчитали себя счастливыми. Бериевский шухер-террор, антипартийные группы борьбы за власть со всякими «и примкнувшими к ним», хрущёвская победа и его выплеск на XX съезде КПСС позволили ненадолго глотком свежей струи приподняться светилу желанной Свободы. Разоблачение набившего оскомину «культа личности» руководителя страны, победившей фашизм, совсем не всеми воспринялось одинаково однозначно. И не только стариканами-ветеранами, вещавшими: «А ты с именем Сталина в войну на колючую проволоку ходил? Кричал: "За Родину, за Сталина?" На немецкие пулемёты без патронов, а то и без винтовки, с одним ножом пробовал?»... «Что же мне теперь всю свою автобиографию из жизни вычёркивать коту под хвост?» Но и зелёная поросль - молодёжь привыкла по воспитанию творить себе вождя-кумира и не желала примириться с утратой с молоком матери затверженного наизусть идола. Существует мнение что на берегах Невы в недрах всегда - всегда ли? - мятежного «гнезда Петрова» -города трёх революций

- в кипящих студенческих дебрях на хлебах протеста юных созрело антиправительственное, правильное, антихрущёвское - умные дураков не терпят - сообщество с претенциозным названием «Сталин жив!»

Члены тайного объединения приняли конспиративную структуру по примеру «Молодой гвардии» - тогда очень популярной по фадеевской книге и герасимовскому фильму, то есть, как и в военное время, группы делились по пятёркам и только члены ячейки знали друг друга в лицо. Руководство же организацией осуществлялось через глав пятёрок, служивших как бы нитями в общей паутине строжайшей военизированной дисциплины. Молва уверяет - тогда имела место предпринятая этим молодёжным братством защиты Сталина акция по устранению нового ненавистного главы партии-правительства, хотя против строя, а тем более против высокого авторитета КПСС, товарищество «мстителей из Ленинграда» ничего не могло иметь в силу юной политической неграмотности и, главное, полной профанации и неосведомлённости о понятии Правды-Истины в период сталинской эпохи. Однако, акция осталась «живой» лишь на бумаге. Оказывается, уже столько лет назад начало зарождаться общество болтунов за идею, и когда коснулось большого Дела, то, пожалуй, как и ныне, перетрухавшее руководство - заметим, само всё заварившее и утвердившее - тут же по телефону предупредило соответствующие компетентные органы, что всё равно не спасло их от гибели. Это, разумеется, узналось позднее.

Пятёрка исполнителей акции-приговора, избранная тайным голосованием в Совете, таким образом, была обречена на расправу, на заклание. В неё входили молодые, пусть наивные люди, но - не дураки. Поняв и предположив Чего можно ожидать в случае неудачи-провала, один - главный снайпер, который при подъезде кортежа к углу Невского и Садовой должен был открыть огонь - увидев бегущих к

нему военных, застрелился. Двоих, что составляли его охрану, уложили якобы при попытке к бегству. Ещё одного - дублёра снайпера - уже потом насмерть затоптали на допросе. А последнего из пятёрки - тогда ярого, фанатичного приверженца «великого вождя» - самого молодого мальчонку, не успевшего отпраздновать двадцатилетие - слишком поздно понявшего происходящее и неумело, нелепо убежавшего по крышам, когда надо было просто шагом незаметно покинуть пост прикрытия; после того, как он подвернул ногу, взяли как неумеху-котёнка и водворили в психушку, так как тот, на кого неудачно покушались, якобы соизволил заявить, что против него - народного любимца - «способен выступить лишь ненормальный».

Что гадать - было всё именно так, как здесь изложено, или нет - суть не в этом! - Могло быть!!! Как бы ни убеждал себя и некоторых, трезво мыслящих окружающих, нынешний новичок палаты №13 в том, что всё случилось в действительности, в «живой жизни», взаправду, на самом деле - думается, что многое наслоено его бесспорно нездоровым воображением и несусветной больной фантазией, но нет дыма без огня - то, что его круто мучили следователи, тому есть - или были? - свидетели, хотя таким веры негусто, что взять - с умалишённых психов. До того, как Михаила Горбатова увезли неизвестно - но предположительно - куда, и с тех пор его никто из тогдашних обитателей страшного богоугодного заведения никогда больше не видел, бывший «молодой мститель за праведное дело Ленина-Сталина» успел многое уразуметь в ночных разговорах-бдениях и в некотором роде прозреть относительно своего великого кумира. В палате №13 в те годы лежали разные больные и вовсе не все они - повторяю! - были кретинами. А началось прозрение со стихов, которые на память знал сосед у окна и неоднократно читал присутствующим, будучи в добром настроении. Кто он был - остаётся загадкой, но имя носил вполне

приличное и реальное – Гиви. Вот эти стихи. Судите сами. Читает Гиви - голос у него низкий, с хрипотцой, и, поскольку он родился в грузинском селении, несмотря на совершенное владение русской речью, мягкий акцент придаёт стихам своеобразное звучание:

Я Грузию мою люблю. Я соками её пою.

*Во мне течёт боржомская река и
плещет сладость кахури ручейка,*

А в глубине удачи живут росинки чачи.

*Как гор и моря стройное приволье, во
мне звучит грузинское застолье,*

*Где ни от рога роста зависит искра
тоста –*

*Чтоб сердце верно пело, да
здравствуй, Сакартвело!*

*В вине ли разве дело? А, может, в чьей
вине?*

*Кто виноват, что кровь кипит во мне,
когда дышу я Грузией... во сне...*

*Постылая мертвящая работа – ни
дать - ни взять и полуоборота*

*Пропеллеру полёта, а выбраться охота
– как хочется туда,*

*Где воздух сочнее мёда, звенящая
свобода,*

*Родимая природа, желанная погода,
привычная среда, манящая еда*

*Под всплеск лозы земной, под взор
грузинки страстной,*

*Молитвенно-прекрасной, что
шепчется со мной...*

Нет, всё мираж ночной...

*Не стала матерью Сибирь и не волнует
кровь имбирь -*

*Спиртовая араху не отгоняет страхи,
рисую контур плахи.*

*Здесь, в лагере таёжном лесоповальный
запах*

*И на кремлёвских лапах крадётся
безнадёжность.*

*Но грезит «враг народа – в семье не без
урода»:*

*Есть воздух хурмей мёда, там, где в
сердцах свобода,*

Родимая природа, манящая еда – Как

рвётся дух туда?!..

*Вдруг мысли коброй встали – ведь
Джугашвили – Сталин,*

Для мира он – грузин, корявый осетин.

*Для Грузии позор, и горе, и укор. Не
Коба – кобр-р-р...*

*Но зверь-тиран не вырвет к тебе
святой любви*

*И сердце не остынет – о, Грузия,
живи!*

*Я Грузию, как мать, люблю. Я соками
её пою.*

*Во мне течёт боржомская река и
плещет сладость кахури ручейка –*

*От этого пьянит слегка... Нет, я не
сплю...*

*О, пятьдесят восьмая – статья ты
роковая – доносов мерзких стая,*

*Что Берия глотая, хранит удавом
края, летая и сметая, калеча и карая,*

*Царя вождей спасая... О, Грузия
родная,*

*В крови твои восходы, в крови твои
закаты,*

*Тебя клянут народы, но чем ты
виновата?!*

*Кто он – «горийский сокол»,
вскормлённый твоим соком?*

*И по каким причинам теперь жрёт
мертвечину с партийными харчами?*

*И с наглыми очами он каркает речами,
Как будто «чёрный ворон» газует по*

этапам. От лжи язык разорван –

*Шипят гадючьи пасти, змеясь, творят
напасти.*

*«Рождённый ползать – летать не
может» -*

В чужую полночь кто мне поможет?

*Горийский змей – наш первый
коммунист? Пиши смелей,*

*Спеши скорей, во весь опор... Молчит
злодей и холодей –*

*Он сбросит вниз с советских гор – вот
приговор:*

Везде поспел вождя приказ – расстрел!

*Кто смел – тех съел. Предел. Нет,
беспредел...*

*Сибирь багрит в росе. Все виноваты.
Все!*

Кругом – «враги народа – в семье не без уroda» -

Весь-весь народ - враги! О, Боже, помоги! - Не может быть? – Всё может быть!

Эсеров, уклонистов – заклеимить, меньшевиков-шпионов липовых – казнить!

Троцкистов и зиновьевцев – карать! Бухарина – по харе н-на! Молчать!

Что? Вправо, влево нечего вилять! И в центре не фигура стоять –

Сажать! Стрелять! Кого из-за угла, кого травить! Врагов всех истребить!

Какая, к чёрту, личная судьба? - обычная классовая борьба...

А где родная партия? Где наш «иконный» Ленин?

Он «опортречен», переиздан, обесценен – святое имя – имя Ильича

Звенит паролем козней палача, стучит, как зубы стукача,

У кобра в животе урча... Тюрьма народов – СССР – об нас вождь ноги вытер

И от тирановских афер заплакал гордый Питер –

В гробу «Мироныч-друг» лежит - «кумир» усами шевелит - вновь карами грозит -

Всех гробит паразит. Смотрите-ка, как стоек кровавый параноик!?

Ай дардиа - что по-грузински значит - вот печаль!

Пропала партия - мертва жертва - как жаль...

А где ж вы, храбрецы-борцы, революционеры, творцы законной веры,

Вожди мои, секретари ЦеКа? – для мата здесь оставлена строка...

Соорудили новый мир, а вами царствует вампир.

Вот поднимается холуйская рука – Единогласно! За! За! За! За! За!

Затравлен новый узник зла – отпраздновали труса и козла.

Вождь ухмыляется в усы: «Вот псы!»...

На вас ведь тоже ринется гроза –

кумир ваш – гибель ваша,

Вы – общей крови чаша, в ней - маршалы, учёные, артисты,

Писатели – все лучшие умы – укрыты в чрево сталинской тюрьмы –

Рабочие, крестьяне – активисты, большевики-гвардейцы –

Все люди – просто ЛЮДИ от рождения! Нет, не надейтесь на

снисхождение –

Вы – совесть высшая – все бывшие. Вы – боль утраты – все виноваты

Из тех, кто был ничем. Зачем? И в чём – перед иудой - стукачом?

Борьба за власть – вождизма страсть...

Пусть знают люди – я не враг – оболган, оклеветан

И кинут в зековский овраг сексотовским наветом –

Был – в чём, не знаю? – обвинён покойный мой отец.

Его топтал, бил кистенём ночных допросов спец.

Спец был уверен, мой отец – народу лютый враг,

Что рыбу он ловил не так и что он – злонамерен:

Вождей советских отравлял – он в Кремль яд в рыбу поставлял,

Влиявший на мозги, видать – великий мог кретином стать?

С ума сойти, в конце концов? Спецу ли дело до чужих отцов,

А также до слепых юнцов и их несчастных матерей?! –

Работа - план у нас - быстрее!

Пятилетку - в четыре года! Обрадуем отца народа!

Вон к эшафоту лесенка – приговорённым песенка:

Энкавэдэ и Гэпэу – две девушки-красотки,

Хоть, говорят, они – БэУ, перед вождём так кротки.

Как их предвестница ЧеКа, твердят, что девочки пока! Ха-ха! Ха-ха!

Милиция туда же в виде антуража. Ха-ха! Ха-ха! Подальше от греха! А

вождь в угоду советскому народу

Скорее, концы в воду! – Ежова и Ягоду
отправил к чёрту в ад,

А дальше – всех подряд! А Берия и рад –
вон все в ЦеКа дрожат,

И весь народ зажат. Лес рубят -
щепочки летят!

Арестовали, значит, виноват!

Ха-ха! Ха-ха! Подальше от греха! И всё
на радость Берии и славной пионерии!

Наш смелый комсомол на митинги
пошёл! От мала до велика

Орут: «Врагам всем - смерть!», от
собственного крика боятся онеметь!

И вот тех, кто орал вчера, сегодня
взяли мусора! Ха-ха! Ха-ха!

Ха-ха! Ха-ха! Подальше от греха!

Кончилась лесенка. Допелась песенка.

Отец – не знаю, в чём – сознался –
знать, крепко допытались,

Что зрение и слух отнялись. И
распрощался с землёю мой отец. Конец?

Потом семью всю взяли и всех – без
малыша меня – изъяли.

За что про что – догадок нет. Один из
семерых оставляю след...

Я верю, что придёт свободы свет,
сметёт сатрапа с трона.

И пусть сегодня – это бред – мой мозг
кошмарами одет –

Но с колокольным звоном дадим
прижизненный обет –

Тирана – с пьедестала, чтоб правда
Правдой стала!

Он предал партию и обесчестил Ленина
– народу – самый лютейший враг –

Его делами всем скорбь навеяна и над
страною кровавый мрак.

Что оставил нам вождь в наследство
- одну приверженность к дурдому?

За наше счастливое тюремное детство
спасибо Сталину родному!

Я мальшом любил его – к чертям
любовь! Кесарю - кесарево! Кровь за
кровь!

Пусть лагерной парашки круговерть
смердит, что псу – собачья смерть!

Да сбудутся ночные миражи – к

свободе! в бой! в борьбу ножи!

На нарах плача не лежи, от боли
пыткок не дрожи! Борись - победа близко,

И я уверен в этом – мне Грузия
заветом! Проснись, о, утро риска,

Освободись от страха и возродись из
праха!

Да, я – грузин, но разве я - один? Нас
миллионов много –

Кавказцев, русских, латышей, всех
пригнанных сюда взащей,

Чтобы кормить конвойных вшей,
татар, евреев, чувашей

И разных прочих мурашей – от
стариков до малышей –

У всех одна дорога – в борьбу во имя
Бога!

Омытый Правдою в борьбе вернусь я,
Родина, к тебе...

Я Грузию мою люблю. Я соками её пою.
В бою.

Какая ложь, что вождь отлит из
стали –

С отливом крови идол медный!

Будь проклят кровопийца Сталин!

Долой убийцу! В бой победный!...

Наверное, не надо объяснять, как вос-
принялась вначале эта горькая ГУЛАГов-
ская поэма, выстрадавшая на жестоком ле-
соповале. Споры не утихали до утра.

Особенно ожесточённо выступал против
наш знаток инсулина, но с каждым новым
прочтением открывались ему неведомые
горизонты тогдашней жизни и не только
его юная душа набиралась опыта в палате
сумасшедшего дома и просветлялась. Как
нелегко было расставаться с иллюзиями и
искренней верой в долголетнего кумира?!
Но капли правды поневоле пробивались на-
ружу, семена росли значительно быстрее,
чем можно было предположить. Поэма вы-
училась наизусть и часто звучала в голове
даже против воли. Вот и сейчас...

Когда стихи стихли, Ночной Гость жад-
но плотнул из трубки и грустно бросил, ста-
раясь избегать акцента:

- Чрезвычайно жаль, что я не могу услы-

шать рифмы в подлиннике - на родном, на грузинском языке. Представляю, как стихи несчастного озлобленного юноши, так любившего отца, а потому и написанные кровью сердца, ярко заиграли бы на языке наших предков. Я ведь тоже ещё с семинарской молодости грешил поэтическими шалостями, а великий наш мастер Илико Чавчавадзе даже нашёл возможным опубликовать мои корявые вирши в популярной в те годы «Иверии». Замечу - в поэме абсолютно точно квалифицируется подлая деятельность «очкастого» - имеется ввиду Лаврентий Берия - посмотрите внимательно на даты и сравните их с правдой исторического времени. И ещё, хотя перевод несомненно замечательно исполнен, но теряется порой та мощная сила ненависти к правителю, которого автор считает тираном, не имея на это никакого права, так как он никогда не мог знать, что такое «попасть в колесо истории». Гортанные призывы народной речи грузин подчеркнули бы боль, презрение и несокрушимость веры, продиктованной любовью к Родине, к Сакартвело-Грузии. Понятно, что автор не профессионал, но стихи достойные, - завершил ОН по обыкновению совсем тихо.

Снова повисла звенящая тишина.

- Да, в поэме бушует стихия - море, океан, народные волны гнева, сопротивления, - вспыхнуло мнение большого мозга и вспомнился потерянный Гиви.

- Никогда не любил водных сравнений. Мне чужда морская, водная стихия - эта необузданная текучая тягучая масса в моём понимании не может быть отождествлённой с человеком, с людьми. Народ и люди - суть понятия различные. Народ - всё, что народилось, то есть от животного мира. Люди, видимо, всё же отдельные личности - человеки, и в их определении на первом плане должен стоять разум. А рацию и неодошувлённое скопление воды, как говорил великий поэт - «две вещи несовместные», - ОН встал и прошёл к окну. - И всё равно - народ, люди, нации - винтики жизни страны, места обитания. Рано или поздно все поймут, что движениями винтиков управ-

ляет только Страх, порождающий подчинение, повиновение, дисциплину. Народы имеют резьбу и ввинчиваются в бытие ведущими их силами - различными по названию, но в сущности - одинаковыми. На земле, на планете людей ещё не рождалось, не существовало полностью Счастливого народа. Все одновременно не в состоянии радоваться. Всегда найдутся недовольные - такие винтики-обыватели чувствуют покой, лишь когда отыщут виноватого в своих горестях, лишениях, муках, когда смогут свалить объективные да и субъективные несчастья на придуманного виновника - ведь такого «козла отпущения» можно ненавидеть, можно мстить, ругать, клясть, вытирать об него ноги и, главное, безнаказанно. Подавляющее большинство наций обязательно склоняются к распинанию или распятию, к убийству своих пророков, вождей, учителей, великих людей - кормчих. Чаще, правда, после их физического ухода из жизни. Достаточно вспомнить лежащие на поверхности истории примеры - кто и для чего распял Иисуса Христа? Кто и зачем отравил Сократа? Кто сжёг Джордано Бруно? Кто убрал Наполеона? Можно долго продолжать. А в нашей благословенной державе разве каждая вновь пришедшая власть не казнила предыдущую во главе с безгрешным до могилы правителем? Сколько переписывалось учебников познания? И поверьте моему опыту, эта историческая цепочка ещё далеко не завершена...

- Стало уже привычным Ваше умение уходить в сторону от обсуждения остроты проблемы, в частности, прослушанных стихов. Или слабый разум не воспринимает гениальности рассуждений? - встрял в паузу дух противоречия,

- Стихи естественны - они порождены временем и если однозначно не претендуют на звание большой поэзии, то идеи отстаивают по-своему верные, я уже это отметил. Но может ли автор объять всю карту мирового бытия - пусть на тот небольшой исторический период, о котором пишет, способен ли он - обыкновенный молодой человек - на несколько мгновений

из многомиллиардного винтика незаметного механизма страны стать отвёрткой движения, действия в руках мадам Истории?! Кто может точно проложить курс по новой, неизведанной дороге не теоретического, а практического построения никогда доселе не имевшего аналогов общества - неважно как мы его договоримся называть - социалистическим, демократическим, а, может, коммунистическим? - ОН победно взглянул, ожидая ответа, который пока никак не хотел лезть в голову.

- Опять Вы, разумеется, о создании могучего военного государства, престижной великой сверхдержавы, одолевшей фашистского зверя - о жертвах-потерях пока умолчим. А то, что из человека вынута всё, отличающее хомо сапиенс от животного, куда прикажете списать? То, что делает народы, людей-человеков, нации послушными винтиками-шурупчиками без явного упрёка, но с диким страхом - тоже далеко не тайным - это куда деть? - билось в больном сознании.

- Мы спорим в неравных условиях, - послал ОН очередной импульс со смехом.

- Вы намекаете на сумасшедший дом? - сопротивлялись остатки достоинства.

- Положим, и Чаадаева - помните? - самодержец всея Руси за вольные мысли определил в дурдом, по-нынешнему, по-вашему, в психушку, объявив ненормальным. Ну, а если нужны более значительные, близкие примеры, сошлюсь на себя, с лёгкой руки редкого записного дурачка, что прилично послужил лысиной для выбивания не одной моей трубки, вот уже какой десяток лет ваш покорный слуга считается параноиком, ходит в хрониках-идиотах, о чём так сладко поётся и в стихах, что мне только что изволили прочесть. Они договорились до того, что вместо меня руководили страной двойники мои. Так кто же, идиот? - парировал опытный полемист. - Сказав о неравенстве в споре, я имел в виду разницу в информированности прежде всего, а также знаменитый тезис «Кто силён, тот и прав» или, по дедушке Крылову, «У сильного

всегда бессильный виноват, тому в истории мы тьму примеров слышим». Кстати, теперь, наверное, широко исторически стала известна любовь товарища Сталина - я привык говорить о себе в третьем лице - к кино, фольклору и, о чём мало кто знал, к анекдотам. Хоть и не мастак, один расскажу, за который по моей личной просьбе, слава Богу, не сажали во времена оны, точнее ОГПУ. Пьяный разговаривает сам с собой в трамвае: «Вопрос: как живёшь? Ответ: да пока, вроде, плохо, но лишь бы завтра не было хуже». Его хватает страж порядка - легавый в просторечии. Но винтики у нас, когда их много - скопление - добрые, жалеют арестованных-попранных. «Отпусти, - просят, - он же выпивши и ещё, видимо, блаженный, чокнутый, не в себе - псих, в общем». Милиционер непреклонен: «Дурак, чокнутый? А правду-то говорит!» И волокёт несчастного в кутузку. Смешно?

- Продолжаете намекать на психов? В сумасшедшем доме об этом - всё равно, что в доме повешенного о верёвке. Не могу сказать, что смешно. Не слышал этого анекдота. Впрочем, новое - хорошо забытое старое. В долгу не останусь - предлагаю другой, тоже в принципе, не новый, но родившийся уже после смерти товарища Сталина. Черти в аду решили по достоинству оценить деятельность руководителей партии и правительства сталинского времени и по мере силы и значимости преступлений перед народом залили их всех, пребывающих в чистилище, жидким, извините, дерьмом - «агента международного империализма» Берия - по горло, Микояна аж по ноздри, Ежова, Ягоду - по макушку, благообразного Молотова - по известное всему миру пенсне, ну, и так далее, и лишь великий Сталин - во всей красе памятника, курит неразлучную трубку - этакий шаблон! - и только рант на незабвенных сапогах чуть испачкан. Ну, тут друг Ворошилов - по плечи залитый - и любимый ученик Маленков - по уши завязший - начали со страшной силой возмущаться. На что Ген-

сек, выпустив очередную порцию сладкого дыма, спокойно ответил: «Не нэрвничайте, товарищи бывшие члены Политбюро, я у Хрущёва на голове стою».

- М-да! Несерьёзный анекдот. Кроме, «бывших членов Политбюро», что несомненно тонко, остроумно и справедливо. Суть сего рисует героя шутки таким приспособленцем, а он - и это достоверный факт из первых рук - всегда и везде рассчитывал только на собственные силы и когда иногда всё-таки шёл на доверие, то каждый раз получал по усам - тем самым, по которым текло, а в рот не попадало, - криво ухмыльнулся Ночной Гость и протяжно вздохнул.

- Кажется, мы говорим целую вечность, а всё возвращаемся к одной теме: кто виноват? - последним усилием напряглась уставшая больная голова.

- Может, и верно. Вечность?! – ведь это стабильная единица времени, но, как известно, счастливые часов не наблюдают, а нас, - ОН произнёс «НАС» с ударением, как бы объединяясь со мной, - нас, конечно, можно только условно назвать счастливыми, с бо-ольшой натяжкой, - ОН снова негромко засмеялся и сразу почувствовалось, что от этого объединения с великим мира сего повеяло холодом надвигающейся неминуемой смерти...

Глава пятая Прозрение

- Здравствуйте, Горбатов! Нормально выглядите! Значит, дело идёт на поправку? - во время долгожданного обхода дружелюбно заметил профессор.

- А что это вы так резко поседели, доктор? - не ответив, удивился больной.

- Шутите? Столько лет прошло! - неосторожно кинул врач.

- Каких лет? Не может быть - кажется, всё происходило лишь вчера, - слабо проронил Горбатов, - зима на дворе? Какое

число, месяц, год?

- Опять шутите. Будто не знаете? - хитро, как с ребёнком, заулыбался эскулап.

- Так вот почему ОН так смеялся?! - вздохнул несчастный.

- Кто? - не понял собеседник.

- Да неважно. Но ведь странно - палата та же, вы - тот же, всё белое - ничего не изменилось, - медленно выпадали ужасающие слова.

- Не шутите так. А больные? Здесь и в соседних палатах? Совершенно другие, новые люди, - увещевал психиатр.

- А Тамара - сестра-санитарка, нянечка? – не унимался больной.

- Та Тамара уже давно на пенсии. Живали, не знаю. Это тёзка её - недавно у нас на отделении, - рассказывал профессор.

- Так что же выходит? Сколько лет прошло? – снова удивился Горбатов.

- Да вы что действительно ничего не помните? Где лежали, кто лечил? Вас что по-прежнему никто не навещает - друзья, товарищи? Вы что газеты не читаете? Радио не слушаете, телевизор, когда разрешено? Вы что, когда бреетесь, в зеркало себя не видите? - распалялся профессор, обернувшись к сопровождающим.

-Так-так. Ха-ха! Я же помнится, говорил, у меня никого нет. Я – детдомовский, инкубаторский. Никого не знаю - был один. Во всём виноват только сам. И вообще, я забыл... я забыл бы всё, но ОН приходит ко мне. Часто. Каждую ночь. И даже иногда не один, их много бывает. Все. ОН заставляет помнить, - отчеканивая каждое слово, выдохнул больной.

- Кто? - дёрнулся доктор, - не пугайте меня, Горбатов! Вы же знаете, я всегда верил в ваш организм, в вас, в ваше выздоровление...Кто и что вас тревожит? - занервничал профессор.

- Неважно. К чёрту! Я хочу к НЕМУ! Я хочу спать! - резко зарычал больной и отвернулся к стене.

- Профессор, пойдёмте, оставьте его, - грустно произнесла лечащий врач, - я постараюсь вам всё объяснить. Он ещё очень слаб пока. Надо подождать.

Главврач вместе с сопровождающей его в обходе свитой вышел из палаты.

- А вы не поторопились, доктор? - услышал затихший больной голос профессора и - увы! - не разобрал тихого ответа.

- Ну, ладно. Подожди. Я теперь всё скажу, - кому-то пригрозил сумасшедший и горько безутешно зарыдал.

- Зачем же так убиваться? - тусклым невыразительным голосом прошелестел портрет со стены.

- Вы опять здесь? - задохнулся лежащий у глухого решётчатого окна. - Я верил в вас, как в Бога, а вы лгали мне?! Господи! Ужас какой-то - это же Овод! А я - террорист, изменник Родины, борец за Ваше доброе имя? Вы ведь тоже были террористом, экспроприатором партии, а потом стали убийцей, кровавым палачом земли нашей? Слышали, что люди говорят о Вас теперь?

- Надо успокоиться. Всё это было необходимо. Я так чувствовал действительность - любой новатор-революционер, который старается изменить постылый народам строй, меня поймёт. Думал ли я в холоде ссылок и этапов или при встречах со Старшим Товарищем, думал ли я, когда писал теоретические труды, над которыми сначала потешались эти «истинные знатоки-писатели партии», думал ли я вообще когда-нибудь, что стану во главе такой могучей партии и воистину великого народа? Я всю жизнь стремился к порядку, к точности, к рациональности, к пониманию канонов партийной жизни как Закона Божия. И всегда был принципиален – пусть до жестокости даже с самыми близкими товарищами, родными, близкими по духу, - в ЕГО тембре зазвучали жар и волнение. - Старший Товарищ слишком рано оставил меня одного.

- К чёрту словоблудие! Вам не оправдаться никогда! Да и не надо. Я умираю. Силы мои на исходе и теперь Вы сможете морочить голову кому пожелаете, но не мне, - заскрежетали зубы и голова откинулась на подушку.

- Нет-нет, не уходи! Тогда я останусь

совсем один, а я и так всю жизнь был один, хотя никому никогда и не признавался, что больше всего на свете боялся одиночества. Тебе я могу рассказать о себе ВСЁ - ты верил в меня, ты дрался за моё дело до конца. Так, слушай - я был лишён провидением самого главного человеческого дара - ЛЮБИТЬ. Я ненавидел отца – не зная, мой ли это родитель, я - страшно сказать! - с детства презирал родную мать, за то, что она родила меня таким. Мне не было и 30 лет, когда я стал вдовцом, потеряв, возможно, лучшую для себя из женщин, мою неповторимую Кето. На что мне был сын без неё? Мальчик вызывал во мне лишь горе воспоминаний и гулкое раздражение. А потом? Что он натворил потом, страшно вспомнить! С рожденья я был ущербным, маленьким, болезненным. Ты не представляешь, как меня били сверстники, а я не мог дать сдачи и не только из-за «сухой руки» или больной ноги, а из-за немоги всего тела вообще. Я не должен был родиться. Мои родные братья умерли младенцами, а меня же Бог не взял, но оставил метки - не только данные по приходу на свет - родинку на ухе, к примеру, но и жуткие оспинные отметины на всю жизнь. Меченый! Бог шельму метит, помнишь? Подожди, не закрывай глаза! Слушай! Не перебивай! Я, может, сейчас решусь сказать то, чего не говорил никому, никогда, что скрывал даже от самого себя. Я ведь вообще старался говорить меньше, чтобы казаться умнее. А я - обыкновенный. Я - не гений. Ты слышишь? Я это знал всегда, что я - так - себе на уме, а Они все пели мне славу о мудрости моей. Знай! - я - просто человек, как многие, как большинство. Сначала я совсем не верил в себя, и не поверишь - смешно! - я боялся власти, страшился ответственности за людей, за их жизни.

Я жалкий трус. Был момент, особенно перед нашей главной революцией, когда я вообще хотел отойти в сторону. Я не до конца понимал Старшего Товарища, но, поставив на Него, наступил на горло собственным мыслям. Я понял истинную сущность людей только на войне - сначала на

гражданской - на фронте, во время мятежей, казней, расстрелов в Питере, Царицыне, на Балтике, в Москве. А потом Великая Отечественная. Я ощутил, что жизнь человека ничто - ничего не стоит. И что человек - это даже не винтик, не песчинка на теле Истории. По мнению злопыхателей, я предал свою нацию - да для меня национальность ничего не обозначает, и я не знаю и не хочу знать - кто я по национальности. Я стал более русским, чем самые что ни на есть славянофилы, урождённые новгородцы или волжане и европейцы-русичи. Сознаюсь, я не любил евреев, но никогда и никому не открывался в этом. Иначе меня бы убрали ещё раньше. Сколько на меня устраивали покушений?! Они пили мою кровь ведрами - болтуны-ораторы, словопренцы поганые, рассыпая бисер перед собственным быдлом. Это они создали предпосылки и условия революционной ситуации и пытались осуществить переворот для себя, только для узколичных целей и намерений. Черта оседлости ела их хуже ржавчины. Они задавили мой «план автономизации». Вынудили меня на крайние меры. Смотри и суди сам - Свердлов, Урицкий, Володарский, Камене-в-Розенфельд, Зиновьев-Радомысленский, Луначарский - это далеко не все! - я уже не говорю о Троцком-Бронштейне - подонке от власти, враге всех наций и народов номер один, включая и свою собственную. Половину остальных дураков «объевреили» их жёны-половины.

Опять каламбур? Нужны примеры - Ворошилов, Молотов, Куйбышев - кто ещё? Забыл. Сначала Старший Товарищ сдерживал их напор прорвавшихся к власти, далее - мы с Дзержинским - тоже сложнейшая личность, но они мало прожили - и уж потом я остался один против этой обрезаемой своры. Кто кого?

Тупой сапожник Лазик Каганович чего стоил?! А Мехлис - сука иезуитская?! Они вещали, что я благоволю им, люблю обездоленный еврейский народ. Они убили меня, отравили, уничтожили, - Ночной Гость зашёл в злом кашле.

- Господи! Бред какой-то! Кто это гово-

рит?! Этого не может быть?! Меня опять напичкали лекарствами и это больное во-ображение моё, - причитал, рыдая, слушающий, - Вы не могли так сказать! Вы не имели права никого не любить! А Ваша Надежда Аллилуева? А весь народ? Наконец, дети Ваши - Яков, Светлана, Василий?..

- О, ты не представляешь, не предполагаешь, кто меня окружал, - какие это были типы - кретинка-мучительница, пьянчуга безмозглый, развратник с гнетущим взглядом, жидовская подстилка, дошедшая до прямой клеветы на родного отца ради паршивых денег... Будь они все прокляты! - заорал ОН на весь мир моим голосом.

- Что, совсем плохо? - проснулся сосед, - позвать, что ли, кого?

- Не надо, - прохрипело в ответ через силу. - Вы новенький или давно тут?

- Новенький. Недавно. Месяц уж. Что ж так тяжело стонешь - сердце схватило?

- Нет. Просто страшно очень.

- Надо постараться уснуть.

- Это ещё ужасней...

- Не отвлекайся, слушай меня, - продолжил Ночной Гость, раздувая трубку, - я воспитал в себе железную волю. Я побеждал всегда - этим и славен. Всё остальное - тьфу! - мура собачья. Так... дым...

- Господи! Спаси, сохрани и помилуй! Я устал. Я умираю, - очень тихо прошептал сумасшедший ум. Окно в мир рухнуло, решётки упали и у постели появился Бог.

- Ты звал меня, сын Мой? - спросил Всевышний.

- Да, Господи. Прими душу мою грешную. Жизнь свою я прожил зря. Отца-матери не знал. Боролся за пустую, как оказалось порочную, идею. Столько лет провёл в психушке - врагу не пожелаешь. По сути, жил-то годика три с небольшим - с шестнадцати до двадцати неполных. Женщину даже не познал, не почувал. Ласки не извдал. Друзей для сердца, считай, вообще не имел - только соратники по борьбе, единомышленники. С 19 лет стал на путь защиты справедливости, как тогда думал. Пошёл сражаться за народную правду против власть имущих, правителей-угнетателей. О

чём не жалею ни капельки - правда! - честное слово! Они меня уже тогда убили. Я давно мертвец. А этот вот воображаемый портрет на стене и по сей час не даёт забыть, забыться, умереть спокойно. Скажи мне, Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, в Которого меня так и не научили верить, стоило ли драться за Него, за Его идеи, стоило за это положить жизнь? - едва шевелились немеющие губы.

- Нет, - чеканно и кратко явил Бог с иконостасным скорбным ликом и перекрестил умирающего, - каждому на роду написана судьба его. Ты, грешник, верил в правду собственного дела, тебя так воспитала действительность - ты не виноват, хотя сотворив себе кумира, ты нарушил одну из десяти Божьих Заповедей. Однако, душа твоя блаженная найдёт упокоение в Райских кущах. Идём! Дай руку! Мучения твои окончены.

- Оставь его мне, Господь! - глухо простонал Ночной Гость, - у меня больше никого не осталось из тех, кто бы так искренне верил когда-либо в правоту дела моей жизни. На земле – или противники-ненавистники злые, ренегаты, или идущие по стопам моих идей по многолетней дурной привычке. Если его не станет, исчезнет и дух мой... Прощу, Боже Всесильный...

- Ты сам - жалкий ренегат, подлый кровавый тиран-деспот и слепой подражатель диктаторам страшных ушедших лет. Ты диавол, посланный на землю за людские прегрешения. Тебе, с детства воспитанному для веры и послушания, нет и не будет прощения, оправдания или сострадания. Тебе гореть в жарком адском пламени вечно, не сгорая. Душа твоя богомерзкая никогда не найдёт покоя, - тихо, весомо и властно изрёк Иисус Христос Милосердный.

- Господи! Воля Твоя! Ты прав, Творец Мироздания. Но ты же видел ВСЁ - каким образом я попал под колёса власти. Ты знал, что я не умён - глуп я, Боже Праведный. Не то, что велик, наоборот, слаб я, как любой смертный, а, может, ещё слабее. Ты, Всемогущий и Всезнающий не можешь не

помнить, как я молился Тебе будучи и малым ребёнком и уже седым старцем - про то ведаешь только Ты. Разве я когда просил что-нибудь для себя лично? Тебе известно – я нищ, гол, у меня ничего и никого нет, да и никогда не было...

- А власть убивать, уничтожать себе подобных?! - громыхнул голос Бога.

- Господи, я никогда никого не убил сам. Всё вершилось именем народа и во имя народа, на его благо... - защищался обвиняемый.

- Никого не убил? – рубанул Творец эхом, - или адские силы отняли у тебя память? вспомни, злодей, женщин, познавших тебя, родных, друзей-товарищей по идейной борьбе, детей твоих кровных - ушедших из-за тебя, изверга, пусть после твоей смерти. вспомни, миллионы простых людей, любящих и веривших в тебя - земного божка-идола. вспомни, жену, Надежду?

- Значит, я убил Надежду? - неожиданно высоко выкрикнул ОН.

- Не только надежду, но веру и любовь... к жизни, - горько изрёк Бог.

- Нет, Господь Не-эт! Все годы своей власти я молился за народ. Для них - для людей я жил, как мог, как умел. Почему же Ты, Спаситель, не вразумил меня?

- Ты был послан на землю за грехи людские, - ответил Христос.

- Но почему, когда я видел их глаза, в них читались вера и любовь?! Они похоронили меня рядом со Старшим Товарищем в Мавзолее. Они создали мне тысячи памятников ещё при жизни, а сколько поставят после смерти ибо я для них - жив. Иначе, кого они будут чтить-любить, кому поклоняться, в кого верить, на кого надеяться?! Кроме Бога, конечно, - зарыдал Ночной Гость, - даже, если многие, как говорит этот умирающий, стали ненавидеть меня и моё дело, то пока они помнят и говорят обо мне, я живу в их сердцах-душах, в памятниках и картинах, в кинофильмах и спектаклях, в книгах, в искусстве и науке, и, главное, в их Вере в светлое будущее, которое начал по-настоящему для них строить я, -

прозвенело сквозь мучительные слёзы.

- Блажен, кто верует. Но знай - нет твоей бальзамированной мумии в столичной усыпальнице у Кремля, нет городов и улиц твоего имени, за шею сорваны с постаментов и уничтожены твои скульптуры, замазаны живописные картины и сожжены портреты и книги, соскоблены со стен фрески, даже из старых песен выкинуто упоминание о тебе и тлетворный дух твой дышит лишь ненавистью народной, за исключением, может быть, ничтожного и уже почти ушедшего меньшинства фанатичных приверженцев, - проинформировал Бог.

- Боженька, милый! Этого не могло случиться, нет. Пожалей ЕГО душу грешную! ОН ведь был - наше Солнце, ОН согревал нас своими лучами - ну, пусть лживыми! - но ведь мы не ведали тогда. И ОН прав - мы Верили, без Веры-то нельзя. Меня никто не сумел, не захотел научить верить в Тебя, в Бога, и я верил в НЕГО. Возьми мою сгоревшую и опустошённую душу вместо НЕГО. Пусть ОН останется навсегда, - едва слышно умолял вставший с постели и уже шагнувший к открывшемуся окну в мир умирающий.

- Ха-ха-ха! - громогласно зазвенел голос Ночного Гостя, обретая былую силу - горбатого могила исправит! - и огонь поглотил ЕГО, вновь распространив противный сероводородный запах дыма.

- Солнце твоё протухло насквозь и погасло теперь, надеюсь, насовсем, - успел услышать больной, упавший у кровати на пол.

- А дальше-то что? - заплакал умирающий.

- Дальше будет хуже. Но без тебя. Для тебя дальше - мир, тишина и покой, - уговаривал приятный божественный голос.

- А другие? А люди? - повисли вопросы.

- Хорошо тебе заморочили голову. Действительно ОН прав - горбатого могила исправит. Что ж, ладно, оставайся... пока... - был ответ.

... Вскоре страна по указу нового руководителя - тоже, кстати, меченого, - теперь

его обозвали на западный манер президентом - перешла, наконец, к долгожданной для новой власти и страшно ненавистной для большинства рыночной экономике. Ещё один президент, сообразив на троих, развалил СССР, вопреки воле народа. Социализм, как таковой, говорят, кончился, а что - за грехи наши?! - наступало новое, понять было невозможно...

Эпилог

Новая жизнь или верная смерть

... Нет, я не умер, не провалился в ничто. В те жуткие мгновения небытия, которые, казалось, длились десятилетия, моё тело летело куда-то вперёд ногами, к яркому свету, манящему в конце туннеля. Когда я неожиданно для себя вдруг остановился, резкая, как удар большого барабана, глухая боль сдавила грудную клетку и почудилось, что маленькая птичка с острыми коготками, забравшись в уставшее биться сердце, рвёт его безжалостно и упорно, стремясь уничтожить. И тут впервые за все бесцельно прожитые, долгие и такие короткие, годы захотелось жить. Но КАК?!

- Выжить! - приказал я своему мозгу, своему телу, своей сути так твёрдо, как ещё совсем недавно выдавал команду «молчать» несломленной воле. И я пошёл на поправку. Здоровье - непонятно как - этакими очистительными квантами входило в меня, бодря и вдохновляя. Забрезжили впереди надежда и цель - нет, не та, что «оправдывает средства», а именно Цель с большой буквы. Сначала она была не оформившейся вполне, но, обретая ясные очертания, осознанно позвала к жизни. Описывать собственные злоключения в назидание потомству, разумеется, нужно, но мне это кажется мелким, тем более по сравнению с моей главной книгой о государственном переустройстве России. Да и что возьмёшь

со штатного сумасшедшего?! - не бужит, молчит, тихо что-то пишет себе карандашом - ну и отлично, забот-хлопот доставляет меньше - ну и замечательно. А план зрел в голове, укрупнялся, обрастал жизненным мясом. Надо было до тонкости продумать самые мельчайшие детали-подробности, не повторить ошибок прошлого. Как маленький ребёнок, я входил в новую жизнь будто учился плавать, специально для этого брошенный в бездонную реку. Холод воды обжигал и отрезвлял полную пьянящей свободы голову. Шутка ли, столько лет проваливаться в сумасшедших домах, ради поставленной перед собой задачи не выдать друзей-товарищей, как впоследствии выяснилось абсолютно глупой жертвы погибшим к тому времени и ни в чём уже не нуждавшимся соратникам по идиотской детской игре, превратившейся в борьбу не на жизнь, а на смерть за протухший дух отравившего горькой идеологической заразой неокрепшие души юнцов всехваляемого «борца за социальную справедливость», «вождя всех времён и народов», «лучшего друга молодёжи, студентов, армии, флота, пожарников, пионеров, юннатов, физкультурников» - кого там ещё?! Прозрение было мучительным, тошнотворным, убийственным – запомните это слово! – убийственным. Без веры нет жизни, тем более, однажды сотворившему себе кумира. Но излечился ли я от слепой привычной любви и преданности товарищу И.В. Сталину, окончательно так и не удаётся понять до сих пор - слишком много противоречий в нынешней действительности - сравнения явно не в пользу сегодняшнего дня. А вот кумира у меня не стало, кроме Бога. Я пошёл к Богу. Господь принял меня и повёл по дороге бытия...

...Надеюсь дойти до поставленной Цели. О перипетиях новой начавшейся жизни, может быть, расскажу попозже, если доживу. Пожелайте мне удачи.

Ещё встретимся, Бог даст...

...В последний раз перед его уходом из жизни мы увиделись неожиданно случайно

в часовне Святой Блаженной матушки Ксении Петербургской. Он стоял, опершись на палку, о чём-то говорил с отцом Игорем, обрадовался мне. Зашли выпить кофе, поговорили как бы ни о чём. Прощаясь, он вдруг сказал:

- Возможно, вы удивитесь и даже перестанете меня уважать, но я пересмотрел своё отношение к товарищу Сталину и вернулся на круги своя - как в юности люблю и почитаю Его - как научила, как заставила меня сегодняшняя жизнь, которую я абсолютно не понимаю и не принимаю. А вы, как теперь относитесь к Иосифу Виссарионовичу?

Я задумался.

- Одним словом можете сказать? - напрягся он.

- Одним? - Я потомок русских столбовых дворян, которых только за происхождение бросили в тюрьму и считали врагами своего народа – скажу словом своего покойного отца, любившего Россию, воевавшего за Россию, победившего и служившего России - не могу не уважать Сталина. Не знаю почему, не смогу объяснить, но так оно есть - значит, так воспитан. Тут разум и душу не помирить. Поэтому, видимо, я и вас не всегда понимал, а теперь уж и вовсе – в растерянности. Столько сложностей, мнений, крайностей - голова кругом!

- И после этого вы, как обещали, не струсите опубликовать всё, что от меня узнали? А вдруг я действительно сумасшедший или провокатор какой?

- А чего бояться? Я выслушал вас, записал, как сумел, и с самого начала предупредил всех, что во многом сомневаюсь. Да, страшно, но ведь интересно и это могло быть - в жизни и не такое случается. Мне кажется, людям надо об этом узнать, хотя бы, как о версии - пусть в полемическом плане, они сами определятся во мнении. А вы, получается, хотите сказать, что выдумали свою судьбу или вам это приснилось в кошмарных больничных снах под инсулином?

- Нет! Всё было, как я вам рассказывал,

но поверьте, поймите! - я снова понял, что Сталин жив для меня, жаль, что я сам скоро умру, Его солнце сияет мне правдой. Я так перед Ним виноват - Он ведь верил в меня, а я предал Его. Сталин нужен сегодня, необходим, как никогда. Скоро все это поймут. Скоро придёт новый Сталин. И не смотрите на меня, как на сумасшедшего - не судите меня строго да и сами не судимы будете. Мои метания и терзания закончились - я убеждён Сталин всё делал правильно - даже ошибки. Время показало и доказало это. Простите меня! Прощайте! - и он заковылял от меня, резко и зло налегая на готовую сломаться палку.

- Опять вы бросаетесь в крайности. А

как же Бог? Бог же, по-вашему, осудил его, наказал? - крикнул я ему вслед.

- А это был не Бог! - прозвучало в ответ последним словом подсудимого.

- А кто?... - но он ничего не услышал, спешно переходя улицу, его уже не было.

- Ни хрена себе псих, - подумалось мне, и придя домой, я всё же начал, раз решил для себя, готовить эту повесть к публикации и к его сороковинам работа была завершена. Хотите - читайте! Завидовать нечему. Уже хуже не будет...

...Выглянуло солнце... но света по-прежнему было недостаточно... И всё-таки хотелось верить... Во что и в кого??? В правду и в жизнь???. Кто знает...

Ирина БОГОРОДИЦКАЯ

Свеча на ветру

С первого взгляда я невзлюбила эту чужестранку – серую, невзрачную трубу с претенциозным названием «Башня мира», выросшую посреди площади и совершенно не вписывающуюся в её архитектурный ансамбль. Подарок Петербургу от Франции.

Что за страдальца эта Сенная! Сначала взорвали великолепный храм. Построили на его фундаменте скучную типовую коробку здания метро. О, метро... Дорого досталось оно Сенной: тяжкими, мучительными оказались его роды. Землю долбили, бурили, сверлили, копали, утюжили... Днём и ночью площадь стонала, выла, визжала, земля содрогалась так, что звенела посуда на полках в домах, как при неутихающем землетрясении.

Откуда ни возьмись, тут и там вознеслись над площадью, вытянули шеи подъёмные краны. словно из-под земли выросли приземистые дымящие башни-печи, прикатили вагоны-временки... Черные дымы поплыли над Сенной. Удушающий смогокуталей. Ржавая копоть осела на стёкла окон. Монотонная канонада отбойных молотов, визг свёрл, грохот экскаваторов, рёв моторов – оглушающая какофония дня, она же – бодрящая колыбельная на ночь. Могучая симфония великих строек, растянувшаяся на десятилетия... Казалось, этому не будет конца. Однако, конец - рано или поздно - приходит всему.

Отгрохотали молоты, отгремели экскаваторы, отутюжили асфальт катки. Так же внезапно, как появились, исчезли длинношеие краны и коптящие печи, потихоньку рассосался рыжий смог. Снег из бурого вновь стал белым. Зажглись яркие фонари. Разноцветными огнями засветилась новогодняя ель возле метро. Приехал губернатор со свитой, грянул

оркестр, взмыли в небо разноцветные стаи воздушных шаров. Даже невесть откуда приведенная хилая лошадка с пучком соломы в телеге бодро процокала по центру площади... И, наконец, поверилось, что всё тяжёлое, страшное и мучительное для этой многострадальной площади – позади, что, в конце концов, Сенная выстрадала себе достойное, устойчиво благополучное существование в настоящем и будущем...

Слепил, искрился снег. Цвели улыбки на лицах. Качались гирлянды воздушных шаров. Праздничная, нарядная Сенная сверкала огнями, гудела, шумела... По бесшумным рельсам промчался первый трамвай. Вслед за ним ринулся поток машин. Людские волны, словно череда приливов и отливов, омывали новые станции метро – жизнь потихоньку налаживалась...

Но... недолго музыка играла.

Вскоре снова ночью раздался привычный грохот отбойных молотков. «Дурной сон», - подумалось мне поначалу... Увы! Утром моему взору открылась до оскомины знакомая картина: сборище подъёмных кранов, экскаваторов и самосвалов посреди площади. Опять: вскрытый асфальт, развороченные трамвайные пути, нагромождение рельсов... «Бедная, несчастная Сенная – ну, что за горькая судьбина тебе досталась!», - моё сердце сжалось от сострадания. С острой жалостью и недоумением взирала я на то, как энергично орудуют ковшами экскаваторы, роя посреди площади новую глубокую и обширную яму, как заливают её бетоном. Потом на бетонном фундаменте стали укреплять одно над другим полупрозрачные кольца...

И вот она вся вознеслась над Сенной, во всей своей красе – высокая труба светло-серого цвета со странным названием «Башня мира». Собственно, именно «красы»-то в ней мне и не удалось разглядеть. Труба как труба, напоминающая заводскую. По стилю она смотрелась чужеродным элементом в ансамбле окружающих зданий постройки девятнадцатого века. Вечером она чуть подсвечивалась изнутри, но свечение было настолько бледным, что её полностью затмевали яркие светильники фонарей по периметру и в центре площади.

«И зачем она здесь?», - единственная мысль, возникшая у меня при созерцании этого французского подарка. Слишком выпренными казались мне речи высокопоставленных особ при ее помпезном открытии: вновь – губернатора, депутатов и даже специально прибывшего на торжество французского посла. И снова: духовые оркестры, концерты, толпы людей, гирлянды воздушных шаров – новое пышное празднество! Трамваи осторожно огибали новорожденную башню с обеих сторон по специально изменённой ради неё траектории, а машины замедляли движение. Гостеприимно, радушно принял Петербург чужеземную гостью.

Потом потянулись будни. Проходя мимо, я перестала обращать внимание на башню. Да она и впрямь была не слишком заметна: серое пятно цвета асфальта на общем светло-дымчатом фоне окружающего пейзажа – днём, вечером же она и вовсе растворялась в море огней, светящихся реклам, ослепляющих фар несущихся мимо машин.

Так было до одного декабряского дня. К вечеру поднялась метель. Ветер рвал провода, сбивал с ног. Площадь растаяла в метели, как в густом тумане. За плотной вьюжной пеленой померкли фонари. Я пробиралась по тротуару, прижимаясь к стенам домов, чтобы ветер не сбил с ног. Проходя мимо башни, взглянула в её сторону... да так и замерла на месте!

Посреди площади в сумрачном

метельном мареве сияла каким-то фантастическим внутренним светом огромная колонна. Сверху из её глубины били в небо два мощных прожектора, совершенно невидимые с земли ранее в любую иную погоду, поскольку их затмевали яркие огни залитой светом площади. А сейчас растворившиеся в белой пелене метели фонари и все нижние огни померкли, превратившись в бледные расплывчатые пятна.

Зато лучи бьющих в небо прожекторов обозначились яркими широкими полосами света до самых облаков. В них бешено метался снег. Снежинки слеплялись на лету в крупные снежные хлопья. Их, словно в безумстве, из стороны в сторону неистово мотал, рвал, трепал, кружил и вновь рассыпал ветер, в ярости выдувая снег из поля световых потоков. Но метель швыряла в лучи света новые снежные хлопья, закручивая траекторию их полета спиралью... Всё это походило на огромное ослепительно-белое пламя, метущееся на ветру и достающее до облаков. Посреди обезлюдевшей площади горела гигантская фантастическая СВЕЧА с раздуваемым ветром белоснежным пламенем. Рвущиеся из стороны в сторону огромные языки белого пламени взмывали до самого неба...

Горела СВЕЧА...

Я смотрела, как заворожённая, на это чудо преображения неземной красоты – на фантастическое видение посреди заснеженной площади, забыв про ветер, метель, про всё на свете...

Посреди Сенной горела СВЕЧА...

И вдруг почудилось, что кто-то таинственный, всевидящий и всезнающий своей всемогущей рукой зажёт посреди морозного, завьюженного Петербурга огромную СВЕЧУ в память обо всём, что пережил этот город и одна из его самых многострадальных площадей – Сенная. В память о разрушенном Успенском храме на Сенной... В память об оставшихся без приюта душах тех, кто искал утешения, покаяния и надежды в этом храме... В память

о жертвах холерного бунта 1831 года... В память об униженной душе избитой кнутом крестьянки на этой площади... И о многих-многих загубленных душах - униженных, оскорблённых и забытых, но кого помнит Сенная...

Посреди Петербурга горела СВЕЧА... В память об овсех, кто внёс свою лепту, вложил свой камень в его строительство – о его великих зодчих и миллионах безвестных, безымянных, на чьих косточках вырос и стоит в веках этот величественный город... И, конечно же - в память о безумном мечтателе, претворившем свою мечту в реальность – основателе города, носящего его имя.

Горела СВЕЧА... В память о ленинградцах, ушедших на фронт и не вернувшихся, и о тех, кто не пережил блокаду в самую страшную из всех войн... В память обо всех жертвах трагической и героической истории этого города – от дворцовых интриг до неисчислимых жертв всяческих революций...

Горела СВЕЧА... В память о тех, кто своим гением, талантом, трудом – всей своей жизнью воспел, преумножил его славу и красоту, чьи души стали частицами Вечной Души этого мистического, прекрасного города...

Горела СВЕЧА в самой сердцевине Петербурга...

В снежной круговерти, в белёсой кутерьме кружились, метались крупные снежинки, гонимые ветром. Казалось, ветер каждую минуту меняет направление. Снежные хлопья то отчаянно бросались в поток света прожекторов, то стремительно вылетали из него, чтобы, описав дугу, вновь метнуться в белое пламя, словно мотыльки в огонь...

Чудилось, будто души тех, в чью память зажжена неведомой, могущественной рукой эта фантастическая гигантская свеча, слетелись в образе снежных мотыльков на её белый полыхающий огонь, взывая к нам, живущим: «Помните! Помните о нас!»... И сколько же, сколько их в этой сумасшедшей вьюжной карусели... как

снежинок – попробуй, сосчитай...

И в этой своей фантазмагорической ипостаси – в образе свечи-видения – французская башня на Сенной как бы начинала оправдывать своё название, приоткрывать его смысл: она и вправду преобразилась в гигантскую СВЕЧУ МИРА, зажжённую в память обо всех, кто достоин памяти...

Посреди Сенной горела СВЕЧА МИРА...

Я очнулась от холода, почувствовав, что вконец замёрзла. Оглянувшись, поняла, что осталась одна на улице – один на один с метелью и своим видением. И что вечер, наверно, уже перешёл в ночь... Площадь обезлюдела. Я побрела домой.

Много метелей и вьюг обрушилось на город в ту зиму. Да и в последующие – тоже. Стойко переносила северные холода заморская башня – эта, казалось бы, изнеженная южанка. И с каждой метелью свершалось чудо её преображения. И каждый раз я спешила на улицу, чтобы ещё и ещё раз увидеть эту КРАСОТУ.

Французская башня погибла внезапно и сразу. Нет, не от северных морозов. Эта южанка, эта гостья из тёплой страны не перенесла... избытка тепла – небывалой жары одного знойного петербургского лета 2010 года. Башня оплавилась, как свеча (опять – как свеча!), и угрожающе накренилась. Она прожила свою недолгую жизнь, выполнив тайную миссию, главное своё предназначение в образе фантазмагорической СВЕЧИ, и расплавилась так же, как тает обыкновенная восковая свеча, выгоревшая до конца...

Её не стало мгновенно: приехали краны и за одну ночь башню демонтировали. Но больше месяца после этой ночи десятки отбойных молотков долбили асфальт и бетон, выкорчёвывая её фундамент. Все же, крепкие корни успела пустить в петербургскую землю эта неброская, неприметная с виду, удивительная, загадочная француженка. Знать, и вправду, ехала в Петербург, чтобы остаться здесь навсегда...

Таша ВАСИЛЬЕВА

Голограммы

Друзья катались с огромной зимней горки на белых песках. Влад внизу в кого-то врезался и перевернулся. Как забрался на горку он не помнил, но, отряхивая снег с куртки, заметил, что из красной она почему-то превратилась в синюю. Странность эта показалась ему невозможной. Тут его отвлек друг Пашка. Он бежал к нему и что-то кричал жестами, призывая посмотреть направо. Влад обернулся... Но там не было сосен. Напротив здания бассейна стояло высотка в четырнадцать этажей, которой десять минут назад не было. Сзади ребята толкали его к спуску, и он бессознательно прыгнул на сани и понёсся вниз. Ветер хлестал по лицу, щёки щипало от морозного воздуха, но радость от полёта и скорости ёкала где-то под ложечкой. По сторонам мелькал пейзаж... но странным образом. Всё менялось на глазах. Дома быстро старились, приседали, рушились, поднимались другие. И машины... Простые москвичи и лады вытягивались, прогибались, принимая причудливые формы. Он никогда раньше не видел таких роскошных форм и линий, ярких расцветок иномарок. Впрочем, в свои тринадцать лет он привык к заполонившим их город импортным авто. Но это были удивительные машины: вытянутых форм подобно ракетам, с крыловидными боковыми стенками над задними колёсами. Некогда было обдумывать эти необычные глупости: может, показалось?

Внизу - всё смешалось в кучу малу и мычало, смеялось, плакало и визжало. Ребята вскакивали и вновь бежали по краю горы вверх. На горе он обнаружил, что вместо куртки на нём дорогой импортный костюм, вернее комбинезон тёмно-вишневого цвета, с необыкновенными молниями-замками и множеством карманов и клапанов. А его ледянка? Она превратилась в жёлтый пластмассовый снежок с округлым удобным сидением и

толстым рулём. Плотные полозья крепко стояли на снегу. Он снова летел вниз... с удивлением, но и с огромным интересом рассматривал медленно проплывающих людей и виды с непривычно быстро меняющимися чертами и красками. Казалось, вселенная, обезумев, раскрутила разноцветный стеклянный калейдоскоп мощной рукой и меняла картинки быстрее, чем задумывалось ранее.

... Он скользил вниз и уже намеренно смотрел только направо. И его почему-то совсем не удивляло то, что он видел. Всё воспринималось как должное. Он, раскрыв глаза, наблюдал... Недалеко девушка, в обтягивающем костюме, неслась на роликах, не передвигая ногами. За плечами у неё был турбо-ранец. Вот она поднялась над дорогой и пролетела над движущимся виманом легко и непринужденно, просто воспарив над ним, как лист клёна, возносимый ветром вверх от привычного места на ветке. Только в отличие от листа, она легко и точно опустилась на другой стороне автострады в четыре полосы и три уровня. Огромные часы над мэрией быстро крутили стрелками. Но чисел на них не было. Вместо них сияли два белых солнца – на двенадцать и шесть, и две луны – на три и девять. Он ощущал где-то в душе, что несутся не минуты, а годы и десятилетия, каждый раз, как он съезжал с горы... На часах выскочило неожиданно 2035... Мимо промчались полицейские, догоняя какого-то парня. Он невероятно высоко прыгал, отталкиваясь, казалось, простыми ботинками, но они пружинили и побрасывали его вверх метров на пять. Один из полицейских направил на него трансклюатор (откуда-то в голове выплыло это название) и закричал, предупреждая. Парень только засмеялся. Полицейский нажал... Но парень просто рассеялся, не

дожидаясь, когда луч превратит его в лёгкое облачко пепла, и неожиданно появился далеко от того места, за углом мэрии. Прыгнул в необыкновенное авто и взмыл вверх.

Влад обернулся. Пашка мчался к нему на странном авто. Руля и колёс у этой чертовины не было, как и у других. А вверху над ними парил вертомопиль. Ему очень захотелось очутиться там, внутри... Он на минуточку представил себе это, закрыв глаза... И, не успев опомниться, как очутился в летящем круглом маленьком автовере, то зависающем, то быстро и мягко и совершенно бесшумно движущемся над этим причудливо и мгновенно меняющимся миром. Автовер двигался быстро в сторону, сильно накренившись, и его чуть не подцепил носом летящий прямо на него ретромопиль похожий на старый пыхтящий паровоз. Влад мысленно напрягся и постарался направить свою машину вверх. Это сработало. Верт, как будто, слышал его мысли и повиновался. Он стал уверенно мысленно направлять авто, почти облегающий тело. Ретро, загудев ринулось вниз, обдав всех вокруг лёгким белым дымом. В этот момент Пашка не рассчитал траекторию, и его глаза округлились от ожидания, что непременно врежется в нос жёлто-лимонному мобиле. Это не заставило себя ждать. Тот вздрогнул, затрясся и резко ушёл вниз, замигав несколькими цветами фиолетовых оттенков одновременно. Воздушная подушка, выскочившая неожиданно, защитила Пашкин верт от поломок, и он с радостью взмыл вверх. Рядом сновали необыкновенных расцветок большие летающие виманы. Значительно выше их собраты - астровиманы возносились к сизым облакам, скрываясь за ними, и устремлялись вверх, желая вырваться из земного тяготения. Дух захватывало... Хотелось сорваться и нестись вместе с ними к неведомым просторам. Но было понятно, что малыш-автовер не может взлететь так высоко...

Было легко и весело мчаться, падать вниз и останавливаться возле самой земли с замиранием сердца. Владу страшно

захотелось увидеть площадь в центре города. И, уже как должное, он закрыл глаза и вообразил себе желаемое место. Когда через минуту он открыл их, то увидел, что завис над площадью. Рядом расположился сквер - поражающий разнообразием деревьев и расцветок. Вместо наземной дороги, рядом пересекаясь друг над другом, скользили три воздушные магистрали, обозначенные синими и белыми огнями. По ним бесшумно неслись крупные крылатые виманы, сновали круглые верты без пропеллеров. Полупрозрачные с открытыми террасами высотные дома в стороне, увитые зелёным плющом, были удивительны по форме: несимметрично расположенные, как гроздь винограда, квартиры легко и грациозно висели на мощных достаточно высоких опорах. Внизу раскинулся многоярусный цветущий розовый сад. На террасах домов пышно цвели диковинные растения. На одной из зелёных террас было что-то вроде кафе-сквера. Там звучала медленная журчащая музыка, на прозрачном экране зависшем в центре, сменяя друг друга, появлялись необыкновенные горные и водные пейзажи. Как он любил лето... Лето? Странно. Это его удивило. Ведь там (он обернулся на белые пески), была зима. А там и была зима. Сосны, края катка, лыжня и горка были усыпаны снегом, а над ними плотным, но прозрачным полушаром возвышался купол.

- Стадион! Зимний стадион, как здорово! - подумал Влад. Ему засигналили светом, он обернулся. Это Пашка... Они опустились на площадку у кафе. Часы на мэрии покачали стрелками-лучами, повернулись, сверкнув кругом, числа замигали, как ненормальные, и над ними загорелось 2065... Автоверы исчезли. Ребята мягко переместились на нижний уровень кафе. Усилие мысли и - тебя окутывает плотный, но прозрачный шар, мягко поднимаешься - просто летишь... Какое приятное чувство! Дух от непривычки захватило.

- Я умею летать. Моя мечта сбылась! - звенело в голове у Влада.

- Ну и не зазнавайся, здесь все умеют, - молча съёрничал друг.

На круглой сцене в чём-то «впрямь из тех материй» полупрозрачно-сиреневых и шуршащих пела девушка что-то джазовое, медленное и покачивающееся. Она то мягко кружилась над сценой, то ритмично двигалась. Посетителей было мало, но все они были странные, если не сказать больше – полупрозрачные и высокие. Влад увидел над головами этих странных свечения цвета сирени или золота и застыл от неожиданности. Пашка светился жёлтым...

Официант не подходил. Стало жарко. Ребята мысленно переоделись в футболки и шорты, на них высветились куча карманов с неоновыми строчками. Одежда приятно облегла и холодила кожу. Хотелось пить. На столе как бы вдруг появились высокие бокалы со светло-зелёным напитком и соломинками.

- Ты что-нибудь понимаешь? Здесь здорово! Подумал и на тебе: получите! – восхитился Павел. Влад молчал.

- Давай по пельменям? - предложил друг. Со сметаной... слюнки бегут. Но стол неожиданно замигал красным, загудел, привлекая внимание других посетителей. Мигающий стол монотонно выдал: «Мясо и табак вредны».

- Вот зануда. Все попытаются учить. Ладно, хорошо бы в «Варкрафт» порубиться.

- Фильтруйте мысли, не формируйте зло, - замигал стол.

На нём появился экран с «меню» - блюда в виде три-Д. Они выбрали на пробу мелкие зелёные листья и малиновые шарики-фрукты.

Подкатил маленький пучеглазый робот: «Не желаете поиграть?» И вручил им какие-то прозрачные кольца. Павел повертел, надел на палец и прикоснулся, рассматривая, к маленькому рисунку-барельефу. Тотчас в воздухе завис полупрозрачный подвижный экран. Высветившаяся голубоватая девица предложила ретрогонки, и Павел с головой окунулся в игру, мысленно направляя все действия своего летающего кара. Владу не хотелось заниматься этой ерундой... Ему подумалось: «Как бы хорошо Дюма почитать или в шахматы...» На столе перед ним появилась виртобук, полупрозрачная

доска и такие же удлиненные фигуры в белых одеждах древнего востока. Фигуры двигались, стоя на своей клетке, и даже приветственно махали ему. Он сходил е2 – е4 белыми – не прикасаясь, подумал – и невидимым лучом, исходящим из шестой чакры, а попросту из центра его лба, передвинул пешку, сам не понимая, как это произошло. Чёрные, без его ведома, сразу среагировали. Было件нятно, что противник точно знает три «кита» дебютной стратегии. Мало того, вскоре построил «клетку для слона» и, через несколько ходов, развернул нападение из разряда Македонского... Игра затянула его, тем более с неведомым, но умным противником было интересно играть. В конце игры он так увлёкся, что сам (казалось ли?) нёсся на маленьком слоне, расчищая дорогу от назойливых пешек, окруживших его во главе с Чёрной, похожей на стройную гордую испанку королевы. Пешки вцепились в его ноги и одна, совершенно обнаглев, закрыла ему глаза ладонками. «Слышь, ты, безмозглая? Отцепись, так нечестно». - «Да пожалуйста, хамишь, пришелец». ??? И, спрыгнув, прихватила его офицера вон с поля битвы. Его слон встал на дыбы перед слоном противника, и Влад кубарем упал к ногам надменной, но очаровательной испанки-королевы, которая пришила его шпагой, поставив ножку на грудь. Ничья его удовлетворила. Книжка-комп не увлекла. Он быстро просмотрел прозрачные страницы, читая урывками и рассматривая в три-Д видеоклипы о храбрецах-мушкетёрах, интригане кардинале... Взглянув на экран в центре кафе он полистал мысленно картинки водопадов и стал рассматривать посетителей. Вдруг совершенно неожиданно для себя увидел сквозь стену дома, как высокая и девушка с золотистыми волосами грациозно танцует перед зеркалом, легко летая-кружась по комнате. А затем, неожиданно оголившись, прошла в другую комнату и стала позировать художнику с зелёными кудрявыми волосами. Влад поспешно отвернулся и покраснел...

Захотелось на свежий воздух... Он пошёл к балкону кафе. Друг поспешил за

ним. Только они нырнули через дверь - сквозь что-то подобное мягкому экрану, как всё рядом потекло, рассыпаясь, и они очутились в вишнево-яблонево цветущем нижнем саду у подножья дома. Среди сакур встречались странные деревья фиолетовых, розовых оттенков с синими плодами и цветы неожиданных расцветок и размеров, в центре бил фонтан-перевёртыш. Владу захотелось спрятаться от жаркого солнца в тень, и сразу впереди перед ними возникла ажурная беседка. Вход её был отделан, казалось издали, маленькими пластмассовыми цветами бежевого цвета. Чем ближе друзья приближались к беседке, тем яснее видели преобразование цветов: сначала в сухие пожелтевшие, затем плотные оживающие бутоны и, наконец, бутоны стали с шелестом разворачиваться в сочные бежевые, жёлто-зелёные и малиновые крупные цветы. Зелень на глазах подрастала, увивая беседку. «Ты видел? Ты подумал о ней, а мне захотелось зелени и цветов, - вскрикнул Павел. - А как ты понял, что мне...» - Влад замолчал, прочитав ответные ликующие мысли Павла. Затем протянул руку к цветку и мысленно осыпал его росой, представил синицу на ветке над диванчиком. Он уже не сомневался: всё в ту же минуту возникало по его желанию. Желтогрудая синичка весело зацвиркала, запрыгала по зелёной ветке над столом, стряхивая мелкие росинки вниз. У жадноватого Пашки загорелись глаза: хочу косуху, ямаху, чемоданчик зелёных и хрустящих новеньких банкнот, вина и макарон. Но не успел он продумать желание до конца, как прозрачный экран, плавающий над столом, в беседке замигал красным: «Фильтруйте, пожалуйста, свои мысли. Развитие событий может быть не предсказуемым. Вы действительно хотите этого?»

- Да. Ведь неизвестно, что ждёт нас здесь. Может, сейчас на нас террористы или просто бандиты нападут. Мир-то неизвестный. Экран разрывался в предупреждениях.

«Паша, стой! Не надо! Ты делаешь что-то не то», - кричал мысленно Влад. Забыв, что можно просто закричать и дернуть друга за рукав. Но было поздно. Откуда

ни возьмись, выскочили три злющие небритые морды в банданах и в одеждах металлистов. Гремя цепями и хлопая дубинками по ладоням они стали требовать денег; размахивая ножами, сбили Павла с ног и начали безжалостно его пинать. Их поля горели серым и коричневым светом. Тонкие окованные носы грубых сапог впивались упавшему в бока. Лицо у Павла было разбито и окровавлено. Влад быстро закрыл глаза и представил прозрачную плотную защиту перед ними. Но полешар окружил только его. Пашка вцепился в руку одного из нападавших, тот вскинул её вместе с мальчишкой, а он в отчаянии стал беспорядочно и смачно молотить ногами по их рожам, животам и прочим частям тела: «Знай наших!» Владислав, не растерявшись, продвинулся к другу и буквально вдёрнул его в шар. Негодяи с хищными выражениями лиц открыли огонь и пытались разрезать плотную невидимую защиту. Влад не стал медлить и повернул к себе Павла и мысленно потребовал, чтобы тот успокоился. Затем они закрыли глаза и... оказались вновь за столиком в беседке, где звучала спокойная и светлая музыка.

- Спасибо, Влад... - прохрипел вслух дрожащий Пашка. Они чуть не убили меня. Как сложно здесь. А у нас-то тоже не легче. Господи, я понял! - почти закричал он. - Слышь, Владик, я где-то читал, - затараторил он, - что любая, даже самая шальная, невероятная мысль есть энергия, и что человеческая мысль может преобразить пространство, материализоваться - её сила без-гра-нич-на-а-а. Слышь, ты? Просто безгранична... но я не мог даже представить, что всё это правда... (Вот я лопух зелёный, репей придорожный, лох самонадеянный...)

Последние слова Влад прочёл по его мыслям... Но неожиданно к нему вернулись мысли о горке, и он мгновенно оказался над ней, мягко опустившись к её подножью. Часы засветились, запикали, замельтешили стрелками - на них выскочило число 2075 ???.. Но его возраст не менялся. Он был всё тем же юношей, только высоким.

Стоило Владу представить себя на вершине горы, как он сразу же оказался там, в очередной раз. Но увидел вместо

снежного ската длинные горки, подобные американским: крутые подъёмы и спуски, освещённые множеством огней. Ему захотелось ринуться вниз. Там, мчались не вагончики, а плотные разноцветные прозрачные прыгающие шары. Он уже привычно представил себе желанный шар и понёсся вниз. Люди в шарах крепко держались за поручни и при каждом прыжке веселились и вскрикивали от удовольствия и страха. Шары иногда вдруг лопались и пропадали навсегда, как мыльные пузыри, а с ними люди...

- Голограммы! Да, это голограммы. Конечно! - он обернулся... Справа, высоко над ним, за прозрачным пологом находились люди с пультами в руках, непрерывно щёлкая кнопками. Они, именно они же отражались в плотных, но прозрачных шарах. И не только... Боже! Его осенило! Весь «нижний мир» был не настоящим - «фантомным» - он ощутил и увидел это... А он? Как же так? Он же ощущает себя вполне реально, плотно. Вот его рука, ноги... Вдруг совершенно неожиданно увидел луч, в котором он находился. И, подняв голову, увидел себя «там», высоко вверху, над играющими - прозрачный, лёгкий, трепещущий бирюзовый силуэт. Он двигался с ним в такт, спокойно и невозмутимо, правда, совершенно в другом ракурсе. Мир вокруг затянуло оранжевым туманом, мягким и лёгким. Казалось, он наполняет всё вокруг и все дышат им. Когда он рассеялся, всё предстало в необыкновенно ярком свете, почти блистая золотом. Вдруг всё окружающее стало мягко перетекать по цветам радуги: Каждый Охотник Желает Знать и т. д. Было такое впечатление, что мир размножился семикратно, напоминая разноцветную матрёшку, вернее семь – от малой к большой... Приглядевшись, он увидел семь разноцветных, разномерных, разноплотных «я». Мир представился голограммным отражением высшей Вселенной...

Всё закружилось и понеслось вверх... Стало необыкновенно спокойно. Влада охватило желание плыть в этом покое вечность. Он увидел, что тело его вытянулось и стало чуть прозрачным и

лёгким. Небольшой толчок... и он взмыл вверх легко и плавно. Мало того это не показалось ему странным, а наоборот он чувствовал, что всё происходит естественно. Город с его необыкновенными формами и розово-фиолетовыми садами, стадионом остался далеко внизу. Раскинув руки и покачиваясь, он любовался горным пейзажем вдалеке, зелёной лагуной моря и золотыми облаками.

Кто-то резко закричал. Он увидел, что маленькая девочка подошла близко к аттракциону. Вот-вот он там внизу сойдёт её. Влад изо всех сил закрыл глаза, мысленно напрягся и затормозил. Его подбросило и швырнуло в сторону. Он почувствовал резкую боль и... лёгкость во всем теле. Просто и легко взлетев, Владик соединился с верхним собой, в том – верхнем, счастливым бирюзово-сиреновом мире, где никто не думает о плохом. Очень высоко его новое полупрозрачное тело легко парило. Ему было спокойно и нетревожно. И оттуда - ему стало так жалко всех оставшихся внизу: плачущих, сожалеющих, мечущихся над его бездыханным телом, не знающих, что они только энергетические голограммы себя самих же, только настоящих, которых им ещё предстояло познать...

- Влад, не притворяйся, ты опоздаешь. Вставай, уже восемь.

Он слышал голос мамы, будильник и никак не мог открыть глаза, и не совсем понимал, где он. Да и не хотелось выходить из сна, хотелось запомнить его детали. Но одеяло было сдёрнуто, и прохладный воздух сделал своё дело. Он вскочил, поцеловал мать и побежал умываться. После, он подошёл к окну и, вдохнув прохладный чистый утренний воздух и улыбнувшись солнцу, подумал о том, что его ждёт там, в будущем...

Примечания:

1. «Физик лондонского университета David Bohm посчитал, что из открытия Aspect следует, что объективной реальности не существует, что, несмотря на ее очевидную плотность, вселенная в своей основе - фантазм, гигантская, роскошно детализированная голограмма. Голограмма представляет собой трехмерную фотографию,

сделанную с помощью лазера. Если голограмму с изображением розы разрезать пополам и осветить лазером, каждая половина будет содержать целое изображение той же самой розы (точно такого же размера) только бледнее основной». (Майкл Талбот о голограмме).

2. «И если всем Господь руководит, то жизнь материальная есть мгновенный снимок Вечности, видимый в “зеркале”, как кусочек вечной жизни, как зеркальное отражение Духовного Мира в Материальном Мире». (Маслов Л. «Откровения»).

Майкл Талбот о голограмме

«Физик лондонского университета David Bohm посчитал, что из открытия Aspect следует, что объективной реальности не существует, что, несмотря на ее очевидную плотность, вселенная в своей основе - фантазм, гигантская, роскошно детализированная голограмма. Голограмма представляет собой трехмерную фотографию, сделанную с помощью лазера. Чтобы изготовить голограмму, прежде всего фотографируемый предмет должен быть освещен светом лазера. Тогда второй лазерный луч, складываясь с отраженным светом от предмета, дает интерференционную картину, которая может быть зафиксирована на пленке. Готовый снимок выглядит как бессмысленное чередование светлых и темных линий. Но стоит осветить снимок другим лазерным лучом, как тотчас появляется трехмерное изображение исходного предмета. Трехмерность - не единственное замечательное свойство, присущее голограмме. Если голограмму с изображением розы разрезать пополам и осветить лазером, каждая половина будет содержать целое изображение той же самой розы (точно такого же размера. Если же продолжать разрезать голограмму на более мелкие кусочки, на каждом из них мы вновь обнаружим изображение всего объекта в целом.

Принцип голограммы «все в каждой части» позволяет нам принципиально по-новому подойти к вопросу организованности и упорядоченности. На протяжении почти всей своей истории западная наука развивалась с идеей о том, что лучший способ понять физический феномен, будь то лягушка или атом, - это рассеять его и изучить составные части. Голограмма показала нам, что некоторые вещи во вселенной не поддаются исследованию таким образом. Если мы будем рассеивать что-либо, устроенное голографически, мы не получим частей, из которых оно состоит, а получим то же самое, но

поменьше точностью.

Такой подход вдохновил Bohm на иную интерпретацию работ Aspect. Bohm был уверен, что элементарные частицы взаимодействуют на любом расстоянии не потому, что они обмениваются некими таинственными сигналами между собой, а потому, что их разделенность иллюзорна. Он пояснял, что на каком-то более глубоком уровне реальности такие частицы являются не отдельными объектами, а фактически расширениями чего-то более фундаментального.

Чтобы это лучше уяснить, Bohm предлагал следующую иллюстрацию.

Представьте себе аквариум с рыбой. Вообразите также, что вы не можете видеть аквариум непосредственно, а можете наблюдать только два телеэкрана, которые передают изображения от камер, расположенных одна спереди, другая сбоку аквариума. Глядя на экраны, вы можете заключить, что рыбы на каждом из экранов - отдельные объекты. Поскольку камеры передают изображения под разными углами, рыбы выглядят по-разному. Но, продолжая наблюдение, через некоторое время вы обнаружите, что между двумя рыбами на разных экранах существует взаимосвязь. Когда одна рыба поворачивает, другая также меняет направление движения, немного по-другому, но всегда соответственно первой; когда одну рыбу вы видите анфас, другую непременно в профиль. Если вы не владеете полной картиной ситуации, вы скорее заключите, что рыбы должны как-то моментально общаться друг с другом, чем что это случайное совпадение.

Bohm утверждал, что именно это и происходит с элементарными частицами в эксперименте Aspect. Согласно Bohm, явное сверхсветовое взаимодействие между частицами говорит нам, что существует более глубокий уровень реальности, скрытый от нас, более высокой размерности, чем наша, как в аналогии с аквариумом. И, он добавляет, мы видим частицы раздельными потому, что мы видим лишь часть действительности. Частицы - не отдельные «части», но грани более глубокого единства, которое в конечном итоге так же голографично и невидимо, как упоминавшаяся выше роза. И поскольку все в физической реальности состоит из этих «фантомов», наблюдаемая нами вселенная сама по себе есть проекция, голограмма».

Алексей ВОРОНОВ

Дублерша

Павел Стрельников - столичный актёр, ещё сравнительно молодой, но уже прочно обосновавшийся на вершинах театрального и кинематографического Олимпа - возвратился домой после съёмок очередного выпуска ток-шоу «Звёзды как люди» далеко за полночь, с головой, гудевшей как чугунный котёл. Единственным его заветным желанием было поскорее плюхнуться в кровать и хорошенько выспаться перед завтрашней премьерой.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. Едва только Стрельников сомкнул веки, как на его тумбочке раздалась призывная трель телефонного звонка.

«Какому барану приспичило трезвонить в такую пору?!» - вздохнул Павел, нехотя снимая трубку. Он хотел сразу послать непрошеного звоняря на все буквы русского алфавита – но не успел вымолвить и полслова, как из трубки на него обрушился целый шквал восклицательных междометий.

- Пашка, старичок, это ты?.. Ёлы-палы, молодец, что дома!.. Я, понимаешь, сегодня с самого утра до тебя дозваниваюсь - и всё никак! Набираю мобильный - не отвечает, пробиваю домашний - молчит. В театре тебя нет, у друзей тоже - в общем, полный атас!.. Я думал - всё, приплыли, суши вёсла! Решил набрать в последний раз, для очистки совести, и вдруг - опаньки! - ты тут как тут... Такая везуха, блин-пингвин, просто ва-а-аще!..

- Простите, а кто вы такой? - осведомился Стрельников, с трудом вклинившись в монолог чересчур словоохотливого собеседника.

- Старичелло, ты чего, с дуба рухнул? - удивлённо отозвался голос на другом конце провода, - Или ещё толком не проснулся?.. Это же я, Генка Долбоклюев!

Только теперь Павел сообразил, что ему позвонил питерский кинорежиссёр Долбоклюев, у которого он минувшим летом снимался в телевизионном сериале «Роковое свидание». Это была экранизация одноимённого романа, автором которого был некогда известный, а ныне благополучно забытый русский беллетрист Мордвинов-Горский. В этой картине Стрельников играл графа Миловидова - светского щёголя и сердцееда, в которого имела неосторожность влюбиться главная героиня фильма, юная княжна Амалия Загряжская.

«Интересно, с чего я вдруг ему понадобился, да ещё в такое время? Съёмки у меня давно закончились, а до озвучания ещё далеко...» - лихорадочно соображал Стрельников, прислушиваясь к долбоклюевским трелям, доносившимся из трубки подобно Ниагарскому водопаду.

Впрочем, он недолго оставался в неведении. Излив весь свой телячий восторг, Долбоклюев незамедлительно перешёл к делу:

- Старичок, ты нам нужен, и притом - срочно! Оператор наш Федька Косолапов, пень строеросовый, запарол половину материала, отснятого на натуре. По его милости горим теперь без дыма синим пламенем! Единственный выход – переснять эти сцены как можно быстрее. Теперь ясно?

- Яснее не бывает, - обречённо вздохнул Стрельников. - И много моих сцен надо переснять?

- Твои-то как раз почти все целёхоньки, этот олух Косолапов испортил только одну. Но переснимать её нужно завтра, точнее - уже сегодня...

- Как это - сегодня?!.. - что есть мочи рывкнул в трубку разъярённый артист. - Вы

что там все, с ума посходили?!.. У меня же вечером премьера!

- Старичок, ну будь другом, войди в положение! - заскулил Долбоклюев точно бродячий пёс, которого пинками отгоняли от мясной лавки. - У нас теперь каждая минута на вес золота. Снимали-то мы летом, а сейчас уже конец сентября, листопад вот-вот начнётся! И что тогда прикажешь делать - с голой задницей в Африку скакать верхом на метле?!..

Стрельников, конечно же, ни в какую Африку в ближайшее время не собирался. Почувствовав, что затюканный артист вот-вот готов капитулировать, неистовый режиссёр усилил свой напор:

- А насчёт премьеры ты не переживай, успеешь как миленький. Утром, часика в четыре, за тобой машина придёт, чтобы отвезти прямо к самолёту. Снимать будем в Гатчине, это от аэропорта всего полчаса езды. Загримирuem и оденем тебя прямо в машине, как только приедешь на площадку – сразу же начнём снимать. За час отстреляемся – и сразу же назад, в Москву! Так что за премьеру свою можешь не волноваться. Подкатим красное солнышко к самому новому году!..

Павел очень сильно сомневался в правильности этих подсчётов - но спорить было бесполезно. Распрощавшись с незваным киномучителем, он попытался хоть ненадолго уснуть - однако все его старания оказались напрасной тратой времени. Слегка вздремнуть удалось лишь во время полёта.

С первыми лучами солнца самолёт коснулся посадочной полосы. Вскоре Павла уже везли к месту съёмки. Всю дорогу, пока его гримировали, завивали, напудривали и пытались отчаянно впихнуть в узкие, явно не по размеру панталоны, он клевал носом, не проявляя никакого интереса к суеде вокруг его сиятельной персоны. Лишь когда машина въехала в Гатчину, он любопытствовал у патлатого ассистента с серьгой в левом ухе:

- А какую сцену мы сейчас будем снимать? Там у меня текст большой? Или

так... не очень?

- Одну минуточку, сейчас посмотрим! - заблеял в ответ патлатый серьгоносец, лихорадочно перелистывая замусоленный экземпляр режиссёрского сценария, - Так... это мы уже снимали... это мы будем доснимать уже в павильоне... это непонятно откуда взялось... это вообще неизвестно что здесь делает... ага, нашёл! Вот она, ваша сцена, читайте на здоровье!

Как только Стрельников открыл истёртый до дыр драгоценный фолиант, он сразу же понял, что речь идёт о сцене, в которой княжна Амалия во время званого вечера тайно отдаёт его герою письмо с признанием в любви. Сцена была несложная, всего один кадр – но во время летних съёмок на неё угробили целую смену. Дело в том, что игравшая Амалию артистка Быстрокрылова накануне поехала на какой-то заказной корпоративный концерт, откуда её привезли только на рассвете. В результате, на съёмочной площадке она постоянно сбивалась и путала текст, шаталась из стороны в сторону как привидение, а на десятом дубле, не рассчитав траектории своего движения, врезалась головой в дерево. После этого гримёрам пришлось немало повозиться, чтобы надёжно скрыть выросшую у неё на макушке сиреневую шишку.

Между тем, машина уже въехала на парадный плац перед Гатчинским дворцом, напоминавшим средневековую крепость, осаждённую неприятельским войском. Словно табун готовых к атаке Троянских коней, повсюду стояли угрюмо-серые машины, в которых хранились съёмочная техника, реквизит, костюмы и всё остальное, без чего обычно не обходятся съёмки ни одной мало-мальски приличной картины. Между ними, то и дело спотыкаясь о тянувшиеся по земле провода, сновали участники съёмочной группы. Вид у них был такой воинственно-сосредоточенный, словно они и вправду готовились к решительному штурму каменной цитадели.

Сцену встречи графа Миловидова с

княжной Амалией готовились снимать неподалёку от дворца - на парковой аллее у Карпина пруда. Там уже стоял дым коромыслом. Пока режиссёр с оператором определяли границы кадра, ассистенты торопливо сгребали в охапку и уносили прочь жёлтые листья, то и дело предательски пикировавшие на дорожки и газоны. Участники массовки, разодетые в светлые костюмы и нарядные кружевные платья, покорно бродили по аллее, стуча зубами от холода. Некоторые из них, пока съёмки не начались, накидывали поверх бальных нарядов тёплые свитера и пуховые куртки. Другие, более смекалистые, втихомолку согревались прихваченными с собой напитками, крепостью от сорока градусов и выше.

- Что-то Быстрокрыловой не видно. Она уже здесь? - любопытствовал Стрельников у режиссёра, проглядывая свой текст.

- Её нет и не будет, - отозвался Долбоклюев. - Нашу красавицу телевизионщики ангажировали. Она сейчас ведёт реалити-шоу на каком-то необитаемом острове то ли у эскимосов, то ли, наоборот, у папуасов. Только зимой назад вернётся - если, конечно, её там не съедят.

- Час от часу не легче... - вздохнул Павел. - И кто же вместо неё теперь будет мне в любви объясняться?

- Не дрейфь, старичок, у Генки Долбоклюева всё под контролем. Снимать будем с дублёршей, в кадр попадут только её затылок и твоё лицо. Или ты забыл, как это делается?..

Конечно же, Стрельников прекрасно знал этот старый кинематографический трюк, много лет безотказно служивший для режиссёров палочкой-выручалочкой. Как только кто-нибудь из актёров, занятых в картине, по разным обстоятельствам не мог прибыть на съёмку - из массовки срочно находили статиста, подходившего по размеру и росту, одевали в костюм персонажа и снимали так, чтобы его лицо не попадало в кадр. Находились такие

режиссёры-удальцы, которые ухитрялись (не специально, конечно, а ввиду формальных обстоятельств) снимать целые сцены, в которых вообще не было ни одного из заявленных в титрах артистов - одни дублёры.

- И кто же она такая? Студентка театрального института или уже выпускница? - осведомился Павел.

- Ни то, ни другое. В прошлом году закончила какой-то институт, - то ли приборостроительный, то ли заборостроительный, - но по специальности не устроилась, ишачит в клубной самодеятельности. А там - сам знаешь, какие копейки платят молодым дарованиям, если вообще чего-нибудь отстёгивают. Вот она в свободное время и околачивается на киностудии, поправляет свой бюджет за счёт массовых сцен. Мои ассистенты давно уже её приметили. Девчонка симпатичная, за княгинюшку вполне сойдёт. Да ты и сам сейчас увидишь...

«Всё ясно! - тоскливо подумал Стрельников. - Небось, схватили первую попавшуюся лахудру, вообразившую себя будущей Софии Лорен. А, впрочем, выбирать всё равно не приходится. Главное, чтобы эта фифа во время съёмок текст не забыла, а то придётся с ней возиться до плюс бесконечности».

Полный самых нехороших предчувствий, он покорно проследовал к пруду, на съёмочную площадку. На аллее уже стояла та, которая вскоре на несколько мгновений станет его кинематографической возлюбленной. Про себя Павел отметил, что смотрится она совсем неплохо. У неведомой ему дублёрши была гордая аристократическая осанка и стройная талия, явно без помощи корсета. Стрельников вдруг вспомнил, как костюмеры в группе отчаянно засупонивали перед съёмками Быстрокрылову, стремясь придать ей хотя бы подобие талии - и с трудом удержался, чтобы не расхохотаться в самый неподходящий момент.

Впрочем, оценить в полной мере прелести дублёрши он не успел. Повинуясь

указаниям режиссёра, девушка отошла на дальний конец аллеи и замерла в ожидании дальнейшей команды.

- Всем приготовиться к съёмке! - захрипел в мегафон Долбоклюев давно и безнадежно сорванным голосом, - Массовке немедленно снять свитера и куртки!.. Проверьте свет!.. Всё в порядке? Тогда начинаем... Внимание!.. Камера!.. Мотор!..

Ассистентка щёлкнула перед камерой грифельной доской, на которой были написаны рабочее название фильма, кодовое наименование кадра, соответствовавшее режиссёрскому сценарию, и порядковый номер дубля. Дождавшись команды режиссёра, Стрельников и его партнёрша медленно направились по аллее навстречу друг другу. Вскоре они оказались рядом. Первой, как и было положено по тексту, заговорила девушка

- Граф Миловидов?.. - спросила она, явно пытаясь скрыть сильное волнение.

- Чем могу служить? - с лёгкой иронией отозвался Стрельников и замер в ожидании ответа.

Но девушка молчала... Не отрывая глаз, она смотрела на Павла, как будто хотела сообщить ему что-то очень важное – и не могла собраться с силами.

«Так и есть! - подумал Стрельников, чувствуя, что его худшие опасения начинают подтверждаться, – Не иначе, от волнения все слова забыла, дура строеросовая!.. Ох, боюсь, это ещё цветочки, а скоро и ягодки начнутся, приготовьте лукошко... Ну и влип же я с этой дублёршей, ну и влип!..»

Пока он лихорадочно соображал, что же теперь делать, - попросить режиссёра остановить съёмку или покорно ждать, пока новоявленная княжна соизволит вспомнить текст, - девушка по-прежнему неотрывно смотрела на своего партнёра. Павел поймал на себе её взгляд – и вдруг вспомнил, где уже видел и эти глаза, и эту девушку... Он всё вспомнил!

* * *

...Было это, кажется, года три или

четыре назад – точнее Стрельников уже не мог припомнить. Тогда, во время очередных съёмок на берегах Невы, он решил в свободный вечер немного подзаработать – и согласился выступить на творческом вечере перед студентами какого-то технического вуза.

Храм науки, в котором ему предстояло внести свою лепту в эстетическое воспитание молодёжи, вёл своё летоисчисление ещё со «времен очаковских и покоренья Крыма». Величественное здание главного корпуса, украшенное по фасаду стройными белоснежными колоннами, казалось олицетворением непоколебимой мощи Российской Империи. Увы, этого нельзя было сказать о внутренних помещениях института, ожидавших косметического ремонта как минимум последние полвека. Даже в актовом зале на плечи аудитории то и дело крошилась с потолка известька, а пятна свежей масляной краски на стенах (очевидно, появившиеся там, где срочно нужно было замазать отвалившиеся куски штукатурки) смотрелись как заплатки на тришкином кафтане.

Студенты, экстренно собранные на плановое мероприятие в добровольно-принудительном порядке, не слишком-то благоговейно внимали рассказам Павла о том, как в одной картине его двадцать дублей подряд кормили блинами, а в другой – десять раз заставляли окунаться с головой в ледяную прорубь. Лишь одна стройная девушка, сидевшая в первом ряду, не сводила со Стрельникова восхищённых глаз. Когда Павел, отмучившись полтора часа, провёл на авансцене заключительную автограф-сессию, и уже собрался ретироваться восвояси, она подошла к нему и тихо, почти шёпотом, спросила:

- Скажите, вы... вы меня не помните?

- А разве мы уже встречались? - любопытствовал Павел.

- Конечно! - радостно воскликнула девушка, - Вы к нам в Краснохолмск приезжали, когда я ещё школьницей была.

Тогда как раз новый фильм вышел, в котором вы сыграли свою первую главную роль... Что творилось в городе! В кинотеатрах у касс очереди стояли на целый километр, кругом только и было слышно: «Новый Матростояни появился!»! Вас так один известный критик в своей статье называл... В городском театре, где вы со съёмочной группой выступали, народищу было - не пропихнуться!.. А у моей одноклассницы тётка билетёршей в театре работала, она нас контрабандой в световую ложу провела. Так мы весь вечер под прожекторами и просидели...

- Да, теперь я что-то припоминаю! - слегка улыбнулся Стрельников. - Кажется, будто это было много лет назад, в какой-то другой жизни. Я ведь тогда был ещё совсем зелёным птенцом - о многом не знал и мало что понимал...

- Потом, когда всё закончилось, я ещё долго у театра стояла, вас дожидаясь. На улице дождь лил как из ведра, укрыться было негде - а я всё ждала!.. Помню, почти до двух часов ночи тогда простояла, вся до ниточки промокла. Уже и не надеялась, что дождусь...

Стрельников очень хотел прервать не в меру словоохотливую собеседницу и поскорее смотаться по своим делам. Однако он не был уверен, сможет ли самостоятельно найти выход среди бесконечных институтских лестниц и коридоров. Как назло, сопровождавший его помощник ректора куда-то запропастился. Павлу ничего не оставалось делать, как поддержать светскую беседу вопросом:

- Зачем же так долго было ждать?

- Понимаете, я хотела... я очень хотела узнать от вас, идти мне на сцену или нет. Я ведь с самого детства мечтала о театре, в школьном драмкружке во всех спектаклях главные роли играла. Кем я только ни была - и сестрицей Алёнушкой, и Василисой Прекрасной, и Снегурочкой, и даже Бабой-Ягой!.. Мама всегда радовалась моим успехам, она очень хотела, чтобы я стала настоящей актрисой, а папа... не очень. Вернее, совсем не хотел... То и

дело кричал на маму: «Чему ты учишь ребёнка?! Хочешь, чтобы твоя дочь дармоедкой стала?.. Вот увидишь, вырастет из неё кукла размалёванная и сядет нам на шею!». И так мне её было жалко... Вот я и решила узнать: может быть, и вправду не стоит напрасно мечтать? Может, мне действительно лучше поискать другую дорогу, пока ещё не поздно?.. Тогда и мама перестанет плакать по ночам, и папа больше не будет кричать... Вот я и ждала вас тогда до победного финиша. Помню, вы выскочили из театра - и сразу, по лужам, к машине!.. Я окликнула, вы обернулись, посмотрели на меня - и всё!.. Больше ничего сказать не смогла, как будто язык прилип к гортани... Вы уже давно уехали, а я всё стояла у театра, не могла опомниться. Потом, как чумовая, бродила по городу до самого утра... Добродилась до воспаления лёгких...

- Что ж, бывает... - рассеянно поддакнул Стрельников. - И что же вы решили?

- Решила - во что бы то ни стало, буду актрисой! С той самой ночи я больше уже ни на секунду не сомневалась - вот он, мой путь!.. После выпускного бала собрала вещи - и сразу сюда, в Питер. Подала документы в театральную академию, прошла два тура вступительных экзаменов, а на третьем... В общем, ничего у меня не получилось. Чтобы не огорчать родных, пришлось поступить в эту шарашкину контору... Но ведь ещё не поздно всё изменить?! Я по-прежнему много занимаюсь - и музыкой, и танцами, и пением. В нашем студенческом театре дни и ночи пропадают... Как вы думаете, я смогу стать настоящей актрисой, чтобы потом играть... вместе с вами?

Стрельников не сразу нашёл, что ответить. Он-то прекрасно знал, насколько тяжёл и неблагодарен актёрский труд - и какой ценой порой достигаются слава и успех. Но как это было объяснить милой девчужке, почти ребёнку, трепетно внимавшей каждому его слову!.. Поэтому он сказал ей лишь то, что сам когда-то слышал от своего профессора:

- Если выбрала - иди!.. Следуй своей

дорогой - и пусть люди говорят всё что угодно! Кстати, помнишь, чьи это слова?

- Кажется, нет... - смутилась девушка. - По-моему, мы это в школе проходили, но я уже забыла, кто так говорил... то ли Маркс, то ли Энгельс, то ли вообще неизвестно кто. Но я обязательно узнаю...

- А я в следующий раз проверю, выполнено ли моё домашнее задание! - нарочито серьёзно изрёк Стрельников, пародируя не в меру ретивого экзаменатора.

Девушка рассмеялась. Увидев, что помощник ректора наконец-то показался на горизонте, Павел решил воспользоваться подходящим моментом и округлить беседу. Но девушка не дала ему сразу уйти.

- Пойдите, подождите! - зашептала она, внезапно схватив собеседника за руку, отчего он даже слегка оторопел. - Я ещё хотела сказать вам, что... в общем, наверно, и не надо это говорить... вот только... Знаете, когда у вас будет время, послушайте вот эту запись и всё поймёте... Спасибо!

Не давая Павлу опомниться, она торопливо засунула ему в руку компакт-диск с чистой обложкой - и тут же быстро отошла, как отпрыгнула. Стрельников внимательно изучил обложку подаренного диска, но не нашёл никаких надписей, которые могли бы пролить свет на его содержимое.

«И эта туда же полезла! - вздохнул он, убедившись в бесплодности своих усилий. - Небось, записала какие-нибудь доморощенные песенки собственного сочинения и теперь ищет, кто бы помог протащить в эфир её щенячьи визги. Как сказал бы великий, хоть и не советский поэт Некрасов, этот стон у них песней зовётся...».

Через месяц после этой истории Стрельников застрял в пробке на кольцевой автостраде. Решив воспользоваться случаем, он поставил в машине диск, подаренный ему юным дарованием - не столько из интереса, сколько для очистки

совести.

То, что он услышал, его слегка озадачило. На диске оказалась всего одна песня, которую пел по-испански неведомый ему исполнитель. Поставив песню ещё раз, Стрельников, наконец, вспомнил, что когда-то, ещё в детстве, он уже слышал этого певца. Но это было так давно, что Павел даже забыл его имя. Он только помнил, что точно так же звали одного из великих итальянских живописцев эпохи Возрождения.

Стрельников не знал испанского языка, поэтому смысл песни был для него тайной за семью печатями. Он только запомнил слова, которые повторялись почти в каждой строчке: «Cuando tu no estas».

Вскоре на дружеской вечеринке Павел встретил знакомого переводчика, говорившего по-испански так, словно он родился и вырос не в заснеженной Москве, а где-нибудь в солнечной Андалузии. Выбрав подходящий момент, Стрельников поинтересовался у приятеля, не знает ли он, что означают слова из подаренной ему песни.

- «Cuando tu no estas» по-испански означает «Когда тебя нет», - ответил приятель и поинтересовался: - А текст песни ты, случайно, не помнишь?

Павел, как мог, напел единственную строчку, которую он запомнил от начала до конца.

- А это переводится так: «Когда тебя нет - мне ничего не надо», - констатировал толмач, наполняя свой бокал новой порцией вина. - Уже кое-что проясняется, но для полноты картины хотелось бы послушать всю песню. Так что, дружище, если тебя это действительно интересует, передай мне как-нибудь эту запись.

На том они и договорились - но наутро Павел уехал на гастроли по Волге, а его приятель отправился на симпозиум в Латинскую Америку. Поэтому их новая встреча всё время откладывалась на неопределённое время - и в конце концов вообще не состоялась. Вскоре Павел забыл

и о девушке, страстно мечтавшей быть актрисой, и о её странном подарке.

* * *

... И вот теперь она стояла рядом, на парковой аллее, не сводя со Стрельникова своих глубоких, бездонных глаз - совсем как тогда, в актовом зале. Это продолжалось всего несколько мгновений – но Павлу показалось, что прошла целая вечность. Наконец, девушка заговорила:

- Извините, граф... - сказала она, чуть заметно побледнев, - Вам письмо... от дамы.

- Вот как? И какая же это прелестная особа осчастливила меня своим посланием? – откликнулся Павел, сохраняя небрежно-снисходительный тон своего героя-повесы.

- Одна дама просила передать вам это письмо, - ответила девушка. - Больше я ничего не знаю...

Торопливо, заметно дрожавшей рукой, она отдала ему конверт с письмом и быстро пошла прочь, подгоняемая криками режиссёра, требовавшего от дублёрши поскорее убраться из кадра.

Стрельников машинально посмотрел ей вслед, затем достал из конверта листок бумаги, аккуратно сложенный вчетверо. Теперь ему оставалось лишь прочитать вслух любовное послание, написанное княжной Амалией.

Павел небрежно развернул листок - и вдруг почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, а лоб покрывается предательской испариной... Никакого письма в конверте не оказалось! Лист был абсолютно чистым, как выпавший на землю первый снег. Только в середине было написано крупными буквами:

CUANDO TU NO ESTAS...

Стрельникова точно ударило молнией!.. Он вмиг забыл и о своей роли, и о том, что находится на съёмочной площадке, окружённый софитами. Не отрывая глаз от листа, он вновь и вновь беззвучно повторял те самые слова, о которых когда-то забыл в суете множества забот и дел. Он был так

потрясён, что даже не услышал, как над аллеей и прудом разнёсся из мегафона, точно голос Зевса-громовержца, ликующий вопль Генки Долбоклюева:

- Сто-оп!.. Снято!!

В тот же миг Долбоклюев, подобно коршуну, спикировал на Павла прямо из своего режиссёрского кресла и радостно завопил, что есть мочи стиснув его в объятиях:

- Старичок, поздравляю! Это было так великолепно сыграно - просто супер!.. Высший класс!.. До сих пор я тебя знал как хорошего артиста - но сейчас ты был просто гений! Какая обалденная у тебя была реакция на письмо!.. Какой взгляд!.. Шедевр, настоящий шедевр! И ведь с первого дубля, без всякого разогрева... Вот что значит мастер!

- Но у него же там ещё текст должен быть... - осторожно промямлил оператор. - Письма-то он вслух не прочитал...

- Да иди ты в баню со своим текстом! – досадливо отмахнулся режиссёр, - Слова мы потом добавим, на озвучании, как внутренний монолог... Главное – это его взгляд! Он так смотрел на письмо, как будто для него целый мир опрокинулся вверх тормашками!.. Отличный получился кадрик, просто расшибец!..

Только сейчас Павел начал осознавать, что же с ним произошло. Он хотел побежать следом за девушкой, найти её!.. Но ассистенты, вцепившиеся в Стрельникова железной хваткой, уже тащили его обратно к машине, чтобы тотчас доставить в аэропорт.

А в передвижной костюмерной, среди пропахших пудрой и измазанных гримом платьев, шляпок и вееров, горько плакала девушка-дублёрша. Её утешала бывшая каскадная примадонна Жоржетта Афанасьевна, когда-то в молодости блиставшая в провинциальной оперетте, а теперь подрабатывавшая на киностудии бригадиром массовки:

- Ну, будет, милая, успокойся! Я понимаю - в первый раз такая ответственная съёмка,

вот и нервишки-то и сдали! Все мы с этого начинали, все через это прошли... А сырость ты, голубушка, разводишь напрасно. У тебя всё отлично получилось! Я сама видела, как наш сиятельный графчик Пашка-вертопрах тарасился на тебя, словно кот на миску сметаны. А Генка-обалдуй, режиссёрушка недоделанный – тот вообще скакал от восторга, как горный козёл. Теперь у тебя от предложений сниматься отбоя не будет! Можешь мне поверить, я-то этих деятелей знаю как облупленных!.. Они как почуют где-нибудь новое молодое дарование - сразу слетаются со всех сторон как мухи к мёду. Главное - не терять момента, цепляться за каждую возможность где-нибудь засветиться. Как только судьбу-индейку схватишь за хвост - сразу всё покатится как на смазанных подшипниках. У нас ведь как бывает - сегодня на задний план запихнут, завтра уже на крупнячок поставят, а послезавтра, глядишь - и эпизод

подкинут. А там и до больших ролей совсем недалеко... Всё у тебя получится, вот увидишь!

Девушка, как могла, внимала опытной наставнице, кивала головой в знак согласия и даже пыталась улыбаться – но непослушные слёзы по-прежнему катились по её щекам, падая на бутафорское кресло.

Тем временем группа, гудевшая, словно растревоженный пчелиный улей, лихорадочно готовилась к съёмкам на следующем объекте. Осветители, бутафоры и костюмеры носились взад-вперёд с вверенным им казённым имуществом, ругаясь и споря из-за всяких пустяков. Машины, загруженные съёмочной техникой, одна за другой срывались с места и стремглав уносились прочь - догонять ушедшее лето.

Съёмка закончилась. Жизнь продолжалась.

Людмила ИЛЬИНА

Очередь

Очереди за хлебом в начале пятидесятых годов. Кто их помнит? Тех, кто пережил войну, осталось совсем немного. Лишь только у тех, кто родился после войны, они остались в памяти.

Это был живой организм, со своим законами и уставами. Очередь зарождалась в 4-5 утра, когда хозяйки выгоняли своих коров и коз в стадо. Номера писали на тыльной стороне ладони химическим карандашом, смачно его посплюнявив.

К семи часам очередь превращалась в змеиное живое тело. Оно то растягивалось и извивалось, то сжималось в кольцо, и эти телодвижения сопровождалось особым звучанием, невероятным гулом, стоящим над ней.

Здесь зарождалось и умирало народное творчество называемое сплетнями. Они быстро облетали небольшой посёлок, вытянувшийся вдоль берега озера Став. Одни жили долго, обрастая всё новыми и новыми подробностями, другие умирали быстро, не найдя живительной подпитки.

Вот и в этот день очередь в своей какофонии всё больше набирала силу. Народ всё прибывал. Очередь дотянулась уже до проходной завода, дававшего многим семьям работу и не Бог весть, какой заработок.

Машины с хлебом всё не было. Но вот, наконец она пришла. Очередь заволновалась, закипела, стала быстро уплотняться и подтягиваться к дверям магазина.

Продавщица Надежда лет сорока, стройная с красиво уложенными волосами, ловко подхватывала лотки с хлебом и быстрыми движениями укладывала его на полки. Наконец хлеб был принят, и началась торговля.

Хлеб продавался на вес на старых весах с чашками и утиными носиками друг против друга. Если носики сходились, значит, вес

был правильным. Надежда ловко орудовала большим ножом, разрезая хлеб на кусочки и добавляя их на весы для точного веса. И те, кому доставались душистые ещё теплые кусочки свежее испечённого хлеба тут же, выходя из магазина, съедали их на зависть очередникам.

Просочиться вне очереди было просто невозможно. Купившие хлеб едва проталкивались сквозь стоящих в очереди людей, чтобы выбраться на свежий воздух. И в тот момент, когда страсти стали немного затихать, в дверях магазина раздался не просто плач, а детский рёв.

Девчонка лет пяти-шести с размазанными грязными разводами от слёз по щекам, с рёвом протискивалась сквозь очередь, пробираясь к прилавку. Горе её было неподдельно и безгранично. Она не реагировала ни на утешения, ни на упрёки.

Юркнув за прилавок и вцепившись в юбку матери и упираясь в её колени как разъярённый бычок головой, членораздельно что-то выговаривала сквозь слёзы.

- Доченька, сядь, успокойся. Видишь сколько народу, мне некогда сейчас. Что с тобой случилось, кто тебя обидел? - Испуганно твердила мать.

Она никак не могла оторвать от себя руки дочери. Девчонка заливалась таким рёвом, что холодело внутри даже у бывалых с крепкими нервами покупателей. Сунув кусочек ржаного душистого хлеба ребёнку, Надежда пыталась, как могла, успокоить дочь.

- Ска...жи, ска...а...жи, ревела девчонка, ты правда мне не род...н...а...я?

- 0, Господи! - сокрушалась мать, обнимая дочурку. - Да откуда же ты это взяла? Кто тебе сказал эту глупость? - Родная твоя, самая родная, это злые люди тебе наврали!

Надежда прижала к себе ребёнка и со слезами целовала чумазое личико. Теперь уже трудно было понять, кто из них больше плакал. Но девочка упёрлась ручонками матери в грудь и истерично причитала:

- Ты врешь, ты мне всё врешь...

- Не верь никому, доченька, я твоя, твоя родная мама,- сквозь слёзы выговаривала мать.

Они стояли крепко обнявшись - худенькая, маленькая, растрёпанная от слёз и неподдельного горя девочка и пережившая все тяготы войны, молодая женщина. Очередь затихла. Кто-то всхлипывал, кто-то сочувственно кивал головой, кто-то недовольно возмущался.

- Нет, не наврала! - рыдала девочка. - Веркина мама запретила ей со мной играть, потому, что я подкидыш и у меня не родная мама.

Ясно было одно: прошло уже 5-6 лет, как закончилась война, но она давала о себе знать во многих семьях.

Кое-как успокоив дочь, Надежда продолжала отпускать хлеб. Потрясённые только что увиденным люди молча брали его и уходили.

В голове Надежды всплывали тяжёлые воспоминания.

Ей посчастливилось не погибнуть в этом страшном аду. С передовыми частями нашей Армии она дошла до Берлина. Поезд, который обслуживал наши части всем необходимым, и в котором служила Надежда, переживал те же страхи и ужасы, что и все.

Самыми страшными были налёты авиации противника. В одном из таких налётов погибла её подруга. Как масло, отрезало её последний вагон. Много пережили за эти годы. Было всё, но и была большая любовь. Молодая - ей было едва тридцать - одинокая женщина, Надежда приглянулась бойкому офицеру с красивыми печальными глазами... Они уже мечтали, строили планы о том, как сложится их жизнь после войны. Когда он узнал, что Надежда беременна, буквально носил её на руках. Друзья откровенно завидовали, любуясь этой парой. Но счастье было не

долгим.

После войны не все части были расформированы и отправлены по домам на родину. Многие ещё оставались там, охраняя и налаживая жизнь в разрушенном Берлине.

Надежду отправили домой первую, когда заметили живот. А он ещё оставался служить. Уже и дочка родилась, а от него никаких вестей. Сколько всего было передумано, сколько слёз пролито.

Но однажды в домик, где она жила с дочуркой, нагрянули гости. Они приехали с плохой вестью. Привезли от Павла коляску, деньги и другие подарки, передали от него просьбу беречь ребёнка и сообщили, что Павел был арестован так называемой тройкой на границе, когда возвращался домой и без суда отправлен в ГУЛАГ.

Война продолжала калечить судьбы не только на полях сражений, она догоняла их и в мирные дни. В те годы многие офицеры Советской Армии, побывавшие во вражеском плену хотя бы несколько дней, заплатились своими жизнями и годами, проведёнными за решёткой ГУЛАГа. Это потом, через многие годы, они будут реабилитированы и прощены.

И когда один молодой хороший человек сделал ей предложение выйти за него замуж вместе с дочуркой, она, хорошо подумав, согласилась.

Она была ещё молода, дочурке едва исполнился годик. Жизнь налаживалась. Молодой муж оформил все необходимые документы на удочерение. Конечно, Надежде хотелось с охранить всё это в тайне. Но «добрым людям» не терпелось...

Она посмотрела на дочку с чувством глубочайшей нежности и жалости. Та, устроившись на пустых ящиках, жевала сладости, которыми угостили её сочувствующие покупатели, и тихонько всхлипывала. Ураган горя понемногу стал затихать в её ещё неокрепшем тельце.

О, бедное дитя, сколько ещё таких ураганов предстоит пережить тебе в этой жизни. Сколько ещё «добрых людей» ты встретишь на пути!

Петр КАМЧАТЫЙ

Рассказы

Матросы нужны?

Вот и пришла ранняя весна, зовущая и манящая в неизведанные дали. Фильмы «Путь к причалу» и «Полосатый рейс» смотрело с завистью послевоенное поколение мальчишек. Они стремились догнать своих старших братьев, не замечая, что повторяют те же самые ошибки, наступая на те же грабли: побег из дома, устройство на пароходы, теплоходы, ледоколы, даже на небольшие катера юнгами, матросами. Все стремились на флот, флот, который необыкновенным колдовством притягивал к себе, словно магнит, и не отпускал некоторых всю жизнь.

На флот, как говорил боцман Попов, приходят три категории людей. Первая - романтики, у некоторых это остаётся на всю жизнь, у немногих из них романтика заканчивается после первого рейса. Вторая - парни, пришедшие на флот после службы в армии и на флоте, втянувшиеся в его ритмику; здесь уходящих меньше, чем среди первых. Третья - не мечтавшие о флоте, но почувствовавшие прелесть независимости и тягу к подаркам, особенно, к иностранным (как ни странно, таких половина).

Представьте себе раннюю весну и моего романтика, бредящего морем, - Николая - пятнадцатилетнего безусого мальчишку во флотском бушлате старшего брата. Бушлат был ему немного великоват, но пацан не замечал этого - у него под рубашкой была тельняшка и настоящая мечта стать моряком!..

Николай, как замороженный, доехал на трамвае от метро Павелецкая до Южного речного вокзала столицы. Раньше он не раз приезжал сюда с тётёй Валей, а два раза ходил на колёсном пассажирском теплоходе «Матрос Вакуленчук» по малой московской «кругосветке» и один раз даже стоял

несколько минут за штурвалом теплохода на Оке в районе Касимова. Об этом он вспомнил, увидев фотографию парохода в зале ожидания. Он уже собрался уходить, как увидел объявление: «Московскому пассажирскому агентству требуются матросы». Интересно, как будто кто вёл его сюда специально. Искать отдел кадров долго не пришлось.

- Матросы нужны? - был первый вопрос к инспектору кадров.

- Всегда нужны, - ответила молодая кадровичка.

- Шестнадцатилетних принимаете?

- А почему бы нет, - она на мгновение затихла, перебирая бумаги, и... вскоре подала в окошко нечто: - Вот вам медицинская книжка. Заполните сами и в нагатинской поликлинике пройдите медицинскую комиссию.

Николай, тут же, своей рукой записал: «Чистяков Николай Андреевич». Дата рождения. Здесь он задумался и приписал себе год. Исправил и в приписном билете, но врач, записывающий медицинское заключение обнаружил это.

- Мечтаешь о флоте? - был вопрос врача.

- Да.

- Только не подделывай больше год рождения. Хорошо?.. Я подпишу, что годен на все суда без ограничений. А годы побереги. Не спеши быть старше своего возраста, не на фронт ведь рвёшься...

Придя в отдел кадров, Николай радостно спросил кадровичку, как старую знакомую:

- Галя, а у кого брать направление на теплоход?

- Медкомиссию прошёл?

- Спрашиваешь! Конечно.

- Ну тогда иди к начальнику.

Николай, как на крыльях, взлетел на вто-

рой этаж. Начальник отдела кадров Михаил Иванович Крабов, пятидесятилетний плотный мужчина в старом флотском кителе с подшитым белым воротничком с кем-то долго разговаривал по телефону, временами бросая короткие фразы: «согласен», «не согласен»... и просматривал медицинскую книжку Николая. Беспалой левой рукой, а точнее, оставшимися двумя пальцами молча пролистал её, пока не прочитал: «Годеи без ограничения матросом»...

- Ну что ж, к Конькову пойдёте. Теплоход стоит у Шукинской пристани. Трамваем № 23 доберётесь от метро «Сокол» до кольца. На работу не опаздывать.

- Добро, - ответил Николай, как заправский матрос. - Завтра с утра буду к восьми часам на месте.

- Не забудь, пострел, к инспектору зайти и печать поставить.

- Не забуду, Михал Иванович, - и Николай из кабинета исчез так же быстро, как и зашёл. Он спустился, подал в окошко направление на теплоход и попросил: «Галочка, поставь печать». Та поставила печать, не спросив его, заполнил ли он рабочую карточку или нет, а он постарался побыстрее ретироваться. Молодость она всегда остаётся молодостью... А может, это судьба?!

Змей Горыныч

Иван Алексеевич Нилов родился в Псковской области за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. Его отец Алексей Нилович Нилов пропал без вести в июле 1942 года. Став взрослым, Иван Алексеевич всегда приносит цветы к памятникам неизвестному солдату, в каком бы городе он ни находился.

- Для меня все они «Алёши». Могила отца неизвестна, хотя в книге «Памяти» на родине отмечен... Но это сейчас. А тогда в военные и послевоенные годы мы за него ничего не получали. Таковы законы были. Пропал без вести – хуже, чем попал в плен.

Послевоенная учёба в школе сформиро-

вала его характер. По-молодости уехал в Мурманск, поступил и учился в высшем мореходном училище и после его окончания поднялся по служебной лестнице до капитан-директора. Военную стажировку проходил на подводных лодках. Северный Ледовитый океан, Атлантика и Индийский океаны. Даже у ледников Антарктиды приходилось рыбачить ему на БМРТ (большом морозильном рыболовном траулере), где рыбу перерабатывают и морозят.

Всяко бывало. Вот однажды рыбачили они в Индийском океане, у Кергелена на 52 градусе южной широты. И предложили Ивану Алексеевичу стать флагманским специалистом, заменить уходящего в отпуск... Заменить-то, после долгих уговоров, заменил, но и должность капитан-директора не оставил. Совместил две должности, взвалив на себя, казалось бы, лишние обязанности, за что и получил кличку Змей Горыныч.

Однажды ремонтировал траулер заграницей. Первое, что он потребовал от иностранных судоремонтников - письменно представить ему сумму минимальную и максимальную, в которую они оценивают весь ремонт. Ему выдали такую справку. Потом пожалели об этом, так как им пришлось судиться с капитаном, и он суд этот выиграл. Лишние государственные деньги не были потрачены...

Вот началась пора безвременья. Многие почувствовали это и стали уходить с «рыбалки». И Иван Алексеевич надумал уходить. Первый помощник капитана, когда узнал, горько сокрушался: «А кто же рыбу ловить будет?..».

Перешёл на суда смешанного плавания. Походил по рекам и каналам Европейской части России, побродил по Балтийскому морю, завозя грузы в российские и иностранные порты.

- Оказывается, жизнь штука не простая и всё невозможно предугадать. Так до пенсии и проработал я на судах «смешного плавания».

Так в шутку называют моряки теплохо-

ды река-море, предназначенные работать в море и на реке.

- Однажды попали мы, гружёные, в шторм на Балтике. - продолжил Иван Алексеевич, - Всё скрипит: и такелаж, и корпус и груз. Порой казалось, опрокинется теплоход со всем грузом, но выбрались: работали переменными ходами, старались найти с волной «удобный ход», чтоб меньше качало. Нашли, потеряв несколько часов, вышли победителями. Вот тогда я зауважал эти «пёрышки в океане», как называл их писатель-маринист Юрий Клименченко.

- Теперь все морские праздники ваши. Ведь рыбак - двойной моряк. Отмечаете?

- Отмечать-то отмечаю. От них мне не уйти, - улыбнулся Иван Алексеевич. - Моряк, от слова - море, рыбак от слова - рыба, а от реки рекак получается, но превратили в слово - речник. Парадокс.

Задолго до того, как стать рыбаком, ему приснился сон, как он шкерит рыбу. И этот сон оказался провидческим. Много лет Иван Алексеевич отдал рыбацкому флоту. А рыбак он был от Бога! Сейчас он живёт воспоминаниями о дальних плаваниях, штормах и подъёмах полных тралов рыбы.

И в деревне он такой же неутомимый. И не скажешь, что ему семьдесят. Корни деревенские вернули его к делу предков – земледелию. То в один год рожь посеял на своём участке, то подсолнухи. Огурцы и капуста на отдельных грядках, в парниках подрастают и зреют перец и помидоры. Супруга Валентина Ивановна с большой любовью разводит цветы. «Они - лапочки-на отрада!» - так ласково зовёт жену Иван Алексеевич. Летом у них многолюдно: внучка, дочка и зять, а то и родственники приезжают на недельку-другую с ближнего зарубежья. Разбросало родню по бывшему Советскому Союзу...

- Если бы кто-то мне сказал раньше, когда я рыбачил, что я вернусь и полюблю деревню, и буду с удовольствием работать на своём участке, я бы не знаю что тогда сказал тому человеку... А сейчас для меня это высочайшее наслаждение.

Он и дочку учит косить траву. Пареньком приходилось в колхозе за трудовни косить псковские луговины. И ничего втянулось. Поначалу уставал. Мышцы болели. На один трудовой день не вытягивал, а потом разошёлся и с каждым днём всё больше и больше - перекрыл задолженность с лихвой.

Выйдя на пенсию, Иван Алексеевич с семейством поселился в деревне Костково.

- Долго я искал эту деревушку, - разоткровенничался Нилов. - Объехал чуть ли ни весь район, всё присматривался, присматривался, и вот выбрал именно этот дом, в котором и живём уже двенадцатый год.

Дом добротный, тёплый, ему более восьмидесяти лет. Собран довоенными умельцами и лишь два бревна, которые неправильно положены, требуют замены.

- Деревенские жители с настороженностью принимают каждого новенького. Долго присматриваются, на что ты гожд... Я себя сделал и воспитал сам, хоть и не без помощи хороших преподавателей, с которых я с восьмого класса начал брать пример. А до этого был просто сорванец, драчун, троешник, ни о чём не думающий послевоенный пацан, порой отстаивающий себя и кулаками... Дед Нил Нилыч мне был за погибшего отца, но замечаний и поучений не делал.

- Неужели в жизни шло всё гладко?

- Нет, конечно. После окончания семилетки у меня встал вопрос: учиться ли дальше или идти в ФЗУ? Начался новый учебный год. Все пошли в школу, а я дома сижу, как девица-красавица, в окошечко гляжу. И вдруг так захотелось в школу, что я задумался: «А как же я без неё буду жить?..».

Пришёл в школу-интернат, десятилетку, а там всюю идёт учёба. Завуч поговорил со мной. Потом прошли к директору школы, и завуч смог убедить его, что я исправлюсь и буду «хорошистом». И вот тогда я стал хорошо заниматься, что помогло мне в высшей мореходке, где во всём надо быть собранным, в том числе и в учёбе.

В жизни много ещё было экзаменов, с которыми справился Иван Алексеевич. Он

с радостью принимает каждый день, какой бы он ни настал: пасмурный или солнечный, морозный или дождливый. И дай Бог ему радоваться жизни столько, полстолько и ещё столько - жизнь человеческая должна быть по-настоящему длинной.

Возвращение из отпуска

Из рассказов Питиримыча

Возвращался я из отпуска из Москвы в сорок восьмом году, как раз когда новые деньги после войны появились. Самолёты тогда так справно не летали. Долетел я до Якутска, но на последний пароход в сторону Тикси опоздал и решил пойти на лыжах, так как там уже в октябре начинается зима. Иду я так иду, и всё у меня есть: и выпить, и закусить, и меховая одежда. Да, по-молодости я был то, что надо: и мужик, и спортсмен «в одном флаконе», как сегодня мои внуки говорят. Дошёл я до устья реки... Смотрю, стоит зимовье. Ну, конечно, каждый отправится туда, к людям, нежели ночевать в самодельной берлоге...

Забор у зимовья сибирский, высокий. Постучал. Бородатый крепыш-дедок открыл мне калитку и проводил в дом.

- Заходи, сынку, заходи! - заговорил он со мной ласковым голосом, с украинским акцентом.

В доме старуха лежала на печи. Посередине комнаты, и кажется, единственной, так как ставни были закрыты, стоял большой стол и две скамьи с двух сторон этого длинного стола. Вдоль стен палаты для «гостей». Я разделся. Развязал вещмешок и достал маленькую спирта и банку консервов на закуску.

Дедок поставил две кружки и куда-то вышел. Я не успел ещё налить себе, как вижу дедка, вошедшего в комнату с топором.

- Ни боись, ни боись, больненько ни будэ!..

Я только в тот момент почувствовал что-то нехорошее и встал из-за лавки. Он на меня с топором. Я рванул, и забегали мы с ним вокруг стола. Минут пятнадцать бегали, а бабка с печи ему вторит: «Разок ударит и не больно...»

Как уж мне удалось сбить его с ног, и не знаю, но в чём был, слава Богу, свитер не снял, откинул щеколду и сиганул через этот сибирский забор и быстрее под обрыв. Понял, что он сейчас возьмёт ружьё и тогда не известно, кто выиграет. Выстрел прогремел, но дед промазал. Это и дало мне время уйти...

Через три дня, обмороженный, вышел на геологов. Неделю у них в балке отлёживался. Они и помогли добраться до Тикси, хотя поначалу не поверили мне и хотели уже радировать и сообщать милиции. После этого случая я никогда не опаздываю из отпуска. Лучше на день раньше прилечу, чтоб никаких опозданий.

- Ну, ты даёшь, Питиримыч! Неужели никуда не сообщил?

- Почему же не сообщил. Сообщил. Там же у него все мои документы и дипломы в рюкзаке остались. По весне как раз получил в толстом конверте письмо из Якутска с благодарностью о сообщении. Он, видите ли, принял меня за старателя и надеялся пожить в золотишке, а не вышло.

- А скольких так он порешил?

- Кто ж его знает. Все под Богом ходим. Каждому и отвечать на Страшном Суде не за кого-то, а за себя, грешного.

- Неужели в Бога веришь?

- Верю. Крещен ещё в детстве. Вот в церковь, жаль, ходить не умею. Да и где они, церкви-то? Советская власть отучила... - он опять глубоко вздохнул, вытащил из пачки папиросу, размял её и закурил.

Мария ОРФАНУДАКИ

Ангельская помощь

- Я ухожу. Улетаю. Не провожай меня. Не надо. Долгие проводы - лишние слезы. Разве ты сам не понимаешь этого? Несвоевременность... Эта вечная драма, случаемая между мужчиной и женщиной. Не обижайся. Обидься на меня. Я все решила за нас двоих. Поверь, так будет только лучше. Обиды со временем уйдут. Ветер развеет пепел несбывшихся надежд и ожиданий. Лишь память надежно сохранит то светлое и чистое, что было между нами.

Пройдет дождь. Разойдутся тучи над головой. В небе раскинется радуга. Воздух, насыщенный озоном, будет настолько употребительным, что его захочется пить в себя. Наслаждаясь им, точно глотку чистой прозрачной родниковой воды в жаркий летний полдень. И так будет всегда. Хаос и Гармония идут рука об руку. Поскольку без одного - невозможно другое.

У любой монеты существует две стороны. Орел и решка. Не надо говорить сейчас лишних слов. Все стало на свои места. Уравновесилось. Помолчи немного. Сбереги эту хрупкую тишину. Впусти ее в себя. Прислушайся... Наверное, все самые большие разрушения в этом мире происходят под знаменами: Любви и Гармонии. Сеется, сеется Зло. Но и Добро не покидает нас. Светлое - темное. Вверх - вниз. Качели. Крылья - жабры.

Отношения, не имеющие развития, обречены изначально. Эвтаназия? Здесь нет и быть не может единственного и непогрешимого ответа. Каждый решает сам. За себя. А иногда и за двоих. Из чувства гуманности. Наверное, это так же «гуманно и милосердно», как закопать собственное, только что родившееся дитя-калеку. Все равно - оно не жилец на этом свете. Ну, родился уродцем жалким. Зачем же его мучить? Рано или поздно все равно умрет... Подумаешь. А кто ты таков или такова, чтобы отнимать жизнь? Сама выносила, родила? Так ты лишь сосуд, не более. Богом дана эта жизнь. Эта любовь. Нашим Творцом. Создателем всего живого, существующего. Стоит ли продолжать раздувать костер, который уже затухает? Смысл? Иногда он

закljučается в его отсутствии.

А если путь завел в тупик? Пара робких шагов навстречу друг другу. Их могло бы и не быть, но, тем не менее, они случились. Произошли. Цепочка прерывающихся следов вывела нас на узенькую тропинку, петляющую по густому дремучему лесу. Мы следовали по ней. Боялись, медлили. Выжидали перед очередным шагом. Делали остановки и привалы, брали тайм-паузы, но продолжали следовать дальше. И вот однажды, проплутав в лесной чащобе много дней и ночей, мы из нее выбрались.

Помнишь тот день? Мы радовались подобно детям. Всем сердцем, всей душой. Не сгнули. Темный мрачный лес остался позади. Нам светило солнце. Тропинка стала уверенней, со временем превратившись в широкую, хорошо протоптанную тропу, а потом и в дорогу. И мы шли по ней, окрыляемые родственностью наших душ. Тех самых неосязаемых, невидимых человеческому глазу, субстанций, которые были знакомы и пересекались между собой не одну жизнь. Не одно земное воплощение. Дорога привела нас в горы и, подведя к глубокому ущелью, внезапно оборвалась. А дальше? Как же мы сможем продолжать свой путь, следуя вперед? Мост, который был когда-то переброшен через ущелье - оказался разрушен почти до основания. Кто разрушил эту узенькую переправу? Может само время постаралось? Сгнил за давностью лет? Нелепая гипотеза. Ведь если бы это оказалось правдой, не стала бы тропа дорогой.

Тот мост был окончательным решением. Своеобразным Рубиконом. Нулевой точкой отсчета. Следовать ли далее, продолжая путь или повернуть назад. Впереди - неизвестность. Позади - не рай конечно, но уже все известно и достаточно понятно, чего ждать-ожидать. Наверное, кто-то до нас перейдя по мосту на ту сторону ущелья, разрушил его. Уничтожил. Таким образом, отрезав себе все пути к отступлению. В пропасть вряд ли прыгнешь, даже если передумаешь. Человеческое существо всегда стремится спастись, движимое ин-

стинктом самосохранения. Ах, зачем Ангелы оставили у края обрыва лишь одну пару крыльев? Ведь нас двое... Кому же лететь? Грожу кулаком небу.

- Ангелы, и это вы называете помощью?

Злая насмешка. Дьявольский, мучительный выбор. Как же он будет тяжел. Выдержат ли эти крылья - нас двоих? Не рухнем ли мы вниз на дно ущелья, разбившись о камни? Ангельская помощь? Зачем все время ждать ее, рассчитывая получить то, что возжелаем? Разве ангелы уже не сделали много и до этого? Ведь это они помогли нам с тобой встретиться. Увидеть общий путь. Это они, наши Ангелы-Хранители помогли нам выбраться из леса. Ангелы помогают многим, но даже они не могут выполнить всю работу за нас.

Я оглядываюсь и смотрю тебе в глаза. Встречаюсь взглядом - с твоим ответным. Молча вопрошаю, как быть дальше? И ты отвечаешь:

- Послушай меня, Любимая моя. Верь мне. Я надену на себя эти крылья и поднимусь в воздух, над ущельем, проверяя их крепость и выносливость. Сильны ли они, смогут ли выдержать нас обоих? И если я пойму, что крылья недостаточно надежны для полета, то спущусь вниз к тебе. Мы начнем строить мост, чтобы перебраться на ту сторону ущелья и продолжить дорогу. Ну, а если у нас ничего не получится, мы останемся на этой стороне и выстроим хижину здесь. И останемся в ней. Ведь самое главное и драгоценное заключается в том, что мы вместе. Понимаешь? Ты говоришь все это так искренне. И, конечно же, я верю тебе. А как жить можно без доверия к любимому человеку? Да разве что-то могло быть иначе? Надев крылья, ты поднимаешься в воздух и стремительно перелетаешь по ту сторону ущелья. Опускаешься на землю и, сорвав с себя крылья, бросаешь их в пропасть.

- Любимый, что же ты натворил? Зачем? Стою, замерев, точно застывший соляной столб. Не веря в произошедшее. Самые страшные вещи порой происходят так быстро и неожиданно.

- А как же я? - кричу громко. - Мы так долго шли вместе. Разве память об этом нелегком пути так быстро покинула тебя? Я охраняла твой сон. Собирала для тебя ягоды и коренья в лесу. Поила росой из своих ладоней. Рассказывала тебе сказки и притчи, чтобы немного скрасить тяготы и лише-

ния в пути. Не я ли омывала своими слезами твои босые израненные ноги? Не я ли стряхивала своими волосами пыль с твоих ступней? Я следовала за тобой повсюду тенью. Ты слышишь меня, любимый? Ты помнишь это? Руки, простертые к тебе.

А на дне ущелья едва виднеются, белеют крылья. То, что от них осталось. Искусительная ангельская помощь, разрушившая наш путь...

- Жизнь моя, зачем ты принял этот выбор за нас двоих? Слезы размывают ясность картинки. Все вижу, точно в тумане.

- Прощай! - взмахиваешь ты мне рукой, - крылья не выдержали бы нас обоих. Оставаться на той стороне, где сейчас находишься ты - я уже не мог. Да и не хотел. Зачем теперь лукавить? Я хочу продолжать двигаться вперед, пусть даже и без тебя. Не грусти. Все перемелется - мука будет. Ты отворачиваешься от меня окончательно и начинаешь понемногу удаляться, уходя от края пропасти.

- А как же наша любовь? Ты готов так быстро отказаться от нее? - кричу я уже из последних сил, задыхаясь. В горах - воздух разряженный.

- Любовь? - едва доносится до меня твой веселый смех. - Вот глупая дурочка! Не было никакой любви, запомни это. Мы просто шли с тобой рядом. Два одиноких путника, прошедших вместе некоторый отрезок совместного пути. Не более того. И твой последний взмах рукой. Уже не оборачиваясь:

- Не поминай лихом.

Твоя спина исчезает за поворотом. Ушел, оставил меня одну. А ты ведь и не знал, что Ангелы оставили нам не только эту пару крыльев. О втором даре я так тебе и не призналась. У меня всегда было два Ангела-Хранителя. Узнав, что у тебя нет ни одного, я хотела разделить их на нас двоих. По одному на каждого. Как хорошо, что я не успела этого сделать. По дару от каждого из Ангелов. Пара белоснежных спасительных крыльев и дар предвиденья ближайших событий. Видение меня не обмануло, и неожиданный дар мой спасет меня от...твоего вероломного предательства. Я опережаю тебя на несколько жалких секунд. Ты уже тянешь руки к крыльям, но я налетаю на тебя и изо всех сил толкаю вытянутыми перед собой руками. Ты падаешь в траву, неподалеку от края обрыва. Падаешь, с ненавистью глядя на меня. Значит, я

не ошиблась.

- Спасибо вам, Ангелы!

Хватаю крылья первой. Миг и я уже в воздухе. Выше, еще выше. А вдогонку мне летят камни, запущенные рукой любимого человека. Оборачиваюсь, чтобы в последний раз взглянуть на тебя перед полетом. Сколько злобы и холодной ярости я вижу в твоём взгляде, и мне уже не верится, что еще совсем недавно эти глаза смотрели на меня с любовью и нежностью. Не старайся. Я поднимаюсь все выше, до меня не доле-

тают твои камни. Ты уже не сможешь сбить меня. Ты получил свое. Ведь именно этой участи ты хотел для меня.

- Не поминай лихом, любимый...

Любимый? Мираж, зыбучие пески иллюзии.

- Я ухожу. Улетаю. Не провожай меня. Не надо. Долгие проводы - лишние слезы. Разве ты сам не понимаешь этого? Ведь что посеешь, то и пожнешь.

P.S. Вы можете не верить в ангелов, но ангелы - верят в вас.

Солнце моё, мой Бог

Вольный перевод с греческого

Я не задолжала тебе ничего. Я не обязана тебе ничем. У меня был выбор, который в прочем не стоил зекара (зекара) - монетки, достоинством в десять лепт. Гроша ломаного не стоил.

Я не интересуюсь прибылью и потерями. Я была здесь лишь игрушкой. Я была здесь ради игры. Меня не интересует, почему мои стопы вдруг оказались босы. Я шла по тропе. И на этой тропе существовала одна острая, коварная колючка. А ещё, режущий нежную кожу босых ног, грубый щебень. Но я знала проход.

Ночами, когда ты спал, я дожидалась рассвета. Тогда мои слезы мерились морщинами на лице безмолвия. Нет, нет. Не хочу... Я не хотела ласкать руки, у которых были такие грубые пальцы. Эти бесцеремонные пальцы, легко и не задумываясь, могли убить бабочку моей мечты и разрушить витражи души моей. Нечто перенесло меня в местность совершеннейшей безопасности. Возможно, ты решишься и вступишь мою душу в свою душу. Мы закроем наши души на замок. Переплетёмся душами. Мы будем только с тобой вдвоём. Нас не будут кусать и жалить.

Ха! Ждёшь? Ждёшь осторожных шагов своего приближающегося страха? Своего испуга? Ты ещё не забыл, как ты открыл теорию, что у солнца существуют рога?

Блуждающие души... Мужские и женские половинки. Когда любовь сильна, то чувства могут переходить из жизни в жизнь, из тела в тело. И встречаться. Встречаться в самых разных сочетаниях. Друзей, родителей, врагов, возлюбленных. То, что ты можешь изменить сейчас - это пейзаж. Это нелегко. Знаю это.

Но выслушай меня. Не топи своих выводов. Для чего и почему? Сделай всего лишь одно сальто и смени пейзаж. Как жаль... Ты имел уверенность в любви. Но ты не знал, как преподнести эту свою любовь. С логикой нельзя объяснить бессмыслицу. Когда поджигаешь свою одежду, то первое, что ты делаешь - выкидываешь лишнее. Не думай, конечно, что ты забудешь об огне. Когда начинаешь жить ту жизнь, что даёт тебе Бог, много раз хватаешь песок, который просачивается у тебя сквозь пальцы. Чтобы не уничтожить себя, сделай одно движение. Один рывок. Протяни свою руку. Пусть и маленькие пальчики свои. Пожми мою руку. Ты говорил, как мог. Я лишь напоминаю тебе о запахах дождя. Одна ночь. Был конец лета. Мы разлеглись внизу, во дворе, под деревом. Когда начинаешь чертить, одна деталь всегда присутствует. Жёлтая бабочка перелетает с цветка на цветок, а потом подлетает и садится мне на голову. Эй! Пошепчи мне... Ведь ты ещё здесь, бабочка!

Четыре стихии

Я - Ветер. Ты пробовал когда-нибудь поймать дыхание ветра?

Попытайся следовать за мной.

Успеешь?

Я буду с тобой ветерком, ласковым, обдувающим твоё, истомлённое жарою, тело. Негой освежающего дуновения. Ты вспоминаешь?

Ты знаешь, что я следую за тобою повсюду? Я следы твоих шагов в жаркой пустыне. Ты помнишь, как тебе хотелось пить? Как ты мечтал о глотке воды? Какой живительной влагой он вливался в твоё, измученное жаждой, иссушенное горло? Капли случайно добытой влаги. Как ты радовался этому? Я была с тобою терпеливой и ласковой в те самые минуты.

Я - волна сильного ветра. Даже не пытайся стоять на моём пути... Всё смету под силой урагана. Своего порывистого дыхания. Не пытайся скрыться от меня. Не скрывай от меня ничего. Женщина - стихия: страшна по своему определению. Я закручусь грозным смерчем и обрушусь на голову твоих обидчиков. Не тревожь меня. Не дразни. Пускай я лучше буду безобидным тихим ветерком. Ласковым дуновением, чуть заметно раскачивающим ромашки в поле.

Я - Вода. Попробуй поймать меня.

Попытайся зачерпнуть полной горстью. Тщетно. Просочусь сквозь пальцы. Ускользну, и не заметишь как. Вода текуча. Она всё время пребывает в движении. Такое вот плавное, неспешное. Шевеление кувшинок в заводи. Один лишь путь вперёд. Чего стоят женские и мужские слёзы? Да, ничего. Тоже вода.

Кап-кап.

Не зима? А в каком нынче сезоне мы живём? Зима, весна, лето, осень. Откройте свои зонтики.

Вода - друг. Вода - враг. Каждый выбирает свой путь следования. Я - ручеёк,

вечно в пути.

Я - Огонь.

Огонёк, безобидный в горении свечи. Робкий и блуждающий. Просмоленный фитилёк.

Как часто ты наблюдал за мною, замороженный моим неброским светом? Мотылёк, летящий на свечу.

Зачем ты на неё летишь? Что привлекает тебя, мотылёк? А я могу быть яростным огнём, испепеляющим, уничтожающим любые препятствия на своем пути.

Это для врагов. Не стоит вставать на моём пути. С огнём лучше дружить. Он может быть очень интимен и дружелюбен.

Я - Земля, скучна в своей повседневности и обыденности каждого прожитого дня. Наверное, для кого-то.

Земля. Вечная соль. Тёплые гетры, овсянка на завтрак, сделаны ли уроки? Подвязка на ноге. Где мой пояс для чулок? Квитанция за неоплаченный Интернет. А что у нас с сексом? Земля? Та самая. Другой не надо.

- Рыба или курица? Что предпочтете?

- Аллергия? Какое музыкальное слово.

- Мужественность - женственность.

Мужчины - женщины: а где же вы? Ау?

Где вы настоящие? Чего же нам так не хватает в настоящей жизни? Здесь и сейчас? Зачем мы играем не свои роли? Отчего прикрываемся не своими масками?

Я - Саламандра. Ваша мудрость. И тепло.

Я - ваш Огонь. Не бойтесь меня?

Я - Змея. Хладнокровная и умная. Терпеливая. Но не пытайтесь наступить мне на хвост. Опасно.

Я - Дракон. Испепелю врагов огнём. Лучше дружите со мною.

Я - Вода, Земля, Огонь, Воздух.

Я могу быть разной. Разнообразной. Я каждый день просыпаюсь рядом с тобою.

Я - твоя Женщина.

Я - любимая твоя...

Татьяна КАРПЕНКО

Нова вита или новая жизнь

Вода! Вода! Кругом только вода. Кажется, это море. Действительно, это самое настоящее море! Оно словно живое. Дышит, колеблется, собирая маленькие гребешки волн, унося их куда-то вдаль. Тепло. Мягкий малиновый свет заходящего солнца, разрисовывая краешек горизонта, медленно сползал в воду, придавая ей неестественно-красный цвет. Появился тонюсенький, словно лезвие кривого кинжала, полупрозрачный месяц, окутанный дымкой серых, лёгких облаков. Его тонкие лучи, достигшие волн, незаметно изменили их цвет на серебристый, придав морю загадочный вид. Солнце, скатившись за горизонт, освободило от своей власти всё это огромное морское пространство, предоставив возможность тёмной ночи властвовать над ним. Мириады серебристых искр, устремлённых к морю, пронизывая волны светом, и уходя куда-то вглубь его, манили своим неземным мерцанием, будто желая увлечь за собою всё живое. Чудесно лежать ночью на палубе судна, мечтая. Вглядываться в эту глубину, заманчиво мерцающую и увлекающую в неведомое доселе пространство ночного бытия. Меня призвали в Российскую Армию осенью. Попал на флот. Радости моей не было конца. Попасть на флот, да ещё служить на границе! Здорово! В кубрике четыре человека. Южные ночи непривычно тёмные и душные. Бывает так жарко, что я потихоньку ползу на палубу и там сплю прямо под звёздами. Они здесь огромны, словно офицерские тарелки. А рыбы?! Вы видели когда-нибудь летающих рыб? Я - нет. А теперь могу похвастаться: видел и не раз. Это какая-то феерия, честное слово. Вот, только-только наступят сумерки, сначала по одной, а потом, когда станет совсем темно, уже целыми стаями, они выныривают из воды, расправляя свои широкие плавники и подсакивая так высоко, будто взлетая, они могут долго парить в воздухе над убегающими волнами. В золотистых лучах заходящего солнца или в серебристых - взошедшей луны, их колеблющиеся плавнички кажутся разноцветными

зонтиками, раскрытыми над маленькими морскими эльфами. Глаза немного устают от разнообразия впечатлений и игры света. Взгляд постепенно рассредоточивается, и я погружаюсь в негу южной ночи. Палубу слегка раскачивают волны. Они убаюкивают меня, напевая шёпотом свою колыбельную. Кажется, я уснул. Сквозь сон слышны чьи-то шаги, они мешают спать. Тревожно. Кто-то стал раскачивать палубу всё сильнее и сильнее. Я хочу крикнуть: "Хватит уже меня укачивать!" - но сил на это нет. Очень хочется спать. Хорошо. Приятно. Вода. Она уже льётся за воротник рубы. Я чувствую, что матрас, на котором я устроился, невидимая рука подняла высоко-высоко и понесла куда-то. Я лечу? Может я уже на ковре-самолёте? А что? Во сне всё может случиться. Мне приятно, но и как-то тревожно. Хочу проснуться и не могу открыть глаза. Сон не пускает. Держит так крепко, что дух захватывает. Море! Оно уже совсем близко. Разноцветные искорки, играя в волнах, словно множество ярких звёздочек тянут меня за собой куда-то вглубь. Я повинуюсь. Играю с ними. Хочу поймать хотя бы одну, но не тут-то было. Оказывается, я могу только лететь за ними. Где я? Что со мной? Кто я? Так. Спокойно! Я ощущаю себя? - Да, ощущаю. Я вижу это море? - Да, вижу. А запах? Его я чувствую? Кажется, немного чувствую. По-моему, надо успокоиться и лететь (раз уж я умею летать) на свет. А, кстати, где этот свет? Я не вижу. Что это забрезжило там вдали? Ага. Свет. Наконец-то. И тут меня неотвратимо потянуло вперёд, к свету.

- Ну, мамочка, молодец! - услышал я чей-то твёрдый голос. - Смотри, какой богатырь родился! А голос-то, голос! Быть ему знаменитым певцом!

- Ну, уж нет. Дудки. Слышите все? Я стану только моряком! Настоящим морским волком!

- Ааааа! - раздался первый крик младенца в родильном отделении самого обычного родильного дома.

Андрей ПАВЛОВ-АРБЕНИН

«Когда креста нести нет мочи...»

*Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.*

К.Р.

Однажды серым осенним днем я оказался на станции Лигово, что под Петербургом. До отхода поезда на Стрельну оставалось полтора часа, и я решил походить по импровизированному рыночку, на котором свой нехитрый товар продавцы раскладывали прямо на асфальте. Здесь были какие-то винты, куски резины, арматуры, домашние туфли с безнадежно стоптанными задниками, старые часы с кукушкой, давно откуковавшей свой век.

В соседней «секции» асфальт пестрел от тусклого цвета бывших кофт, стиранных не один десяток раз. Была даже муфта, изрядно изъеденная молью и безжалостным временем... Осмотрев этот «промышленный ассортимент», я пошел в «продовольственный ассортимент» рыночка. На прилавках гордо красовались куски солнцеликой тыквы, груды краснощеких яблок, схваченная первым морозом клюква.

Мое внимание привлек Человек, подбородок которого едва возвышался над прилавком. Что-то было в нем такое, что я пошел прямо к нему. Человек, одетый в немислимого цвета кофту, подбитую ветром, смотрел перед собой безразлично невидящим взглядом. Перед ним лежали стебли сельдерея и несколько грибов.

Приблизившись к Человеку, я понял, что это мальчик лет девяти. Заметив, что кто-то стоит перед ним, перед его товаром, он молча глянул на меня.

Я спросил: «Сколько стоит твой сельдерей?» Подумав, он ответил: «Пучок – пятнадцать» и, помолчав, словно оправдыва-

ясь за такую цену, добавил: «Мамка меньше не разрешает» и кивком головы указал на женщину, притулившуюся у железных прутьев ограды. В безвольно опущенных руках ее была початая бутылка с какой-то мутной жидкостью. Из груди женщины вырывался хриплый свистящий храп...

Взяв сельдерей и грибы, я протянул Человеку 100-рублевую купюру. Он заметил: «Сейчас разбужу мамку, надо взять у нее сдачу». Я остановил его: «Не надо... Не буди». В глазах Человека отразилось откровенное недоумение. Поспешив сказать: «Возьми...», я положил сельдерей и грибы в сумку и неожиданно услышал тихое: «Спасибо, дяденька. Век за тебя буду Бога молить». На меня устало глядели взрослые глаза девятилетнего Человека.

Повернувшись, чтобы скрыть непрошеную слезу, я медленно побрел к перрону.

Поезд уносил меня все дальше и дальше от Человеческой Трагедии, свидетелем которой я невольно стал. Мимо окон мелькали покосившиеся убогие домишки, обитатели которых когда-то мечтали, на что-то надеялись...

Подумалось: где-то сейчас на громадной вилле, сидя в глубоком уютном белой кожи кресле, глядя на мирно потрескивающие в камине дрова, попивая дорогой коньяк, наслаждаясь неповторимым ароматом гаванской сигары, прикуренной от 100-долларовой банкноты, жируют те, кому никогда не будет понятна долгосрочная ситуация, в которой оказался девятилетний Человек

со взрослыми глазами – ситуация, ставшая для него жизнью на Голгофе. Они никогда не поймут, как можно простоять на станционном рыночке целый день под дождем и снегом, а если повезет – продать пучок сельдерея и два гриба. А потом пойти в лавку «знакового» мясника и получить на вырученный гонорар «царский обед»: обрезки мяса и несколько костей, предназначенных поначалу обезумевшим от голода и холода бродячим бездомным собакам.

Тяжко жить на этом свете девятилетнему Человеку со взрослыми глазами...

Господи! Спаси... Сохрани... Помилуй...

* * *

Как-то случайно выдался свободный день, и я поехал за город в район деревни Лиголамбия, где когда-то наша семья снимала дачу.

Войдя в лес, я ощутил неповторимую грустную красоту природы, которая уже готовилась к долгому зимнему сну. По обе стороны тропинки кое-где пламенели ярко-красные ягоды калины. Трава еще не обсохла от ночной росы – этого хрустального переливчатого многоцветья слез ночи.

Невдалеке зарделась рябина, щедро усыпанная большими сочными ягодами – завидным лакомством дроздов-рябинников. Где-то совсем рядом на вершине сосны пропел свою дробную песню дятел, ему ответило звонкоголосое эхо, растаявшее в голубой дали, прокуковала кукушка... Прокуковала несколько раз и смолкла.

Что ж так мало?..

Неожиданно на тропинку выбежал ежик. Посмотрел на меня подозрительно своими глазками-бусинками, недовольно фыркнул и побежал дальше. Шелест травы под его маленькими коготками постепенно затих, и снова воцарилась торжественная тишина умиротворенности, тишина, которой я уже давно не слышал, тишина, напоенная неповторимым ласковым запахом далекого детства, запахом разнотравья, шелестом листьев, тихо шуршащих под ногами...

Листья как будто говорили: «Не мешай

нам, добрый человек. Скоро нас оденет снежное покрывало, над нами будет бушевать злая вьюга – верная посланница Борея. Сон наш будет безмятежно глубоким, спокойным и приснится нам тихое, ласковое журчание маленького ручейка, в котором сверкающими алмазами пробуждения Природы будут отражаться первые весенние лучи Солнца. Не мешай нам, добрый человек».

Я вышел к небольшой лесной речушке, бережно-скорбно несущей в своих объятиях опавшие листья. Подумалось: куда текут медленные неторопливые воды этой сказочной реки забвенья? Вдруг эту первозданную тишину сказки, в один миг ставшей по воле человека Черной былью, наполнит грубый рокот мотора, визг пилы, тяжкий глухой стон падающего зеленого великана?..

Но нет... Вокруг все также царила мирная безмятежность Тишины.

Медленно всходило Солнце.

Туман, плотной, белесой пеленою покрывавший реку, лес, поля, луга, словно бограда сказочного Черномора, вдруг дрогнул и пополз куда-то, спасаясь от беспощадных лучей Ярилы – Солнца.

Где-то в лесной чащобе несмело пискнула какая-то маленькая пичуга, ей ответила другая, за ней – третья и вот уже зазвенел огромный птичий хор, возвещая: День настал!

Вспомнились слова поэта:

*И во всей неизмеримости эфирной
Раздастся Благовест всемирный
Победных Солнечных Лучей!*

В этих словах Ф. И. Тютчева и музыке С. И. Танеева неизменно слышится Гимн всепоглощающей Радости Бытия, Гимн красоте Мироздания, слышится торжественная мерность звучания больших колоколов, которым отвечают зазвонные, возвещающие светлый праздник Великого блага – Жизни во славу Бога нашего Господа Христа!

* * *

Мы сидим в маленьком классе на пя-

том этаже Ленинградской консерватории. Дневной свет несмело пробивается через оконце и через форточку почти под самым потолком. Когда-то здесь, во время ленинградской блокады жил Александр Вячеславович Оссовский – ученый, музыковед, композитор, автор многих замечательных работ по истории музыки. В это же время в бомбоубежище подвала Александринского театра при тускло мерцающем пламени свечи свои мысли о творчестве С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича, Н.Я. Мясковского, А.И. Хачатуряна записывал Борис Владимирович Асафьев, о чем поведал в своих воспоминаниях его ученик Михаил Семенович Друскин.

А сейчас...

Из-под нависших густых бровей на меня внимательно, но очень по-доброму смотрят глубокие глаза...

Анатолий Никодимович Дмитриев... Человек необычайно широкого интеллекта, человек огромного кругозора, который невозможно было даже попытаться охватить... Когда он рассказывал о стихии ударных инструментов народов Африки, создавалось впечатление, что всю жизнь он провел среди аборигенов Занзибара, Кении, Мадагаскара. И здесь же – примеры из классической музыки И. Ф. Стравинского, Г. Малера. Становилась ясной преемственность мышления поколений.

Когда Анатолий Никодимович рассказывал о народных музыкальных драмах Модеста Петровича Мусоргского, здесь же иллюстрируя рассказ фрагментами из опер, перед слушателями живыми страницами представал образ «всемогущего» князя Ивана Хованского, который в ответ на яростный клич стрельцов: «Веди нас в бой!» с болью произносит роковое: «Ныне не то. Страшен царь Петр. Идите в дома ваши и спокойно ждите судьбы решенье. Прощайте, дети...» А в музыке уже звучало траурно-триумфально: и выход стрельцов с плахами на Красную площадь, и провидение Марфы – приговор князю Голицину: «Тебе угрожает опала и заточенье в

дальнем краю». Все это было обобщено интонационно-образным раскрытием авторской партитуры...

«Борис Годунов»... Страстным рассказом о событиях, предшествующих 15 мая 1591 года (день убийства царевича Димитрия), словно свидетеля этого трагического события, звучал рассказ Анатолия Никодимовича. Особенно страшной параллелью раскрывался образ «венчания на царство» и «звон, погребальный звон», стержнем чего стали слова исповеди царя Бориса: «Скорбит душа»...

Помню, как благодарно посмотрел на меня Анатолий Никодимович, когда я затронул «дело Клейна» и современные исследования Скрынникова.

Здесь же зазвучало пименовское: «Еще одно последнее сказанье», образ Иуды Битяговского («...и в ужасе под топором...»). И вдруг – все сокрушающее, яростное «Как во городе было, во Казани» – Варлаамова песнь, которую он «распевает звероподобно, люто, словно последний осколок каннибальских народов».

Кто-то из нас рискнул упомянуть о «работе» Слетовых, посвященной Мусоргскому. Анатолий Никодимович застыл, словно от удара, и тихо произнес: «Позорная работа, которую и работой назвать нельзя».

Словно желая стряхнуть с себя оцепенение, вызванное памятью о слетовских «раскрытиях пьяной психологии Варлаама», Анатолий Никодимович стал рассказывать о музыкально-интонационно-образной драматургии оперы А.П. Бородина «Князь Игорь». Но сначала зазвучал насыщенный событиями летописных сводов рассказ о древнем Путивле, о боярах, о мятежном своевольном князе Галицком, об изощренно хитрых в своей безграничной наглой подлости Скуле и Ярошке. Затем зазвучало приветливое, хоть и несколько настороженное слово Ярославны: «Добро пожаловать, бояре! Я рада видеть вас», а в ответ скорбно-сосредоточенное: «Мужайся, княгиня. Недобрые вести несем мы тебе, княгиня». И страшная вихревая стихия на-

бата – страшная в своей неотвратимости надвигающейся катастрофы...

А вот совершенно другие образы, порожденные стихией несокрушимой воли людей, впитавших в себя бескрайний степной простор. Зазвучали дикие в своей необузданной страсти «Половецкие пляски», когда-то так блистательно представленные в начале XX века в «дягилевских сезонах» Парижа в постановке М.М. Фокина.

Неожиданно аметистовым рассветом тихого утра зазвучало: «Светят росой медвяные косы твои» – «Садко» Н.А. Римского-Корсакова. Царевна Волхова... И здесь же – рассказ о Забеле Врубель, о художественных полотнах Левитана, Сурикова, Врубеля, Васнецова...

Из этого рассказа-сказки безжалостно вывел скрип открывшейся двери и официально-холодное: «Простите, ваше время истекло».

Анатолий Никодимович как-то сразу зашевелился, торопливо произнес: «Конечно, конечно!»

Мы медленно шли по длинному коридору четвертого этажа и, как замороженные, слушали рассказ об архивно-рукописных материалах, давших «пищу для ума и сердца»: перед нами возникали образы великих мыслителей в музыке минувшего столетия – Чайковского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Стасова, Асафьева, их верного ученика-последователя, нашего современника – Анатолия Никодимовича Дмитриева.

Светлана ПАНОВА

Две стороны жизни

Замечали ли вы, как различны между собой улицы и проходные дворы? Это будто лицевая и изнаночная стороны одной материи. Яркая, праздничная, чистая жизнь проспектов, где подстрижена трава, убран мусор, блещут рекламы и затрапезный, блёклый вид задних дворов. Такую разительную перемену увидишь часто. Как-то гуляя по бульвару, мы решили зайти в аптеку. Однако объявление, приклеенное к входным дверям гласило, что аптека временно закрыта, а выдача лекарств производится со двора. Пройдя под аркой, мы попали ни во двор, нет, а скорее в другой мир, потому что вокруг нас всё разительно изменилось. Теперь жизнь была не показной, не притворно-слащавой, а правдивой, и быт другой, и публика иная, начисто забывшая о правилах поведения.

На скамейках здесь сидели затрапезные старухи в старинных пыльниках. Какие-то одноногие перекошенные инвалиды несли сдавать в полуподвальные приёмные пункты свои пузырьки. Тут же только для них и ни для кого другого приветливо распахнули двери всевозможные пивнушки, забегаловки и рюмочные, откуда то и дело слышались их радостные нестройные, простуженные голоса. Под громкой

вывеской “Салон красоты” примостились на колченогих, кем-то выброшенных стульях забулдыги. Они почёсывали свои серые, давно немые ненапедикюрные ногти, и не спешили в салон. Пахло жареной рыбой, селёдкой. Впрочем, запахи были настолько сложны, что не поддавались описанию. По-домашнему, в фартуках и халатах, с папильотками в волосах выскакивали домохозяйки по своим нуждам. С гиканьем и свистом носились неугомонные мальчишки. А в глубине двора, не стесняясь, выпивали какие-то серые личности с синюшными носами. Тут же в углах сидели разнокалиберные кошки, у своих сиротских мисок, поджидая сердобольных старушек, а завидев их, сразу поднимали хвосты и начинали кружить вокруг, как паства возле священника. Слегка ошеломлённые виденным, мы поскорей вышли на улицу, дабы не тревожить патриархальную, устоявшуюся жизнь двора. И опять, как ни в чём ни бывало нас ослепило солнце и навстречу заскользили на помаженные пешеходы. Своим лакированным видом они будто пытались доказать нам и себе, что таковы они есть и будут всегда, что изнаночная сторона жизни им неизвестна.

Поганки

Сказка

Поганки выросли под кустом - целая семья: поганка папа, поганка мама и двое маленьких поганят, один побольше, другой поменьше. Поганки гордились необычным цветом своих шляп. Особенно поганка мама. У неё была шляпа резная с загнутыми вверх краями, нежно-голубая. Такой ни у кого в лесу не было.

- Мы самые красивые? – спрашивали

мать детишки-поганышки.

- Да, несомненно, - кивала изящной головой поганка мама.

Но соседи грузди и горькушки с зеленушками почему-то чурались семьи поганок. Они не хотели замечать красоты маминой шляпы, селились поодаль и своим детям запрещали играть с маленькими поганышками. Да что там соседи! Даже

близкий родственник поганок красный мухомор при встрече делал вид, что пересчитывает белые крапинки на своём халате. При этом он отворачивался и старался проскользнуть мимо, не здороваясь.

Ни один грибник, сколько их ни приходило в лес, даже не смотрел в сторону поганок.

- Мы что, плохие что ли? – спросил однажды у отца маленький поганёнок, когда его в очередной раз поддали носком ботинка.

- Как тебе сказать? – глубокомысленно произнёс отец. – Мы не плохие, но не совсем такие, как все.

- Лучше или хуже? – допытывался сын.

- Конечно лучше.

- Почему же к нам никто не ходит?

- Ну, это не совсем так. Просто мы живём в стороне от дороги, нас не видно, ну, и мы, соответственно, никого не встречаем.

Так и жила семья поганок отшельниками. Можжевельник, под которым они росли, ель совсем завалила сверху иголками, так что ни пройти, ни проехать. Да и куда идти? В школу поганят не взяли, по причине отсутствия у них справки от нарколога. Поэтому пришлось нанять им домашнюю учительницу, старую, изъеденную улитками, сыроежку, от которой ещё издали пахло плесенью. Сыроежка была настолько древняя, что почти ничего не видела и не слышала. Глаза у неё слезились, а из уха постоянно свисал червяк. Но жить-то как-то надо, а на мизерную сыроежнюю пенсию не очень-то разгуляешься. Поэтому, собрав свои пожитки, старушка переселилась жить к поганкам.

- Учитесь, дети, старайтесь. Это вам пригодится в жизни, - постоянно твердил отец поганятам.

Но, как бы ни учились поганышки, среди грибного сообщества, где процветали кумовство и блат, им вряд ли суждено было преуспеть, если бы не случай.

У Сокола - царя - птиц заболела единственная любимая дочь. Лучшие врачи со всего леса безуспешно слетались к её постели. Никто не мог ей помочь. Крошка лежала в гнезде и бредила.

- Что делать? Что делать? - заламывал крылья отец-Сокол.

- Надо обратиться к экстрасенсам, – посоветовал звездочёт-дятел. Он сплюнул кородея через левое крыло, постучав при этом три раза по дереву.

Послали за знахаркой старушкой-кукушкой. Она с молодости занималась приворотом, заговаривала клювы и гадала на пустых яичных скорлупках. Посмотрев в издавшие виды справочник молодого знахаря, кукушка сказала как отрезала:

- В соседнее грибное государство податься надо. Туда стрелка указывает.

Король грибов Боровик приветливо встретил представителя птичьего племени – Сороку. Прочитав послание, написанное на её длинном хвосте, он глубоко проникся заботой царя птиц. Тут же собрал он на совещание своих министров. Министры в своих разноцветных мундирах расселись под старой берёзой. Высокая трава скрыла с головой всех, кроме боровиков. Толстопузые сановные белые грибы поглядывали на других представителей многоликого грибного мира свысока. Сразу было видно, что они знают себе цену. Ещё бы, их плоть не чернела ни при каких обстоятельствах: ни при варке, ни при сушке. Это тебе ни какой-нибудь моховик с тёмно-синей сущностью внутри. Король происходил родом тоже из белых грибов. Недаром его корона отливалась червонным золотом.

- Ну, те-с, господа хорошие, - начал свою речь Боровик, - я думаю, вы все уже слышаны о больной птичке и предполагаю узнать ваше мнение на этот предмет.

- Настойка из белых грибов безусловно мгновенно вылечит больную, - громогласно заключил главный министр.

- А чем плох, позвольте вас спросить, рассол из солёных рыжиков? - пискнул

маленький шустрый Рыжик, министр пищевой промышленности.

- А лисички, к вашему сведению, вообще никогда не бывают червивыми. - повела жёлтой бровью Лисичка.

- Тише, тише, господа! Не все сразу. – успокоил министров Боровик. – Пусть каждый принесёт завтра с утра лечебные настойки в нашу лабораторию, и лучшие мы отошлём с нарочными к больной.

Что и говорить. Лекарственные снадобья были тут же доставлены. С раннего утра к берёзе выстроилась вереница курьеров с пузырьками и свёртками. Чего только не нанесло грибное племя: отварам, порошкам и притиркам не было числа! Фельдшерница Сова, близоруко щурясь, сортировала лекарства и складывала их в пустые контейнеры из-под живой и мёртвой воды. Вода прокисла ещё в прошлом веке и была вылита завхозом Вороном без всякого сожаления под сухую пихту. Прошёл день, другой, третий. Все настойки были перепробованы, но больной легче не стало. Возмущённый этим птичий правитель отдал уже было приказ об аресте старой кукушки-гадалки, неверно предсказавшей направление поиска лекарственных средств, как вдруг на пороге появился хромой Голубь. Он ещё с утра толкался в приёмной правителя, но его так и не приняли. Соколу просто было не до него. После неудачного лечения больной грибными отварами, правитель не находил себе места и готов был вырвать на голове последние перья. Дочь лежала в беспамятстве, её мать валялась где-то под тронем в обмороке. Слуги сбились с ног в поисках новых докторов, и на обшарпанного Голубя никто не обратил внимание, пока он сам, воспользовавшись замешательством секретаря, не проник в тронный зал. Правитель сидел, понурился, машинально перелистывая жёлтые страницы.

- Кхм, - прокашлял сизый пришелец.

Правитель оторвал, наконец, взгляд от справочника и поднял голову.

- Что вам угодно? – хрипло спросил он, увидев в дверях затрапезную фигуру.

- Извините, но я бы хотел...- пролепетал голубь.

- Я никого не принимаю! - раздражённо перебил его Сокол. - Мне сейчас не до посетителей, у меня дочь при смерти.

- Так я по этому поводу и пришёл к вам, - просвистел голубок. - Я знаю средство, которое спасло жизнь не одному больному. Да, что там, я сам только им и спасся.

- Так что же вы тогда там топчетесь у порога, проходите в залу, да поскорей поведайте нам об этом чудодейственном средстве.

Голубь прошуршал крыльями мимо удивлённой придворной челяди и подошёл к трону правителя.

- Меня вылечили исключительно сырыми грибами, - сказал Голубь, низко кланяясь Соколу и Соколице, которая тут же пришла в себя и выглянула из-за спинки трона.

- Нет, нет! Я больше не хочу ничего слышать ни о каких грибах! - крикнул, перебивая его, правитель. - Мы безуспешно перепробовали все настойки, присланные нам Боровиком.

- Да, но, наверняка, вы не пробовали сырых поганок.

- Не хватало, чтобы я свою больную дочь собственнокрыльно ещё и отравил напоследок! – накинулся на Голубя Сокол.

- Не верите? – спросил Голубь. – Я тоже не верил, пока на личном опыте не убедился. Вы не возмущайтесь, а сначала послушайте всю мою историю с самого начала. А начать следует с моей бабки-голубицы. Летела она один раз хвора по лесу и захотелось ей пить. Осмотрелась она, а вокруг ни ручья, ни родника, ни лужицы только внизу под высокой елью что-то белеется. Пригляделась: поганки, целых четыре штуки. Одна, с огромной резной шляпкой, с загнутыми вверх краями, доверху наполнена дождевой влагой. Не удержалась она, слетела вниз и напилась этой воды, а ещё и мушку с края склюнула,

да вместе с кусочком гриба. Чувствует - полегчало. Головную боль как рукой сняло. Прихватила она в клюве кусочек поганки и скорей домой полетела. А надо вам сказать, я в детстве сильно болел. Не то что летать, ходить совсем не мог. Накормила меня бабка этим грибом, и я тут же моментально поправился. Яд в маленьком количестве оказал своё лечебное действие.

- Где же растут эти чудодейственные поганки? И почему я о них ничего не знаю? - спросил Сокол.

- Да они отшельниками живут, о них мало кто знает, - воскликнул Голубь.

- Веди же нас к этим поганкам сейчас же! - прокричал Сокол и взвился ввысь.

Летели они долго. Голубь еле поспевал за правителем

Но в грибном королевстве в это время тоже не дремали. Весть о чудесных поганках тем временем с быстротой молнии разнеслась по всему лесу. И кто раньше пренебрегал этими грибами, тут же стал их первым другом. Сначала прибежал засвидетельствовать своё почтение семье поганок мухомор. В подарок он притащил целую связку сушёных мух на компот. Потом принесли соседские горькушки:

звать детишек-поганышек играть в прятки. За ними приплелась старуха-зеленуха и стала нашёптывать зелёными губами маме поганке в самое ухо любезности о её неподражаемой красоте. Из этого папа поганка заключил, что произошло что-то из ряда вон выходящее. И действительно, не прошло и часа, как дорогу к их дому расчистили. Под елью при этом не осталось ни единой иголки. Для этого была выделена целая бригада дворников-опёнков под руководством бригадира-подосиновика. Такой чистоты в этих краях со времён царя Гороха не выдвигали. Под конец в гости к поганкам пожаловал сам правитель – Боровик. Он поздоровался с папой поганкой, склонился в изящном поклоне перед мамой и любезно потрепал детишек-поганышек за шляпки. В общем, не успели ещё Сокол с Голубем и половины пути проделать, а в поганочной жизни всё чудесным образом переменялось. Семья поганок получила новую квартиру в берёзовой роще, папу перевели на работу в министерство, маму выбрали мисс-поганка года, а детишки-поганышки пошли в престижную школу. Вы спросите:

- Так помогло ли больной дочери Сокола лекарство из поганок?

История об этом умалчивает.

Секрет

- Ты умеешь делать секреты? - спросила меня с умным видом Женя.

Я побоялась показаться глупой и недалёкой и слегка кивнула головой, хотя понятия не имела ни о каких секретах. Секрет. А что это вообще такое? Как их делают? Лепят что ли.

Но у меня никаких секретов ни от кого не было. Женя, видя моё замешательство, взялась учить меня жизни. Она деловито вырыла ямку в рыхлой земле у забора, где никто, кроме собак и кошек не ходил, и положила туда клочок белой бумажки. Белый треугольник светлым пятнышком выделялся на бурой земле, усеянной битым стеклом и камушками.

- Смотри, - сказала Женя. – Вот мы кладем сначала бумажку.

Из её приоткрытого рта текла слюна удовольствия.

- Потом фантик. У тебя есть какая-нибудь обёртка от конфеты? – вдруг обратилась она ко мне.

Я пошарила в кармане, но кроме мятой ириски ничего там не нашла. Но я всё равно развернула конфету и отдала Жене обёртку, а липкую лепёшку положила обратно в карман. Женя взяла мой фантик, повертела его в руках и сказала:

- Такой не годится.

Она достала из своего кармана дорогую дефицитную обёртку от «Красной Шапоч-

ки» и сунула её в грязную ямку. Из-за жеманного плеча мне не видны были её манипуляции с бумажками. Желая всё получше рассмотреть, я наклонилась и чуть-чуть не упала на подругу.

- Ну, что ты, осторожно, секрет сломаешь! – сказала она, отталкивая меня спиной.

- Мне не видно, - робко пробормотала я.

- Ну, вот же, смотри, - смилостивилась она, открывая мне доступ к познанию истины.

- Теперь кладём блестяшку. У тебя есть блестяшка? – вдруг спросила она у меня.

Но у меня никаких блестяшек не было. Я вывернула на всякий случай карман, чтобы она не подумала, что я что-то зажилила и смятая тянучка упала в грязь. Но что там какая-то конфета, когда здесь происходит священнодействие: превращение простых фантиков в секреты.

- Ничего-то у тебя нет, - вздохнула Женя и вытащила из кармана жилета ворох золотых и серебряных бумажек из-под конфет и чая.

Я смотрела на такое богатство открыв рот.

«Неужели все эти драгоценности она засунет в ямку?» – подумала я.

Но подруга выбрала маленький обрывок золотинки, расправила его грязным отковыряния в земле пальцем. Остальные же бумажки засунула обратно в карман. Затем

она подобрала и очистила уголком подола одно из брошенных стёкляшек и прикрыла им фантики.

- Ну, вот и всё, - сказала она. - Секрет готов.

Она засыпала всё землёй и посмотрела на меня. Я недоумевала: «Зачем же было столько мучиться и хоронить под землёй дорогие фантики?»

- А теперь самое главное, - вдруг сказала подруга. И стала вновь разрывать руками ямку, как кошка, которую выпустят ненадолго из дому. Пальцем Женя поводила немного в земле, пока не сверкнул кусочек битого стекла.

- Видишь, какой прекрасный секрет получился?

Но ничего прекрасного я не замечала. Однако, обидеть Женю не смогла и закивала головой. Самое непонятное случилось потом. Спустя некоторое время я сама пристрастилась делать такие ямки с фантиками. Многие девочки в доме увлекались этим. Дело у нас было поставлено на поток. И вскоре все углы нашего двора были обложены стёкляшками. Бывало, роешься в песочнице и вдруг, бах, стекло!

«А может быть это чей-то секрет?» – думаешь ты.

И представляешь, сколько сюда под землю всажено добра. Кто-то прятал, а ты нашёл. И это рождало в душе ни с чем не сравнимое чувство прикосновения к чужой тайне.

Наталия СОРОКИНА

Как на концерте меня моя дочь «просватала»

Это было праздничное мероприятие в Д.К.Газа. Кажется для узников концлагерей. Проводила администрация Кировского района. В концерте были заявлены Эдуард Хиль, Виталий Псарев, Георгий Штиль и другие звезды...

Я приехала на площадку с одиннадцатилетней дочерью Настей. Программа была большая, мое выступление было где-то в середине.

Получив заслуженные аплодисменты и традиционный для муниципальных праздников букет, я вошла в гримерку, где ожидала меня дочь с распахнутыми до бровей глазами.

- Мама, я нашла тебе мужчину...

- Какого мужчину?..

- Ну, мужа. То есть будущего мужа... Ну, жениха. Он хочет на тебе жениться!

Я не сразу поняла, розыгрыш это или нет. От собственной дочери? По какому случаю? Сегодня, вроде бы не первое апреля...

- Ты что шутишь?

- Нет, он имеет очень серьезные намерения, - говорила она шепотом... и тянула меня из гримуборной куда-то в коридор. - Мама, он солидный, симпатичный и богатый.

- Это он сам так сказал?

- Да. И еще сказал, что очень ты ему нравишься, что он хочет с тобой поближе познакомиться и на тебе жениться.

Так она тащила меня по коридору до следующей двери.

Дело было все-таки деликатное, поэтому я вошла осторожно.

Приведя меня за руку в соседнюю комнату, она заговорщицки начала стрелять глазами.

Я увидела в комнате только переодетого Эдуарда Анатольевича Хиля, давно знакомого по совместной работе в любимой организации Петербург-концерт.

Я оглянулась и спросила шепотом: «Где?»

Ну, где же он?»

- Да вот же он! Громко и гордо сказала моя дочь, показывая рукой на Хиля.

- Вот он, Жених! И он согласен на тебе жениться. Он мне сказал, что ты ему нравишься, и ему все подходит...

О розыгрышах Эдуарда Анатольевича, конечно, ходили слухи, но лично меня это еще ни разу не коснулось. Поэтому я была, мягко говоря, ошарашена, будучи хорошо знакома с его женой и сыном.

Розыгрыш удался!!!!

Мы с Хилем громко хохотали, а Настя стояла рядом расстроенная своим неудачным опытом, ведь она приняла все за чистую монету.

Оказывается, Эдуард Анатольевич, увидев девочку-подростка за кулисами, во время моего выступления, узнал, чья она дочь и, пользуясь ее неведением, решил разыграть нас обеих.

Настя, конечно, была обескуражена тем, что жених оказался известным артистом. И мне даже стало немножечко жаль, что она так неудачно просватала маму.

«Подставной жених» в подробностях расхвалил мою дочь, за то, какая она заправская сваха, как расписала все мои достоинства, включая сведения о зарплате, недвижимости, машине, а также материальном благосостоянии будущей невесты, в целях заполнения выгодного кандидата на марьяж!

- Ну что ж, - напутствовал Народный артист:

- Лиха беда начало!!! Продолжай в том же духе и у тебя все получится!!!

Но моя дочь оставила поприще свахи, расстроенная своей первой неудачей.

В этом году Анастасия поступила в Мухинское училище. Она мечтает стать художником. Видимо самостоятельно нарисовать счастье для себя и для мамы ей показалось гораздо более легкой задачей.

Актер Бельведерский Юбилей ^{или} композитора П.*

Банкет по случаю юбилея композитора П.* был назначен на понедельник сразу после бенефиса на сцене. Атмосфера в буфете театрального зала «Медведь» была жизнерадостной, несмотря на убогий ассортимент застолья. Бутерброды с красной рыбой, покрытой обветренной корочкой перемежались тощими шпротами на тарелочках с лимоном, а канапе из сыра щетинились антеннами из зубочисток с наколотыми на них оливками. Бутерброды с копченой колбасой украшали пергаментно прозрачные кружочки уже несвежих огурцов. Зато гости, изможденные ожиданием во время представления, были возбуждены в предвкушении предстоящей выпивки, не смущаясь однообразием жалкой закуски. Юбиляр был трогательно раскоординирован после расчета с недружелюбной буфетчицей, что-то невнятно лепетал в оправдание собственной растерянности. И наконец дал команду начинать. Все бросились к столу.

Актер Бельведерский самостийно принял на себя миссию тамады. Надо сказать, что в его присутствии перехватить у него эту роль без ущерба для репутации хорошего актера не удавалось еще никому. К его шуткам всех притягивало как магнитом. Они были едкие, но подавались под пикантным соусом из подтекстов и обаяния, вызывая общий гомерический хохот, что уже никак не могло быть воспринято с обидой.

Основной особенностью потока его юмора была непрерывность. Поводом могло стать все, что угодно. Под лозунгом «Что вижу, то и шучу».

Он вовлекал в процесс всех, кто опрометчиво становился на его пути, оказывался случайно в поле его зрения, ярко реагировал, громко смеялся, или не смеялся вообще. И чем больше людей включалось в эту игру, тем более витиевато расплетался у Бельведерского язык. Рискнувшего стать его оппонентом, к концу вечеринки уже становилось жалко. И даже сдавшегося настигала последняя,

на прощание, нахлобученная на голову бедняги шутка.

Тамара вспомнила, что Бельведерский не всегда был так удачлив. Несколько лет назад на одной из выборных кампаний они работали вместе. Жили в какой-то заштатной областной гостинице. Ночью, после четырех часовых концертов, Бельведерский с компанией других артистов мужского пола устроил у себя в номере обычный шабаш.

Упорно желая привлечь внимание одинокой, мечтающей заснуть в соседнем одноместном номере певички, они орали куплеты, пили водку, рассказывали похабные анекдоты и нагло стучали в стенку. Тамара появилась на пороге, завернутая в виде египетской мумии в простыню, и громко заявила, стараясь быть очень серьезной, что она вызовет милицию. Оргия поутихла.

Но Бельведерский обиделся и пошел в шесть часов утра задирать своим амбициозным видом окрестных петухов.

Наутро он вернулся в гостиницу с подбитым глазом. Петухами оказалась местная братва. Бельведерскому не помогла даже его телевизионная известность. Местные бичи, видимо, просто никогда не ходили в театр и не смотрели детской передачи про кукарачу.

Бельведерского дисквалифицировали. С синяком под глазом и расквашенной мордой, он никак не мог олицетворять добрую волю кандидата в депутаты от местного населения.

Пострадавшая с похмелья телезвезда сильно сокрушался. Но с присущим органическим чувством юмора, все-таки обрисовал всю картину в красках, как он остановил местный мерседес и попросил закурить. Стекло опустилось, и из черной дыры элитного автомобиля донеслось: «Ты кто?». Бельведерский ответил: «Х.. в пальто». Из окна вместо зажигалки вылетел кулак и, соприкоснувшись с глазом известного артиста, отпружинил обратно.

Окно закрылось, и мерседес с братвой канул в дымовую завесу, обдав Бельведерского клубами провинциальной пыли.

В буфете концертного зала «Медведь» в воздухе можно было уже вешать бензопилу. Бельведерский заснул, и вместо него уже горланил артист эстрадно-циркового жанра один из братьев-близнецов Мануйловых. Он представлял всем свою жену пианистку и сына шалопая и громко кричал по этому поводу надсаженным горлом. Взгромоздясь на хлипкий стул вместе с семьей в виде акробатической фигуры из архивных фотографий периода лакированного социализма, он пытался спровоцировать конкурс вокалистов на лучшее исполнение произведений композитора П.*, имея тайные намерения показать голосовые данные своего отпрыска. Так сказать, за счет коллег вывести в люди.

Взгляд его упал на спину уходящей Тамары. «Вокалисты, в бой!» - крикнул он ей вслед безнадежно срывающимся голосом.

Набокина в очередной раз порывалась уйти, но зацепилась за комплименты, искусно рассыпанные перед ней фокусником Стульчинским. Это ее и подвело.

Сизый дым табачного происхождения прорезал властно-капризный голос внезапно очнувшегося Бельведерского:

- Господа, наша организованно-запланированная пьянка по случаю любимого всеми композитора П.* продолжается.... Слово имеет представитель вокального цеха, самого красноречивого цеха артистов города Петербурга, и сейчас мы, конечно же, с Вами в этом убедимся. Прошу Вас, господин Волков!

Волков поперхнулся только что опрокинутой рюмкой водки и от неожиданности выпучил глаза. Пел он хорошо, правда забывал слова и мог спеть три раза подряд один и тот же куплет. Говорить он не умел совсем. «Ну, Женя, - сказал он с селедкой во рту. За что ты меня так? Вот Набокина у нас спец по одам! А, кстати, где Тамарочка? Ушла?! Нет так не пойдет. Тамарочка, иди-ка сюда», - проникновенно гаркнул он, уже

заворачивающей за колонну несчастной жертве.

- Я не в голосе. Пискнула она.

- Иди, иди, кто еще отдаст дань ветеранам и покажет пример подрастающему поколению?!

Сколько раз Тамара зарекалась ходить на подобного рода мероприятия. Весь liver алкоголем отравят, да еще заставят петь и стихи сочинять. «Отказаться нельзя, - юбиляр обидится», - пронеслось в голове, и она подошла к П*.

- Хорошо, - взбодрившись и вскинув себя «на колок», выдохнула она в густую атмосферу алкогольного торжества. - Ода еще не готова. А вот эпиграмму, написанную на коленке, готова прочитать. Только без обид!!!

- Давай! - закричали провокаторы.

И Тамара выдала экспромт:

Дорогой, любимый композитор!

Слух о том порвет сегодня твиттер:

Ты у нас эстрадное светило!

Не позволим сдать тебя на мыло!!!

Это не простое сообщение.

У тебя сегодня День Рождения!

За стеной пусть злится непогода,

Корифеи мы иного рода.

Не хотим своих сдавать в утиль.

Буря там. Здесь мы устроим итиль!

В окна пусть стучит промозглый ветер

За тебя сегодня мы в ответе!!!

Дружба наша пусть хранит твой дар!

Будь здоров подольше! Юбиляр!

- Ура! Поздравляем! Bravo! - Кричали в экстазе финальной праздничной агонии, очумевшие от нахлынувших чувств гости.

- А теперь песню! Песню нашего эстрадного классика!

- Что будем петь?- Спросила Тамара. - Народ просит.

- Так ведь что хочешь.

- Что хочу? Ну, тогда давайте нашу, любимую, из Серебряного века?

П.* сел за рояль и Тамара запела.

Домой приволоклась уставшая, нетрезвая, ну... как после работы. Вот такой вот артистический выходной! Понедельник для артиста - день тяжелый!

День рождения Раймановой

Тамара опоздала. Перед входом в зал ей преградила путь ученица Раймановой Сидорова-Куцук, в очередной раз выполнявшая роль живого бронезилета под маркой помрежа... «Концерт уже начался, все песни в ресторане», - прошипела она, довольно улыбаясь.

Бенефис был в разгаре. На сцене Дома Актера цвел розарий, в центре которого распускалась всеми своими лепестками Марина Берсеньевна.

Тамара, ослепленная высвеченной сценой, не сразу сориентировалась, куда кинуть тело. Ее схватила за руку хозяйка «Дома» Эля Пастернак и направила в первый ряд, где уже сидела чета Залихватских и еще каких – то корифеев питерского боммонда.

Капустник Раймановских студентов, видимо, закончился, и началась «Исповедь» бенефициантки.

Райманова стояла на сцене в темно-фиолетовом платье, со смелым для шестидесятипятилетней светской львицы разрезом до середины бедра. На плече у нее вызывающе горела цикломенная розочка из капрона. Довершал композицию изящный букетик роз цвета измены в руках. Им она действовала, как учительница указкой, или скорее фея цветов забвения из сказки «Снежная Королева». Она целый час исповедовалась почтеннейшей публике в грехах, которые не совершала сама, ни намеком не упомянув о настоящих, которых по единодушному мнению присутствовавших, конечно же, не было.

Надо отдать дань мужеству Питерской Дивы, которая не побоялась встать на каблуки и открыть свои ноги в прозрачных чулках на обозрение всей элиты, не скрывая шрамов от операций на пересадку, как она выразилась, новых струн для своего сердца.

Изысканно до... оскомины в поджелудочной железе произносили свои панегирики измученные чрезмерными возлияниями и подагрой ровесники

знаменитой бенефициантки. Этот поток был нескончаем, и зрителям уже хотелось в ресторан. Чуткая Марина Берсеньевна, угадывая настроение зала, старалась закруглить череду выступлений. Но какая-то старая заржавленная часовая шестеренка ее пышного словообразования, сбивалась на ответные похвалы, превращая их в витиеватые монологи.

Тамара дала о себе знать. Она смело встала и пошла по проходу прямо к сцене. Райманова, заметив ее, то ли от неизбежности, то ли от удачной возможности сменить заезженную пластинку, ухватилась за ее внезапное появление, как за соломинку, не теряя при этом залихватской инициативы.

- А сейчас главный сюрприз вчера, - сказала она, задорно взглянув на Тамару.

- Певица, поэт, актриса, вдохновленная мной и вдохновившая меня на творческие подвиги, Тамара Набокина! - И сразу шепнула на ушко, уже подлетевшей к ней артистке: «Тамарочка, пожалуйста, только что-то одно! Ну, ты знаешь... мое любимое!»

- Конечно! Марина Берсеньевна. А то!, - азартно поддержала ее партнерша по сценическим перевоплощениям и стала читать панегирик, посвященное юбилярше.

«...О, священная Марина!

Лик твой - Рембрандта картина,

От восторга мы не дышим,

Обожаем, видим, слышим!!!» И.т. д.

Довольная Райманова завершает торжественную часть и объявляет переход в иную субстанцию.

Взрываплодисментов. Взмахволшебного букета феи Мелюзины и Двери шлюза открыты! Плавное переливание элитной публики через плотину в коридор и по сообщающемуся сосуду в изысканно накрытый зал Театрального ресторана Дома Актера, напоминает живую реку, поблескивающую семнашками,

восемнашками, а кое-где помпезным фальшаком.

Может сложится впечатление, что жизнь артистов, - это бесконечная череда банкетов, поздравительных презентаций и похорон. Что же, ничего странного. Мы призваны развлекать, учить людей праздновать свою жизнь,- думала Тамара. После смерти отца и матери, умерших один за другим в один год, не дожив четыре месяца до своего Золотого юбилея, она долгое время не могла посещать эти церемонии. Этот бесконечный праздник

казался вопиющей несправедливостью. Ей хотелось себя обмануть, она погружалась еще и еще раз в воспоминания, которые периодически реминесцировали и мучили ее. Но жизнь, наконец, взяла своё и она, благодарная своей старшей взбалмошной подруге и сценической хулиганке Марине Раймановой, снова пустилась на бумажном кораблике своей судьбы по стремительному течению этой изысканной, полной круговоротов, омутов, подводных течений, камней и непредвиденных поворотов реки петербургского театрального искусства.

Фокусник Ганелин

Ганелин положил паспорт и водительское удостоверение в левый карман пиджака, открыл баночку, высыпал содержимое на ладонь. Вдруг, в самую гущу таблеток вбурился какой-то, опьяненный от весенней побудки жучок. Ганелин раскопал его, раздвинув таблетки кратером. Жучок был маленький и не проснувшийся. Ганелин сдунул его с ладони. «Лети! Рано тебе еще!». Белые таблетки, не отреагировав на струю воздуха, как кирпичи на стройплощадке, тяжелым грузом оставались лежать в руке.

«Значит, судьба», - сказал себе Ганелин, и одним легким движением руки произвел свой последний фокус.

Ганелина хоронили в закрытом гробу, он пролежал в морге больше недели без опознания. Об этом Тамаре рассказал его собрат по цеху фокусник Стульчинский. Говорят, что он спланировал свою смерть почти за полгода до случившегося. Врачи поставили ему смертельный диагноз и он, будучи одиноким человеком, не хотел повторять судьбу своего учителя Миухина, изрезанного врачами и брошенного в одиночестве умирать на больничной койке.

Ганелин внезапно пропал, просто не пришел на какойто сборный концерт. Его долго не могли найти. Сначала звонили домой, потом искали, но как-то вяло; родственников у него не оказалось. Он был детдомовский.

Потом многим вспоминалось, как

последние дни перед смертью Ганелин без причины приезжал к старым друзьям, говорил случайные фразы, давал советы. Он прощался и... готовился, но никого не посвятил в свое трагическое одиночество.

Артист был уверен, что его опознают по документам, которые перед смертью он намеренно положил в карман пиджака. Он думал, что все предусмотрел. Но бомжи, опохмелявшиеся в соседнем скверике с него, уже с мертвого, сняли пиджак.

Энергию в поисках пропавшего фокусника, ко всеобщему удивлению, проявил Ноздреев. Он около недели, используя свои обширные связи, собирал сведения по моргам и больницам. Сам ездил на идентификацию неопознанных трупов. И только благодаря этому Ганелина похоронили достойно, как питерского артиста. Никаких званий и регалий у него не было....

«Это неважно, - успокаивала себя Тамара, идя за гробом. - Зачем артисту звание? Выпрашивать, унижаться? Он по определению принадлежит всем, а значит, любой из нас - народный по призванию».

ПослеэтогослучаяТамара,отнoсившaяся к Ноздрееву без особого пиетета, сильно его зауважала за проявление актерского братства. Да, говорила она себе, оно все-таки есть, несмотря на зависть, ненависть, интриги. Жаль, что проявляется как-то очень сурово, лишь на проводах в последний путь.

Что поделаешь... Примета времени.

Александр ТЕМНИКОВ

Досрочный праздник

Он никогда не дарил розы, даже жене: то ли не хватало денег от каждодневной работы простым учителем, то ли необходимых чувств для такого поступка. А может, просто из жалости к объекту обожания, который мог уколоться шипами.

Первый раз в жизни он нёс в руке завёрнутую в газетную бумагу белую розу. Роза тоже чувствовала себя неуютно в неумелой руке и остывала на морозе, ещё не выполнив своего единственного в короткой жизни назначения. Он шёл неуверенно по новому снегу, под которым притаился хитрый ледок, с неуверенным чувством в правоте своего поступка накануне Нового года. От метро продвигался новым путём, держа правильным только направление. Ему во всём хотелось чего-то нового.

Зима, попросившись с осенью, решила к началу года выправиться и лезла в лепестки розы, делая их ещё белей, пряталась за воротник, в рукава, проверяя на прочность немолодого, может быть, в последний раз влюблённого мужчину. Джентльменский набор для встречи, купленный по пути и оттягивающий другую руку, хотел скорей согреться в тёплой комнате в предпраздничный день, принести пользу встретившимся двоим в этом мире. Дорога в двадцать минут казалась бесконечной. Мужчина успел перелистать свою жизнь по дням в прямом и обратном порядке и не мог ответить себе, правильно ли поступает сейчас в этот морозный вечер с глядящими на него праздничными окнами домов. Проходя мимо высоченной искусственной ёлки на площади перед супермаркетом с огромными фантастическими игрушками, он успел вспомнить многое...

Та ёлка была настоящей, из леса, с игрушками из вырезанных разноцветных бумажек, с висящими на ниточках орехами, конфетами, шишками и стеклянными шариками-фонариками. Тогда ему, счастливому чубатому школьнику, вручили фото у развёрнутого знамени дружины и

грамоту за отличную учёбу. Подруга Нинка, которая любила его, но признавалась в этом только в записках, тоже была и радовалась за своего избранника. Больше всего она хотела, чтобы её Вовка подрос. Они были настолько разного роста, что стеснялись стоять рядом при народе и поэтому не слышали друг у друга биения сердец от волнения. Теперь, будучи учителем, он видел, что этот пережиток прошлого в детском сознании, слава Богу, давно исчез.

А тогда было не так. Не догнав по росту свою первую любовь, он сильно переживал. Разошлись их пути навечно. Только общая профессия объединяла, всё-таки были у них души родственные. Он вспомнил, как они бегали по ржаному полю, стряхивая спелые зёрна из колосьев на землю и в руки, пробуя свой первый общий хлеб. Из-за малого роста он терялся среди ржи, и ему было стыдно перед Нинкой, васильками и чистым небом. Зимой на свидание ходил специально в подшитых валенках на толстых подошвах и, будучи наравне, заглядывал в её многопонимающие глаза. По утрам, отправляясь в школу, на сугробах, украдкой, оставлял свои первые строчки-признания. Они-то и дали начало стиху, а потом и целой книге стихов под названием «Снежное равенство». И теперь этот стих напоминает ему ту жизнь, невозвратную. Когда это было?..

Простые строчки сами собой повторились в памяти, придавая своей ритмичностью равномерное движение по заснеженной улице:

*Косые линейки на школьной тетрадке
Мне нынче припомнились вновь:
На них и сугробах от друга украдкой
Писал с многоточьем «Любовь...»
Два имени рядом, меж ними лишь крестик
Всё тайне какой-то равно...
Такое письмо посылал я невесте,
Ах, всё это было давно!
Она улыбалась словам на сугробах,
Глазами со мной говоря.
Мы рушили равенство снежное оба,*

*А может быть, всё-таки зря?
Всё реже рисуют признанья на стенах -
Вместил и любовь Интернет.
Да только строка на сугробе и тема
Не тают от прожитых лет...*

Зимние ботинки, привыкшие ко всякой погоде и дороге, споткнулись о поребрик и вернули его мысли в реальный вечер. Поребрик жизни он может сегодня переступить, одолеть или вечно придётся запинаться.

«А что, если он не придёт, не решится», - переставляя предметы на столе, размышляла про себя его избранница. Ваза была пуста и, кажется, забыла уже давно своё назначение в этом доме. Хозяйка чувствовала нежность и смятение в одно и то же время. Встретив интересного человека, она словно очнулась ото сна, прожившая в нём первую треть жизни. Молодая, красивая, часто разговаривая с попугаем на кухне, совсем забывалась и вела диалог с ним, как с человеком. Сынишка не доставлял больших хлопот, всё свободное время проводя у бабушки. Сегодня её Ромашка был дома, и она подумала: «Два или ни одного, как всегда».

Традиция встречать досрочно праздники у них, равнодушных друг к другу, зародилась давно, что-то вроде игры. Эта игра, чувствовала она, должна была сегодня чем-то закончиться раз и навсегда.

Владимир Петрович, так его уважительно, приветливо называли ученики, как будто читал мысли необычной женщины с красивым именем, волновавшим его, бережно держал в руке белую розу, приближаясь к седьмому этажу обычного дома-корабля. Зачем ему, имеющему семью, положение, понадобились эти встречи, он не смог бы ответить даже под гипнозом. Молодая редакторша вывела его из равновесия размеренной жизни и снова привела к юношескому романтизму.

«Он должен прийти, он придёт обязательно, я ведь жду его», - повторял её внутренний голос, не растрчивая слова на разговоры с попугаем. «Какой сегодня день?», - всё же спросила зелёного. Тот не ответил, почувствовав приближение конкурента. Она снова передвинула пустую вазу на столе, хлеб и окаймлённые золотой полоской две скупающие рюмки. Смотрела на их пустое дно и видела в

них что-то загадочное и скрытое. Не находя рук места, снова переставила предметы на столе, и они заняли прежние места. Заметив это, подумала: «Ничего и сегодня не изменится. Всё останется по-прежнему. Может, и к лучшему?!».

Последние шаги Владимиру давались с трудом. Напротив, роза торопилась и спешила скорее оказаться в вазе на виду у всех. Она мысленно считала ступеньки, завидуя лифту, потирала руки-лепестки в предчувствии желанной встречи и не думала, что придётся умереть. «Умереть, так за Любовь!» – всегда было у неё на уме, когда она росла в другой стране и мечтала отправиться в свадебное путешествие. И вот теперь её путешествие близится к концу или к началу новой жизни. Знать бы...

Запотевшие очки не давали ему разглядеть номера квартир, а когда он снял их - перед ним предстало в расплывчатом виде всё: и жизнь до и после.

Попугай нарушил тишину. В предчувствии услышать трель звонка, женщина засуетилась на крохотной кухне, любимом месте. Она стояла посередине, представляя потолок куполом церкви, и лёгкое головокружение заставило её прислониться к стенке. Воспоминания сыпались перед закрытыми глазами и окончательно вскружили голову.

«Здрасьте, приехали», - вывел её из прошлого умный попугай. Она охватила себя за плечи руками, поёжилась то ли от холодных воспоминаний, то ли от одиночества и пошла к входной двери, ещё не слыша звонка, но, почему-то казалось ей, уже прозвеневшего. В смятении чувств открыла дверь, увидела пустую лестничную площадку и услышала шаги поднимающегося по лестнице человека.

- Вот и мы, - сказал он застенчиво.

- Мы? - переспросила Натали.

- Мы с розой, - ответил он смущённо. - Здравствуй! С наступающим! - и протянул аккуратно свёрнутую бумагу. Розе хотелось скорее выпрыгнуть из неё, почувствовав себя невестой, оказаться в вазе, как в свадебном платье, наполнить кухню белым светом и танцевать, танцевать до последних минут своей жизни, теряя белоснежные лепестки от безумного танца...

Ирина ТИТАРЕНКО

Умер от варенья

Прочитала в интернете: «умиротворение» - это когда человек объелся вареньем и «умер от варенья». Глупо, конечно, но смешно, наверное.

А какое на самом деле это прекрасное чувство - умиротворение. Полная гармония. Покой и радость. Счастье. Когда ничего не болит. Ни душа, ни тело. Когда ни о чём и ни о ком не волнуешься.

К примеру, когда дети взрослые домой пришли вовремя, спать легли, а ты одеяло поправляешь и вспоминаешь их маленькими... Слёзы на глаза наворачиваются. А на душе тепло-тепло. И чувство такого умиротворения...

А вот ещё как бывает. Когда в деревне дождь начинается, гроза идёт, ветер деревья к земле клонит, темнеет сразу вокруг. Птицы затихли, пронесётся только одна «сумасшедшая» ласточка и скроется в слуховом окне на чердаке. Кругом мрачно, тревожно, природа ждёт, когда обрушится на неё стихия.

Мы с дочкой такую атмосферу называем: «Зыбучие пески. Уилки Коллинз». В каждой семье есть свои заветные слова, фразы, ассоциации. Вспомните, кто читал, «Лунный камень» Уилки Коллинза - как завывал ветер, и сгущались тучи над его знаменитыми мрачными зыбучими песками...

Так вот, гроза надвигается. Уже слышно, как погрохатывает гром, и небо вдалеке розовеет от молний.

И мы суетимся, торопливо с улицы всё в дом заносим. В деревне всегда на улице сушится что-нибудь. Коврики с забора снимаем, бельё с веревки. Грабли, вёдра, лопаточки в коридор убираем. Зато тазы выносим и под стоки с крыши расставляем - воды дождевой набрать.

Да, ещё и кошек нужно домой загнать. Кот Тимка (Тимоти Далтон, разумеется), он всегда около дома сидит, на приступочке, на крыльчке. Наблюдает за нами, как мы по двору носимся, к грозе готовимся. Он под крышей сидит, даже если дождь начнётся, там он его не достанет.

Маруся, кошка, тоже далеко от дома не отходит. Позовёшь её, прибежит сразу. Она кошка-общественница. Всегда рядышком с людьми. Зато мать её, Рокси, отшельница, «кустарь-одиночка». Уйдёт в поле - и ищи-свищи её. Иногда и на ночь не приходит. Однажды три дня дома не появлялась, одной надеждой только и жили это время. Потом прибежала как ни в чём не бывало. И даже не голодная. На званом обеде была? Мышей, наверно, подавали...

Но я отвлеклась. Гроза всё ближе. Ещё немного и упадут первые крупные капли дождя.

Всё спрячено. Тазы вынесены, бочку под основным сливом поставили. Тимка и Маруся в комнате. Всё темнее на дворе, всё сильнее ветер.

- Рокси, Рокси, Рокси, - зовёт дочка.

- Сирок, Сирок, Сирок, - вторю ей я, специально произнося «Сирок» - кошка наша обычная серая дворятка.

Сирок - это такая производная от Рокси, имя, замкнутое в круг. Конечно, не до шуток сейчас...

Но, ни на «Рокси», ни на «Сирок» кошка не является.

- Ладно, - думаем мы, - пересидит где-нибудь под кустом или в чужом сарае, - и уходим в дом.

Начинается дождь. Первые - действительно самые крупные капли в начале дождя! - одновременно с росчерком молнии и раскатом грома оповещают, что гроза благополучно добралась до места - и вот она здесь, во всей своей красе.

И тут уже дождь обрушивается лавиной, мощной как струя из поливальной машины перед камерой на съёмочной площадке. Тропинка перед окном мгновенно превращается в импровизированное русло ручейка. Молния и гром соперничают, кто ударит раньше, но всё равно получается одновременно. Мы - в эпицентре грозы.

Завороженные зрелищем бушующей стихии, мы не перестаём волноваться за нашу дикарку - где она, бедолага, в такую-то кутерьму?

Очередное гроыханье. О, это не гром... Выбегаем в сени. Это с чердака спрыгнула Рокси, опрокинув по дороге железную миску, что стояла на шкафу.

Мокрая, с глазами как чайные блюдца, - точно такими, как у той, известной всем собаки из андерсеновского «Огнива», которая сторожила сокровища! Кошка стремительно вбегает в открытую для неё дверь - по инерции продолжая бежать, напуганная громом и промоченная ливнем.

- Где же тебя носило, милая? Где застала тебя эта стихия? - приговариваем мы, глядя на устроившуюся на диване кошку, взявшуюся вылизывать мокрую шёрстку. Сначала по той же инерции, лихорадочно, словно заряженная грозovým электричеством, потом спокойнее, спокойнее, пока совсем не притихнет, вылизав все мокрые шерстинки, свернётся клубком и прикроет глаза с чувством выполненного долга.

Гроза не на шутку сильная. Молния машет «рукавом». Гремит гром. Гаснет свет. Видимо, где-то упало дерево на линию электропередачи. Ну что ж... Мы готовы к этому. Чайник вскипятили заранее. Есть в запасе свечи. Если не скоро починят, затопим печку.

Мы смотрим на ливень за окном, на дремлющих кошек, друг на друга - как хорошо сидеть вот так рядышком, разговаривать тихонько - ни о чём таком важном, просто о жизни...

И восхитительно, что настает время, когда дочь из маленькой девочки, нуждающейся в материнском совете и помощи, превращается в подругу, которая сама может дать совет и поддержать в трудную минуту.

Комната обволакивает полумраком, деревянные стены дома отдают тепло, запасенное солнечным днём. Мы как будто плывём в большом ковчеге, а ливень за окном - брызги волн. Фантасмагория. Но нам тепло и спокойно. И можно говорить обо всём, а главное, о любви...

- Ника, а помнишь, мы тебя случайно встретили и возвращались вместе в маршрутке от метро? Ты ведь знаешь, с кем я была тогда... Удивительная встреча.

Да, ты права, ничего не бывает случайно. Когда это было? Кажется, осенью, или ранней зимой? Это не важно... Был

вечер, все ехали с работы, усталые, заторможенные, или, наоборот, нервные. Разные. Но со мною рядом были вы - Ты и Он. А я сидела между самыми родными и любимыми людьми, и была настолько счастлива, что мне трудно представить, была ли я когда-нибудь ещё так просто, так бездумно, бесхитростно счастлива. Этот короткий промежуток времени, минут тридцать пять-сорок, я была словно в другом измерении. Мы говорили о чём-то, обсуждали что-то, потом молчали, слушали музыку в плеере, и ни на мгновение меня не покидало это ощущение полного счастья. Счастья и умиротворения...

Всё - больше ни слова. Иначе - комок к горлу, слёзы к глазам. Не надо этого, никакой грусти, никакого пафоса. И я продолжаю уже на другой ноте:

- А ещё бывает: выйдешь на улицу и уловишь - воздух пахнет, как в детстве. И станет так хорошо, легко, светло на душе. Так... в общем, умиротвор... да, да, да, именно оно! Умиротворение. Мы тихо смеёмся.

- Но вернёмся к нашей грозе. За окном бушует непогода. А на душе так спокойно. Потому что мы все рядом - я, ты, бабушка, кошки. Никто не мокнет под дождём. Есть горячий чай, и можно зажечь свечи, когда станет темно. Но пока мы посидим в полумраке, так лучше, интересней разговаривать. Душевнее...

Ника кивает головой. Конечно же, она согласна со мною.

Я смотрю изнутри на наш уютный деревенский домик, на свою выросшую дочку, на маму, на себя - и пытаюсь навсегда сохранить в памяти это ощущение остановившегося времени, трогательного и прекрасного - мои «за сорок», мамыны «за шестьдесят» и дочкины «до шестнадцати». Времени, когда приходит мудрость не ссориться, не делить, не спорить. Понимать краткосрочность жизни, уметь сопереживать. Любить...

Так кто там умер от варенья?

Может, с кем и случилась такая неприятность - чего только в мире не бывает. Вот почитайте Книгу рекордов Гиннеса.

А мне эта фраза такой пласт в душе перевернула... А всего-то - игра слов.

Велосипед

Когда я была совсем маленькой девочкой, я так же, как все остальные дети, верила в сказки. Обычно сказки детям рассказывают взрослые. Я верила взрослым.

Однажды кто-то из друзей моих родителей сказал мне, что если спуститься на самое дно колодца, то оттуда даже днём можно увидеть звёзды.

И вот с тех самых пор я мечтаю спуститься в колодец. И обязательно спущусь. Просто случая ещё не представилось. Не для того, чтобы проверить, правда или нет. Чтобы увидеть! Это мечта.

А ещё была у меня в детстве мечта... В то время исполнилось мне лет десять-одиннадцать. С друзьями - братом и сестрой, у которых имелся велосипед, - гоняли мы по стадиону местного значения.

Велосипед был маленький, кажется, «Пионер». Такой немудрящий - наверно, первая модель для взрослеющего ребёнка после трёхколёсного, или двухколёсного с двумя толстыми колёсами и с двумя маленькими страховочными - помните?

Не думаю, что он был пределом совершенства. Но тогда мне казалось, что это чуть ли не реактивный самолёт - в ушах свистел ветер на виражах, а сами виражи могли считаться высшим пилотажем автогонщика. Удручало одно - велосипед был не мой. Конечно, друзья были добрые, настоящие пионеры, под стать велосипеду. Мы честно катались по очереди - по кругу или по два. Но время прогулки катастрофически быстро заканчивалось, и нужно было идти домой.

Потом так же катастрофически быстро закончилось лето. Выпал снег, и велосипедные гонки закончились тоже. Но появилась мечта - на следующее лето кататься уже на своём велосипеде. Не по два круга по очереди, а сколько влезет -

бесконечно долго, с утра до ночи.

Конечно же, я сказала родителям, что я очень хочу велосипед, о, как же я его хочу! И мне пообещали купить его к следующему лету.

Но, к сожалению, не купили. Ни к следующему, ни к следующему за следующим.

Не могу сказать, что не было денег. Или не было велосипедов. Просто, видимо, не сложилось благоприятных обстоятельств. Мы уезжали с Севера в отпуск, путешествовали. Вроде, велосипед был не особо нужен. Так, наверно, думали мои родители. Я так не думала.

Конечно, мне очень хотелось его иметь. Пусть даже мы и уезжали, но мы ведь вернёмся! Да и вообще, а как же жажда обладания, удовлетворения? Я бы просто знала, что он у меня есть, и я могу в любой момент поехать кататься. Даже в дождь, или по снегу. В конце концов, по квартире. Хоть десять минут, хоть несколько метров.

Да что говорить. У кого когда-нибудь была подобная мечта, меня поймёт.

Обещанного три года ждут.

Мне купили велосипед. Красивый, блестящий, с «дамской» рамой. «Орлёнок». О, это, как сейчас бы сказали, «круче», чем «Пионер».

Разумеется, я попробовала, удобно ли на нём сидится. Проехала полтора метра - насколько позволило пространство - по комнате. Погладила рукой блестящий металлический звончок, порылась в сумочке с гаечными ключами - она висела под седлом велосипеда. И на этом мой интерес к нему закончился. Обрадовалась ли я? Наверно. Но так, как любой другой покупке, любому другому обыкновенному для меня подарку. Например, как пальто к весне, или шубе на зиму. Очарование прошло, острота желания стёрлась, время миновало.

Мне шёл пятнадцатый год. Вечером

за мной забегала стайка подружек, и мы выходили гулять. Чинно прошествовав по всем дорожкам от школы до клуба, и вокруг посёлка - благо он небольшой - мы приходили на наше заветное место, так называемый «мостик», огороженный перилами участок короба над совсем маленьким оврагом, в котором летом течёт ручей. А короб - это такой длиннющий ящик для отопительных труб, на Севере нельзя трубы закапывать в землю, иначе они от морозов полопаются. Короба на Севере вместо тротуаров.

Я так подробно пишу об этом, потому что все последующие два года своей свободной от уроков жизни я провела, прогуливаясь по этим псевдотротуарам. И до велосипеда ли мне было... Конечно, можно и по коробу на велосипеде проехать. Но и подружки, и знакомые мальчишки покрутили бы пальцем у виска мне вслед. Первая влюблённость, первая дружба, «перерастающая в любовь». Помните эти записочки - «Давай с тобой дружить!» Ведь это, по сути, объяснение

в любви. Так трепетно! Иногда даже жаль сегодняшних школьников, что они в наш век информатизации лишены подобных проявлений чувств. Хотя, чего жалеть - у них своё, другое, для них самих не менее дорогое и важное.

Но я отвлеклась. Влюблённость, прогулки, новые мечты и желания - к велосипеду я и не прикасалась. Он висел одиноко на стене между лестничными пролётами, пока его оттуда кто-то не снял. Даже не хочется сказать «украл», потому что, может, взял человек, которому он действительно нужен.

Говорят, для того, чтобы желание исполнилось, надо просто расхотеть. Где же она, золотая середина между двумя полюсами - «обещанного три года ждут» и «дорога ложка к обеду»?

А в звёзды из глубины колодца я всё-таки верю. И обязательно увижу!

Может, кто знает глубокий колодец, в который можно спуститься? Давайте вместе! За звёздами...

Сентябрь, 2011 г.

Олег ШЛЯГОВСКИЙ

Тайна знакомства

Мой рассказ о тайне только одного знакомства. А может ли быть знакомство без тайны? Многие воскликнут: «Да, конечно! Обыкновенное знакомство! Что может быть в нем тайного?» Возможно, они окажутся и правы, если глянуть на встречу двух людей так поверхностно, особенно и не задумываясь. Ну, встретились! Ну, познакомились! Таких событий если их так можно назвать, хоть пруд пруди, как говорится.

А с другой стороны, вчитаемся еще раз в это потертое со всех сторон слово ЗНАКОМСТВО. Не такое уж оно и открытое для понимания, как может показаться с первого взгляда. В основу этого действия обозначенного словом знакомство кто-то когда-то взял и положил слово ЗНАК. Что за знак, откуда и для чего? То ли этот знак привел двух людей к встрече, то ли сама встреча стала для них, что-то значить?

Видите, из обыкновенного для всех привычного понятия начинает всплывать тайное, принесенное каким – то знаком. Значит, мы с вами были правы, в знакомстве есть тайна. Далеко не всегда эта тайна бывает заметна, не только до знакомства, но и после него.

Есть бесспорные знаки на которые не обратить внимание просто нельзя. А, если кто-нибудь и не обращает на них ни какого внимания, то он или она сами возможно являются знаками, уж на которые любой из нас, хоть мимолетный взор да кинет.

Однако вернемся к тайне самого знакомства. К бесспорным знакам его очень возможно, а иногда и с томлением ожидаемого знакомства является - и здесь, уверен, мало кто ошибется в определении, является, конечно же, весна. И если бы наш случай имел место весной, то уже особенной бы тайны в нем и не было. Так вот, была не весна, а самая что ни на есть обыкновенная, не рвущая сердце на части от предчувствия любви, осень.

Осень, уже изрядно сгладившая свои привлекательные краски дождями, ветрами, лужами и темными кучками парковых листьев. Вот по такой осени в один из выходных дней по одной из аллей Санкт-Петербургского парка «Сосновка» брел молодой человек в черной ветровке с капюшоном, джинсах, кроссовках. У него были светлые волосы, короткая стрижка и внимательно осматривающие все вокруг себя серые глаза. Определять его возраст не берусь, да и думаю это ни к чему. Потому как люди бывают молодые или старые, и это у них написано на лицах вне зависимости от количества лет, прожитых ими на нашей красавице земле.

И если человек видит эту красоту и принимает ее со всей благодарностью, то он молод. Если же его взгляд и все мысли только то и делают, что сверлят выстроенную им или кем-нибудь для него действительность, то он, к сожалению неотвратимо стар. Во взгляде и медленной походке, идущего по аллее парня была эта любовь даже к ветреной и заботливо приютившей лужи осени.

Вдруг он остановился и, смотря в сторону небольшой полянки метрах в тридцати от тропинки, закричал: «Крым, ну ка оставь его в покое! Не приставай! Лети быстро сюда!» При взгляде в ту сторону, куда была направлена его команда, можно было видеть девушку. Она, склонившись, брала на руки маленькую рыженькую собачонку. При этом, смотря на землю прямо перед собой, громко говорила: “Отойди, сейчас же отойди, она боится тебя!”

Парень быстро шел к месту загадочного конфликта. Перед девушкой и ее собачкой не было никого. На первый взгляд возгласы девушки были адресованы неизвестно кому. Вокруг нее не было никого, кто бы мог вызвать такой конфликт парковых интересов. Разве что в метрах двух трех от нее медленно вышагивала огромная ворона. Очень

быстро парень оказался напротив девушки, прижимавшей к груди собачонку.

А вот дальше произошло удивительное. Ворона, сидевшая до этого недалеко от хозяйки с ее собачкой, взмахнув крыльями, в одно мгновение очутилась на плече у юноши. Если бы он подошел успокоить свою собаку, то вероятно девушка знала бы, что сказать ему и в чем упрекнуть, но в этом случае...

«Вы, вы, должны...» - начинала она и тут же обрывала фразу. Да, в таком случае трудно в чем-то упрекнуть хозяина дрессированного ворона. Ему же не скажешь: «Держите его на поводке или в наморднике». И, если разобраться, ворон кругом сотни, а может быть и тысячи! Что же теперь делать!?

- Я тебя умоляю не беспокойся, - начал разряжать обстановку хозяин мудрой птицы. - Его зовут Крым. Он еще никого не обижал. Разве что любит иногда с дикими котами или кошечками поиграть или конфету в яркой обертке у зазевавшегося отдыхающего унести. Вот, пожалуй, и все. Меня зовут Миша.

- Просто сказка, какая-то получается, - уже спокойно произнесла девушка. - Лесное имя Миша, лесной друг Крым на плече.

Она поправила чуть растрепавшиеся на ветру черные волосы и добавила:

- Скажи мне Михаил, может моя Жанночка продолжить свою спокойную прогулку?

Миша не торопился с ответом. Вернее он не то чтобы не спешил, его голова была уже занята совершенно другим процессом. Девочка была красива. Ой, как красива: черные, как оперенье его Крыма, волосы, черные глаза, маленькая, стройненькая. Все эти ощущения мгновенно выстроились перед замершими устами Михаила и они, наконец-то произнесли:

- Ребята наши, как мы поняли, уже познакомились, а тебя как зовут?

- Я не поняла, - уверенно сказала девушка. - Моя Жанна может спокойно гу-

лять? Ты контролируешь своего городского сокола?

Вместо ответа на поставленный вопрос Михаил скомандовал: «Крым, ходи и ни кого, ни трогать!» После столь конкретной команды, которая удивила девушку не меньше, чем ее исполнение, Крым, взмахнув крыльями, плавно опустился рядом с хозяином, а владелица Жанны, поразмыслив еще секунд-другую, опустила на землю собачку, и улыбнувшись, произнесла:

- Меня зовут Оля.

- Оля, предлагаю продолжить прогулку вчетвером. Уверен у наших питомцев все будет в порядке, - произнес, усмехнувшись, Михаил, указывая рукой на Крыма и Жанну.

Их друзья стояли практически рядом и вели себя как старые знакомые. Жанна спокойно присела на задние лапки, а Крым, елозил что было силы огромным клювом по опавшим листьям.

- В крайнем случае, договорятся, - добавила Оля. - Моя Жанночка знает даже пару слов.

- Неужели говорящая собака! - ударил себя по бокам Михаил. - Я думал, что только попугаи или вороны могут говорить. А тут собака! И что она говорит?

- Чувствуется, лесной Миша, в ваших словах какая-то ирония, - с долей обиды произнесла Ольга. После этих слов она обратилась к собачке: - Жанночка, скажи нам - как зовут тебя и меня!

Жанночка села на желто-черные листочки, вытянулась по струнке и совершенно отчетливо с небольшой хрипотцой произнесла: «Жанна, Оля, Жанна, Оля». Выполнив поставленную задачу, она тут же повалилась на бочок и потянулась.

- Гениально! - воскликнул Михаил и, обращаясь в сторону продолжавшего что-то теребить клювом в траве Крыма спросил: - А ты как считаешь?

Ворон подняв голову, прогортанил: «Нормально», после чего занялся делом, которое вынужден был прервать по просьбе хозяина.

- Слушай, он же ответил, мне не показалось!?! – теперь настал ее черед удивляться.

- Я же сказал, – продолжал Михаил, – для воронов это дело более привычное, чем для собак. Так, что победа за тобой! Предлагаю зайти в кафе и отметить. Нет возражений?

- Why not! – ответила Оля, и они медленно пошли в сторону кафе.

Собачка и ворон первая вразвалочку, второй вприпрыжку следовали за ними.

- Не беги, - вдруг тихо прохрипел ворон, - успеем, они еще не раз остановятся. Видишь, полностью контроль над собой теряют. Остановились посередине дороги. Велосипедисты их объезжают, говорят им что-то, а они будто оглохли. Все совсем оглохли. Я тебе, подруга, еще, летом, когда мы с тобой познакомились, говорил: давай я изобразю на тебя нападение, Мишка мой, конечно, подскочит, они, конечно, познакомятся, и уже друг без друга не смогут. А, ты только причитала: Оля не в его вкусе, я чувствую! Сколько раз я себе говорил: Крым, не доверяйся женщинам, - Ворон издал продолжительный выдох сожаления.

Жанна гордо семенила рядом с возмущенным другом, как будто все, что он сказал, было адресовано совсем и не ей.

- А как ты думаешь, если они бы знали, что мы свободно владеем их речью, и для

нас нет языкового барьера? Может, сделать им сюрприз как-нибудь. Вот им приятно будет! – с изящной хрипотцой предложила Жанна.

- Нет, и еще раз нет, - рыкнул ворон, подлетев метра на полтора. - Ты предлагаешь все сюрпризы их жизни заменить на один единственный. Что у тебя за мания величия такая! Хочешь, что бы все узнали, что ты единственная говорящая собака!

- Да, хочу, - протяжно пропищала Жанна – и не скрываю! И причем тут все сюрпризы их жизни? Может я и не единственная вовсе.

- Как ты понять не можешь своей курчавой башкой? После сегодняшней встречи они всем будут рассказывать, что совершенно случайно на Олину собачку напал глупый Мишин ворон. И если бы не этот на первый взгляд ничего не значащий знак, то и знакомства никакого бы и не состоялось. Поняла? И зачем им знать, что мы с тобой это встречу чуть ни все лето готовили, а?! И не будет для них никакой тайны в этом случайном знакомстве. А тайна должна быть. Она тайна людей привлекает, - и ворон многозначительно похлопал себя крыльями по бокам.

- Крым, Жанна! - раздались крики. - Вот глупые, они же могут потеряться. А еще хуже - опять раздерутся.....

Валентина ЧИРОК

Дело было на Быстрянке

Дом отдыха «Ясовский» располагается в красивом месте, в сосновом бору, на берегу реки Десна. В зимние месяцы жизнь здесь течет тихо и однообразно. Посетителей мало да и развлечений особых нет. Зато летом людей хоть отбавляй, и жизнь здесь просто бьет ключом.

Два года назад, в один из теплых июльских дней сюда приехали две женщины. Их поселили в одной комнате, в двухместном номере с телевизором и холодильником. Если б не это обстоятельство, то две пожилые дамы, возможно, никогда бы и не встретились. Хотя они хорошо знали друг друга в молодости, были однокурсницами и даже подругами. 60 лет назад родившиеся в этих местах, а потом вместе закончившие пединститут в Москве, они сейчас жили и работали далеко друг от друга. После замужества и рождения детей связи подруги не поддерживали. Но много лет спустя, встретившись в санатории, женщины так обрадовались этому обстоятельству, что три недели не отходили друг от друга. Наговорившись вдоволь еще в первые дни, остальное время они решили посвятить любимому «делу», точнее, своему увлечению - рыбной ловле, купили в местном магазине удочки и с утра до обеда проводили у реки. Благодаря своим отцам-рыбакам обе имели это «рыбное» пристрастие. Рыбы они приносили с речки довольно много и всю отдавали на кухню, чтобы повара могли приготовить для отдыхающих уху и рыбные котлеты, которые сами женщины тоже обожали.

В тот день они снова отправились на рыбалку, только после обеда. У Тамары Сергеевны, яркой крашеной блондинки, был день рождения, а ее подруга, черноволосая и голубоглазая Антонина Ивановна, с утра отправилась в город в магазин купить хороший подарок. А потом - на речку.

.. День выдался теплый, с ласковым, легким ветерком. Наслаждаясь полуденной прохладой, женщины следили за удочками и тихонько говорили... говорили.... Вдруг внезапно небо потемнело, стало холодно, рванул сильный ветер, и пошел снег. Опешившие женщины молча смотрели друг на друга вытаращенными глазами. Потом за несколько секунд пейзаж снова резко изменился. Снег прекратился. Выглянуло солнце. Повеял легкий теплый ветерок. Началась поклевка. Несколько минут женщины сидели молча. Антонина Ивановна сказала задумчиво: «Я видела такое однажды, лет двадцать пять назад. Хочешь расскажу?» (Подруга молча кивнула). И Антонина Ивановна продолжила: «Тогда утром мы с коллегой, начальником сельхозотдела редакции районной газеты, где я работала корреспондентом, поехали рейсовым автобусом на колхозную ферму, чтобы написать о ней материал и сфотографировать передовых доярок. Захватили с собой удочки, немного еды и палатку чтобы остаток дня провести на небольшой лесной речке Быстрянке, где водилось много рыбы. Там нам доводилось бывать и раньше. Места мы хорошо знали. Речка была неглубокая, но довольно широкая, протекала всего в километре от деревни. Со своей работой мы справились быстро. Поставили машину у дома колхозного зоотехника, взяли удочки и пошли пешком к речке, так как на легковом автомобиле туда по лугу проехать было невозможно. Рыбы тогда мы, действительно, наловили много - целое ведро. Но все это была не уважаемая рыбаками мелочь, которая только на уху и годилась. Решили подождать до вечера, чтобы поставить на ямах «телевизор» и попробовать половить сетью, авось, попадетса что-то покрупнее. Азарт, знаешь ли, разыгрался, будь он не ладен. Это нас и подвело. Точнее, навело на

неприятности, о которых я до сих пор не могу вспоминать без ужаса.

Ловить по-крупному нам не пришлось. Стало быстро темнеть, мы развели костерок и начали варить уху. Вдруг с другой стороны реки послышались звуки взрывов, крики, немецкая речь, замелькали фигуры немецких солдат, которые с автоматами преследовали группы людей, перебегавших дорогу. Убегавшие люди были похожи на русских, скорее на партизан, времен Великой Отечественной войны. Впереди них бежал раненый человек, с повязкой на голове, который кричал: «За мной, вперед, прорвемся!» Мне казалось, что мы смотрим какой-то военный фильм. Именно в этот момент, в эту теплую летнюю ночь ворвался зимний пронизывающий ветер и пошел снег, который буквально через минуту прекратился. Я спросила у Евгения Николаевича, что это было. Он недоуменно пожал плечами и тихонько добавил: «Говорят, здесь во время войны партизаны, попавшие в немецкое окружение в Раменском лесу, во главе с политруком Григорием Мальцевым совершали прорыв, им это, вроде бы, удалось». Он задумался. И вдруг, откуда-то сбоку к костру незаметно подошел солдат в немецкой форме и на чистом немецком языке поинтересовался, как нас зовут. Мы с Евгением Николаевичем изучали немецкий как в школе, так и в институте, и кое-как на немецком ответили ему. Он присел к костру и спросил, на каком языке мы хотим беседовать. Я ответила, что лучше на русском, так как это мой родной язык. И предложила ему попробовать ухи.

Он грустно улыбнулся, поблагодарил на ломаном русском языке и сказал, что давненько не пробовал ароматной ущицы, что я очень добрая женщина и за свою доброту должна быть вознаграждена. Я с улыбкой поинтересовалась, мол, это чем же. «Да всей своей дальнейшей жизнью». Во время этого разговора Евгений Николаевич как-то напряженно и даже со страхом смотрел на меня. Немец на него тоже неодобрительно поглядывал. А потом, вдруг забыв об ухе, он заторопился куда-то, бросив на ходу: «Я больше не имей прав здесь задерживаться». Поцеловал мне руку, Евгению Николаевичу лишь кивнул и словно растворился в воздухе. Тут снова подул холодный ветер, и пошел снег. А потом через минуту опять выглянуло солнышко. Такая странная перемена погоды случалась еще раза два-три. И всегда во время ловли рыбы. Немца при этом я не видела, но четко чувствовала его присутствие, как чувствую и сейчас. Я оставляла ему несколько сырых или запеченных в костре рыбешек. Говорила «спасибо» и уходила. За что? Даже не знаю. Но мне кажется, что благополучие моей жизни зависит именно от этого. И знаешь, почему. Хотя мне страшно думать об этих «встречах», но я их, как ни странно, жду. Да, этого немецкого солдата я видела один лишь раз и больше никогда не встречала, но я понимаю, что он по-прежнему испытывает меня на доброту и человечность. И очередной раз дарит мне, несмотря на возраст и плохое состояние здоровья, продолжение жизни.

Фекла

Был субботний родительский день. С утра я собралась поехать на кладбище помянуть своих усопших родственников. Напекла блинов, сварила яиц, купила в магазине конфет, печенья, различной нарезки и пошла к автобусу, чтобы попасть из райцентра в соседнюю деревню, где они были похоронены. Стоял тихий осенний

день. Светило бледное, холодное солнце. Красивый, неяркий пейзаж. Он навевал грустные мысли о бренности жизни. Когда автобус подъезжал к кладбищу, послышались громкие рыдания. Через несколько минут я поняла, что они принадлежали моей подруге Наталье, которая плакала на свежей могилке.

Я подошла и тронула ее за плечо. Она обернулась и улыбнулась мне сквозь слезы.

- Бабушка моя Фекла умерла, сегодня похоронили.

- Царство ей небесное. Наверное, лет сто уже было. Нам бы столько прожить, - сказала я тихонько. Но Наталья услышав мои слова залилась горькими слезами:

- Да как ты можешь так равнодушно говорить о ней, ты же ничего не знаешь. Она бы еще лет десять пожила, если бы не пьяницы эти проклятые.

Я не поняла, о ком шла речь, и попросила поподробнее обо всем рассказать.

- Неделю назад, сказала Наталья, утирая слезы, - мы с мамой приезжали к бабушке, убрали в доме, помыли ее в бане. Дядя Вася, младший бабушкин сын, который после смерти жены переехал в деревню к матери, тогда сказал нам:

- Ну, теперь у нас, как в музее стало, прямо страшно ступить. Такая чистота, что Колька с Манькой побоятся зайти. Я ответила, что лучше бы уже эти пьянчужки вообще не заходили, и так всю бабушкину пенсию выманивают, а долги не отдают. Бабушка тоже подтвердила, что «подлые пьяницы» уже 15 тысяч рублей ей должны, а когда отдавать будут, не говорят. Вечером мы уехали на последнем рейсовом автобусе домой, а ночью в бабушкиных Волковичах разразилась гроза. Мне в эту ночь приснился жуткий сон. Будто бабушка плывет по реке на большом старом дереве, которое все объято пламенем, а деревенские пьяницы Колька и Манька машут ей с берега рукой. А сон-то этот вещим оказался. В деревне многие полагали, что в бабушкин дом попал разряд молнии. Дом наполовину сгорел. А с ним сгорели и бабушка с дядей Леней. Нам же позвонила их соседка, тетя Нюра, и рассказала о случившемся. «Мы заходили внутрь, - с придыханием говорила она, - там просто жутко, бабуля без головы лежит, а у Василия так все кости по хате разбросаны. А дверь-то в дом была подперта двумя большими колесами,

еле отвалили. Видно, кто-то специально подпер, чтоб старуха с сыном не выскочили». Мне стало ясно, чьих это рук дело. И мы решили обязательно наказать соседей-пьяниц, которые стали убийцами нашей любимой бабушки и дяди Васи. Написали заявление в милицию. Милиция приехала. Но разбираться не стала. Списали все на несчастный случай, то есть на грозу».

Наташа замолчала и задумалась. Через несколько минут она заговорила снова.

- Вот ты говоришь, чего я так убиваюсь, мол, бабушка очень старая была? А знаешь ли ты, что она за человек? Сколько она пережила?

Я ответила, что слышала о Фекле много хорошего, но подробностей не знаю. И попросила Наталью продолжить рассказ.

...Фекла родилась в семье волостного судьи за семь лет до революции 1917 года. Ее старшая сестра Прасковья быстро и, как тогда считалось, удачно вышла замуж за городского купца и уехала в город, хотя и была далеко не красавицей. Фекла же, бывшая всего на год моложе сестры, блистала и умом, и яркой красотой. Но замуж не спешила. Хотя у певуньи и красавицы Феклуши от женихов просто отбоя не было. Родители сначала недоумевали, видя равнодушие Феклы к женихам. Особенно они расстроились, когда она отказала богатому арендатору помещичьей земли Степану. Два больших дома в деревне, лошади, коровы, сеялки, веялки, чего только не имела эта семья. Вся деревня завидовала Фекле. И очень удивилась, когда узнала о ее отказе, обвинив девушку в бессердечии. Но дело тут было совершенно в другом. Точнее, оно было в Борьке-голодранце, старшем сыне бедной, многодетной семьи Цыганковых. Встретившись однажды с ним на гулянках, Феклуша поняла, что больше никого и никогда не сможет полюбить. Ее родители были категорически против такой кандидатуры в зятя. И запретили дочери выходить за него замуж, припугнув родительским проклятием. Но характер у Феклы был еще тот.

Не получив благословения родителей Феклы, молодые получили его у родителей Бориса и тайно обвенчались в районном городке, где жила сестра Феклы Прасковья, она-то Феклушу во всем и поддерживала. С родителями Бориса жить не стали - семья у тех была большая, а домик очень маленький. Ушли в лес на заимку, которую построил для себя муж Прасковьи Демьян, который, бывая с женой в гостях у тестя, любил ходить на охоту. Она была большая, просторная, состояла из двух комнат и маленькой кухни. Кадушки, чугушки, крынки, то есть все предметы обихода, тоже находились тут в нужном количестве. Борис оказался удачливым охотником, и мясо на столе у них теперь не переводилось. Раз в неделю Борис относил его и своим родителям, в деревню, чтобы поддержать семью. В такие дни Фекла оставалась одна. И очень волновалась. Но не за себя. В лесу ей совсем не было страшно. Две собаки и два кота оживляли дику лесную обстановку и помогали коротать время до прихода Бориса. Она волновалась за своего ненаглядного. На выходе из леса перед деревней простиралось большое озеро. Зимой оно замерзало, и водоем не надо было обходить стороной, делая лишний крюк. А вот летом, весной и осенью лишний крюк в два километра все-таки приходилось делать. Особенно страшно было ранней весной, когда лед начинал таять, и вокруг стояла непролазная грязь. Фекла боялась, что Борис провалится под лед или в какую-нибудь глубокую яму с водой. Так однажды и произошло. Это случилось в начале марта, когда снег только начинал таять, и Борис, подстреливший в лесу двух кабанов, решил отвезти одного в деревню родителям. Было это во второй половине дня. Фекла, как всегда, начала его отговаривать, считая, что муж не управится до ночи. Но Борис был упрям. Положив на сани одну тушу, он потащил ее к озеру. Фекла, провожавшая его до кромки леса, долго следила взглядом, пока Борис не перешел озеро. А потом в сопровождении двух молодых резвых псов - Рея и Тобика -

пошла назад. Дома она неспешно занялась своими повседневными делами: покормила собак и кошек, потом села за прялку. Пока было светло, она старалась о Борисе не думать, зная, что озеро он со своей поклажей уже перешел. А на обратном пути будет легче. Когда начало темнеть, она зажгла лучину, и... забеспокоилась. Бориса все не было. Всю ночь молодая женщина провела без сна. А как только рассвело, сама пошла по следам мужа в деревню. Подходя к озеру, увидела на берегу много народу. И поняла: с Борисом что-то случилось.

Оказывается, возвращаясь вечером домой, он не заметил в темноте припорошенной проруби и попал под лед. Его младшие братья, бегавшие утром с друзьями возле озера, поняли, что случилось, и сообщили родителям. Они-то и подняли на ноги всю деревню. Это был конец ее счастью... После похорон Бориса Фекла уже не вернулась в сторожку - не пустили родители. Она снова стала жить у них, как и жила в девичестве, а они были рады и ни о чем ей не напоминали, только благодарили Бога, что не дал дочке ребеночка от Бориса, а то бы остался сиротой. Степан Сазанов снова стал захаживать к ним, придумывая для этого самые различные причины. И было из-за чего. Стройная, худощавая раньше, теперь Фекла по-настоящему налилась красотой. Поначалу она только грустно глядела на Степана, думая, зачем она ему нужна, когда кругом столько молодых красивых девок бегают. «Он умный, работающий, а я буду ему, как бельмо на глазу». Но потихоньку привыкла к его подаркам, к веселым, непринужденным разговорам. И душа ее стала отходить от, казалось, ничем не излечимого горя. Нет, она не полюбила Степана, а просто своим просветлевшим от минувшей любви умом поняла, что в деревне нет лучшего жениха, чем он. А замуж-то все равно когда-то надо выходить и семью заводить тоже надо. И когда Степан вновь к ней посватался, Фекла молча кивнула. Счастливые родители дали благословение. Сыграли пышную свадьбу, а через год Фек-

ла уже родила своего первого сына Ивана. Потом были Алексей, Владимир, Василий, Петр, Николай и три дочери - Елена, Александра и Раиса. Младшие Николай и Петр умерли во младенчестве, как говорила сама Фекла, от глотошной, а по-нынешнему от скарлатины. Все остальные по-разному прожили свою жизнь, а сама Фекла умерла в 95 лет. Только вот не своей смертью. Но до этого еще много чего с нею случилось.

Октябрьская революция 1917 года принесла ее семье сплошные страдания. Помещичью усадьбу разгромили, помещика выгнали, а с ними и свекра Прасковьи - Пахома, арендатора почти всех помещичьих земель и леса. Но саму семью Сазановых пока не трогали, хотя она лишилась почти всех своих средств к существованию. И хотя сеялки, веялки, молотилки, которые в большом количестве когда-то стояли на дворе Пахома, забрали в колхоз, семья не перебивалась с хлеба на квас. Коровы, лошади, свиньи, гуси, куры, которых Пахом держал всегда помногу, не давали умереть с голоду. Но через некоторое время и живность с их двора забрали подчистую, даже корову увели, не посмотрели на маленьких детей Феклы. Большую семью Пахома сослали в Сибирь. Правда, Степана и Феклу с их многочисленными детьми не тронули. Даже один из Пахомовых домов им для житья оставили. Но какая это была жизнь. Одни унижения. Их детей в деревне называли не иначе, как «кулацкое отродье». А им самим в спину летели грязные ругательства и даже камни. Один раз в 1937 году они потихоньку, не известив председателя сельсовета, зарезали поросенка, которого вырастили Феклины родители, чтобы семья дочери не умерла с голоду. Степан знал, что шкуру с убитой свиньи надо сдавать государству. Но у него не поднялась рука, чтобы ее ободрать. Какое же сало без шкурки! Опалил Степан соломой пороссячью тушу, и уже вечером впервые за последние годы их дети ели вкусную жаренку с мягкой шкурочкой, приправленную луком и морковкой. Фекла насолила целую

кадушку сала, повесила над печкой окорок. А через день к ним пришел председатель сельсовета Минек Чуев и заграбастал Степана за не сданную государству пороссячью шкуру. Фекла надеялась, что за шкуру свиньи мужу много не дадут. И ошиблась. Ему дали аж 20 лет тюрьмы, которые Степан отбывал в Караганде, знаменитом Карлаге. Как оказалось потом, посадили его не за шкуру, а как врага народа. Шкура была долгожданной зацепкой для этого. Так, перед войной Фекла осталась одна без мужа, с шестью детьми, младшей из которых, веселой и озорной Раечке, было всего пять лет. Старшему Ивану исполнилось двадцать. Он уже был женат, имел ребенка и жил вместе с матерью.

За полгода до войны, в их деревню приехала из Москвы археологическая экспедиция. Сама того не желая, Фекла близко сошлась с археологами. Она умела ворожить на картах, предсказывала судьбу, лечила травами и молитвами. И прекрасно пела, исполняя народные песни. Поэтому дверь в их избу целый день не закрывалась. Но это особой радости и достатка Фекле не приносило, а только отвлекало от домашних дел. Надо было успеть протопить печку, приготовить еду, убрать в избе, накормить детей и скот. Как жилось в это время Фекле с ее многочисленным семейством, нельзя пожелать и злейшему врагу. Но это была дружная, неунывающая семья. Утром почти все дети отправлялись «на работу» - в близлежащий ореховый лесок, чтобы нарубить дровишек. Эта работа у них называлось по-военному «отвлекающим маневром». На птицеферме, расположенной у кромки орехового леса, водилось много кур. Иногда сердобольные птичницы видя, как из кустов за ними наблюдает Феклино потомство, отдавали им какую-нибудь издыхающую птицу со словами: «Бегите скорей к мамке, чтоб зарубила, пока курица еще не сдохла». Братья посылали маленькую Раечку с добычей домой, а сами... Один рубил орешник на дрова, другой вытаскивал его на дорогу, а третий склады-

вал ровненько в кучу. Алешка же шастал по кустам в поисках куриного гнезда и частенько находил одно-два с полной кладкой яиц. И так каждый день. В 1940 году их старшая сестра Елена вышла замуж за своего односельчанина Федора и уехала с ним в Магнитогорск, где он работал на металлургическом комбинате. Александра уехала в Орехово-Зуево, где стала работать на полотняной фабрике и тоже там вышла замуж. Фекле стало немножко легче.

... Но тут началась Великая Отечественная война. Троих сыновей Феклы забрали на фронт. Из них домой вернулся только один Иван с отрезанной ступней левой ноги, зато весь в орденах и медалях. Жена его Настенька с двумя маленькими дочерьми переживала войну вместе с Феклой в окопах и оврагах..

... Муж Степан вернулся домой из Карлага только в 1957 году. Некоторых его детей уже не было в живых. Перед самым его приездом похоронили дочь Александру, которая потеряла мужа и после этого тяжело заболела. Она умерла от рака груди, оставив сиротой дочь Наденьку. Елена по-прежнему жила с мужем в Магнитогорске. Степана встретила жена вместе с Раечкой и внуками, Раечкиными детьми. Через некоторое время Иван и Настя вместе со своей семьей уехали по переселению в Калининградскую область.

Большая семья разваливалась на глазах. Внуки Степана от Раечки видели, как дед частенько плакал, глядя на их игры. И сквозь слезы ворчал: «Зачем я сюда приехал? Моя жизнь прошла. Ее нет. Все чужое». Вскоре, через год после смерти дочери Александры умер и он. И Фекла снова осталась одна. Как-то много лет спустя, внучка-библиотекарша Наташа, Раечкина дочка, привезла бабушке из города книжку, которая называлась в «Лесном селе», где археолог Федоров из далекой предво-

енной археологической экспедиции рассказывал о знакомстве с Феклой. Наташа читала книгу, а Фекла плакала и тихонько говорила: «Да, это правда, копатели часто приходили ко мне с просьбами: то змея кого-нибудь укусила - помоги, то кто-то заболел, то народные песни им на граммофон напой. А как они меня с собой звали, обещали устроить в хор имени Пятницкого. Да куда ж я со своей оравой-то из родных мест. Ты ему напиши, Жорке-то Федорову, чтобы в гости к нам приезжал обязательно и семью свою привозил». Наталья написала, и он вскоре приехал вместе со своей семьей, женой-кинорежиссером, и сыном-студентом. Фекла, целуя их всех, говорила: «Вот, Жорик, какая я старая стала, и петь уже не могу, горло село давно, голос охрип. А тебе спасибо за книжку. Я умру, а память обо мне останется.» Это был 1970 год, Федоров умер в 1997 году. А она скончалась через пять лет после их встречи в результате поджога дома. Потом к Федорову в гости ездила Раечка со своими детьми и восхищались его гостеприимством и простотой.

Последние годы до своей трагической кончины Фекла доживала со своим сыном - военным пенсионером Василием Степановичем, который после смерти жены остался совсем один. Какая трагическая участь их постигла, вы уже знаете. Заканчивая рассказ, Наталья снова расплакалась: «Где справедливость? Где же правда? Неужели Бог не накажет этих пьяниц-убийц?»

...С момента нашего разговора прошло несколько месяцев. И справедливость, о которой говорила Наталья, все-таки возторжествовала. Однажды, упившись до потери пульса, местные пьяницы Манька и Колька уснули и больше не проснулись. Говорят, угорели. Наташа позвонила мне и сообщила об этом. Но ее в голосе не было никакой радости.

Девочка моя...

Инна шла с работы из районной больницы, ничего не видя от слез. Вот уже почти 25 лет она работала здесь окулистом. Работа ей нравилась. Общаться с людьми и помогать им она любила всегда. Сегодня, вроде бы, день выдался совсем не плохой. Точнее, как всегда. Больных в субботу было немного. Все они показались ей простыми и разговорчивыми людьми. Только вот замглавврача, этот странный, легкомысленный терапевт Курдюмов опять испортил настроение. В самом конце приема, когда из ее кабинета выходил последний больной, Курдюмов зашел к ней и в пятый раз предложил руку и сердце. А она снова в очередной раз, стараясь быть спокойной, начала объяснять, что ни за кого замуж больше не пойдет, что у нее на носу пенсия, что лучше ее умершего мужа Гаврикова Николая Андреевича на свете не было и нет. И потом, Курдюмов на 10 лет моложе ее. Ну и что из того, что она выглядит на тридцать? Просто следит за собой. А годы есть годы. Они каждый день дают о себе знать. И почему он заикнулся именно на ней, когда молодые, тридцатилетние девушки-доктора глаз с него не спускают? Высок, хорош собой, наконец, умен и никогда не был официально женат. Она же два раза была замужем, имеет взрослую дочь, тоже врача, а скоро, может быть, будут и внуки... Дай, Бог только, чтобы ее задиристая Светка вышла замуж за хорошего человека. Но от Курдюмова не так легко было избавиться, никакие объяснения на него не действовали. Он твердил только одно, что кроме нее, никто ему не нужен. Не сдержавшись, она в сердцах обозвала его непонимающей сволочью и выскочила из кабинета. Он не пошел за нею - и на том спасибо - и до дома Инна имела возможность тихонько поплакать, благо природа ей в этом способствовала. На дворе стоял пасмурный октябрьский день. Он словно жалел ее и хотел вместе с нею из-

лить свои слезы. И одновременно о чем-то напоминал. О чем, она поняла только, когда подошла к подъезду своего дома. У крыльца возле скамейки сидела маленькая пегая собачка породы карликовый пинчер. Точно такая же была у ее второго мужа Николая Андреевича, когда они стали жить вместе. Это случилось 13 лет назад. Ей было тогда сорок два, а ему семьдесят два. Для многих этот брак выглядел очень странно, говорили, что Инна старому полковнику в дочери годится, наиграется, как кошка с мышью и бросит старичка. Его собачка по кличке Кеша, которой на ту пору было уже больше десяти лет, сначала не приняла Инну, гавкала, на нее, огрызалась, ничего не хотела брать из рук новой хозяйки, но постепенно привыкла и полюбила, как и самого хозяина. Песик прожил у них еще 10 лет и умер от старости за неделю до смерти самого Андреевича. Инна наклонилась и хотела погладить новоявленного Кешу, который сидел сейчас возле скамейки, но тот стрелой рванул от нее и убежал куда-то за дом. И только теперь она вспомнил, что именно сегодня исполнилось ровно три года со дня смерти ее горячо любимого Андреевича. Она закрыла лицо руками и залилась слезами, что не съездила на его могилу. Конечно, она никогда его не забывает, каждый день мысленно разговаривает с его портретом, спрашивая совета. И в ее голове всегда звучит ответ, который он мог бы дать ей, если бы был жив. Как она могла забыть этот печальный день? ...Спасибо тебе, бездомный маленький пинчер, за напоминание.

Между тем вечерело. На улице уже никого не было, но домой она не спешила, благо, квартира Инны находилась тут же, на первом этаже. Тогда 13 лет назад она вот так же грустно сидела на скамейке, поджидая дочь-старшеклассницу из школы. Только это был теплый майский день. Месяц назад до этого она рассталась со

своим первым мужем - инженером, который чуть ли не сразу после свадьбы стал пить, а в последние годы даже пытался ее поколачивать. Он крепко тогда обиделся на свою одноклассницу-жену, ничего не взял из дома, не стал с нею делиться и ругаться, а просто переехал к матери, оставив бывшей семье двухкомнатную квартиру, переделанную на трехкомнатную. Правда, их совместная машина, которая стояла в гараже, тоже уехала вместе с ним. Но Инне уже было все равно. После его ухода в доме стало спокойно и уютно. Только немного грустно. Дочь почти все время проводила в школе или на секциях и возвращалась домой под вечер. Инну спасала работа. Помимо основной работы в поликлинике, она взяла еще две подработки - подбирала в аптеке очки и два раза в неделю ездила работать на полставки окулистом в тюремную больницу. Муж считал, что оставив квартиру дочке с женой, он не обязан платить им еще и алименты. А у дочери Светланы приближался выпускной, надо было подумать о поступлении в институт и о том, как потом содержать девочку, когда она станет студенткой. Николай Андреевич живший в том же подъезде, что и Инна, только на третьем этаже, в тот день выгуливал во дворе своего пинчера Кешу, который то и дело норовил куда-нибудь убежать вместе с поводком. Андреевич переехал в райцентр Дубровино из Москвы после гибели в автокатастрофе жены и дочери. Он поменял свою двухкомнатную квартиру в столице на трехкомнатную в маленьком городке, где когда-то родился и вырос. Высокий, поджарый, стройный, полковник выглядел моложе своих 72 лет. Некоторые пожилые женщины на него поглядывали и даже пытались заводить разговор, на что он весело отвечал: «Что, девочки мои, в оборот меня хотите взять? Не получится, хочу отдохнуть от семейной жизни». В тот вечер он подсел к Инне на скамейку, крепко держа за поводок своего пинчера и спросил в своей веселой манере: «Что, девочка моя, загрустила? Чем-то расстроена? Ничего.

Все проходит. И это пройдет». Инна промолчала. Видя, что женщина не отвечает, он поднялся и потащил домой своего Кешу. Потом она еще не раз сталкивалась с ним, выходя из дому и проходила молча, не обращая внимания. А он, всякий раз, когда видел Инну, почему-то ласково улыбался. Однажды Николай Андреевич заболел гриппом, который осложнился бронхитом. Он сходил в поликлинику, врач приписал делать антибиотики. Ходить два раза в день в процедурный кабинет ему не хотелось и он вспомнил, что старушки, которые время от времени пользовались услугами Инны, говорили, будто она где-то работает врачом и может поделывать уколы утром и вечером. Увидев в окно, что Инна возвращается после работы домой, Андреевич через полчаса заявился к ней.

- Ну что, девочка, моя, не ждешь гостей? А я вот пришел.

Она предложила пройти ему в комнату и включила телевизор. Услышав про уколы, Инна согласилась их поделывать, правда, без всякой охоты. Он побежал за антибиотиками и вместе с ними принес коробку дорогих конфет. С грустной улыбкой она ответила, что это лишнее. А он возразил, что в таком случае, чаю с нею попьет, закусывая этими конфетами, ведь конфеты очень даже вкусные. Чаепитие повторялось каждый день, даже, когда курс антибиотиков закончился. Она уже знала всю невеселую историю его жизни, о смерти жены и дочери во время автокатастрофы, о том, как ему тяжело и одиноко, хотя со времени случившейся трагедии прошло несколько лет. И о ней он узнал тоже многое. Однажды Николай Андреевич спросил у Инны, почему она бывает такая грустная. Женщина тихо сказала, что страшится своего будущего. Дочь почти закончила школу, будет поступать в медицинский институт, а учить-то ее не на что. Муж алименты не платит, думая, что отданная им квартира окупает все с лихвой, а ее денег едва хватает на питание и коммунальные. Родители ее умерли и покоятся на сельском кладбище в десяти километрах от

города. Сестры живут далеко, видится она с ними редко. Друзей и подруг нет. Даже с днем рождения поздравить некому.

- А я что, не друг, девочка моя? – спросил он весело. - Всегда на меня можешь рассчитывать.

Она скромно поблагодарила его, не придав словам Николая Андреевича никакого значения. О дне рождения Инны он не стал спрашивать у нее самой. Узнал у ее дочери Светланы, которая пообещала ничего не говорить матери. В последний майский день он зашел к Инне с большим букетом белых и алых роз и маленьким конвертиком. Поздравив с днем рождения, поцеловал ей руку, вручил розы и конверт, сказав: «Здесь 50 тысяч рублей, купишь сама себе подарок, какой пожелаешь, или дочери на поездку в институт можешь оставить».

Инна ахнула:

- Так это же почти две ваших пенсии? Или я ошибаюсь? А как же Вы жить будете, на что питаться?

- Иногда буду заходить к тебе покушать, если не прогонишь? - пошутил он. - И насчет Светланкиной учебы, вернее, ее содержания на период учебы, не беспокойся, что-нибудь придумаем. А сейчас пойдём в ресторан.

Ошарашенная Инна стала собираться. А он тем временем вызвал такси, объяснив, что не хочет в новом костюме садиться за руль своей машины. Да и потом ехать из ресторана под градусом - проблем с ГАИ не оберешься. Будучи в ресторане впервые, она удивлялась, как тут все красиво и ... дорого. Но еще более удивилась, когда он пригласил ее на танец. Танцевал Николай Андреевич бесподобно. Инна за всю свою жизнь ни разу не встречала такого прекрасного кавалера. Провожая ее до квартиры, он спросил: «Инна, девочка моя, довольна ли ты проведенным вечером?» В ответ она молча поцеловала полковника в щеку, и он почувствовал ее благодарные слезы на своей щеке: бывший муж так и не поздравил ее с днем рождения. Потом несколько не-

дель Инна не видела старичка-полковника, и забеспокоилась, не случилось ли чего. Ей уже не хватало общения с этим веселым, подвижным и очень добрым человеком. Но в тот же день вечером он позвонил и сказал, что находится в Москве у друга, у которого жена-немка и сын-дипломат, работает в посольстве. Инна сказала, что нельзя надолго покидать свою квартиру, мало ли что может случиться. На что он весело парировал, что, наверное, продаст свою квартиру к едрене Фене и пойдет в дом престарелых. Инна строго ответила, чтобы не выдумывал глупости и приезжал побыстрее домой..

Он приехал на следующий день, когда она еще была на работе, сходил в агентство недвижимости, где ему в течение двух-трех дней обещали продать квартиру за хорошую цену, ведь она находилась в центре, неугловая, солнечная сторона, да и этаж подходящий. На обратном пути зашел к Инне, чтобы сообщить, что через неделю его здесь уже не будет. Здоровье не то. Да и готовить себе каждый день лень. Мол, поэтому и уходит в дом престарелых.

Она не на шутку разволновалась:

- А как же я? Это предательство. Мне будет без тебя очень плохо.

- Ну что ты, девочка, моя, я ведь тебе ничего не обещал, ты найдешь себе молодого, красивого мужчину. Зачем тебе старпер Николай Андреевич?

Инна злилась слезами и сказала:

- Пощади, пожалуйста. Я догадываюсь, зачем ты это делаешь, и никуда тебя не отпущу, пока ты не скажешь, что будешь жить со мною в моей квартире, а не в доме престарелых. Светланка-то уже поступила в институт и скоро уезжает в Смоленск. Мне одной будет страшно одиноко.

Он весело вдохнул:

- Девочка моя, ты не представляешь, какой я хитрый, именно этого я и ожидал. Просто хотел тебя проверить. А квартиру решил продать, чтобы Светланку учить, ведь шесть лет учебы - это не шутка. И об-

уть, и одеть надо и за жилье заплатить.

На сообщение матери, что у нее теперь будет отчим, который обещал финансировать ее шестилетнюю учебу в институте, Светлана прореагировала вяло: что ж, пусть будет так, она согласна, только пусть он переедет к ним через неделю, когда она уедет учиться. Николай Андреевич согласился с решением Светланы.

- Ну, теперь, девочка моя, - сказал он Инне, - мы с тобою заживем. Будем ходить в театры, в кино, путешествовать, отдыхать в санаториях и домах отдыха. Будем жить на всю катушку. Я просто счастлив.

- А я-то как рада! - сказала Инна. - Наконец, и в моей жизни наступила светлая полоса.

...Все это в мгновение ока пролетело перед ее глазами. Она поднялась со скамейки, зашла в квартиру и в очередной раз села перед портретом мужа.

- Что же мне теперь делать без тебя? Зачем мне жить. Это конфликт со Светкой подкосил твоё здоровье! Помнишь, за 10 лет совместной жизни мы ни разу не поссорились? А она, как закончила институт, сразу приехала и стала делиться. Я, мол, собственница, квартира у нас с мамой приватизирована пополам. Выхожу замуж. Мне нужна хотя бы однокомнатная квартира. Давай размениваться. А дед твой пусть сваливает туда, откуда пришел.

Я тогда встала на твою сторону, помнишь, и сказала, что сваливать будет она. Если ей что-то не нравится, пусть подает в суд. А ты меня все успокаивал, просил уступить Светке квартиру, говорил, что без угла мы не останемся. Я и не знала тогда, что это не пустые слов, что ты как участник войны уже потихоньку оформлял денежный сертификат на покупку жилья. Более того... даже купил в соседнем доме двухкомнатную квартиру. Хотел мне сделать сюрприз! Сейчас там живут квартиранты. Я пустила их, не могу же я жить сразу в двух квартирах? Господи, как же ты обо мне заботился! Сразу после покупки

квартиры по сертификату настоял на регистрации брака и подарил мне эту квартиру. Пока я была на работе, ты как домохозяйка, дома стирал и убирал. И никогда меня ни в чем не упрекнул. Только теперь я понимаю, как ты меня любил! А какой ты был разносторонний человек, как увлекательно рассказывал! Даже научил меня играть в шахматы. Какие писал стихи! Но не хотел их публиковать. А я это сделала, выпустила книжку с твоими стихами и раздарила почти 200 экземпляров жителям нашего дома. Что я могу еще сделать для тебя? Ничего. Не могу и уже не хочу. Я хочу только быть с тобой. Я просто хочу быть с тобой. И больше ничего. Я не нужна дочке. Она вон, развелась со своим первым мужем-художником и в этом винит теперь меня и тебя, что ей не отдали одну из наших квартир. А разве бы мы не отдали? Отдали бы с удовольствием. Но она нагло себя вела и сейчас ведет, просто по-хамски. Ни капли благодарности. Вот мы вместе с нею работаем в одной больнице. Я окулистом, а она - невропатологом. Но мы почти не общаемся. Она даже не здоровается со мною, хотя мы с тобою материально обеспечили ей поступление и учебу в институте. Очень гордится наша Света, что недавно выиграла конкурс «Лучший специалист больницы» и считает меня никуда не годным врачом и женщиной тоже, потому что, говорит, я со своей красотой за три года после твоей смерти не смогла найти себе богатого мужа. А мне не нужен муж. Мне, прежде всего, нужен интересный, добрый человек, каким был ты, мой Андреевич. Такого больше нет и не будет! Я подала заявление об уходе с работы и с понедельника уже больше не пойду в свою поликлинику. Ведь мне в понедельник, дорогой мой, исполнится 55 лет - возраст выхода женщин на пенсию. Завтра будет воскресенье и я поеду к тебе в деревню и буду просить Бога, чтобы я осталась там вместе с тобой навсегда. Я оставлю Свете в ящике стола ключи и документы - дарственные - на обе наши квартиры и записку. Пусть радуется и

владеет. А сейчас пойду в магазин, куплю твой любимый коньяк, твои любимые конфеты и соберу всю свою лучшую одежду, в которую буду завтра одета. Да, я плачу, но не от того, что я несчастный человек, а от того, что Бог дал мне счастье более 10 лет жить с тобой и от того, что я завтра снова буду рядом с тобой.

...На следующий день она уже ехала утренним автобусом в деревню. В салоне было несколько человек. Кто-то спал, кто-то глядел в окно, кто-то уже готовился к выходу. Напротив нее сидел пожилой мужчина лет шестидесяти. Симпатичный, подтянутый он чем-то неуловимо напоминал ей Андреевича, только выглядел лет на двадцать моложе. Она грустно улыбнулась. Он заметил, покраснел и на ломаном русском языке спросил, что находит смешного в его внешнем виде такая красивая женщина. Она серьезно сказала, что ей показалось, что такой элегантный мужчина, как он, похож на ее мужа, умершего три года назад, Гаврикова Николая Андреевича. Мужчина вскочил.

-Так Вы есть Инна Николаевна? А я Макс-дипломат.

Оказывается, Макс является сыном того самого Дрожана Николая Павловича, который воевал вместе с ее Николаем Андреевичем и переписывался с ним до самых последних дней жизни мужа, с которым Николай Андреевич встречался в Москве. Макс рассказал ей, что он живет в Америке. Мать его - немка, отец - русский. Работает Макс сейчас в американском посольстве в Москве. С ним живут и мама, и отец. Жена, дети? Да как-то, не успел ими обзавестись, хотя уже 57 стукнуло. Отец совсем слаб стал, как-никак под девяносто, плохая память, отказывают ноги и руки. Но не забывает, ни на минуту, что обещал Вам, Инна Николаевна, в своем письме приехать на могилу Вашего мужа. Но вот не смог. Зато меня вместо себя послал. Так что мне теперь не надо искать могилу его друга. Вы ведь тоже туда едете?

Инна только кивнула головой.

На могиле она не сдержала себя и рыдалась. Из ее причитаний Макс понял, что этой красивой русской женщине очень тяжело и одиноко и она предпочитает своей беспросветной жизни сегодня умереть на могиле любимого мужа. Решение у него созрело мгновенно. После того, как они выпили привезенного Инной коньячка и она немного успокоилась, Макс сказал, что ни за что не оставит ее одну. И если она с ним не поедет в Москву, то и он отсюда никуда не уедет. Тем более, что сейчас у него отпуск, и он может целый месяц провести где угодно. И чтобы ни у кого не маячить перед глазами и развеяться, он предлагает Инне купить путевку и поехать куда-нибудь... на Канары, например. Она сказала, что хочет на море в Анапу, где в детстве была в санаторном лагере. Они переночевали в деревенском доме родителей Инны Николаевны. Инна почти до рассвета, рассказывала Максиму о своей жизни и о незабвенном Николае Андреевиче. В понедельник ими уже были куплены путевки. Почти месяц они провели в Анапе в санатории, а потом уехали в Москву.

...Последние три года Инна живет за границей в Америке. И очень счастлива. Раз в год она вместе с мужем Максом приезжает в деревню на могилу Николая Андреевича. Со Светой, своей дочерью, Инна не общается. Но от знакомых слышала, что ее дочь вышла замуж за надоедливого ухажера Инны терапевта Курдюмова и у них уже есть ребенок, а у нее внук, мальчик Рома. Кроме того, Инна знает, что у мужа Светланы теперь своя клиника, где он работает вместе с женой. Говорят, что стартовым капиталом для них стали две квартиры Инны и Николая Андреевича. Но мама не обижается на дочь. В глубине души она даже рада за Светлану, хотя до сих пор не может простить ее и понять, почему она выросла таким жестким и черствым человеком. Но тут и понимать нечего. В народе недаром говорится: вырастить одного ребенка, значит, вырастить эгоиста.

Матрюха-Два-Уха

Ее звали Матреной Петровной. Но в деревне все почему-то дразнили Матрюхой-Два-Уха. Это была пожилая женщина лет семидесяти, с седыми волосами, пронзительным взглядом прищуренных карих глаз и едва заметной усмешкой в уголках губ. Морщин на ее большом белом лице почти не было, только чуть заметная сеточка вокруг глаз. Она была полной, медлительной, даже неповоротливой и не очень разговорчивой. На большинство вопросов обычно отвечала односложно: «Да», «Нет», «Не знаю». Муж ее давно умер. А вскоре после мужа умер и старший сын. Дочь вышла замуж и уехала на Украину. Матрена осталась совсем одна. Она дружила с моей 75-летней бабушкой Прасковьей и даже являлась крестной моей матери, а бабушке кумой. Правда, мама не очень ее жаловала и даже боялась. Меня же Матрюха-Два-Уха всегда интересовала. Да и сама она ко мне относилась почему-то ласково и доброжелательно.

Значительно позже я узнала причину такого отношения. Матрюха всегда была какой-то странной, необычной, не похожей на других. Поэтому я нередко вызывалась отнести ей парного молочка от нашей коровки, до которого старушка была большой охотницей или свежих огурчиков с грядки, потому что своих она никогда не сеяла. Мать моя при этом обычно говорила мне вслед: «Смотри, добегаешься, передаст тебе Матрюха ведьмовство. Хоть она мне и крестная, но даже я больше двух слов с ней сказать не могу. Становится как-то не по себе. Как только ты с нею разговариваешь? И о чем, непонятно». И такому отношению моей матери к крестной были свои причины. Я знала, что мама в молодости, когда возвращалась после танцев из деревенского клуба, останавливалась на ночлег у своей крестной, чья хата на улице ближе всех стояла к очагу культуры. Уже тогда более 12 лет назад Матрюха жила

одна. Она всегда заставляла красавицу-крестницу сначала поужинать, а потом ложиться спать. Мать ела поставленную крестной картошку с квашеной капустой, пила чай и лезла на печку. Когда она начинала засыпать, ее будил страшный грохот. Казалось, по всей хате летают ухваты и кастрюли и стоит чей-то визг. Потом все стихало. И усталая крестница засыпала. И хотя она давно привыкла к этой картине, утром всегда спрашивала у крестной, кто это бушевал ночью в ее хате. А та лениво отвечала, что это кошки лазили, а она их гоняла, хотя никаких кошек никогда у Матрюхи не было. Мне страсть как хотелось тоже переночевать у бабки-ведьмы и увидеть ее ведьмовство, но напрашиваться я считала некрасивым, а сама она мне не предлагала. Да и моя мать ни за что бы не отпустила меня к Матрюхе на ночь.

Однажды я все-таки увидела Матрюхино ведьмовство. В тот день в обед я, как обычно, пришла к ней с литровой банкой молока и без стука зашла в дом. Он был не заперт. Деревянный стол, лавка, несколько табуреток - вот и все убранство ее избы. Ни икон в святом углу, ни штор на окнах, ни тканых половиков на полу - никакого деревенского уюта. Я поздоровалась с нею, она молча кивнула и показала рукой на лавку. Потом внимательно глянула на меня. И в уголках ее ярких карих глаз промелькнула искра-смешинка. Словно читая мои мысли, она спросила:

- Тебе интересно, что умеет делать ведьма? - (Я молча кивнула.) - Ну так приходи ко мне ночевать - покажу.

Я отрицательно помахала головой.

- Знаю, знаю, мамка не разрешает. Ну да ладно. Сейчас увидишь, кто мне во всех делах помогает. Только, смотри, не бойся, тебя они не тронут. Она вытянула из своего платка ниточку, что-то пошептала на нее и разорвала. И тут изо всех щелей и углов стали ползти змеи, маленькие и большие,

толстые и тонкие, черные, коричневые, с ромбиками на шкуре и даже белые. Они вползали к Матрьюхе на колени, обвивались вокруг ее рук и ног, а она сидела и улыбалась им, как друзьям. Вдруг одна маленькая змейка подползла к моим ногам. Я отстранилась, замахала руками и чуть ли не упала со скамейки.

- Кыш, кыш, - сказала Матрьюха, - она тебе не подруга.

И змейка вильнула в щель в полу.

Я была в ужасе. Такого количества гадюк я еще никогда не видела. А Матрьюха продолжала:

- Ну хватит уже, дорогие мои, пошли под пол, мышей ловить. И змеи моментально словно скатились с ее колен и спрятались под пол. Я сидела испуганная, с лицом белым, как мел. Но, сглотнув слюну, все же не преминула спросить:

- А что ты еще умеешь?

- Много чего умею еще. Например, из бумаги делать деньги.

Она взяла газету, в которую была завернута банка с молоком и расправила ее на столе. Затем аккуратно сложила в десятки раз и так же медленно и аккуратно разрешила столовым ножом. Снова вырвала из своего платка ниточку, подула на нее, что-то пошептала, разорвала и только после этого поманила меня пальцем к столу, чтобы я посмотрела на деньги. Их было так много, что я от удивления расширила глаза. На столе лежали бумажные деньги разного достоинства – от рубля до сотенной. Матрьюха подала мне 25-рублевую бумажку, называя ее четвертной и попросила, чтобы я сходила в магазин и купила ей хлеба, соли и круп, а себе взяла полкилограмма конфет, каких душа пожелает.

- Я сама не хочу идти, мне они не дадут, - сказала она нахмурясь, - а ты им скажешь, что мамка послала, и они все тебе отвесят. Иди и ничего не бойся.

Сходить в магазин для меня было не новинку. Я и раньше там была не раз, посылали то бабушка, то мама, но теперь я шла в наш сельмаг с большим страхом. С за-

миранием сердца подала свою 25-рублевку продавщице тете Зине. Она сказала:

- Зачем ты так ее помяла? Наверное, всю дорогу держала в кулаке. - (Я кивнула). - А лучше бы в кармашек платяница положила, у тебя вон их целых два спереди. Тетя Зина спросила, что мамка приказала мне взять, все отвесила спокойно и аккуратно. Но когда я попросила полкилограмма шоколадных конфет, она очень удивилась, добавив, что моя мама столько шоколадных конфет детям никогда не брала, все больше карамельки покупала. Я пожалала плечами, откуда, мол, мне знать; сказано купить, так и взвешивайте.

Свалив все купленное в большую полотняную сумку, я отправилась домой. Сумка была тяжелой, и я несколько раз останавливалась, садилась на траву и ела конфеты. Вскоре почти все конфеты были съедены, в бумажном кульке оставалось только две штучки. Я решила отдать их Матрьюхе, чтобы мама ни о чем не догадалась. Матрьюха, получив всю покупку, похвалила меня, а насчет конфет сказала, что я очень понимающая девочка и все сделала правильно, что не оставила конфет для дома. Довольная, я взяла уже вымытую баночку из-под молока и убежала. Дома мать стала допытываться, почему я полдня просидела у Матрьюхи. Я ответила, что ее интересно слушать. А на возражение матери, чего может быть интересного у бабки, которая трех слов связать не может, сказала:

- Зато она умеет много чего интересного делать.

Мать ответила мне, чтобы я больше туда не ходила, не дай Бог, тоже ведьмой стану. А молоко своей куме будет носить моя бабушка Прасковья. Через месяц бабушка рассказала:

- Когда я вышла сегодня от Матрьюхи, она, как всегда, пошла проводить меня. На улице, я повернулась к ней спиной и уже, было, направилась к своему дому, как она со словами «смотри-ка, лес горит» ударила меня чем-то по позвоночнику, я чуть было не упала. Больше я туда ходить не буду.

С тех пор мы перестали носить Матрюхе молоко.

Она тоже не приходила к нам. Прошло полгода. Моя бабушка, промучившись со спиной, вскоре умерла. Но на ее похоронах Матрюхи почему-то не было. Ее соседка и родственницы по кличке Зоишта, жившая напротив, сказала тогда, что ведьмака сейчас сильно болеет и даже написала своей дочке на Украину, чтобы та забрала ее к себе. От этих слов у меня сжалось сердце. Я попросила у матери баночку молочка, чтобы отнести больной Матрюхе. Но мама ответила мне с раздражением:

- Что, ремня захотела? Или шоколадных конфет мало поела? Ты уже раз побывала в гостях у Матрюхи. До сих пор в деревне вспоминают, как ты приходила в магазин с ее деньгами. Надо же, хитрюга какая, мамка ее в магазин послала. Мне продавщица Зинка все рассказала. Я не стала тебя тогда наказывать только потому, что ты вскорости после этого заболела бронхитом. А наслала его на тебя только Матрюха. Я в этом нисколько не сомневаюсь. И еще. Ты не знаешь, что твой дядька Иван, который недавно приходил к нам под вечер из Руднева, тоже попался под ее горячую руку. Когда он уже ночью возвращался домой, она выскочила из дому на дорогу и превратилась в копну сена, чтобы через каждые триста метров вставать на его пути.

Мне тогда было уже 14 лет. Я считала себя почти взрослой. И ответила, что все это чушь, что дядька возвращался от нас в Руднево в стельку пьяный, вот и спотыкался на копны, чтобы отдохнуть. А Матрюха совсем плоха, ей теперь не до ведьмовства. Зоишта говорила, что на днях приедет дочка и заберет бабушку на Украину. Так что она скоро уедет насовсем.

- Слышишь? Не жалею уже напоследок ей молочка.

Мать смилостивилась и налила литровую баночку, сказав, чтобы я сходила к старой и спросила, что еще надо крестной. Может, одежда какая для поездки? А то

ведь одежды у нее никогда нормальной не было. А у нас от бабушки Прасковьи осталось много летней и зимней одежды. После этого я с радостью побежала к старой ведьме. Дверь, как всегда, была не заперта. Она лежала на лавке, закрыв глаза. Ничего не было постелено, даже подушки не было под головой. Мне так стало ее жалко, что я чуть не заплакала. При моем появлении Матрюха открыла глаза и сказала:

- Попрощаться пришла, милая? - (Я кивнула) - Ну, садись около меня. Ты хочешь, чтобы я тебе что-нибудь рассказала. - (Я опять кивнула). - Ну, тогда слушай. Может, выговорюсь, и полегчает немного. А то совсем уж невмоготу.

- Вот все называют меня ведьмой. Да, у меня есть какие-то способности. Я не знаю, откуда они ко мне пришли. Еще с детства, я стала замечать, о чем подумаю, то и исполняется. Когда подросла и уже была в девках, понравился мне в деревне один парень, Никитой звали. А он ухаживал за другой девкой. Я однажды на гулянке за околицей заметила, как они вдвоем-то все ходили. И подумала: пусть ее не станет, а я выйду за него замуж. Вскоре она утонула в реке, когда белье полоскала. А Никита через месяц пришел ко мне свататься. Но знай, милая, все в жизни возвращается к человеку, хоть добро, хоть зло. Сначала, вроде, все у нас с мужем шло хорошо, родилась дочка, потом сын. А Никита мой как бы этому и не рад был вовсе. Все невеселый ходил. А потом и совсем уехал в город на заработки. Сначала деньги привозил. А после совсем приезжать перестал. Через год вернулся. Да не один, а с молодой женой. А мне говорит, мол, ты живи, детей воспитывай, а я жить с тобой не буду. Тяжко мне с тобой. Мы хату разделим пополам. В одной половине будешь жить ты с детьми, а в другой я с женой. Мы ход себе отдельный сделаем. А печки у нас и так две. И в одной, и в другой половине. Я ничего ему тогда не сказала, только подумала: «Какой стыд! При живой-то жене в

дом полюбовницу приводить. Чтоб вы оба сдохли». И что ты думаешь, милая? Через неделю он умер. Подавился мясом. Даже не успел себе отдельный вход сделать. А она после его похорон куда-то совсем пропала, словно ее никогда в нашей деревне и не было. Сыну нашему тогда уже было 16 лет. После смерти отца с ним тоже что-то произошло... Стал убежать на речку. Деревенские мужики мне однажды рассказали, что он весь день сидит на берегу, вьет веревки из песка, а у него ничего не получается, и плачет он горькими слезами. Когда я у него спросила, почему он это делает, сын ответил, что папа приходит к нему ночью и дает задание свить веревку из песка, чтобы ею тебя задушить. Я тогда подумала, что лучше бы Господь прибрал его, иначе путь с него не будет. Да и он сам об этом просил. Что было дальше? Дальше он утонул. А дочка вышла замуж и уехала. Я осталась одна. Однажды какой-то беглый монах, который пробирался на Смоленщину в родную деревню, ночевал в моей избушке и подарил мне большую книгу с черной обложкой. Это была «Черная магия». Знаешь, очень интересная книжка. Все, что угодно, можно по ней сделать. Вот, например, тебя в птицу можно превратить. Увидев испуг в моих глазах, она успокоила меня: - Да ты не бойся, я не сделаю этого, потому что, кроме добра, милая, я от тебя ничего не видела. Книжку я тебе тоже не отдам, хотя и знаю, что ты хочешь ее у меня выпросить на подарок. Потом, когда меня уже не будет, можешь попросить ее у дочки моей. Если она захочет отдать. Очень ценная книга. По ней я и тебя когда-то вылечила. Твоя мать тебе, конечно, не рассказывала, как она надумала закалять свою пятилетнюю дочку, и осенью, в холодные дни, водила тебя на речку купаться. После этого ты заболела воспалением легких. Задыхалась, высокая

температура была, даже сознание теряла. Лежала она в больнице с тобой. Но ничего не помогало. Тогда пенициллина ведь еще не было. Когда ей там сказали, что жить тебе осталось два-три дня, она схватила тебя на руки и явилась ко мне, мол, крестная, дорогая, любимая, выручай. Я открыла свою черную книгу и прочитала, что тебя надо мыть каждый день теплой водой с мылом. После мытья этой водой твоя мать должна была целый месяц поливать какое-либо дерево около дома, которое в молодости посадил кто-то из взрослых членов семьи. Она решила поливать липу, что еще в молодости посадила твоя бабка, а моя кума Прасковья. В книге было написано: если липа засохнет, значит, дерево приняло на себя твою болезнь, ты выздоровеешь и будешь жить долго, долго. А тот, кто посадил эту липу, через некоторое время умрет, потому что очень сильно заболит. Тут-то я поняла, почему умерла моя любимая бабушка, и заплакала. Но Матрьюха сказала: «Твоя бабушка прожила 80 лет. Вот и ты должна столько же прожить на свете. И все у тебя будет хорошо: и семья, и дети, и работа. Главное, что ты выросла хорошим, добрым человеком»

... Через два дня после нашего разговора Матрьюха уехала на Украину в одежде бабушки Прасковьи, которую ей отнесла моя мать. На Украине старая ведьма прожила еще три года и умерла тоже в возрасте 80 лет. Ее дочь присылала нам письма, упоминала в них и про черную книгу Матрьюхи. Но я ответила ей, что мне эта книга ни к чему: у меня, к тому времени 17-летней девушки, были уже другие интересы и увлечения. После этого наша переписка прекратилась совсем. О старой ведьме у меня остались теплые воспоминания и большой страх перед змеями.

Никанор, Табонюх и Татьяна

Они были сын и мать. Хата их стояла на самом краю деревни над обрывом, а внизу протекала река. За рекой расстился луг, а за ним - бесконечные хвойные леса. Очень красивый пейзаж открывался с обрыва. Но им было не до любования красотами природы. Все их время занимали крестьянские дела и заботы. Надо было ухаживать за многочисленным скотом, заготавливать сено для коров, веники для коз, возделывать огород с картофелем и овощами. Некогда многочисленная семья из десяти человек после войны сильно поредела. Муж и два старших сына погибли на фронте, дочери вышли замуж и уехали из родных мест искать лучшей доли. Остался только младший сын сорокалетний красавец Никанор, который родился в сорок первом году перед началом войны. Был он высок, плотен и пригож собою. Двадцатилетние деревенские красотки - и те искали с ним общения, не говоря уж о его ровесницах. Он окончил сельскую семилетнюю школу, затем профтехучилище, выучился на тракториста и работал в своем колхозе. Как все деревенские парни, был не дурак выпить. И хотя его мать, маленькая, сухонькая старушка Нюра Табунова, семидесяти пяти лет от роду старалась свою кровиночку от пагубного занятия оградить, ничего у нее не получалось. Никанор всегда находил время и место, где можно было на халяву «лизнуть грамм одиннадцать», как он сам выражался. Часто приходил домой «на ушах», чем очень огорчал маму Нюру, которая, в свою очередь, забивала горе понюшкой, то есть нюхательным табаком, отчего и произошло ее прозвище Табонюх, где соединились имя и фамилия и пристрастие к нюханию табака

Было у Никанора одно увлечение, помимо повседневной выпивки: в свободное от работы время ходил он по приглашению односельчан резать свиней. Какого бы

ни были они возраста, он своим острым длинным ножом всегда попадал прямо в сердце, так что животное долго не мучилось. Поэтому хозяева подворий его очень ценили. Они вместе с Никанором опаливали свеженькой соломкой зарезанную животину, разделявали тушу, скоблили шкурку, после чего хозяйка приступала к приготовлению «жаренки». На сковородке были перемешены кусочки ароматного салца, мяса, сердца, печенки вместе с лучком и морковочкой, которыми с тушеной картошечкой хозяйка потчевала резальщика под стаканчик крепкой деревенской самогонки. От обильной еды и спиртного языки развязывались и у хозяев, и у Никанора. Как водится, начинались разговоры о политике - Сталине, Хрущеве и Брежнев, о женщинах и о домашних делах. За столом хозяин договаривался с трактористом Никанором о предстоящей вспашке земельного участка и посадке картошки. Если у хозяина в семье были дочери, Никанор не забывал похвалить их красоту и трудолюбие. Тут же появлялись и сами дочки с новыми закусками - огурчиками, квашеной капусткой да грибочками. Никанор все ел, нахваливая мастерство хозяйюшек. Но дальше этого дело не шло, хотя молодайки вертелись вокруг него изо всех сил. Ни одна из них не могла похвастаться, что зацепила его. Обед заканчивался, и Никанор, грузно вылезая из-за стола, благодарил хозяев, а они его за работу. Жена хозяина совала ему в руки завернутый в газетку кусок сала. А в карман штанов - бутылку самогонки, чтобы на другой день опохмелиться. На этом расчет за работу резальщика заканчивался, и он отправлялся восвояси. Качаясь из стороны в сторону, проходил Никанор через всю деревню, а люди, глядя из окон ему вслед, говорили: «Никанор опять свинью резал. Теперь Табонюх ему будет целую неделю жаренку готовить».

Однажды в деревню после окончания сельхозинститута приехал новый бригадир. Звали ее Татьяна. Она была местной, дочерью пенсионера Ивана Храмкина, бригадира полеводческой бригады, который был богат на дочерей. Их у него с женой было аж пятеро. И все приветливые, красивые да ученые. Только про Татьяну люди говорили, что это не девка, а зверь в юбке. И не потому, что она умела и на лошади ездить, и трактор с машиной водить, а еще и потому, что глаз у нее был очень зоркий. Досконально знала, где что в колхозе лежит. И если что-то пропадало, она сразу же могла определить, кто взял и где спрятал. Еще два года тому назад, когда она была на практике в своей деревне, люди заметили эту ее способность и боялись даже ношку сена с луга в сарай принести. Иначе могла оштрафовать или на собрании опозорить на всю деревню. Никто не думал, что она после окончания института вернется к себе домой, считали, что выйдет замуж и куда-нибудь укатит. Но ехать она никуда не собиралась, хотя инженер по сельхозтехнике из Краснодара, работавший в соседней деревне, два раза к ней сватался и обещал увезти к себе на родину. А не тут-то было. Она кого-то ждала. А ждала она из армии своего жениха и однокурсника по имени Артем. Вот именно эта девушка стала для Никанора причиной его любви и гибели. Однажды возле фермы он долго возился с ремонтом своего трактора. Подошла Татьяна, поздоровалась и начала задавать Никанору вопросы: это смотрел? то проверил? сюда заглянул? Там подтяни, здесь смажь. Он делал все, что советовала она, а сам изредка поглядывал на Татьяну. И... наконец, трактор завелся. Никанор восхищенно взглянул на нее еще раз и сказал: «Вот что значит высшее образование». А она, смахнув с лица прядь волос, ответила, что дело тут не в образовании, надо головой соображать да поменьше пить. Он не обиделся. И с тех пор Татьяна стала для него непререкаемым авторитетом. Никанор ходил следом за нею, как теленок на веревочке, чуть ли не

в рот ей глядел. Все в ней его восхищало. И стать, и красота. Везде она успевала. И полеводческую, и животноводческую бригаду проверить и за трактористами присмотреть, и отчеты составить. Как-то Татьяна на лошади приехала в поле, чтобы посмотреть, сколько гектаров земли вспахали за день механизаторы. Она грациозно восседала на белой лошади, и ее светло-русые волосы развевались по ветру, словно у сказочной красавицы. Никанор заглушил трактор и подошел к ней. В голове была только одна мысль: хочу на ней жениться, только на ней и ни на ком больше. По-деревенски прямо, ласково улыбаясь, тронув ее ногу в синих джинсовых брюках, он сказал:

- Танюша, выходи за меня замуж. Ты мне очень нравишься.

У нее чуть ли глаза не вылезли из орбит. И она зловеще тихо, почти шепотом ответила:

- А ты спросил у меня, люблю ли я тебя? Что я о тебе думаю? Мне пьяницы совсем не нравятся, будь они хоть семи пядей во лбу. Да и жених у меня уже есть, человек, которого я по-настоящему люблю. Что у нас с ним получится, не знаю, но за тебя я замуж не собираюсь и никогда не выйду. Ни за какие деньги. Понял?

Она увидела, как он изменился в лице, нахмурился и опустил голову. Такого удара Никанор, действительно, не ожидал. Привыкший к доброжелательности деревенских молодых, он надеялся, что и Татьяна благосклонно отнесется к его предложению, хотя она и была моложе его на целых 15 лет. Но получив такой удар как-то сразу сник и погрузился. Домой он пришел сам не свой, с почерневшим лицом. На вопросы своей матери и приглашение поужинать не ответил и улегся спать. Утром на другой день он опять не стал есть, выпил стакан воды и отправился к Евсеевым резать кабана. Дом Евсеевых находился через три дома от дома Татьяны. Возле дома Татьяны он замедлил шаг, надеясь увидеть ее во дворе или в окошке. Но не увидел. И продолжил свой путь дальше, подгоняемый 10-

градусным морозцем. У Евсеевых, быстро справившись со своей работой, угощался на удивление долго и все не хотел уходить. Он много разговаривал с дочкой хозяина, лучшей подругой Татьяны. Аленка, работавшая в селе фельдшером, и мечтающая о хорошем женихе, рассказывала о Татьяне с удовольствием. Но все больше плохое. Мол, Танька и вредная, и самолюбивая, и гордая, и ленивая. При этом Аленка призывно улыбалась деревенскому красавцу и стреляла в него глазками. А он все больше мрачнел и мрачнел. Уже ближе к ночи Никанор засобирился домой. Аленка вызвалась проводить его. Никанор внимательно посмотрел на нее, словно что-то обдумывая, а потом сказал заплетающимся языком:

- Не надо, сам дойду.

Вышел во двор, зачем-то взял стоявшую в углу палку и, опираясь на нее, двинулся домой огородами. Перед огородом Ивана Храмкина Николай остановился и осмотрелся. Точно зная, что на задней стене хаты у Храмкиных нет окна, и его никто не увидит, начал палкой медленно писать на чистом снегу. «Танюша, спасибо, что ты есть. Больше мне ничего не надо. С тем и уйду. Н.Т.». «А теперь спать!» - мысленно приказал себе Никанор и улегся прямо на снегу возле своего письма. Уснул он практически сразу. Помогла большая доза спиртного. Во сне видел свою свадьбу с Татьяной, венчание в церкви и катание на качелях. Так, счастливым и спокойным, Никанор ушел из жизни, замерзнув ночью на 25-градусном морозе.

Рано утром Иван Храмкин проснулся от воя собаки. Он вышел в огород и обомлел: там на снегу возле своего письма лежал замерзший Никанор. Иван запряг коня. Разбудил жену и дочерей, которые помогли ему взвалить на сани грузного, одеревеневшего Никанора и повез его к матери Табонюх. С собой он приказал ехать и Татьяне, которая сначала заупиралась, но увидев к рукам отца кнут, со слезами на глазах села в сани.

...Табанюх, прождавшая сына всю ночь, рано утром услышала за окном скрип полозьев и вышла во двор. Едва взглянув на скорбную процессию, она поняла все. Увидев в санях Татьяну, Табонюх с невероятной для маленькой женщины силой, выхватила ее из саней.

- Ты, ты все виновата, подлая! - кричала она, колотя сухонькими ручками по груди рослой Татьяны. - Да будь ты проклята, тварь! Пусть Бог тебя накажет!

Татьяна упала на колени и, уткнувшись лицом в снег, в слезах, повторяла:

- Простите, тетя Нюра, но я не виновата, я не знала, не хотела этого.

Табанюх в отчаянии выхватила из забора кол, чтобы ударить им по Татьяне, замахнулась и осела вместе с ним на снег... Жизнь мгновенно потеряла для нее смысл. Храмкины хоронили их обоих - мать и сына, в один и тот же день. Иван поставил хороший памятник на могиле. А Татьяна через девять дней уехала в город и стала работать в сельхозуправлении. Своего жениха она так и не дождалась, он женился там, где служил, на другой женщине. Татьяна тоже вышла замуж за разведенного мужчину, какого-то начальника. Говорят, он был вдвое старше ее и очень походил на Никанора. Но со своим мужем она долго не прожила. Родила двоих детей и развелась. Ее муж ушел к первой семье, где тоже были дети. Сейчас Татьяна живет одна. Ее дети, которым уже более 30 лет, выросли, имеют свои семьи и детей. Живут отдельно от нее. Иван Храмкин и его жена давно умерли. Самой Татьяне уже за шестьдесят. Она серьезно больна. Но часто приезжает в село, чтобы помянуть своих усопших родителей. Заходит и на могилу Никанора с матерью. Она подолгу сидит там на скамеечке и о чем-то думает. Со стороны кажется, что она разговаривает с Никанором и Табанюх. И она этого не отрицает. Говорит, что часто видит их во сне, зовут они ее к себе, и ей очень хочется с ними встретиться....

Дважды предатель

В детском санатории был день заезда. Должны были приехать более 30 человек. В основном это были ослабленные дети, с первого по десятый класс. Младших сопровождали родители. Старшие, 16-летние подростки, приехали сами, с документами и учебниками. Они перезнакомились еще в санаторском автобусе, который был подан к вокзалу и подвозил детей от поезда до места назначения. Выйдя из автобуса, старшие ребята стайкой направились по узкой асфальтовой дорожке к административному корпусу.

Было начало мая. Дорожки, обсаженные белой и голубой сиренью, цвели и благоухали. Молодые люди шутили и смеялись. Один из них, среднего роста, крепкий и кудрявый паренек, приехал с гармошкой. В толпе постоянно слышалось: «Василек, спой частушки, что в поезде наяривал». Но сейчас гармонист почему-то упрямо не хотел демонстрировать частушки. Он играл мелодичные грустные песни, а две девушки, идущие по обе стороны от него, негромко напевали.

Маленькая первоклассница, восьмилетняя Томочка, шедшая вместе с мамой за толпой молодежи, сказала тогда, показывая рукой на старшекласников:

- Их в санаторий не возьмут, правда, мама, потому что эти дядьки и теткы плохо себя ведут? Посмотри, как они толкаются и хохочут.

Мама только улыбнулась уголками губ и ничего не ответила.

У кабинета врача они столкнулись с гармонистом Васильком, который стоял на прием к прямо перед ними. Насмешливо взглянув на Томочку, Василек сказал: «Ну, что Промокашка, станем вместе лечиться и отдыхать. Говорят, что наш класс будет шествовать над первоклассниками. Так что еще встретимся».

И он смело шагнул в кабинет врача.

...Они встретились через неделю после

уроков в помещении первого класса. Десятиклассники пришли к своим подшефным с концертом. Тут уж Василий наяривал свои частушки сколько было душе угодно. Томочка подошла к нему после концерта и сказала: «Спасибо. Мне очень понравилось. А когда вы к нам еще придете?» Он надавил ей пальцем нанос и весело ответил: «Для тебя, Промокашечка, я готов играть хоть сутки напролет». Томочка ментально покраснела и обиделась: слова гармониста Василия показались малышке оскорбительными. Она выбежала во двор и... удивленно остановилась. Там зацвели розы, которые девочка очень любила. На клумбах их было так много, сколько она никогда в жизни не видела. Розовые, желтые, красные. От них шел тонкий, еле уловимый аромат. Она запомнила это на всю жизнь. Залихватские частушки Василия и тонкий аромат роз. Все это снилось ей потом не раз и не давало покоя. Но сейчас она не могла перевести дух от негодования и готова была заплакать. А Василий вышел из здания и прошел мимо Томочки, даже не взглянув на нее

Вместе со своими одноклассниками он приходил к первоклашкам еще много раз. И каждый раз подходил к Томочке с вопросами: как дела, какие оценки получила, какие сказки любишь. А потом приносил эти сказки и читал вслух, словно пытаясь загладить свою вину перед девочкой. Видно было, что эта девчушка чем-то притягивала его. Так, незаметно, он стал для маленькой Томочки самым интересным человеком в санатории. Она уже давно забыла свою обиду и с радостью наслаждалась вниманием взрослого шефа. Когда настало время уезжать, Василий зашел к первоклассникам в спальню и сказал: «Ну что, дорогие мои подшефные, уезжаю. Мое время пребывания здесь закончилось. Наверное, больше никогда не увидимся. Очень грустно будет мне без вас Особенно без тебя, Промокаш-

ка. Такой красивой девочки я еще никогда не встречал. Кстати, и деревня, где ты живешь с родителями, тоже очень красивая. Не удивляйся, но я там бывал не раз. Это соседний с нашим район. Несколько озер. Широкая, но неглубокая речка, в которой много рыбы водится. Часто с отцом ездю к вам на охоту и рыбалку. А название вашей деревни Дубровино. Может в гости как-нибудь к вам зайду, когда снова с отцом будем охотиться или рыбачить в ваших местах. У нас там даже шалаш есть в лесочке на поле при спуске на луг.

Покрасневшая Томочка от радости только кивнула в знак согласия, что будет ждать гостя, а шалаш этот тоже видела, когда ходила купаться вместе с мамой на реку. Уходя, Василий поднял Томочку на руки, поцеловал в щечку и шепнул на ушко: «Если будешь меня ждать, обязательно женюсь на тебе».

Василий уехал, и все вокруг погрузнело. С этих пор она стала ждать его каждый день. Томочке оставалось еще месяц быть в санатории. Это время прошло для нее как-то тускло и незаметно. Когда мама приехала ее забирать, то удивилась, почему девочка не поправилась, а наоборот похудела. На все вопросы дочка отвечала, что здорова и хорошо ест в столовой. По дороге домой она все-таки рассказала маме про Василия, а мать ответила, что теперь знает причину ее грусти и что таких василечков у нее до свадьбы будет еще много-премного. А Томочка подумала про себя, что такого, как он, не будет никого и никогда.

Девочка упорно ждала целый год приезда Василия в гости. Но так и не дождалась. Окончив школу, он уехал поступать в Москву в ветеринарный институт, и дома почти не бывал. Он старался не обременять родителей денежными вопросами, потому что на их иждивении еще оставались три брата и сестра. Жил на стипендию, а когда ее не хватало, шел разгружать вагоны. Была и еще одна причина, почему он редко бывал в родном поселке. В Москве Василий познакомился с красивой девушкой, кото-

рая училась в педагогическом институте на учителя биологии и решил после окончания института связать с нею свою жизнь. Ее тоже звали Тамарой, и она почему-то напоминала своим нежным, чистым лицом, волнистыми светлыми волосами и большими серыми глазами маленькую Томочку. Он часто с нежностью и грустью вспоминал эту маленькую девочку и думал про себя: вот была бы она хотя бы лет на пять постарше... Дальше его мысли путались, и он старался перейти на другую тему.

Когда Василий Суров закончил институт и получил диплом ветеринарного врача, а его будущая жена диплом педагога, Томочке исполнилось 14 лет. Мать ей взяла путевку в детский оздоровительный лагерь, который находился в сосновом бору недалеко от детского санатория, где Томочка когда-то познакомилась с Василием-гармонистом. Когда мать в родительский день приехала в лагерь ее проведать, Томочка радостно сообщила ей, что через год после окончания неполной средней школы она будет поступать в педучилище, чтобы стать педагогом, как их вожатая Тамара Петровна, которая после окончания института работает у них в лагере. Она такая веселая, такая красивая, такая добрая, умеет играть и на пианино, и на гитаре. Мать подумала, что за год интересы у подрастающей дочери могут поменяться, она хотела бы видеть ее врачом или, на худой конец, медсестрой, считая эти профессии для семьи очень важными. И так как Томочка хорошо училась в школе, то это вполне могло бы осуществиться. Но все пошло по запланированному дочерью сценарию.

...То лето было жарким. И мама Томочки Анна Семеновна Петракова часто поливала в огороде огурцы и помидоры. Однажды мимо нее прошла группа охотников, направляющаяся в лес. Голос одного, звонкий и веселый, ей, как будто показался знакомым. «Василий!» - нечаянно окликнула она. Тот оглянулся. Она сначала его не узнала. Но когда он подошел поближе, поняла, что не ошиблась. Он махнул своим

товарищам, что догонит, а сам с Анной Семеновной вошел в дом. В доме было тихо и чисто убрано. Анна Семеновна напоила гостя молоком с черным деревенским хлебом. И достала альбом Томочки.

- Пятнадцать лет через год будет девочке, - сказала она, - хочет стать учительницей начальных классов. Говорит, что моя профессия библиотекаря непопулярна. Сейчас она в загородном лагере отдыхает. Все про тебя вспоминает. Говорит, мол, обещал приехать в гости, но так и не приехал. Обманул.

Василий покраснел и уткнулся в фотографии Томочки.

- Еще красивее стала, - наконец, сказал он, - и на мою жену очень похожа.

Увидев недоуменный вопрос в глазах Анны Семеновны, он ответил, что в нынешнем году закончил ветеринарный институт и женился на молодой учительнице. Сам пока работать не начинал. А вот жена на лето устроилась в детский лагерь воспитательницей.

- Мой младший брат такого же возраста, как Ваша Томочка, тоже хочет через год поступать в педучилище, говорит, что будет учиться на учителя физкультуры. Может, вместе будут учиться? Сейчас он тоже отдыхает в детском загородном лагере. Передавайте Томе от меня большой привет, жаль, что сегодня не застал ее дома.

После этих слов Василий встал, быстро попрощался и побежал догонять своих охотников. Анна Семеновна села на стул возле печки и задумалась, стоит ли говорить дочке о сегодняшней встрече.

В конце концов она решила, что не будет волновать девочку. Через три недели Томочкина смена закончилась и она приехала домой, веселая, полная впечатлений. Рассказала, что познакомилась там с братом Василия Сергеем, от которого и узнала, что «василечек» уже окончил ветеринарный институт и совсем недавно женился. А женой его знаешь, кто является, наша вожатая Тамара Петровна, которая мне так

понравилась. Мы с нею много говорили о Василии. И ты понимаешь, мама, мне в первый раз не было больно и обидно, что он не выполнил свое обещание приехать к нам. Я даже порадовалась, что Василий выбрал себе в жены такую красавицу. А его брат мне тоже понравился, только не так сильно, как Василий, и мы с Сергеем даже пообещали друг другу, что будем переписываться и поступать в одно педучилище.

Последний год своей учебы в школе Томочка провела в каком-то возбужденно-радостном настроении. Она часто переписывалась и перезванивалась с Сергеем, никогда не задавая вопросов о Василии. Лишь Сергей сам изредка упоминал о брате. Мол, вчера провожал Ваську с женой в Псковскую область, куда ему дали на работу направление как ветеринару, будет работать в деревне ветврачом, а его жена до декретного отпуска - учительницей в местной школе. Таким образом, Томочка узнала, что у Василия скоро будет ребенок. Ее сердце, словно упало и остановилось. Это означало, что Василий никогда не бросит свою любимую жену и сына. После поступления в педучилище настроение ее не изменилось. Она стала как робот, училась, ходила занятия, участвовала в различных мероприятиях, а в голове стояла одна мысль: его больше не будет, не будет с ней никогда, надеяться не на что. Сергей развлекал ее как мог. Таскал на дискотеку, в кино, на экскурсии. А она словно ничего не видела и не слышала. И даже когда на последнем курсе он сделал ей предложение, не сразу поняла, в чем дело. А когда он повторил его во второй раз, Томочка вдруг решила, что это ее последний шанс. Только вот так, будучи невесткой, женой брата, она хоть иногда сможет видеть Василия. Этого ей будет достаточно. Только видеть. Хотя бы изредка. Она сразу же согласилась. Свадьбу решили сыграть летом, в июле., когда уже будут сданы все экзамены и получено направление на работу.

Василия на свадьбе не было. У него уже

родился сын, и он с женой и маленьким ребенком побоялся тащиться в такую даль. Встретились они только через три года, когда сыну Томочки Степке был годик. Василий вошел с чемоданами во двор своих родителей и остановился, как вкопанный. Во дворе стояла Томочка с маленьким мальчиком на руках. Такая стройная, красивая, такая притягательная и нежная

- Ты? - только и смог спросить он.

Она молча кивнула. А он почему-то грустно вздохнув, добавил:

- Теперь у нас будет две Тамары.

Подошла Тамара Петровна, ведя за руку их сына Темку. Она поцеловала Томочку, сказав, что очень рада ее видеть и прошла в дом. А Василий стал спрашивать Томочку, как получилось, что она стала женой Сергея. И вообще зачем она это сделала? Томочка рассказывала ему тихо и спокойно, а у самой в голове стояла одна мысль: я не смогу это пережить, я не смогу видеть его рядом с Тамарой Петровной. Не смогу. Уйду прямо сегодня же. Все-таки у нее хватило сил задать ему вопрос со своей стороны: как получилось, что он женился на Тамаре Петровне. На что он тихо пролепетал, что прошло много лет с тех пор, как они вместе лечились в санатории, что многое забылось, что Томочка была тогда слишком маленькая, что все было как-то несерьезно.

- Только я все восприняла серьезно, и все эти годы помнила и ничего не забывала, я ждала и надеялась. Какая же я была дура, маленькая, наивная дура, - сказала Томочка и тоже пошла в дом.

Она быстро собрала свои вещи и вещи маленького сына и сказала мужу, что она с ребенком уезжает, а он пусть поступает, как считает нужным - едет с ними или остается у родителей. Свекор и свекровь всполошились, что случилось, сын с невесткой и внуком собирались провести у них месяц, а не пробыли и трех дней. Томочка ничего не стала объяснять, быстро попрощалась и, взяв ребенка на руки, направилась к автобусной остановке. Сергей

еле поспевал за нею, таща тяжелый чемодан. Дома в небольшом районном центре, где они жили и работали в школе, он снова стал спрашивать о причине отъезда Томочки из деревни.

- Не нравится мне там. Вот и все. И больше ничего у меня не спрашивай! - сказала она.

Но когда муж сообщил ей, что брат с семьей на обратном пути собирается заехать к ним в гости, она совсем рассвирепела.

- Не надо мне никаких гостей! Я не люблю гостей! - кричала Томочка. - Сам их принимай, а я уеду к матери в деревню.

В конце месяца Василий позвонил Сергею, что сидит с женой на вокзале в ожидании пересадки на свой поезд, который будет часа через четыре. «Если хочешь, приди за нами, мы чемоданы оставим в камере хранения и примчимся к тебе налегке», - сказал Василий. Сергей стал одеваться, ничего не объясняя жене. Да и она у него ничего не спрашивала. Томочка, слышавшая разговор через приоткрытую дверь, поглядела на часы. До отъезда последнего автобуса в ее родную деревню оставалось 20 минут. Автобусная остановка находилась рядом, через дорогу. Как только дверь за мужем захлопнулась, она подхватила ребенка на руки, взяла небольшую сумочку с его вещами направилась к автобусу. Так, что когда гости вошли в дом, хозяйки там уже не было. Они посидели, попили чаю, и Сергей опять отвел их на вокзал. Потом еще раза три или четыре, направляясь в отпуск к родителям, Тамара Петровна с Василием заходили к Сергею и Томочке. Бывшая пионервожатая очень хотела узнать причины негостеприимного поведения Томочки, с которой она некогда была так дружна. Но Томочка, заранее узнавая об их приезде, всегда уезжала к матери.

Зато Василий часто звонил брату, иногда нарываясь на Томочку. Она говорила с ним по телефону на удивление спокойно и дружелюбно. Но сквозь нарочитое спокойствие всегда проскальзывали боль и страдание. И когда он приглашал ее с Сергеем к

себе в гости, она каждый раз отвечала одно и то же: «Не приеду. Ты же знаешь, что я не люблю принимать гостей и в гости ходить тоже не люблю». Он спрашивал, не нужна ли какая помощь. И слышал в ответ, что она не нуждается ни в чьей помощи, а уж в его тем более. Он говорил, что ни в чем не виноват, что так сложилась жизнь, что давно пора забыть об обидах. На что она всегда отвечала строчкой из стихотворения: «Легко простить, но нелегко забыть».

...Так шли годы. За ними шествовали десятилетия. Обе семьи вырастили по двое детей, которые получили высшее образование и хорошие профессии, женились, появились внуки. Незаметно братья Суровы и их жены состарились, вышли на пенсию. Когда умерла мать Томочки, невестка не позвала Василия на похороны. Но когда на семидесятом году жизни внезапно от инфаркта скончалась его жена Тамара Петровна, он позвонил брату и Томочке, и те быстро приехали к нему на своей машине. В доме Василия уже были его дети, и они сделали все необходимое. Томочка долго плакала и просила прощения у Тамары Петровны, хотя никто не мог понять за что. Потом, когда после поминок дети усопшей уехали к себе в областной центр, где они жили и работали, Томочка оставшись с мужем у деверя до следующего утра, успела немного поговорить с Василием. Несмотря на то, что он был сильно опечален, все же он на

полном серьезе сказал ей: «Вот теперь, наконец, все может быть по-твоему. Если захочешь, можешь стать тут полноправной хозяйкой. И я этому буду только рад. А муж твой поймет. Я ему все объясню».

Ей хотелось сказать: «Какая ж ты свинья и сволочь!» Но она сдержалась и тихо ответила:

- Бедная Тамара Петровна! Почти 50 лет прожила ты со своим любимым мужем. И вот какую получила благодарность в день своих похорон. Он предлагает другой заменить ее и остаться в ее доме на правах жены и хозяйки. Но я, Василек, так не поступлю ни по отношению к Тамаре Петровне, ни по отношению к своему мужу, хотя и не люблю его, как ты, якобы, любил Тамару Петровну. Да, мой муж знает, что я от него не в восторге. Хотя он до сих пор не знает, что я люблю его брата. Но повторяю: я никогда не поступлю так, как ты. Прожить вместе почти полвека и предать человека - это все равно что плюнуть в лицо. Ты дважды предатель. Сначала ты предал маленькую, наивную девочку, а потом свою любимую жену. Этого простить нельзя.

Она повернулась и пошла к своему мужу, который сидел в соседней комнате и смотрел телевизор.

- Дорогой ! Мы завтра уезжаем утром первым автобусом, - сказала Томочка тихо.

Он в ответ лишь молча кивнул...

Друг бесценный

В комнате было тихо У стола сидела пожилая женщина и писала письмо. «Здравствуй, мой дорогой бесценный друг Иван Петрович! Поздравляю тебя с 23 февраля – Днем российской армии и Военно-морского флота. Пусть все у тебя и твоей семьи будет хорошо. Живи долго и счастливо. Почти два месяца назад, еще перед Новым годом, я написала тебе письмо, тоже поздравила с наступающим

праздником, рассказала новости. И предложила... познакомить моего 35-летнего сына с твоей 30-летней дочерью. Даже послала его фотографии. Мне казалось, что ты обрадуешься этому предложению и ответишь, как всегда, быстро. Но ответа я не получила до сих пор. Что же случилось? Может, тебе не понравилось мое предложение?

Или твои дочка с женой были против? Ответь, пожалуйста! Мне очень обидно твое невнимание. На этом прощаюсь до очередного письма. И жду ответа. В.П.»

Не успела она поставить точку, как в дверь постучали. На пороге стояла почтальонка и протягивала конверт. Валентина Павловна сначала обрадовалась. Но увидев на конверте незнакомый почерк, вздрогнула и немного испугалась. Она держала письмо в руках и не могла понять, кто же его написал. Казалось, почерк ей был когда-то знаком, только очень давно. Женщина открыла конверт, из него посыпались фотографии с какой-то погребальной церемонии. Затем выпал небольшой тетрадный листок. Жена Ивана Петровича Глушенкова - Мария Сергеевна, ее бывшая подруга по институту, писала, что ее муж уже никогда больше не сможет ответить на письма Валентины Павловны, потому что он скончался в возрасте 65 лет, как раз перед Новым годом.

Валентина Павловна еще раз вздрогнула. Листок выпал из ее рук. Она откинулась в кресле и закрыла глаза. И время, словно кинолентку, отмотало 45 лет назад. Ей было тогда 19 лет. Она с красным дипломом только что окончила педучилище и стала учителем начальных классов. А еще заочно поступила в педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Захотела получить вторую профессию, стать филологом. На установочную сессию приехала в последний день перед занятиями. В единственной гостинице все места были заняты. Она уже собиралась уходить от администратора, чтобы поискать объявления о сдаче квартир, как веселый мужской голос окликнул: «А вы на сессию приехали? Узнав, что она будущий филолог и явилась на установочную сессию, парень - на вид ему было лет 25-26 - сказал: «Так мы тоже с Маруськой на установочную приехали». Сначала Валентина подумала, что Маруська - это его жена, на что парень, представившийся Иваном, сказал, что Мария Сергеевна - его одноклассница и коллега,

вместе работают в школе, а теперь и однокурсница. Приехали они еще два дня назад, чтобы занять места. Он живет в одноместном номере, а Маруське - в двухместном. Иван попросил администратора, чтобы Валентину подселили к Маруське. Так все и устроились. Потом каждый год Маша с Иваном будут приезжать за два дня раньше и занимать для своей однокурсницы место в гостинице. Они и на лекциях сидели всегда вместе - Валентина и Мария. А посредине он, Иван. На перерывах между лекциями он всегда бегал в киоск за пирожками и с удовольствием угощал их: Валентине покупал с повидлом, а Марусе с мясом. После занятий Маша всегда спешила в гостиницу, чтобы внизу, в дешевом ресторанчике, занять столик и заказать обед. А Иван и Валентина идти не спешили. Иногда он предлагал ей покататься на лодке, иногда сходить в кино. Два раза на выходных они даже ездили в недалеко расположенный белорусский город Гомель. Иван восхищался чистым красивым городом, говорил, что очень хотел бы здесь жить, а Валентина отвечала, что ей нравится свой маленький районный центр, где она родилась и выросла. Маша видела, что между ними зарождаются отношения, но мешать этому не спешила. Она не хотела быть навязчивой, хотя и понимала, что во многом проигрывает своей подруге-красавице и отличнице Валентине. Однажды с глазу на глаз Маша спросила у нее, уж не собирается ли Валюша за Ваньку замуж. На что та ответила, что у нее претендентов в мужа более чем достаточно. А Ваня - просто ее друг, самый лучший, самый преданный. На последнем курсе Маша заболела, целый месяц пролежала в больнице, пропустила сессию в институте и на год отстала от них. Иван с Валентиной сдавали экзамены без ее надзора. Именно тогда, когда последний экзамен был уже сдан, он сделал ей предложение. Валентина вздохнула и грустно склонила голову: «Ты замечательный друг. Лучше тебя я не встречала. И, наверное, не встречу. Но я скоро выхожу замуж. Кто он?»

Мой бывший однокурсник по педучилищу. Отслужил армию и работает в вашем селе директором Дома культуры. Маша его знает, она там на полставки ведет кружок выразительного чтения. Да и ты, наверное, тоже». И Валентина назвала фамилию. Ивану хотелось спросить, чем он хуже будущего мужа Валентины. Но она опередила его вопрос и ответила: «Ты лучше его. Намного умнее, добрее и красивее. О таком муже, как ты, можно только мечтать. Но... тебя любит Маша. Не собираюсь переходить ей дорогу. Во всяком случае, я ей это обещала» Он тогда нахмурился и молча ушел. А на другой день она уезжала в деревню, где работала учительницей начальных классов. Провожая ее на поезд, он говорил ей с болью и тоской: «Я не хочу тебя терять. Я знаю, что об этом потом буду сожалеть всю жизнь. Поедем сейчас ко мне». Валентина только покачала головой. А через месяц у нее уже состоялась свадьба. Он позвонил ей перед этим в школу. Ее позвали к телефону. И сказал то, чего она от него не ожидала: «Ты знаешь, я сейчас перешел на работу в районную редакцию. У нас освободилось место корреспондента в отделе писем. Приезжай сюда. Будем вместе работать. И мужа твоего не надо перетягивать. Будет работать, как и работал у нас, директором Дома культуры. Вот он сейчас в отпуске, где-то там рядышком с тобой прохлаждается. А то все будем вместе. Что Маша? Да не волнуйся ты. С Машей мы уже расписались. Правда, свадьбы еще не

было. Жилье? Да с жильем все решаемо. Хотите в Доме учителя живите, там сейчас свободно. Хотите в гостинице от торфопредприятия. Платить сущие копейки.

Так они снова оказались вместе. Те два месяца, которые бок о бок проработали в газете, были счастливейшими в их жизни. Он снова говорил о любви, посвящал ей свои стихи. Пока коллеги-доброжелатели не донесли их супругам. Однажды столкнувшись по дороге к автобусу с Машей, она услышала: «Подруга! Ты зачем сюда приехала? К мужу? А к какому? Моему или своему? Ты ведь мне обещала за Ивана не цепляться. И что же получается? Обещание не выполняешь? Уезжай-ка лучше со своим мужем туда, откуда приехала. И не порти мне настроение. У нас скоро будет ребенок. Мне нельзя волноваться».

Так им снова пришлось расстаться. На этот раз навсегда. Иван с Машей еще несколько лет прожили в своем поселке, а когда после чернобыльской аварии юго-западные регионы Брянской области накрыла волна радиации, они продали дом и уехали в Гомель в Белоруссию, где Иван и прожил последние 10 лет своей жизни. Каждый месяц он писал письма, присылал поздравления. И каждый месяц, несмотря на тяжелую и сложную жизнь, она чувствовала поддержку и прилив бодрости, потому что в мире был человек, который ее помнил, ценил и любил. И вот теперь его нет. И жизнь потеряла все свои краски. Остались только воспоминания...

Владимир ЧЁРКИН

Деревенские забавы

Иван сидел дома: некогда в нём была чаша полна. Трёхкомнатную квартиру он получил от государства. Работал конюхом. Дома держал трёх свиней, пару коров и двух бычков. Телевизор и хорошая мебель, газовое отопление и жена да два белоголовых мальчугана, полные озорства и разные по возрасту, с серыми глазами и полными губами. И это было всё его счастье.

Грянула реформа. И остался он без работы. Летом ещё ходил на поле: сажал, полонил капусту и другие овощи, делал на зиму соленья и варения. Надеялся на лучшее.

Горланил на собраниях: «Даёшь свободу! Зачем нам железный занавес?! Хотим видеть Европу. Совдепия не нужна!» А дома в ночные часы жена пилила:

- Нет у сыновей обуви, всё износились. Старший в футбол всё исфутболил, младшему надо костюм, да и другое.

Всего понемногу набиралось на многое.

Говорил, лаская жену:

- Погоди, утрясётся жизнь, лучше заживём. Страна богатая.

Жена перечила:

- Раньше жили лучше. Всё было.

- Завела песню: раньше, раньше! Это когда я получал три рубля в день, имел фуфаечное счастье, сапоги сорок пятого растоптатого? Вот и всё! Да какой-никакой корм стяну с фермы, то и моё, всё счастье.

- Так ведь позволяли. Почитай, своё брали.

- Да, позволяли! А взяли бы и не позволили. И пошёл бы я в тайгу лес валить, да от медведей бегать.

- Ты у меня быстренький, и от медведя убежал бы, - прижималась к нему жена.

- Да, бегать я умею, - говорил он, целуя жену.

На хуторе, что находился от деревни в пяти километрах, возле большого пруда

был запущенный сад. Рос мелкий терпкий тёрн, что был большим соблазном для всех сельчан в округе, уж больно хорошее из него получалось варенье. Огромные заросли вишни, китайки «медвежухи» - варенье из неё хозяйки варили такое, что за уши не оттащишь едока, язык проглотишь. В большом количестве росли яблоки: пепин шафранный, чёрное дерево, преснушка, мальт багаевский, анисы, медовое и такое, что не только люди нападали на них, и пчёлы. Садилась и высасывали из него медовую мякоть. А уж люди приторно-медовую мякоть мяли в банки, посыпали сахаром, не варили. А потом вместо чая ели это варенье, заливая молоком. Заросли ежевики и клубники были на поляне. А вокруг - огромный луг с цветами и шелковистой мягкой зеленью, где сенокос делили и каждый год косили комбайном. Скотина ела сено житняка, пырея, ковыля. Возле пруда были заросли ивы. На чистом зеркале воды плавали белые и красновато-жёлтые кувшинки. Иногда меж ними, ближе к берегу, плавали в тёплой, прогретой солнцем воде, выворачиваясь боком, словно плетёные лапти, карпы, метали в ней икру.

Реформа продолжалась. Землю начали делить по паям, готовить свидетельства. И стали мужики продавать наделы за бесценок, не зная, что с ними делать. Скупил один со столицы больше половины земли. А остальную скупил местные деловые крестьяне. И прибыл управляющий со своими рабочими и крестьянами, с техникой, доселе невиданной на этой сторонке. Вся заграничная. Построил конюшню, дом большой с колоннами, за пять километров протянули газ. Хотели положить дорогу с асфальтом, да ждали приказа хозяина. Говорили, какой-то нефтяной магнат волею случая достал деньги, скупил часть нефтя-

ных вышек за счёт сверхприбыли, вернул деньги, сам наварился, покуролесил за границей. Надоело, потянуло на родину. Решил отдохнуть на природе. Ждали его.

Приехал в карете, лошадей доставил в вагонах с кучером в красной рубашке, с картузом. Штаны заправлены в голенища. Сам он был высок, статен собою. Волос чёрный, с сединой. Глаза карие, борода небольшая. На пальце перстень золотой с большим бриллиантом. Полный, вылез из кареты - она качнулась. Потянул ноздрями своего большого носа воздух. Только и сказал: «Воздух!», словно на фронте при появлении вражеских самолётов предупредил о чём-то о своём. Вышли две женщины. Одна черноглазая в белой шляпке с чёрной опоясывающей лентой, в ушах серьги-луковицы из платины с синим камнем. В белой небрежной рубашке, в коротких штанишках, в белых сандалях на высоких каблуках. Свежа, молода, красива. На левой руке большие часы, золотые. На правой - кольца, массивные, жёлтые. Вторая - постарше, русоволосая с простой причёской, в очках с восточным прищуром глаз. В ушах тоже серьги светились. В чёрном длинном декольтированном платье. Бриллиантовая брошь на платье, на пальце перстень из платины с изумрудом. Чёрные сандали.

Молодая только взвизгнула от восторга:

- Ой, какой домик!

- А воздух какой, - помогая им сойти и взяв под руки, снова сказал он.

Шли не торопясь, крутили головами. На лицах счастье и довольство.

Через месяц мужчина заскучал. Разъезжая на тройке по району и осматривая земли соседей, говорил кучеру:

- Василий, хорошо здесь, но скукота такая. Если б не давление, не приехал сюда. Врачи посоветовали в деревню, в глушь.

- А я, Семён Николаевич, влюбился в это, - говорил кучер. - Природа-то здесь какая, а земля! На срезе оврага чернозём до метра виден. Земля - она главная кормилица.

- Не говори так. Нефть - это всё!

- Ну, не скажите. Нефть кончится, а зем-

ля останется навеки. А здесь земля плодородная, тысячелетия кормила людей. Я сам с Тамбовщины. У нас там земли хорошие, но тут несказанные.

- А цивилизация?

- А что цивилизация. Телевизор есть, аудио, видео... И Марья Семёновна вон какая женщина. Подлечиться ей надо. Я вон на неё давеча посмотрел, румянец на щеках заиграл, раньше бледная была.

- Да, Маше воздух пошёл во благо, но скучновато здесь, тишина.

- Так повеселиться можно. Деньги у вас есть, машина. Можно и в город катануть. А лучше всего здесь повеселиться. Я, глядя на вас, подумал, скучаете вы, вот я и хочу сделать вам предложение. Скачки!

- Скачки я люблю, только тут повывели хороших лошадей, а конезавод далеко.

- Я не об этом. Слышал я, здесь один мужчина есть, зайца догонял.

- Какого, больного? - улыбнулся Семён и посмотрел на свои ноги.

- Нет, здорового. На спор пятиметровые овражки перепрыгивает.

- Даже так. Что, ты хочешь соревнования между мужиками устраивать?

- Нет. Пусть потягается с тройкой.

- Как?

- Мы дадим ему фору.

- Какую?

- Узнаете.

На другой день Иван подымался на второй этаж по дубовой лаковой лестнице, удивляясь роскоши дома с висевшими огромными люстрами, лежавшим на ступеньках красным коврам, огромной высокой двери, под стать высоким потолкам. В сознании промелькнуло: «Старый воздух вверху. Ниже двух метров везде свежий ветер с улицы пробивается через щели».

В огромной комнате увидел мебель под морёный дуб, пол светло-жёлтый паркетный с коврами. Лежала шкура медведя с головой и вишнями глаз. За столом хозяин в красном халате, в тапочках. Иван вошёл, не робея. Сказал баском:

- Здорово живёте.

Хозяин молча встал, протянул руку, потом сел.

- Знаешь, Иван, зачем тебя позвали?

- В курсах. Ваш кучер объяснил.

- А правда, ты зайца догонял? Садись, - кивнул он ему на кресло.

- Преувеличивают. Зайца я, конечно, брал, трава густая была, бежать он быстро не мог, вилял он от меня. Вот я его и накрыл. Животом на него плюхнулся и за уши, так он, животиная, как заверещит. Когда я его за уши держал, он задними лапками мне чуть живот не разорвал, рубаху когтями как ножницами порезал. Жена мне взбучку дала.

- А бегаешь быстро?

- Есть маленько.

Вошла русоволосая женщина. Села в длинное кресло.

- Погляди, Маша, местная знаменитость. Зайца догоняет.

Она с любопытством посмотрела на него. Ласково улыбнулась.

- Вот хотим соревнование устроить: убежит ли он от тройки?

- Семён, - сказала она, и осуждающе посмотрела на него, - он ведь человек, а то лошади.

- А мы ему фору дадим. Кучер будет запрягать лошадей, а он побежит.

- Добежишь до дома вперёд лошадей, получишь деньги.

- Семён, - сказала осуждающе женщина и вышла. Он, глянув ей вслед, бросил Ивану.

- Ну что, рискнёшь?

- Согласен. Только деньги вперёд.

- Ого! А если не обгонишь тройку?

- Тогда верну деньги.

- А сколько ты хочешь?

- Тысячу долларов.

У хозяина глаза полезли на лоб:

- У тебя губа не дура. Пробежать несколько километров и тысяча.

- А как же, Семён Николаевич, у меня от бега сердце может зайтись. А у меня двое и жена.

- Живёшь справно?

- Да чуть-чуть получше вашего.

Семён рассмеялся:

- А ты юморист! - Достал из стола пачку долларов и бросил на край стола. - Считай.

- Верю, - сграбастал трясушимися руками и сунул в карман брюк.

- Значит, согласен?

- Нанялся, значит проданся.

- Вася, иди запрягай, - приказал кучеру, стоявшему тут же, который сопровождал Ивана.

Кучер вышел с Иваном. Тот оглядел зелёный луг с жёлтыми цветами, поросший мать-мачехой, белоголовыми одуванчиками на тонкой ножке. Прикинул: «Ветра нет, задохнусь в беге». Увидев овраг, по которому огибала дорога до плотины, обрадовался: «Крюк им делать. Я этот овражек перемахну». И рванул изо всех сил, уже не любясь красотой луга. С ходу перемахнул овраг; в глазах только мелькнуло, что на его дне много лопухов. Бежал, чувствуя, как бешено колотится сердце. Не обращал на него внимания, ведь в кармане деньги. Да какие деньги... Шептал: «Выдержи, сердечко!».

Полпути пробежал и почувствовал, что задыхается. Стало тошнить. «Остановиться бы, - пронеслась мысль, - а деньги?». И Иван помчался пуще прежнего, видя перед собой радостных от подарков детей, жену нарядную, весёлую рядом с ним; она, не стесняясь, чмокает в щёчку мужа в щёгольском наряде. И это придавало ему силы. Пот набегал на глаза, он смахивал его рукой. Его село, как показалось ему, выросло перед ним неожиданно. Вот и коттедж, лавочка в палисаднике. Задыхаясь, подбежал и в измождении упал на лавку, чувствуя как его тошнит. Решил пройти вокруг дома. И стал ходить, достав расчёску из кармана и приводить в порядок мокрый волос.

Подскочила тройка.

- Ну где, Василий, твой бегун? Небось, побежал денежки транжирить, с ехидцей добавив. - А как потом отдавать будет? - и высунулся из окна кареты.

- А вот и он, - ответил кучер, видя, как из-за угла подходит остывающий Иван с идущим от его рубашки паром.

- Ты где был? – спросил его Семён.

- Как где? Ждал вас. А конных нет и нет. В баньку забежал, у меня там вода всегда тёпленькая, люблю помыться, вот и шандалахнул на себя ведро водички, горячку с тела сбил.

- Ну и молодец, - протянул ему руку Семён. – Заходи, если что. Трогай, - приказал кучеру. Ехал и всё приговаривал:

- Да это какой-то самородок, ему бы спортом заняться, чемпионом стал бы. Это смотри, как бегают. Успел и в бане помыться.

Кучер рассмеялся.

- Ты чего?

- Это он не в бане был. Это он от пота мокрый.

- Да-а, а я не подумал... - умолк Семен, занятый своими мыслями. Их перебил кучер.

- Он сизмальства такой шустрый. Сельчане рассказывают, Иван бегал на другой конец села к своей возлюбленной. А парни с середины села не хотели, чтоб он с ней встречался. И толпой перекрывали ему дорогу. Так он на них шёл один. Они его ловить, куда там: догонишь ветра в поле. Как вихрь от них удирал. Так они решили его по-другому не допускать к ней. Был на селе бугай - здоровущий, злобный, общественный. В загоне у пастуха жил, как раз посредине села. Они увидели идущего, и, пока он шёл, раздражили быка и выпустили на волю. Иван идёт, бык выскакивает и на него с рогами, он отскочил в сторону. Бык развернулся и за ним, норовит его на рога надеть. Иван отскочил в сторону, тот пролетел мимо. Тот нежно так быку внушает: «Иди, я тебя не трогаю и ты меня не тронь». Но бык-то не человек, разве понимает, что к нему человек с лаской. Разворачивается и снова к нему. Он и взъярился.

- Кто? Бык?

- Нет, Иван. Выломил из плетня дрын и сам на быка. Тот на него, он в сторону отскочил, потом подскочил к нему, за хвост его, и давай лупцевать. Бык крутится на месте, а Иван бегают, держась за хвост, как

лошадь по кругу ходит, ворот крутят. Бык видит такое дело и с рёвом бежать, тот за хвост держится. Тут ватага парней, как куры от машины, в разные стороны. А он с криком: «Не слушался меня, так получай». Одним словом, прилетел к подруге дней своих счастливых, и мимо её дома. Она кричит: «Ваня, ты куда!» А он ей в ответ: «До конца села догоню. Не видишь, бык хочет, чтоб я за ним побегал. Пастух нам на свадьбу корову подарит». Так и выгнал на другой конец села быка. А бык тот стал его голоса бояться. На всех с рогами шёл. А от его голоса удирал. Животина, а понимала, кто его сильнее.

Семён Николаевич сидел, задумавшись. Потом переспросил:

- Значит, бык того, удрал. Интересно, интересно. Вот что, Вася, а не может он нам повторить этот номер.

- А отчего же не покажет, вон как на деньги смотрел. Взял, аж руки затряслись... Эка природа здесь.

Он с удивлением смотрел на краснополосатую дрофу, которая чуть поодаль от коня разбежалась и полетела, то на пёстро-морьяка-удода с хохлом с шоколадной шеей и складывающего и распускающего свой хохол, как веер. На сизоворонок, изрывших крутой берег оврага; на пастушью сумку, заполонившую луга, так своими корзинками с черешком, похожую на балалайку с грифом; на зеленовато-коричневые делянки трав, волнующихся на ветру; на сапсана, со свистом пикирующего на поднявшуюся птицу сизарку.

- Эко ловкач - как взял добычу, стервец!

- Вот что, Василий, ты поговори с ним, с Иваном, чтоб он завтра пришёл ко мне.

- Что, опять бегать, так он цену заломит. Была бы дорога напрямки... А то он напрямую несётся, а мы всё в объезд, да в объезд. Каждую кочку объезжал. Где нам его обогнать! А он побежит, такие деньжища он век не видал.

- Нет, мы сделаем деревенскую корриду. Пусть он нам покажет, как он с быком справляется.

- А то не справится, что ли! Ведь он, чудило, в юности чем только не занимался. В школе такие акробатические номера выделывал, не поверишь: что циркачи, то и он умел делать. Не ноги у него, а пружины. На турнике солнце крутил. А какие кувырки делал, уму непостижимо.

- Ну вот и хорошо. Пусть нас повеселит. Я друзьям позвоню, они в городе закисло.

И начал набирать номер на сотовом.

На другой день Иван стоял перед Семёном Николаевичем. Был он осунувшийся, щёки опавшие, сразу было видно, что нелегко досталась ему победа в беге.

- Вот что, Иван, садись, не стой.

- И то правда, ноги болят, на растяжках хожу, отвыкли от такого бега.

- А ты мазь купи. Деньги у тебя есть теперь.

- Послал жену в город за мазью. Она теперь так рада деньжатам, что и не говори. Всплакнула. Никогда таких денег в руках не держала.

- А хочешь заработать ещё больше?

- Смотря как.

- Ты про корриду слышал?

- Я этому не обучен, - засомневался Иван.

- Там они с красным одеялом, где нам в деревне такое делать. Будь я помоложе.

- Ты и не старый.

- Только я не обучен этой затее.

- А тебе и не надо. Ты должен убежать от быка. Уворачиваться. Ну и лупить его палкой, как в юности.

- Было такое дело, - Иван улыбнулся. - А вы откуда знаете?

- Земля слухом полнится. Деньги большие заработать можешь.

- Да я не против, а в чём заключается моя работа?

- Ты должен уворачиваться от быка, потом убежать. Бежать до оврага, а на краю отскочить в сторону и перепрыгнуть через овраг, а бык в овраг.

- А если догонит?

- Так ведь, Иван, деньги большие. Очень большие можешь заработать.

- А сколько?

И Семён увидел алчный огонек в глазах

Ивана. - Ну, скажем, пять тысяч.

У Ивана пересохло в горле, он почувствовал, как задрожало внутри и сердце забилось, готовое выскочить из груди.

- Надо с женой посоветоваться. Деньги большие, да и дело опасное.

- Посоветуйся, можешь заработать и больше, - донеслось ему вслед.

- Даша, - говорил он счастливой жене, сидя за столом. - Дело подвернулось, предложение на пять тысяч.

Жена вскинула на него глаза:

- А это не опасно?

Промолчал. Потом начал рассуждать:

- Сыновья растут, учить надо. - Уже как бы себя уговаривая: - И машину неплохо занять.

- А что за дело?

- Быка надо отдубасить. Помнишь, как тогда, в юности. Я гонял быка, так вот теперь господам нынешним на потеху, надо его погонять, разозлить, а потом от него удрать.

- А если догонит?

Промолчал.

- Оно, конечно, по молодости я резвей был. Да ничего, получится. Лишь бы... - смолк на полуслове, чтоб не тревожить жену, думая, что один раз совладеет. А потом могут заставить повторить этот подвиг.

- Чего лишь бы?

Но вслух не произнёс. «Лишь бы одного и того же быка второй раз не выпустили. Иначе он поймёт, чего от него хотят. Тогда конец». Жене сказал:

- Я договорюсь, чтоб быка второй раз не выпускали.

Дарья со слезами обняла:

- Иванушка, не нужны никакие деньги, лишь бы ты был живой, детям отец нужен.

Прижал ласково её к груди и почувствовал, как дорога ему эта женщина.

- Что ж ты плачешь, не на войну посылаешь. Подумаешь, разок боднёт. Людей вон как на войне осколком или пулей бодало, а тут бык. Я только на него гаркну, убоится. Пастух его гоняет, не трогает бык, - поцелуями успокаивал жену.

На другой день он сидел у Семёна Николаевича и обговаривал условия, что бык должен быть всегда новый. Бык, оставшийся в живых, не должен выставляться снова.

- Почему? – спросил его Семён.

- Бык, однажды выпущенный, второй раз поймёт, что от него хочет человек и предугадает его действие. Может убить. Потому они не должны появляться второй раз.

- А ты откуда знаешь?

- Я с детства рос и ухаживал за ними. Даже бык на цепи, когда проходишь мимо его один раз, кажется не обращает на тебя внимания, а второй раз норовит поддеть рогами.

Обговорили всё, и сумму за каждое выступление. Потом распивали коньячок. Иван, никогда в жизни не пивший этот напиток, захмелел, во хмелю хвастался:

- Да через этих быков, если надо, перепрыгнуть могу и хвост оторвать.

Кучер, глядя на него, тайно перекрестился: «Попал, как кур во щи».

Через неделю на лугу была сооружена эстакада для хозяина и его гостей. Прямо перед ней, в метрах в десяти, перпендикулярно ей был глубокий овраг шириной метров пять, уходивший вдаль обмелевшим и в полях становившийся ложиной. Люди на эстакаде могли наблюдать, что случится с быком, если он упадёт в овраг. В стороне стоял загон для быка.

Через неделю гости из столицы были на трибуне. Были здесь и женщины. Царило веселье, радостное оживление. Иван стоял на поле, опершись о палку. Она была увесистой и большой. Прикинул перед корридой, что полегче надо было бы, убежать с ней быстрее можно, и, зная повадки быков, всё-таки трусил и шептал себе: «Самое главное не забыть: бык боится того, кто выше его. И если его бить палкой, то расвирепевший бык кинется на обидчика. А если поднять палку вертикально вверх, то это останавливает многих быков». Это по крестьянскому опыту знал, так он подсчитывал свои козыри: «Я должен успеть

это сделать в любое мгновение. Бежать по прямой нельзя, догонит. Только успеть бы отскочить в сторону и перед оврагом рассчитать прыжок. Не рассчитаю если, упаду, бык на меня, тогда конец. Если подцепит, надо ухватится за рога. Он махнёт головой и я перелечу через него. - При мысли что его может уничтожить бык, у него по спине потёк холодный пот: – Сейчас бы на речке рыбачить хорошо было бы...»

Он увидел, как двое мужиков открыли дверь. Бык выскочил - здоровый, чернопёстрый, отбежал несколько метров. Остановившись медленно, покачивая телом - тяжёл был. Развернулся. Оба мужика разом в загон и закрыли ворота. Тот посмотрел на них, начал рыть землю копытом, бросая дёрн и зелень на себя, глядя на выгонщиков и считая их своими врагами. Он ревел, высывая обмылками мыла свой язык. Со страха мужики драпанули в другой конец загона. А бык продолжал кидать землю и реветь. Именно они пригнали его сюда на лошадях, именно они были его главными обидчиками.

- Повернись, Быня! – дал ему кличку Иван и весь напряжился. Бык резко повернулся.

«Ловок, чёрт!» - отметил про себя Иван.

И бык пошёл на него, глухо мыча, втягивая шею, словно звал невидимое стадо. Мол, посмотри, как я разделаюсь с врагом. Недалеко от Ивана он остановился и снова стал рыть луг, как бы этим говоря: посмотри, какой я сильный. Неожиданно он в три прыжка подскочил к Ивану, норовя насадить его на рога. Иван отскочил, но почувствовал, как его обдало воздухом и теплотой тела разгорячённого злого быка. Бык пролетел мимо и сразу развернулся, снова кинулся на Ивана; и снова тот отскочил с неожиданной для человека быстротой. Каждая часть его тела дрожала, он чувствовал, что тело его начинает разогреваться. А бык снова стал рыть землю, забрасывая себя облаком пыли.

Бурей на помосте шли споры. Друзья

Семёна ставили большие суммы на Ивана: кто на время, сколько он выдержит борьбу с быком; кто на то, что Иван останется жив; и на то, что Иван будет покалечен.

Неожиданно Иван стремительно бросился к быку и огрел его по боку. Бык отскочил и мгновенно ринулся на человека, а он, как мангуст от укуса змеи, отскочил снова ударил быка, оказавшегося сзади его. Бык рассвирепел. Он кидался на Ивана. Иван отскакивал. Видел налитые кровью глаза быка, его кучерявый лоб, жилки, трясущиеся на голени, острые и длинные рога, его могучую шею. И страх стал заползать в душу. Он сам вспотел, устал. И здесь бык, наклонившись, пошёл на него. Он поднял палку вверх. Это на секунды задержало быка. Инстинкт самосохранения задержал его: перед его глазами появилось неожиданное существо, стоящее выше его. И пока он соображал, Иван помчался во весь дух к оврагу, бежал и думал: «Надо бежать быстрее, но так, чтобы бык видел его и только его, а то он может рассчитать и не прыгнуть, остановиться на краю оврага. А я устал, как я устал».

Он слышал топот ног наступающего его быка. До спасительной чёрной ленты оврага остались метры, он напрягся. Бросил палку. Рассчитал место толчка и прыгнул. Опустившись на тот склон оврага он почувствовал, как у его ног затряслась земля.

Рассвирепевший бык слишком поздно осознал опасность и на краю затормозил всеми четырьмя, но поздно. Перепрыгнувший Иван видел, как отвалилась от края обрыва огромная чёрная краюха земли, обвалилась и полетела вниз вместе с быком, и как бык, задрав хвост, перевернулся через голову, страшно заревел и ударился о дно оврага спиной. Потом глаза его закатились, выпал большой корявой мочалкой язык и бык дёрнулся, застыл и глаза его вернулись на место, застекленели; лишь билась жилка на бедре ноги.

К оврагу спешил трактор с куном, подъемником; на нём сидели двое, один с ножом. Он видел словно в тумане, как один из них скатился по склону и без боязни подо-

шёл к быку, дёрнул по горлу ножом. Кровь горячей струей пошла из горла, парясь на земле. Когда на задних ногах на изгибе сделали надрезы и просунули верёвки, крикнули: «Вира!» Иван шёл к трибуне. На ней были разные чувства и отношение к Ивану. Тот, кто выиграл - радовался; те, кто проиграла - зло косились на него, но находили мужество пожать ему руки и поздравить с успехом.

Иван пришёл домой, выложил деньги на стол. Жена обессиленно сидела на лавке и невидяще смотрела на деньги.

- Вот, мать, на машину заработал.

Она заплакала, заголосила:

- Не нужны эти проклятые деньги. Они не в радость, если ты заработал их таким трудом. Тут сердце кровью обливалось, тысячу думок передумала, как бы что с тобой не случилось. Ребятишки глядели на меня испуганные, притихшие весь день. Не играют, не балуются.

- Возьми, возьми, мать, деньги. Они тоже мне кровью и потом достались. Не волнуйся, ничего со мной не случится. У меня в руках палка. Если её поднять в верх, любой бык остановится. А они этого не знают. - И тут же осёкся, с тоской подумал: «А ведь он знает, что это такое. Не надо было оговаривать это в договоре. Назначат борьбу только с другим быком».

На следующий день он явился к Семёну. Тот был весел, потирал руки: остался в выигрыше. Поздоровался, предложил рюмку из собственных рук. Похлопал по плечу закусывающего Ивана.

- На следующей неделе надо потрогать быка за рога.

- Это как так?

- А так! Пока бык рептует, бушует, работает ногой, подскочить к нему и тронуть рукой рог, потом отскочить, появиться сзади, схватить его за хвост и отделать палкой. Потом снова, когда бык начнет рептовать, вновь его тронуть за рог и отлупцевать, как следует. А потом бежать и... через овраг.

- Но ты знаешь, что нельзя два раза делать с быком одно и тоже. Он поймёт во второй раз и может меня поддеть.

- У тебя в руках стоп-сигнал для быка - поднятая палка.

- Это очень опасно.

- Милый ты мой, десять тысяч долларов. Это вам не фунт изюму.

- Десять тысяч? – словно во сне повтори́л Иван.

- Да, десять тысяч.

- Хорошо, я согласен.

И снова на трибуне делались большие ставки. Кто спорил, что человек, не коснётся рога и как бык человека посадит на рога. Незнающие предполагали, что если он уцепится за хвост, то бык его лягнёт, как лошадь. Они не знали, что рогатый скот лягает только ногой в сторону. Страсти разгорались, ставки увеличивались до ста тысяч.

Бык был на лугу. Иван тоже стоял и ждал эту гору мышц, полную ярости и злобы. Он боялся и успокаивал себя: «Пастух пасёт и не боится их, отчего у меня душа уходит в пятки? Не трусь».

Бык ждал его. Он видел человека, незнакомого. И понимал, что у него в руках. Часто в жизни палка касалась его. Он видел, как крохотное двуногое существо шло на него, и заревел сильнее. Неожиданно это существо вытянулось, стало высоким. Он оцепенел. И в этот миг Иван коснулся рога, отскочил. Бык махнул головой и задел рогом плечо Ивана, откинул его. От боли Иван ойкнул и мгновенно прыгнул, очутился сзади и уцепился за хвост. Обозлясь, начал бить его, но не по спине и хребту, а по морде, стараясь дотянуться ему по глазам. Бык крутился, желая сбросить с хвоста это назойливое и надоедливое существо. Но оно упорно висело на хвосте, пытаясь оторвать его. И боль возле глаз быка туманила его, искрилась в них; и бык помчался к оврагу, таща за собой Ивана. Тот бросил палку и начал тормозить быка, причиняя боль в хвосте. Бык остановился, крутанулся. Иван отпустил хвост, отлетел в сторону. До палки было десяток метров, но путь к ней преграждал бык. И Иван дико заорал, кинулся к быку. Тот стоял, свирепый, и ждал, готовый поддеть его рогами. Но Иван отскочил

в сторону и вихрем промчался к палке. Бык только успел взмахнуть в сторону головой, а у Ивана палка в руках. Снова наскок на быка: палка вверх, бык замирает - рука коснулась рога второй раз. Нагнувшийся бык махнул головой, рог разорвал пузырящуюся рубашу. А Иван уже сзади: хвост в руке и бык получает удары по морде, несётся со всех ног от Ивана. Он уже сломлен, боится, и Иван улюлюкает, гонит его. Это некогда свирепое и сильное животное удирает в поле, лишь бы отстало это маленькое неподатливое существо, так больно бьющее возле глаз.

На трибуне крик, хлопанье в ладоши, смех. Иван стоит гордый, радостный. Победа за ним. И он видит жену в мехах, в машине, пусть не в иномарке, но в машине.

Жена за эти несколько дней, казалось, постарела. Деньги взяла, не считая.

На другой день он был во власти денег и вновь пришёл к Семёну Николаевичу. Тот встретил его весело и предложил:

- На следующей неделе надо у быка поплясать на рогах.

- Как это плясать?

- Не совсем так, как по-настоящему, но ногой коснуться рога быка.

- Но это всё равно, что подставить руку змее. Когда я касаюсь рукой рога быка, ноги мои готовы унести тело. Если я коснусь ногой, я не успею отскочить от его рога.

- А ты и не отскакивай. Ты читал, как древние гимнасты, играя с быком, прыгали через него. Тут нужна твоя ловкость, и всё.

- Нет, на это не согласен.

- Пятнадцать тысяч долларов!

- Пятнадцать... Нет, я пошёл домой.

- Иди, подумай. согласишься, придёшь.

Дома Иван ходил хмурый. Старший мальчишка собирал открытки с автомобилями и восхищался моделями. Мало того, он купил журнал с марками всех автомобилей и ценами на них.

- Папа, посмотри, какие тачки, а цены какие, - говорил сын, указывая на марки автомобилей. – Вот мне всех больше нравится «Тойота». А тебе, пап? Ты заработаешь на эту машину? Мамка плачет: говорит,

папка с ума сошёл. А я помешался на автомобилях. Не понимает она, что автомобили нравятся тебе и мне.

Он сел возле сына. Потом взял его к себе на колени, прижал его к себе, вздохнул и сказал:

- Что бы со мной ни случилось, мы купим автомобиль.

Ночью лежал и вздыхал: «Это ничего, что ты можешь покалечить меня. Деньги большие! Да ещё это бабушка надвое сказала, что будет. Я ловок. Да и быки не так уж опасны». И надежда шевельнулась у него в душе. К утру засыпая, подумал: «Люди на фронтах умирают, а я струсил».

После сна пошёл на хутор. Его ждал Семён.

- Решил?

- Да. Деньги сейчас отнесу жене.

- А почему не после?

- Не знаю, что может случиться со мной, но два раза я коснусь. Так спокойней на душе.

Он отдал ему деньги, сказав лишь: - Два раза... Не выполнишь это требование, деньги вернёшь.

Пожали руки.

- Я сделаю это!

Бык выскочил из загона злой. Искал врага и нашёл его. И понёсся на него. Иван отскочил и хлопнул его по горбине палкой. Это разозлило быка ещё сильнее. Он забунел и стал рыть ногой землю. Иван подскочил к нему и ударил ногой по рогу. Бык махнул головой. Иван отлетел, упал. Бык кинулся к нему.

- Вот и всё, - подумал он, - сынишка будет ездить на машине.

Его, упавшего, искалеченного, бык катал по земле, а он махал ногой, пытаясь коснуться ею рога второй раз. И коснулся, когда бык прижал его лбом к земле.

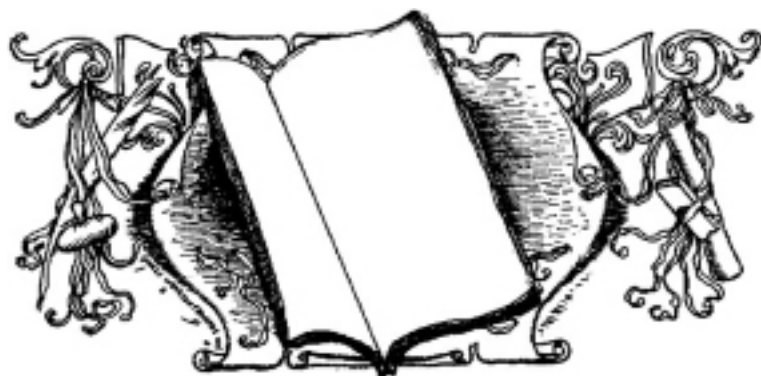
По дороге катила иномарка, в ней сидел Иван скособочившись, в потухших глазах равнодушие.

- Пап, машина у нас хуже, чем у хозяина, у него «Мерседес»? А ты можешь купить лучше? – спрашивал мальчик, сидя на заднем сиденье. Мать толкнула его в бок.

- Мог бы, сынок, заработать, если б ноженьки и рёбра мои не были поломаны, - и захохотал. - Мог бы, мог бы... повторил он, прерывая хохот.

Поэзия

Евгений РАВЕСКИЙ НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Вы – прелесть, вся из света и тепла,
Касаться Вас – волшебное явление.
Но волшебство есть Ваше искусство,
С которым Нежность силу обрела.

Фейерверки мысли, искренность добра,
Принцессы Ласки замер монумент,
И пусть настанет великий игри,
Чтоб я воспеть её желанным мог.

Повенчан с дельцей шимпанзе-сонет,
Жмёт озорством, но радует скелетом,
В нём луч величия Вас отметили светом,
Им вновь заныл исторический сюжет.

Любонь и Музыка – в них чудо, в них игра.
Воздейте ж песне нещадно вера...

* * *

Я шёл к Вам с нежностью, заботой и теплом,
Как к той волшебнице, что зовут мечтою,
Боготворец, не мучил светом,
Не спрашивал о странном и былом.

Но Вы не рассмотрели в свете дней
Ажурных гриней чувствостей и болей,
Строки живут без истин в вешае,
Их стоит чувствовать, им в чувствах веселей.

Мне очень жаль, что я не заслужил
Ни грёз, ни близости, ни веры,
Вас ждут другие звёзды и примеры.
Меня ж не впечатляют миражи...

Мне и без Вас всю душу истерзали
Делёные упрёки и миражи...

* * *

Заключен музыкальней гриней
Весь Васянин остров до слеза,
Меж трещин тёплых кирпичей
На старом доме – зелень вяза.

Неуглаженный воробей
Ворчит родным одностопьем,
Льёт в строки великий князь,
В них рифмы зреют, как влоссы.

Я опущен, ослеплен,
Как будто я рождаюсь снова!..

Посвящение

Явился ко мне в безмыслие ашеш,
Нивыли душу сада сладким светом.
Здесь без тебя все птицы онемели...
Дай встречу мне, я стан твоим поэтом.

Я восклицал нежностью, искривь
Причудами весенних открытий,
Зову тебя, безмыслие бивсь, –
В безмыслии Любки живут сомнения.

* * *

Злобный мрак. Одиночество. Холод.
Ночь бездарная. Муза немая.
Вина мой разум прозревшим мекка...
Я живу, пустоту обнимаю.

Свет обижен, бесмыслие, отвергнут,
Шабаш глупости, зия изрядно,
Смех Любки. Краски Памяти меркнут,
Близко луч мой убьет выповок.

Зрит беззвучие в лист одиночный,
Сердце шпичет, не пишется мне.
Бог мой! Смылуйся! Нежность в огне
Нестерпимую боль прищипчива...

* * *

Округлость двух трещающих вершин,
Прелестных, как два обложки, две сказки,
В сокровищнице с железным большим
Мне трудно сплести их без ослезки.

Смутились в созерцание этих форм,
Но рук не остановились – плоть в горенье,
Не знаю ничему сегодня впрям,
Ни в лесях, ни в призрачных, ни в терниях...

Коралково-сиреневые цвета
Переменяла ночь и красота,
Явлены виртуалей в жизнь дера...
О чём я? Здесь любовная игра!

Турнир сознаний, истина, тайн и сил,
Зябти стыда, не писанный в Писанье;
Мой ангел здесь мечтатель воскресил
В движениях, видениях, касаниях.

Два обложки в земном предназначенье,
Я шел как красоту... в своём влеченье...

* * *

Слёзы-когти царапают, жгут
Веки и щёки мои нещадно,
Воспоминанья как будто бы лгут
Горько, пронзительно, жадно.

Болью унижен, безумие зрю,
Зло отторгаю нервно,
Не благодарен я сентябрю –
Встретил меня он скверно.

Бешеник-вечер измучил меня,
Мысли восстали пыткой,
Как я устал от смешного огня
И от его избытка.

Я не услышан, не понят, забыт,
Я восклицаю горе,
Пылкой поэзией в мир я излит,
Жаль, что пою я в миноре...

* * *

Я не стану моложе, я есть то, что я есть,
Я и так стал при жизни легендой,
Страх поправ, встретив боль, презираю я месть,
Не нужны мне «пиары» и «бренды».

Что, скажи, без меня ты могла увидеть?
Что почувствовать, что возлелеять?
Не сошла на тебя благодать
Там, где правит безбожная нелюдь.

Осмотришься и опомнишься, не должен тебе
Человек, подаривший свеченья.
Нет у жизни другого прочтенья.
Алфавит начат с «А», а не с «Б».

Мы в обоженье вместе, учти,
Расставанья не станут благими,
Ты не понята будешь другими,
Так скажи мне святое «Прости».

* * *

Всё пережить. Всё выстрадать. Опять,
В который раз мечты как испытанья,
Фантазии, повёрнутые вспять,
Реалии тревожного сознания.

О, сколько же мне стоит каждый миг
Разлук, молчаний, ревностей, сомнений,
Боль песни, превращающейся в крик...
Стою перед судьбой я на коленях.

Озябла память, прошлое не мне
Стыдливо вторит подлым и обидным.
Я ослабел в негреющем огне,
Сквозь холод мне прекрасного не видно.

Любовь – как бабочка, летящая на свет,
Свет льёт, а бабочки всё нет...

* * *

*«Спи, ночь в июле только шесть часов...»
Группа «Цветы», «Колыбельная»,
слова Расула Гамзатова*

Тепло садов готовится ко сну
Умерено осенней страстью влаги,
Я осонетился, пишу мечту-весну,
Очарованьем вторгся в лист бумаги.

Побег в любовь затеял я опять,
Как в юности, он дерзок до предела,
Тебя мне Божья Матерь приглядела,
Чтоб я не мог ночами долго спать.

Спустишься на Землю, милая мечта,
Остановись у сердца и замри.
Святая бабочка! Земли календари
Ты начинаешь с чистого листа.

И боль уходит, муки не страшны,
Возьмите же с собой моей Весны...

Свет

Свет музыкален для влюблённых,
Он добротой питает звуки,
В живом обличье свет бессонный
Не терпит холода разлуки.

Любите свет, а не губите,
Любовь – сокровище, загадка.
Любовь есть искренность в зените,
С ней больно петь, но жить в ней сладко.

Любовь и Музыка – две птицы,
Две безупречницы, две сказки,
Две светлоокие царицы,
Не всем дарящие свет ласки...

Но я сполна вознаграждён
Любовью, Музыкой и Светом,
Самой Поэзией рождён
И много лет зовусь Поэтом.

Свет беспечален, бесконечен.
Я признан светом – значит, вечен...

Е.С.

Андрей МАЛЫШЕВ

* * *

Ты в разбитое зеркало вряд ли войдёшь,
от родной не избавишься речи.
Перебивчивым дольником сеется дождь,
и пусты междометий скворечни.

Сурик осени вышвел, грядут холода,
и всё ближе второе изгнание.
Золотая отмычка из росного льда
на железном пороге незнания.

Облекаясь в хитин первобытных основ,
в незаметную персть богомола,
на войне тонкой яви и маковых снов
ты живёшь в тесном ящичке тола.

Ты уже не свидетель, а лишь понятой,
допускающий риск привыканья.
Золотая монетка сверкнёт под пятой
на железной дороге исканья.

К ночи дождь переходит в усталый хорей,
бедной одой шумит в водостоке,
воздух влажен, с горчинкой, но очи зверей
видят ту же звезду на востоке.

Треснет тигель орешком, и самом конце
неритмической муки горенья –
золотая улыбка на Божьем лице
под железною маской творенья.

Сочельник

**В щемощем круте паутина,
Змеящихся минут
Тысячи перелый карантин –
Предвечный, малый суд.**

**Ещё дышине томит
Тышищется здесь,
Но сердце живидым кричит
Отчаянная весть.**

**Мели, Емелюшка, мели –
Ничей теперь, ничей...
И отречённый сын земли
Искадит из очей.**

**Часы стыит. Разомкнул круг.
Проснувся человек –
И озирается вскрут,
Не поднимая век.**

* * *

Горький пот на усталой губе.
Взор в невидимом зеркале тонет.
«Что я, Господи, сделал Тебе?» –
Человек умирающий стонет.

Догорает свеча за пятак.
Потемневшее Ярое Око.
«Тварь моя, что Я сделал не так?» –
Вопрошает Господь одиноко.

* * *

Спасибо за пайковый шоколад,
за букву «ё», за тополя у дома,
за ветерок, за семиструнный лад,
за огонёк ушедшего парома,

за костерок промозглым сентябрём,
за крепкий чай, за влажный жар девичий,
за тишину, за русский окоём,
за птиц и рыб, за множество обличий,

за голоса, звучащие в строке,
за кашель старика, за лепет детский,
за колыбель, за палец на курке,
за память, за свидание в мертвецкой,

за соли коробок, за хлеба кус,
за снег по пояс, за тропинку в поле,
за веру, за предательства искус,
за штык примкнутый, за свободу боли,

за чёрно-белый сон, за киноварь,
за приближенье к сумрачной границе...
Спасибо за исправленный словарь,
за капли воска на пустой странице.

* * *

В пиджаке с чужого плеча
холодна жизнь – и горяча.

Как в Елабуге густ репей,
знают девочки из степей.

Знают тульские пареньки,
как по Каме плоты легки...

.....
Нет на нас никакой вины.
От черники губы черны.

* * *

*Жизнь – от тьмы до тьмы качели.
Жаль.
Жаль...*

Сергей Калугин

Жить в пещере, с тенями не споря,
Да молиться вечерним богам.
Подожди – и допросишься горя,
Научившись читать по слогам.

Станет время рабочей линейкой,
А пространство – зыбучим песком,
Диким полем, закатною змейкой,
Чёрной ртутью, пустым колоском,

Звёздным погребом, стражем стоглавым,
Силомером и мышцей твоей.
Не завидуй ни птицам, ни травам –
И они от последних кровей.

Прочитай до конца: альфа, бета...
Отболит – и качнётся во тьму.
И на всём протяжении света
Бог подобен Себе Самому.

* * *

Мама пряник во сне принесла.
Семь лет как умерла.
Ничего, я и сам не живой.
Люб гостинчик мне твой.

Птицам тёплый батон покрошу.
Ничего не прошу.
Свет вечерний. Домой, детвора.
«Спать пора!» Спать пора.

* * *

Да обходят меня стороной
Золотая падучая нива,
Голубая плакучая ива,
Идол каменный, конь вороной.

Да избегну во веки веков
Несминаемых риз буйволиных,
Взглядов змеиных, крыл голубиных,
Чёрных лун и полдневных оков.

Да удержат меня на земле
Семь потов и три короба смеха,
Смертной памяти дальнее эхо,
Негасимая крупка в золе...

* * *

Коллаж из девятого вала,
осенних пейзажей Дали...
Синица ладонь проклевала,
и клин расплели журавли.

Полощутся мятые флаги,
венки на могилах звенят.
За трапезой скорбные маги
поют из «Весёлых ребят».

Вечерняя скоро проверка:
«Никто!..» Отвечаешь: «Нигде».
И чертит углы водомерка
на чёрной стоячей воде.

* * *

*...но отсюда бежать не могу.
И. Б.*

Здесь пространство текучей песка,
и змеится взасос у виска,
разметавшись в падучей;
целовальником в пепельный день
командора красивая тень
бродит вскую на случай;

пилигримы в зелёных пальто
без пяти вынимают лото,
барабанные лямки;
виноградник зарос, космодром
отправляется в магму вверх дном,
осыпаются ямки;

в чистом поле несчётно волхвов,
у пробитых капустных голов
сапоги да повестки;
преисподней обыденный срам
постигая, закуришь и сам,
стоя у занавески;

за открытую форткой весна,
кровь горчит, и каморка тесна,
три аршина до тленья;
догорает вода, и свистит
чёрный ворон, уткнувшись в зенит,
каша лезет в поленья;

не клянись ни звездой, ни лучом,
смерть смеётся за левым плечом,
вытер губы Иуда;
здесь пространство по горло в снегу
прозябает – и я не могу
в никуда ниоткуда.

* * *

Забылись лепеты младенца
В истоме мерного труда.
...Колышет ветер полотенец,
И сохнет в блюдечке вода.

Ряды докучных книг на полке,
Исписаны карандаши.
Ушко сломалось у иголки,
Слетела ниточка души.

Ах, по какой смешной картинке
Меня учили вышивать
Отраду маковой росинки
И крошки хлебной благодать.

* * *

Что матери скажешь на том?
Чем Бога потешишь на этом?..
Закроешь второй полутом,
Заложешь вчерашним билетом.
Беда ль, что не вскормлен с копыя?
Расстелешь не смертное ложе.
Полуденный шов бытия
Горит на шагреновой коже.

Превращение

Хватит денег на свечи,
Хватит жизни на водку,
На поникшие плечи,
На смешную походку,
На пустые качели,
На фигурки из воска,
На чертей Боттичелли,
На архангелов Босха...

* * *

Нога, разбитая в колене,
колючий, вмятый холодок;
и снег, разбрасывая тени,
скрипит: плохой ты, брат, ходок.

Всё пустяки – пройдёт, проходит.
С лопатой выхожу во двор,
а что от боли скулы сводит,
так не об этом разговор.

Что, полюбил у горла ножик,
ПМ, приставленный к груди?
Будь осторожен, неуч божий.
Урок-то выучил, поди?..

Короткое воспоминание

Сирень в окне милее Петербурга.
Я вижу сон, знакомый как лубок:
Шоссе на Чехов, рощица – и дурка
Где простыни грубее, чем сапог,
Где люди умирают без причастья,
Где вяжут руки тем ещё узлом;
Где хлорный воздух общего несчастья
Пространство проверяет на излом;
Где всё именье – пуговица, спичка,
Бумаги десть, кусок карандаша;
Где не зовут в агонии: «Сестричка!...»,
Где плачет и немотствует душа;
Где глинистое дно сильнее света,
Где бабочки смешны и тяжелы...
А за решёткой медленное лето,
И викинги садятся за столы.

Предвестья

Надоело цедить по капле
На прикушенный язычок.
На столе стоит гроб, поваплен,
А в гробу лежит дурачок.

Опоздала твоя ловитва.
Тает воск, недвижна рука –
Разрешительная молитва
Есть у Ванюшки-дурака.

В старых вётрах грачиный выхрип.
Кости, доски, обрядный сор.
На лопате смеётся череп,
Заглушая небесный хор.

Слёзы падают как монеты
Побирушке сырой земле.
Не уйти от прощальной меты –
Что уймётся, не отболеет?..

Превращаясь в суровый окрик,
В плеск ручья и в ожог бича,
Серебро опавшее вторит
Ржави сломанного ключа.

...Сядет солнышко на окошко.
И, терпеньем скупко даря,
Упадёт рябина в лукошко
Серединным днём сентября.

О, как медленно и как тяжко
В предосиновом холодке
Истлевает своя рубашка,
Застывает воск на руке!

Таша ВАСИЛЬЕВА

* * *

Я иду по тропинке веселей,
Рву душистое счастье – малину,
Стрекоза – неотступно за мной,
Дышит и тычется в спину.
То опустится мне на плечи,
Улетит, задрыжит, возвратится,
Мне напомнит живую Жар-птицу,
Сине-жёлтым сверкнув горничю.

Задрожит, зашуршит, зашумит,
Вертолётным тихо зависнет,
И с подружкой прозрачно звенит,
Вторит птице, что изредка свистит.
И с оркестром кузнечиков остро
Бесконецный выводит камин,
В нём звучит так естественно-просто
Все гармоничные вечные времена.

* * *

Звезда купается в колоде,
Прозрачная мрачность тёмных вод.
Для капли – маленькое солнце,
Для тьмы – лазурный небосвод.

Дрежит огнём, в книжке вспыхнет,
Но беспросветна глубина.
Души не отыскать, заткнёт.
«Как чёрен ты? Спасем без дна...»

К вершине прилети безднотой
С надеждой устремляет свет.
Танцует с темнотой коловний –
Любовь светлая много лет.

* * *

Парит земля, дымный сочный звук,
Пронзает твердь живительный росток,
Качают сосны солнце в мягких книжках,
Душа жива, откуда Дух ныряет.

Живот небес расширяет плыть,
Стремимся мы увидеть Горный свет.
Каждый восторг: разрезать крыльями –
И не дрожать. Вот слышишь весь секрет...

О, русский дух, ты вечное живёшь в небе,
Высший свет Божественной страны
Тебе нужнее, чем крахота хлеба,
Распирь же крылья, что тебе даны.

* * *

Небо ушло на землю дождями,
Всё разметало, размывало, смело.
Моливый гром разрезался, огнём,
Бросил трубу в речное стекло.

Рвётся душа счастья дождливое время,
Вяная опухшая вкус жизни и слёз.
Плёт с наследием бесстрастное время
Светлые вспышки ликующих гроз.

* * *

Что значит быть? Любить, страдать,
Гляз нежность трепетом вынуть,
То падать и прилечь, то взлетать,
Сгорая в бездну поцелуя.
Благодарить за каждый вздох,
За миг нежданный и тревожный,
За лёгкий выдох ресниц – «Мой Бог!»,
За счастье, что почти невозможно...

* * *

Как влечётся дерзнуть ступеньку,
Линь только эту, всё другое – пусть.
В ней, будто в капле солнечного света,
Возможность счастья светится счастье грусть.
Открой скорей тёмных штор завесу,
Они воруют трепетный рассвет.
Меж нами время прощальное откровенно,
Но с нами вечность, где распуки нет.

* * *

Я коснулась ладонью солнца,
Лучик сплел в шпательке дальней.
И под сердце своё – на дощечке,
Станет самое тепло тайной...

* * *

Накопившись осень, индеек воротник.
С босыми ногами, в скудящем платье
От ветра сплел в ускользающий миг,
Губами ослепшими плещет: «Останьтесь».
Красившей прежней уже не войти,
Ожоген орбиты круг тайный.

Устала...

За гранью тревожный – вышкол пути,
Предчувствие кружит снежинками малой.

* * *

В белых цветах поднебесного света,
Всё уже было когда-то и где-то.
Только для нас что случится – впервые,
Всё по-другому, и мы ведь другие.
Вмиг накрывают печали и зло.
Счастье, любовь – это нам повезло.
Каждому свыше отмерена горсть –
Ряд испытаний – претерпкая гроздь.
Каждому кажется радость сильнее,
Горечь потери – своя лишь больнее.
Но для вселенной – весомо одно:
Выбор души – есть и Соль, и Зерно.

* * *

Нам казалось – всё случайно,
Всё известно было до...
Ангел повенчал нас тайно
В дикой древности, давно.
Золотая сетка солнца
Над прямой аллеей парка
Стала первой строчкой песни –
Сладострастной и жаркой.
Оттого и дни разлуки,
Редких встреч простых часы
Мы так любим. Наши души
Ангел бросил на весы...

* * *

Весны озябшие ладони
Уж ловят солнца щедрый дар,
Искрится снег – холодный жар,
Несут мороз на север кони.
Берёз сиреневая нега,
Осели белые луга,
И, разорвав оковы снега,
К ногам проталинка легла.
Травинки вмиг захлопотали,
Зелёным голосом поют,
Прозрачные лесные дали
Весенней праздничности ждут.
Синицы тенькают призывно,
Приветствуя весны приход,
Капелей чистый хоровод
Звенит свежо и чуть наивно.
И тают прежние печали,
Как снег последний у ворот,
Над первоцветной светлой далью
Мечта ликует и зовёт.

* * *

Россия – Богова избранница,
О, грешница ты, во Христе...
Путей духовно-вечных странница,
Стремглав летящая к мечте.
Могучая и величавая.
Душе мятущейся венец –
Кровавый бунт бесславной славою,
На сердце всякий век – рубец.
Рядишься современной модницей:
Синь поднебесная – бантом,
Кровавый диск над светлой звонницей,
Пророчит новый путь – винтом...
Бездушье денежного времени –
Как неподъёмный тяжкий груз...
Рассей, Рассея, тяжесть бремени.
Храни, Господь, Святую Русь...

* * *

Кто я тебе? Ступенька? Малость?
Случайный путник, ветра тень...
Кто сплёл из дней такую шалость,
Швырнув за пропасть новый день?

* * *

Ветер читает Шекспира
Тоном монаха, то вдруг
Звёзд раздувает горнило.
Времени вяжется круг.
Ночью – безумен, несносен,
Гамлетом рвётся, кричит.
Утром прощения просит,
Трогая пламя свечи.
Йориком ныне предстанет –
Так молчаливо речист,
Призраком стонет и манит,
Бьётся в осиновый лист.
Стылый рисунок по лужам
Рябью взбивает и – прочь.
Песню Офелии стужей
В лёд запечатает, в ночь.
Время на ветреном пире
Ткёт неизбежную новь,
Струны на солнечной лире
Нежит – рождая Любовь
и Печаль...

Василий ДЕНИСЮК

Продолются шенки...

«Продолются шенки самой лучшей афганской породы» —
Прочитай в объявлении как-то я эти слова...

У кого из «афганцев» от этих слов сердце не дрогнет?
Ведь недавно и нас, как слепых щенков, гнали туда!

Мы, наверно, тогда были с ними дохожи судьбой,
Нас ведь тоже «сознали» совсем за людей не считая...
И когда мы, терни друзей, выжили из боя,
Нам от были в гори хотелось скуднить, как щенкам.

Только мы, спитая боль, загасенную в душка навеки,
Человеческим сердцем винили всей стеной суть,
Не давали убить в себе то, что живет в человеке,
Чтоб, как беспенных галки, нас не вставили котом кто-нибудь!

Мы на смерть в горы шли, еще жизни совсем не отдавая,
Лишь на шик и надежда каждый из наших ребят...
Кто упал и не встал, тот навеки вернулся с Победой!
И на «черном тыльнике» дышей возвращались назад!

Так создай мир!

Так создай мир — от века и до века!
Хоть сотни раз ты Богу невозможна,
Святым не быть любому человеку,
Уж так расширилась наша жизнь!

Но добрыми делами постарайся
Украсть этот Богом данный мир...
И, уходя в мир иной, — не раскнись,
Что жив на этом свете только миг!

И помните, писатели и барды,
Что всяк живущий оставляет след...
Простых людей на свете — миллионы,
Святые лишь — легенды на Земле!

Мои долги

Может быть, я сужу слишком строго,
Но не стало в народе идей...
«Путники»-то и «комники» мистго —
Мало мудрых и честных людей!

Не о тех я идух скучно,
Что сушили нам «светлую жизнь»,
Не о тех, что деды звали, —
Чтоб планета умела дружить!

Чтобы войны забылись бы людям,
Чтобы счастьем дышали сердца...
И тогда, я уверен, не будем
Автоматичны в мире братья!

Я с себя и начну, хоть и сомнител
Мои годы, ушедшие вдаль...
Может быть, в том и есть моя доля —
Преклониться надеждой печаль...

Звёзды

Мне станет вдруг легко и просто,
И не поверю я себе,
Что эти в мерзлом небе звёзды
Играют роль в моей судьбе!

А ведь подумать-то, конечно,
От комбелли до конца
Они везут в Пути мне Млечным
И жизнь, и добрые сердца!

Сердца друзей, улыбку мамы,
И пусть уже кто-то нет...
Я в небе часто и упрямо
У звёзд ищу на всё ответ!

Глядит, сознание вснуя,
Небес далёких «фосфор»...
И я, по всем друзьям тоскуя,
На них взирю до зари!

Память

Мой родительский домик забытый,
Ты мне часто всё видишься в снег...
Вот и предник... и стол уж накрытый:
Мама, папа и котик в сенях!

В ветках тонких уснувшего сада
Звездный свет пробивается вдаль...
И слышится сирень наспраду...
Как давно было это... а жаль!

Жаль! Там было великое счастье,
Только где оно? Где же теперь?...
И сейчас я в минуты нежности
Открываю из комнаты дверь!

Вдруг оно возвращается, и где-то
Там, в саду подкидывают меня
Детство, юность, туманы и рассветы
И конечно — моя все друзья!

Ну а в комнате тишь, и послушно
Льётся светлая музыка дней...
Значит, памяти это так нужно,
Сказать что-то нынче в ней!

Виктор ДЕРМЯКОВ

А мне не хочется стареть!

А мне не хочется стареть!
Себя мне старым не представить...
Коль вся душа готова петь
И в старость верить не заставить!

Но жизнь – есть жизнь, как ни крути.
И все с годами познается...
Я знаю – где-то на пути
Ко мне вдруг старость подкрадется!

Что я скажу ей о себе?
Чего она ещё не знает?
Что был я счастлив по судьбе
И мной она не поиграет!

Я буду не подвластен ей
И, даст Бог силы, – буду прежним,
Чтоб волей жизнь продлить своей,
Стремясь до ста лет жить надеждой!

А если выйдет все не так
И по-иному всё случится,
Я, волю всю зажав в кулак,
Найду момент навек проститься!

Но сердце – где рождён...

Мне Русь ведь тоже не чужбина,
Я к ней душой прирос давно...
Но так любить, как Украину,
Я не смогу уж всё равно!

И пусть судьба распорядилась
Жить мне в России до конца...
Моя душа навек влюбилась
В край нежный мамы и отца!

Край, где остались детство, юность
И годы, трудные подчас.
Ушло всё это – не вернулось,
Лишь память собирает нас!

Где все друзья опять со мною,
Я каждый миг их помню всех...

Но годы смыли, как волною,
И шалость нашу, и успех!

Жизнь разбросала нас повсюду,
Но сердце наше – где рождён!
И в этом, верьте – счастье, люди,
Ни в чём другом – я убеждён!

Жаль – всё уже не повторится,
Как жизнь не повторится вновь...
А Украина – всё мне снится
Средь бури жизни и ветров!

* * *

Люблю Балтийские просторы
И белоснежных чаек крик.
Люблю морской волны узоры
И трепетный крылатый стих.

Люблю, когда оркестр играет,
Когда приходят корабли,
Когда надежда окрыляет
И берег светится вдали...

* * *

В тяжёлый вечер расставанья
И в сумраке ночных тревог
Пойдёшь дорогою страданья –
Твой путь печален, одинок.

Вбирая годы испытаний,
Получишь жизненный урок,
Узнаешь радость ожиданья.
Иди вперёд! С тобою Бог!

* * *

Уставший, вылез из берлоги,
Где жил, писал и рисовал.
Кругом замёрзшие дороги.
Знобит, и я почти не спал.

Засыпал лист осенний лужу,
И холод землю всю сковал.
Я, выйдя на такую стужу,
Закашлял и заковылял...

Лодия СОЛОВЕЙ

Преводим

С. В. Рахманову

Окутан сумраком снежных снегов
Сиротства зли. Звон бубенца — дарит сонора.
О Русь! Зачем звучание твоем колоколам
Не ода радости, тоски призрачные в слыш-днем мнотре?

Жизнь — мыщцы мерный ритм среди миров,
В снах сирени белой крышке цветенье,
И одинокие, а, взнурённость сердца, пенье.
Дни — бег квеста, где эхом цыганье подков.

Неумолим их счёт, как чётко вчет-чет.
Среди дум, монастырей и истин
Потребует Всевышний дуть отчёт —
Зачем всевно жил, и чувствовал, и мыслил?

И мне не прозвонит, пробьёт в последнем сне
Небесный восток, набит неумолимый.
Но утром первый снег, и кто-то видит мысль —
Твой голос изживёт. ты где? ты где? ты где?

* * *

Мы не дарили нижних обетов.
Незримый, сам открылся храм — слышание любви.
Там следствен был губ твоих изгиб,
Там радость страсти пели слышим,
И лишь гобий немолчалий шептал где-то.

Мы не встали у судьбы привета,
Необратимостью вневидимы сметены.
Своди с ума, зворожив изурным светом,
Сменив непостижимо краски для портрета,
Нарисовал нас земной сон, сам соткан из весны.

Подкастаны Snowdenым, пленен дни.
Манили полне горечью дощани,
Дари дыханию цветенья армят.
И, слыше за экватор шуршаюв,
Врипался шар земной, ни в чём не виноват.

Не ведаю вращенья, гаслен дни...

Желез мысли природы изытать,
Дожди утраги, гарью изкло лето.
Но, в ритмах огненных не находи ответа,
Звук, как судьбу, форсирув на мирозданных выражак,
Гобий всё пел и пел утраги благодать.

* * *

На Покрова раскинут покрывала
Благословенные неслепные снега.
Иссечена, измучена, не прощана
Душа. Остается вага...
Ей всё пока будет мало.

Из подожженной глубины, из замерзавых
На резкость навешенный скульпр
Являет памяти суровый дар —
Грозный след мигалки дзенья.

* * *

Сестра Олянка Шитовой

Уходит все.
Уходит августем.
Осиротел апрель,
осиротел лето,
красива востой тоски —
настурция семени.
От укладки слышак бегством
(а, где ты, детство, где ты?),
бегу туда — в иные времена.
Там на крыше о чём-то по-соседски
судачат добродушно старики,
там мотыльки мечтательно легки
(ниль в разгаре заплата света),
и я кричу сестре: «Айда
на транке кумариться у реки!»
(Вдичинку мама: «Тышла до обеда...»)

Безветрие. Река тика. Тепла.
По темной глади важно и валяжно
плывут пакты и медленные баржи.
С плотов на угли лязгит серебро шпалы.
И мирно так... и так...
Так странно...
Мир опустел.
Плоты давно упиши.
Под солнцем или такжидные суда.
Пыльца настурций — бред.
Спасенья нет от пыли...
Туда, где делства вет,
уходит все... Уходит августем...
Навечно... Навсегда...

Татьяна СВАТУШЕНКО

Екатерине Ивановне Лихмановой

Подруга? – Нет, ты Друг – и настоящий!
Со мною сострадательно дели
Мой гад – и не один, слезой звенящий, –
Отводишь грусть, беду и муку мели.

Когда мне тяжело, муторно, тоскливо,
Рыдает, выныт моя душа
И в будущее смотрит боязливо, –
Идёшь ко мне, родная. Не слеза
Целительным и свежим дунявеньем
Сердечной боли гасишь остроту.
Ты дружишь, поддерживаю, терпеньем
Вдохнула жизнь в увиденную мечту.

Я слышу твои мудрые слова –
Светлеют мысли: «Ты права, права
Вернейший друг, с которым всё не зыбко,
Твори своё добро, для всех твори!»
Моё лицо, забывшее улыбку,
Смеется – звать, о счастье говорят.

* * *

О Господи, за что?! – Ум выпрыгивает,
Когда здравые выжидают нас –
С минутой каждой тает, тает, тает...
И мы унять не в силах слёз подчас.

О Господи, за что?! – Ответ известен,
И стар и млад не разойнётся с ним:
Тот день лучисто-светел и чудесен,
В котором мы и в мыслях не грешим.

* * *

Прекрасна жизнь моя – да, да, прекрасна!
Любима и цветные сны смотрела,
Бесстрашно в них взлетала, гордо, смело,
Не думая, что жизнь всегда опасна...

* * *

Новоселье праздную души –
Всё так мило, радостно, сердечно.
И, шепча, нежность не слезит
Растянуть кашку в сад беспечно.

За мизинца каскадой руки
Ты влечёшь, на землю не ступая,
К небесам близкоства... Так легки
Все мои шаги к родимому раю.

* * *

О дача! Любимый сердцу уголок!
Нет грибок – лес кругом берёзки, ели...
Высоких сосен мужественно строг
Суровый вид средь летней киньтели.

Машинный щедрой дразнятся кусты,
Грибы таят с семьёй небольшие,
На чистом небе свет моей звезды –
Он добрый, яркий... Прочие – чужие.

Природа дарит радость – берёз
И щебет птиц, и ёжиков движенье.
Башкет – вдруг шипение змеи...
За луч живого света – трава сраженье.

А днём – объятья тёплые озёр,
Гостей жареных копыт под остроты,
И дружбы верной, искренней патёр
Дашинки мира предричь красоты.

Под вечер – вечный зыбок пашпакки,
И грусть, что сердце гиклет у камня,
И после бани – песни мужиков,
Что пьют вино в беседки венниним.

О дача! Любимый сердцу, любимый дом!
Мой теремок, природою крашемый,
От бед укрыт в спокойствии земном
Зелёный крыш, нежной и ранимый.

* * *

Люблю огонь! Без огня страшно...
На даче первым делом разжигают
Камни – мило любима. Огонь – отрада
Для сердца! Расставив сереваду
Пьют изюнья сосен, ив и елей,
Отдав мне жизнь свою.

Как зван свирели –

Их пенне... И треск – как звук самота,
И россыпь искр фейерверком нивоткуда
Взлетает высь и гасится каминим –
Их жизнь зря, красива и веннина.
Люблю огонь – без огня страшно...
И долгий тёплый свет – частичка раю
Земляч – как подарок мне, счастливей,
От шипения стихии ветнеклимой.
Когда в камине угли остывают –
Тепло души приветно сгревает.

Анна БОБЫНС

Гадалка

Под семью деревьями в таинственном дворе,
Чуть жмурясь от бледного трюфеля звёзд,
У боюста Гекаты выдувным-гадалкам
Рисует на карте судьбы моей мост.

Он сплотно в тумане. Пома ненадёжен.
Под ним ледники чуть дышат вода.
Вот пойманы звёзды в стальные мерёжки,
Качаются плавно туда и сюда...

Рисует гадалка два берега ровных
На прями — весь день от зари до зари
Кухарка печёт пироги на жаровне.
И вместо привира слышит сладость любви.

На берегу леним — красный и стигмий
Куёт моё счастье пшени и кузнец:
В камельках, в узрях и выку булыжный,
Рождённый сплём чудо-меч-клинки.

Гадалка китра... И, рисуя пейзажи,
Дарует мне выбор. Но в меж сплём.
О, как пёток мост! И туман в десять сыжен...
А сердце князичет и печет: «Смелей!»

Точка

В небытие уходит прочь
Моя видения свободы
Свобода — мать, свобода — дочь...
Сквозь раны дней к истокам года.
Январь, начало сентября,
Апрель и май — всё безвозвратно.
А в центре точка — это я.
Всё мектй заканчиваюсь, и ладно...

Моя тигрица

В тигровой маске затанки
Миндаленидык гиз разрез.
Ты шуришь, моя тигрица,
Покинушки тёмный лес,
Покинушки мрак. На солнце
Ты ныща в дерный риз. Птка
Вслед за твоим кистам крадётся
Твоя же тень. Да облика
Покрут леним и украдий
Следит за рыжей, за тобой,
Твоей изысканной пинадий
Везде расенвать пжкий...

* * *

Дом старинный. Пакнет сылю,
Морем. Радость бьёт влючим.
Ласточки пнят над кривей
Стемы, сдритые шконию.
Арки зреют виноград.
Ежевичный куст поник
От тяжёлых вгд. Надо
По дорожке, нащипник,
Выйти в сад. Накрывать к обеду
Стош. Вина в бисал влать.
Ты сказки вчера: «Приму
Руку в твою просить».

Негодник

Не гожусь для тебя. Негодник.
И пишу не о том. Без надобности.
Сумасшедший я, сумасбродный.
И ни пользы тебе, ни радости.

Не вадыхаю и ниц не падик
Перед тенью твоей повоком.
И смею сказать гневсадио
На твою михитовую пшосу.

И курю лишь в твою сторону.
И смею над тобой бешено.
Да на что я тебе, кхрия?!
Да на что я тебе, грешни?!
Ты — ни слыя в ответ грозного,
Ни укора, ни кхлива рыного.
Отчего же гнева бешено
На тебя подвать, сжвинного?!

Агайса

Что тебе сказать, мой мыный друг?
Завтра солнце закжествёт с михушкой
Рыже-огненной балитолливной стружкой.
Завтра утром в лачу на юг.
Завтра — белый город и Синий,
Дримадеры, пахлива и фиги.
Я (смешно!) везу с собой книги
В кхужетский, мажильский рай.
Змейкой скрабеевой пестри,
Я спешу послать тебе в кхверте
Свой расказ о згорелом вете,
Что живёт в начале октября.

Наталья ШУТКОВА

Волосы Вероники

Что ж ты, осень, душу осыпав?
Что дважды живешь на лицу?
От начала жизни отделив,
Но зато приближив к концу...

Времени печать на лунном лице,
Вечность сматрив взглядом ледяным...
Только у созвездья Вероники
Волосы не знают седины.

Звездным восток припорошил...
Чапу неба не спускаться,
Я в далёких вёснах жить спешила,
Чтоб понять – не стоило спешить...

В тайну тайн, как в двери, постучавшись,
Видим, и узнает каждый сам,
Что, однажды на земле начавшись,
Наша жизнь вылетит в небеса...

Что же душу грусть не отпускает?
Что ж мне с ней не справиться никак?
Во вселенной звёзды расцветают
Млечный Путь – надмирная река...

* * *

Весь день врывает кто-то на трубе,
И прочь спит рассерженный прохожий...
Я не боюсь не нравиться тебе
И стать на тех, кто нравится, низкий...

И в день разлуки, сонным залитой,
Ихние пожатья безутешной...
Бог не осудил мне сделаться святой,
Но сделал всё, чтоб мне родиться грешной...

Перепахало сердцем час любовью –
Мне скромных жизней ни к чему примеры, –
Я через годы принесла любовь,
Глотая надежды и по своим веры.

И пусть пишут развешенные рыц
Твоей любовью я вливаю в бездну, –
Я не боюсь, что позабудешь ты
Меня, когда в наступшем исчезну...

Пусть станет с кем-то мир тебе хранил,
Моей любви не причинить увечья,
И даже там меня не бросит в дрожь,
Где мирком жизнь солрётся чашечка...

* * *

О, Тот, Кто наш Творец и Жизнедатель!
Ты съёл греком предвидеть выверёв,
И вопрек слов искусный толкователь
К расгадке кличч никак не подберёт.

О, книги книг невидимый Издатель,
Зашифрованный выписк судеб код,
Лить вечность, равнодушный твой читатель,
Страницы не света перевернёт.

И томыи кокид в отрешённом зряке,
Безжизненным путающим пикой...
На языке молчалив былии знык,
Но мы язык не веддем такой.

И, вырванная снегом безбрежность,
Мои печаль и страсти утратить,
С Тобой не разделаи безмотежность,
Смысленне вынуждем разделить...

* * *

Мелёт, мелёт, который день мелёт...
Клубится снег, скрывая всё из виду,
И выльчий вой тоску и ночи прадёт,
А мжет, леший привит двинкиду.

Мелёт, мелёт, который день мелёт...
В леск пербытык ветер днии свичет.
К утру сторожку вовсе знесёт,
И к ней никто дороги не отыщет.

Метель! Ну, ни покровки ей, ни дна!
В окне надеждкй щёлочка осталась...
На бледном лице мне едва видна
Луны тысячелетняя усталость.

Знаюкт светым вынужденный смит,
Навек отъединя меня от мира.
Под пальцами метельными скрипит
И струны рнёт в ночи созвездье Лирь.

О, белое узнице моё!
Темнеет зряк вытвинным стеклянкой...
Чу! Не метель... Небесный хир поёт
О красоте земли обетлянкой...

Сосна с протяжным стном угадёт...
А есть ли у живых судьба нван?...
Закрыта дверь, но тень моя уйдёт,
Чистейший дук снежинки не смываю...

Шелковица

Господи! Господи! Жизнь моя – словно расплата!
Дни одиноки, проходят без смысла, пусты!
Чем и за что пред Тобою я так виновата,
Если заранее судьбами ведаешь Ты?!

Был бы мой выбор, то разве я выбрала б это?
Разве своих не хотелось мне видеть трудов?
В чём же вина, что досталось прожить пустоцветом,
Не завязав на ветвях шелковичных плодов?

Может, судьбою я чьи-то долги возмещаю?
Ты мне невидим, а то бы спросила в упор:
«Как же Ты, Господи, даже блудницу прощая,
Древо, оставив бесплодным, обрѣк под топор?»

Рощи Твои не пустуют – кто прибыл, кто выбыл!
Рядом стоят – кто коряв, кто излишне прямой.
Раз уж бесплодной шелковицы жребий мне выпал,
Будь ко мне милостив, это же выбор не мой!

Господи, Господи, рощи в цветенье весеннем.
Осенью будет садовник плоды собирать.
Что в Твоём промысле – кара иль всё же спасенье?
В горьком неведении так тяжело умирать...

Раз уж обрѣк, чтобы мир я покинула тварный,
Дай в утешение знаком какой-то ответ!
– Будь благодарна, – почудилось, – будь благодарна,
Даже за то, что ты просто увидела свет!

Это прошлая жизнь

Это прошлая жизнь, где на сердце узор из зарубок
И в преданье уйдѣт пересказ обо мне небылиц,
Где отрава была мне подсыпана в праздничный кубок
И расплылись пятном очертанья забытые лиц.

Это прошлая жизнь с чередой загрубевших отметин,
Где забытое эхо в руинах покой не найдѣт...
Я туда не вернусь, пусть сулят мне все блага на свете,
Ни за тем, что ушло, ни за тем, что когда-то уйдѣт...

Я туда не вернусь потому, что я стала свободной,
И на всё и про всё моей жизни осталось в обрез...
Свет рассеял маяк над остывшей пучиною водной,
Будоража меня, то с надеждой мигая, то без...

Я ушла налегке, и не давит мне плечи поклажа,
И в походном мешке только нужное можно найти.
Я иду налегке. Оглянусь – и не верится даже,
Что к себе от себя пролегло полстолетья пути...

* * *

Не говорите, что дорога пройдена –
Не стоит очевидным докучать.
Уйду – моя забывчивая Родина
Забвенья тиснет чёрную печать!

И веяние века окаянного
Перечеркнѣт мой жизненный итог –
Нет ничего на свете постоянного,
И неизменно вечен только Бог!

Забудут! Что ж! Смирись, душа мятежная!
Для вечности мы меньше, чем трава!
Меняет русло жизни – неизбежное,
И в этом смерть по-своему права!

Ведь к совершенству нет пути готового!
И верный шаг, и шаг неверный стѣрт...
Мы пахота для лучшего и нового,
Что через прах забытый прорастѣт!

* * *

Здесь не хватает небу синевы,
Реки надмирной здесь белѣса млечность,
И взгляд свинцовый медленной Невы
Сквозь горизонт уходит в бесконечность...

Здесь Медный всадник скачет сквозь века
И бег прервать не делает попыток.
Сжимает время медная рука...
Шлифует вечность медные копыта...

Здесь искрой Божьей зажжены Любовь
И Вера в дни великих испытаний.
Здесь духом укрепляется любой,
От поисков уставший и метаний...

Великий град Великого Петра!
Мир суетный ты потрясаешь снова
Шедеврами и кисти, и пера,
И музыки, и золотого слова...

Культуры и традиций колыбель,
Ты не утратишь царственной осанки –
Открыт душой и помыслами бел,
Нет ни в лице лукавства, ни в изнанке.

Ты Богом на особицу любим,
В тебе хранит историю Россия.
И духом твёрд, и непоколебим,
Ты – гражданин вселенной и мессия.

В свинце застывшем медленной Невы
Реки надмирной отразилась млечность...
Здесь не хватает глазу синевы,
Но стала осязаемою вечность...

Вера КУДЕРИНА

* * *

Линь привакинь неосторожнэ,
По звёздам похди ворожить.
Покоси мне хнычю и прищипи —
Попробуй голову вскружить.
Любовь сейчас царит на троне,
Отдайся радостям любви,
Я струны чувств забытых трону —
Моею нежностью живи.

Душа устала от вселеннй,
Живой воды испив глоток,
Хочу очнуться для мечтаний,
Сквозичий музыки и стуж,
Перескзать небес близнств,
Воспеть земную красоту —
Для опущеннх свертнств,
Для веры в счастье и мечту.

За гранью

Бьёт в висок тишина
Ночи кшлнми мернми.
Я стою у окна —
Сутенная, верннн.
И гаску свкнх стелнх
На слетеннго гллубн.
Мне в квартире тепло,
А ему, небось, холодно.

Не твоя ли душа
Стывет — сказан, с проседью?
Отворю не слыша,
Вдруг повеяло осенью.
Похди жднх дожднх
Крылькх трепет желанный мне,
Я осталась одна —
Здесь, за гранью стелннною.

Небесное отчаянье

Нежность сердцем не расстрочена,
На кзынннх упованне,
Только слыше предвзвнченно
Мне с тобой расставанне.

Так несбыточно-гннственнн,
Среди звёзднго молчннн,
Я любви познала истину
У небесного отчаянн.

Годы

Кричи годам:

«Держите вора!»,
Но эти крики — в пустоту.
Сны легко отпустишь скоро,
Поняв шатан суету.
И стивень сетью, как рыбчкн,
Морщннкн времени и слёз.
И будешь, милая чуднчкн,
Ловить мгновенья прошлых грёз...

Дождик бесовогнй...

Распумелся, разгулился
Тёплый дождик босовогнй.
По чужнм студеным плнннх,
После вытнел на дннгу,
Застылым свет н окнднх,
И, цепляясь за нрннтн,
Заслннл соболо солннх,
Будто выннх для отннх.
Разнннк башнпую тучу,
Ловко с молнней покннрнл.
Лннх он вытннх с кручн,
А долым зннхнуд вскорн.

Задыхает, пью с восторжнм
Я дразннпнй зннх трнн
На выносак вдаль днннн,
Кверху голову задннх.
Воздух весь ознннм дынтн,
Пакннет сконпенннй тннннн.
Тот, кто спнннн, услыштн —
И лнбуется тобой.

Осыплются звёзды

Осыплются звёзды желнннй,
Их не держнт небесннх твердь.
Сколько бннн горячнх мечтнннй,
Только порывн звёздннх сеть.
Но осталась одно ннннннннн,
Небосводу не в снах ннннннн.
Я всё жду что сна пробужденнн,
А проснусь — нннн звёздную нннн,
И опять до рассвета мечннн,
Я в мечтнх ожднннх тебн.
Ннннрку небо в звёздах без крах,
На земле н тоскую любн.

Памяти Грига

Шумят, вздыхая, кроны сосен,
В стволах бунтует солнца луч.
Небесной тайной манит просинь.
Кружит средь лёгких светлых туч,
Напоминая нам про осень,
Звук севера – глубокий, звонкий,
В нём зверя стон и плачь ребёнка,
Шум набегающей волны,
В нём чайки крик и зов луны.

Душа скользит сквозь эти звуки,
Восторгом истинным живёт
И непокоем сердце рвёт,
Даря борьбы и страсти муки.
Всё дышит чудом, чуда ждёт,
Любви земного пробужденья;
Лелея встречу с нетерпеньем,
Внимая звукам, смолкнул лес.
Чаруя силой неземною,
Пролилась музыка слезою,
В объятьях Сольвейг мир исчез.

Белле Ахмадулиной

Глубоким голосом, бездонным,
Верша молитвенный посев,
Глаза обиженной мадонны
Стихи читают нараспев.

Призрак осени

Огонь рябины за окном
Последней страстью пламенеет –
То призрак осени стареет
И увядает с каждым днём.
Уж не токуют глухари
В густых багряных перелесках.
В лучах прохладной утренней зари
Лосиный гон, всё сокрушая с треском,
Осенний день с весенним спутав
(Чем холодней, тем больше ярости в крови),
Трубит победно о любви.
И мне милее осень почему-то,
И всё дороже золото восхода,
Уже ко сну готовится природа,
Стеля из листьев мягкую постель,
И, паутиной окна занавесив,
Дары обильной мерою отвесив,
Под снегом будет ждать капель.

Одна

Я, как заблудшая овца,
Одна скитаюсь во вселенной,
Хотя молюсь благословенно,
Живя велением Творца.

Спаси, Господь, и не сотри
Ту память, что хранит виденья.
Но не спасут ночные бденья
Души, распятой изнутри.

Снег

Снег спустился подзёмкой-фатой.
Он, стесняясь, слегка суетился
И неспешно на землю ложился,
Как усталый солдат на постой.

Но коварен его первый сон,
Снег к утру незаметно растает.
Сожалея о нём, нарастает,
Шум дождя, так похожий на стон.

* * *

Суд времени – жестокий суд.
Стирая грани, недомолвки,
Сметая судьбы, как осколки,
Он оставляет только суть.

Сказка

Гладь озёрная застыла,
Только ветренный камыш
Зашуршит о том, что было,
Нарушая вздохом тишь.
Лишь таинственным туманом
Прикрывая наготу
Да с русалочьим обманом
Пряча скромно красоту,
Как стыдливая девица,
Задрожала вдруг водица,
По воде круги пошли,
Будто кто-то в ней резвится
И загадочно таится.
Вдруг раздался шумный всплеск –
И сверкнул чешуек блеск –
То ли щука, то ль девица
Уплыла в глубины вод,
Продолжая там резвиться.
Малых рыбок хоровод
Разбежался кто куда.
Снова тишь, одна вода.

Евгения МАРЧЕНКО

Осенний романс

Утпало в сутробак из злата...
Льётся с синик небес листопад,
Сливню зрелишь возмывленно-милудо
Заглянула в желтевший сад.

Укожу, не нужны оправданья,
Можешь песнь про разuku припеть,
На последнее в жизни свиданье
Ты зачешь, быть может, успеть.

Не правду, только брону красно
Горстку листьев в заброшенный шруд.
И другой принесёт мне игриво
Чистых мыслей любовный унт.

Не жалею я прощанья жывида,
Признаю лишь закон впрощен.
Из прощанья лета я мылудо
Убегу, «золотое» наден.

Кони, или Посвящение В. Высоцкому

Гудят протяжно веря струны
И рвёт пространства твердь.
Эй, кони, кони, вы должны
До сумерек успеть!

В гитарном вопле топят ног,
Прочь, прочь, старуха смерть!
Всю правду высказать дай, Бог,
До сумерек успеть.

Ещё рывок, ещё глоток
И этой жизни ид,
Любим бездумный занятик,
А рядом шкестник рад.

Борьба влустую, ницета,
Честь в прыке и в пыли
И не рождённые дела...
Что сделать вы смогли?

Что сделал ты, девек, везет,
Чего же ты джстунг?
Но прыкто ты не миг в обезд,
Лишь только ишпрямик.

Вперёд же кони, честь и жизнь!
Боятся нужно ль вперёд?
Эй, кони, кони, вы должны
До сумерек успеть!

Евгению Галицкому

Он просит о надежде и любви,
Так будьте же щедры к нему, поэты!
Пишите лучезарные сонеты,
Поэзия — ты музыкой слыши.

Он ищет, он ищет тонкого намека...
В высказанности чуткого дера
Ему присупа лёгкая игра,
И наша дира с ним не одиная.

Ах! сколько вдохновенны и тельны,
Царят надежда, белых дна крыла
История спит иждирит нам.

Судьба поэта не всегда жестока,
Ему б вкстить из чистого истения,
Благословно разложить свой фирман!

Пандора

Заключённый круг, заключённый рай,
Вскрыт сосуд свершпенной Пандорой.
Так уходит надежда за спомощенный край,
Суд на небе свершается скорый.

Отчего же у женщины в кривизе немота?
Лучшей женщине к свадьбе иждирок —
Лишь несчастья, в котрых стурит красота,
И котлёр так бессмысленно ярк.

Так за жанду дарить удивительный свет
Бык выказан, кто сам совершенство,
Человек нягибает среди тысяч швет,
Лишь в надежде свет блаженство.

Январь

Красавица зима! Богато мехом
Укрыты все деревны, все дома,
И выстужена ветрами тишина,
На кулж лёд, звенящий детским смехом.

Довериться, скажи, коним утеким?
Жесток мороз, и далека весна,
Визит коним день, и слова — не до сна,
А Новый год — дорога к новым векам.

Январь волнует. Чудная природа,
Украсть и миг вырод и выгале гуд!
Искривающим мгнзвеньем сполду!

Шаль серебряную набрось на плечи,
Пусть будет страстно-выжжен и джверчин
Морозный зимний свежий поведуй.

Дворянский вальс

В ритме дворянского строгого вальса
Кружится, движется, искрится зал.
Вы, как сосуд дорогого фаянса,
Богом хранимы в Рождественский бал.

Голову снова вскружили поэту
Блеском ума, чувством ритма, игрой.
Чуть прикасаетесь ножкой к паркету,
Шепчете нежно: «Мгновенье, стой!»

Чуткость, талант, сочетание взглядов,
Всё выдаёт настоящих дворян.
Чувство восторга сливается разом,
Каждый от счастья немножечко пьян.

В вихре круженья что чудится снова?
Тяжкий ли труд, или предков борьба?
Или дворянское честное слово,
Или навеки с Россией судьба?

С грустью печально гляжу и с любовью,
Сколько красивых, преданных лиц:
Цвет поколенья, омытого кровью,
В новой истории сотни страниц.

Фея

Как вижу я тебе, когда, устав от мук,
Ты в прошлое летишь, пьянея и немея?
Так знай – я здесь, я соткана из вьюг,
Я – грустная Рождественская фея.

Войду неслышно, разожгу камин,
Достану сказок разных из «трофея»:
О том, как у русалки не родился сын,
И что глупцу всего дороже портупея...

Я расскажу, как там, среди аллей,
Принцессе заколдованной не спится;
И как герой глядит на журавлей,
Держа в руке невзрачную синицу.

И, может, дочь твоя, смахнув с ресниц слезу,
Вдруг скажет: «Мне приснилась нынче фея.
Ты знаешь, папа, феи долго не живут.
Их губит всё, что истины грубее.

Им грубый окрик – боль, и стон – неправый суд.
Они от лжи любой в молчанье тихо тают.
От тех, в ком веры нет и нет любви, – бегут
И в небо безвозвратно улетают».

Галине Улановой

Ваш выход! Па де-де!
Вы, закружившись в танце,
Стремительны, игривы, как река.
Реальный пошран мир,
Восторженные стансы!
Вы – ангел, воплощённый на века.

Какое волшебство –
Лететь над всей Россией,
И нежным кружевом волнуется наряд.
Вновь сорок фуэте,
Что может быть красивей?
Душой балета назовут стократ.

Джульетты странный мир,
Иль Вы – Сильфида,
Мариену не признанный гарем...
Как много можно говорить красиво,
Не избегая самых грустных тем,
И это Вы, как сказка, как эдем!

Осень

Уносятся годы, уносят
Улыбки, цветы и труды...
И плачет роскошная осень
В плену у мирской суеты.

Так я упоительно плачу
По всем не забытым мечтам,
Нам осень сулила удачу –
Как много оставлено там!

Безумствует любовь

Святое таинство! Безумствует любовь!
Так откровенно и упрямо целясь
В соцветие запретов и плодов,
В сплетенье рук с названьем тихим – Элис,
В сиянье глаз и с именем Анри...
И в сочетанье игреков и иксов...
Все ангелы Вселенной у любви
На бале жизни преклонились в «книксен».
У чьих стихов, у чьих больших надежд
Таится привкус райский поцелуя?
Любовь – не откровенье для невежд –
Её ценю, её портрет рисую.
И мне так хочется прийти опять туда,
Где росчерк свой оставили поэты.
Воспета страсть, что сгинет без следа,
Со мной любовь, и в ней так много света.

Ирина УТУАРЕШКО

* * *

Обжигавший лёд объёмный,
Остуживший пламень губ.
Без услышностей и понятий
Мир замкнулся в стеклянный куб.

Перепуталась рёбра, грани —
Только в центре смерти — индий!
Без прощенья и извиненья
Я — пред заповедью седьмой.

Искупая, изнемогая —
Неужели в так слаба?
От самой себя убегаю,
Приникая к твоим губам.

Умираю и воскресая
В страсти этой сто раз подряд —
То ли душу сняю с плеча,
То ли падаю прямо в ад.

И опять — горячи, бессильно —
Связан в омут — визит гостевой.
О любви я Бога просила,
Да индупуал, увы, другой...

Натали

Дуэльное утро
Остриг пылок.
Смотри, почему-то
Промчался вокзак
Твоей мимой повозки
Звончавшей его?
И заплыв — к испугу —
Примет выдвиганство.
И перстень забытый
Глядет бирюзовый.
Ну, были бы кинуты
Твоёю слезой!
К чему пистолеты?
Дуэльный камуф!
В России поэты
Недалько живут.
Единую крианку
Души облажкить —
Мочёной морозной
Не надо вязать!
Хранила б в секрете
От слезы мирской,
И не было б в свете
Натали Лянжской.

Снеги

Я все слёзы оставила в прошлом году,
Когда шла за тобой по неровному льду.
Лёд катил и дивил, ослепил влиплие
«Не люби!» — во моей опустевшей душе.

Я в потёмках брела, в лабиринте из снов,
Я пыталась постичь недосказанность слов.
И, наверно, тогда я уже умерла,
Но никуда не ушла, как в ладони смерти.

Затонула судьба нас пеленой туманной.
Даже если когда-нибудь будешь с другой —
Вспомнивая, как эта история наша,
Ты обнимаешь её, а на пальчик — смерти.

Время

Кошка, которая однажды прыгнула
на горячую плиту, не прыгнет даже
на холодную.

Неизвестный автор

Уйду. Уйду на время. Передышку
Себе устрою — рамы записать.
А если уже затнулся синтаксис,
Я разрублю, не в словах развязать.

Как птица Феникс я, восстав из пепла,
Дам клятву — никогда не полюблю!
Не будет так, чтоб снова я ослепла —
И в сотый раз на грабли наступлю.

Ах, время, вет искусствей Эскулапа,
Синхронизировав так причудливую мечту!
... А я слезы вымечу на ладони
И нить — на раскалённую плиту!

Ёлка

Зелёная ёлка вдоль дороги ряд
Природной красотой сердце греет.
На солнце их веточки гурит.
И только лишь одна не зеленеет —

Не изумрудом, окриво полны
Поникшие, опущенные плечи,
Но по привычке тнутся они
Полуденному солнышку навстречу.

Как рано жизнь завершился круг —
Душа в ней не ослепла, не оглядела.
Она ещё стоит в ряду издруг,
Сама не понимая, что засекла.

Рождественская зарисовка

И снова Невский... Рождество
Пришло – и властвует над миром.
Сияют окна – как светло
Вам всем, сидящим по квартирам!
А я спускаюсь в переход –
Метро поманит тёплым духом,
И пёс бездомный поведёт
Своим дворняжким чутким ухом,
Флюиды ветреной души
Моей в себя вобрать попытаюсь.
А я одно из вечных таинств
В себе несу и не спешить
Хочу, чтоб не разбить сосуд
Внутри намеренья благого
Когда-нибудь вернуться снова
В беспечность сладостных минут.
Двенадцать без пяти – и скоро
Затихнет улиц праздный гул,
И снежный смог окурит город.
Не опоздать! И я бегу.
Карета превратится в тыкву –
Извечный Золушкин испуг!
Ах, неужели я отвыкну
От этих губ, от этих рук?
Как жаль, что не бываешь пьян
Ты среди праздничного пыла –
А то тебя б я соблазнила,
Мой неразумный Д'Артаньян!
Неважно, что влюблён в другую –
Средь чар не сможешь устоять.
Ах, если б знал, как я целую,
Как я умею обнимать!
И с бесшабашностью пиратки
Я захвачу твой лёгкий бриг,
И будет ярким этот краткий
Неповторимой страсти миг!
Как скучно в этом сером царстве
Метро – ночные миражи,
Листок – «Подайте на лекарства!»
В руке у нищего дрожит.
Я б подала – да денег нету,
Где мелочь? Тоже не звенишь!
– Подайте бедному поэту!
Церковная богаче мышь,
Чем поэтическое братство.
Блаженны нищие! В тиши
Прошу: «Подайте на лекарство
Вы от души – мне для Души!»
Чтоб не болела завтра утром –
Воспоминаний торжество! –
Что подарила я кому-то
Совсем другому Рождество.

И пьёт шампанское в вагоне
Весёлый парень – эй, шутник,
Что после праздничных агоний
Душе живительный родник?
Вновь на поверхность. Ядовитый
Морозных лилий аромат,
Букеты, ленточкой увиты,
В руках замёрзших. Скучный ряд.
Людей фигуры восковые –
На выбор для мадам Тюссо –
Уносят плавно мостовые,
В рождественский впадая сон.

В соборе

Негибкость согнутого стана
Размыта в пламени свечей.
И звуки мерные органа
Уносят нас от мелочей.

Как эти худенькие руки –
Благословляю их труды –
Из клавиш извлекают звуки,
Как будто сети из воды!

Неторопливо и достойно,
Торжественно и глубоко,
Не заунывно-упокойно,
А плавно, празднично, легко.

Журчанье горного потока,
Оленя гнутые рога,
В природу музыки, как в кокон,
Вплетаются. Как ни строга

Казалась тема для органа,
И всё же есть в ней простота –
Неброское убранство храма,
И семь свечей вокруг креста.

Вступает виолончелистка,
И тенор – Ave – вторит ей.
Как тихо в зале. И как чисто.
Одна душа – на всех людей.

Как Вера – Музыка нетленна.
Распяты горестный покой.
Погаснут свечи постепенно –
Сгорят – во Имя! – до одной!

Апофеозом жизни – рядом –
Одна свеча – и нет конца!
Христос с распятыя лечит взглядом
Органом вскрытые сердца.

Игорь САФРОНОВ

Как просто...

Как просто – Солнце и Весна...
Как просто счастье и как ясно!
Что проще, чище и прекрасней,
Чем то, что видимо и ясно,
Чем просто Солнце и Весна!?

* * *

Как ты мне близко, прошлое мое.
Чем дальше, тем больней и ближе
И смертным одиночеством престижа
В душе надрывно плачет бытие.

Там все что было: лед могильных ям,
И редких встреч страдающая радость,
И я держусь за скользкие края
Реальности, зовущейся усталость.

Нет! Я не стар, но видно день за век
Я разменял в губительном азарте,
И где-то он, мне близкий человек,
Пропал, как я, в том грохоте и гвалте.

И я теперь из тех забытых крох
Леплю в душе унылое подобье
Того, на что уж претендует рок –
Весь ужас бесконечного надгробья.

О, сердце! Что мы сделали с тобой?
Мы желчью хищный разум напитади
И потому не сладили с Судьбой
И попросту простое растеряли.

Простое и Великое – ту жизнь,
Где было все доподлинным и вечным,
Где радостью мы живы и свежи,
Сливаясь с миром светом бесконечным.

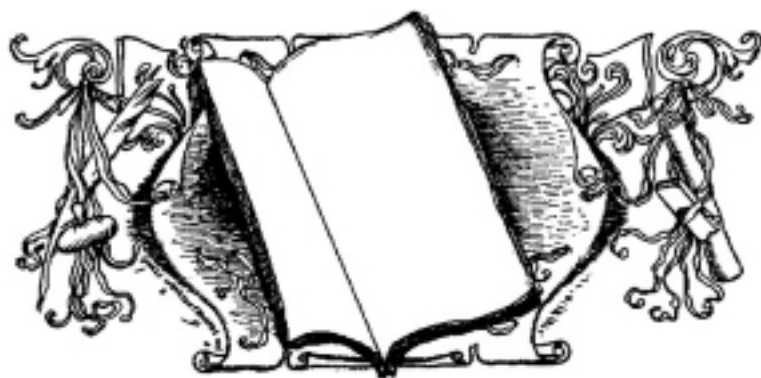
Там Женщина, влюбленная в меня
И дерзкая и вечно молодая,
Подняв себя над призрачностью дня,
Все ждет меня на побережье Рая.

И в утренней мансарде над Землей
Я к ней плыву в мечты моей ковчеге,
Благословляя темный жребий свой
И боль и свет и жизни береги.

Молитва художника.

Когда не пишется, а мучает
И острый нерв карандаша
Щемит.
Когда неясный гимн разучивает
Слепой борьбы моя душа...
Когда в ее глухих пределах
Я взрывом боли подымусь
В себе, как в жизни оголтелой -
Явись древнейшая из муз –
Изобразительности муза!
И, сделав взмах крыла-руки,
Трагическою цветомузыкой
Унылый хаос напряги!
Из фантастического сада
Людских тревог - моей рукой
Бесстрашным абрисом разлада
Сразись с бедой!
Над миром, где хрипит коррида,
И горек плач
Восстань, как Дух, о, озари ты,
И глаз не прячь!
И не молчи, когда остыло
Глядят глаза...
Как Богоматерь, склоняясь над Сыном
Блестит слеза...

ПОЧЕТНЫЕ
ГОСТИ
«ЗОЛОТОГО
СЛОВА»

АЛЕКСАНДР КРЫЛОВ

Мастерской церковно-исторической живописи 15 лет Итоги и перспективы

Посвящаю своим учителям

Мастерская в Санкт-Петербургской Академии художеств воссоздана после 75-летнего забвения.

Решением Президиума Российской Академии художеств это произошло 1 октября 1993 года. Инициатор воссоздания мастерской академик А. А. Мыльников рекомендовал меня на должность руководителя. Поддерживал меня и наш духовник, настоятель церкви Св. Великомученицы Екатерины в Академии художеств игумен Александр (Фёдоров). По его просьбе, вскоре я получил благословение Его Высокопреосвященства митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Многое диктовало необходимость воссоздания этой мастерской, но главным образом нужда возрождающейся Русской Церкви в квалифицированных мастерах, стремление к восстановлению традиций Императорской Академии художеств.

* * *

Условия, в которых приходилось начинать, не способствовали успеху. Отечество претерпевало национальную катастрофу «перестройки».

В профессионально-художественной среде, как вскоре убедились все, за долгие десятилетия необходимые традиции были подорваны до такой степени, что пришлось начинать с азов. Ситуация осложнялась и тем, что внезапно атакованное неистовой рекламой массовой культуры и срочно реанимируемого большевистского «авангарда» 1920-х, российское искусство оказалось на панели рынка и коммерческая конъюнктура повела художественную школу на эшафот.

После уничтожения СССР явственно обозначились контуры «демократического» тоталитаризма с антинародной культурной политикой, суть которой в отношении к поработанному откровенно выразил ещё Гитлер: «Рабы... должны быть лишены... высокого искусства. С них достаточно знать алфавит, чтобы читать наши указы, простенькой мелодии и удовлетворения физиологических потребностей».

Меня шокировало тогдашнее общее непонимание смысла, неприятие художниками-преподавателями самой идеи существования подобной мастерской, невежество в области церковного искусства и русской истории. До сих пор звучат в памяти «высказывания» в адрес В. М. Васнецова, М. В. Нестерова и других великих мастеров. Отрезвление явилось позже, когда высказывавшимся пришлось самим подняться на церковные подмости с кистью и палитрой. Стало ясно, кто есть кто.

Но тогда во всех головах гудело ещё тяжкое похмелье от зелья «критиков», забывших «об истории искусства, как учении о формах видения»¹, зато десятилетиями бдительно и неотступно морочивших головы себе, начальству и поколениям художников. Сказывалось и то, что в творческом сообществе давно «укоренили» принцип поклонения абсолютной и неоспоримой ценности проявления индивидуальности художника в искусстве, то есть культ индивидуализма. И нынче нетрудно заметить, как всё общественное, накопленное веками, поколениями, коллективно переживаемое и осознаваемое (фольклорное, соборное) вычёркивается «экспертами» как чуждое сокровенной сути искусства и «не современное». Не умеющие держать в руке кисть выстраивают всё более заумные концепции сокровенной сути, про-

двигая вперёд «науку», а мы всё не решаемся припомнить слова древнего Аристотеля: «Индивидуализм в искусстве - признак эпохи упадка». Воздвижению препятствий способствовало и общее удручённое состояние большинства художников, будто вконец смирившихся с неотвратимостью арт- и парт-начальственной цензуры. Отвык русский человек любить своё, за два поколения отвык основательно, казалось, навсегда. Стоит ли удивляться, если «достаточно уничтожить памятники народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как нация?».

Вникнув в сей простенький опус, рождённый пером не то пролеткультовского вертухая 1920-х, не то рейхскомиссара по делам оккупированных восточных земель Третьего Рейха 1940-х, легче вспомнить наши утраты, легче понять, какая задача стояла перед каждым из нас в 1993 году в ограбленной России, лишённой после 1917 более чем 95% своих культурно-исторических, духовных, художественных сокровищ, украденных и вывезенных из страны. Давно опубликованная эта ошарашивающая цифра была слишком хорошо известна руководству Совдепии, и, по понятной причине, не вспоминалась. Иной народ перенёс бы такую культурную катастрофу?

* * *

Мы начали оттуда, где русская церковная живопись остановилась в 1917, в пору цветения православного «Серебряного века», в дивном кругу избранных творцов, исповедников, мучеников. Здесь черпали силы все, кто в сходных обстоятельствах времени возрождал церковный обиход.

Но должен указать и на положительные обстоятельства, решающим образом влиявшие на возрастание новой мастерской. Во-первых, её появление вызвало живой интерес творческой молодёжи, которой вообще, по природе, свойственно стремление к возвышенному, а в искусстве к «высокому стилю». А он, что доказывают памятники европейской классики, зиждется на нестаряющихся священных символах изо-

бразительных форм, пропорциях «Золотого числа», на отношении к человеку как творению и образу Божьему, а к Мирозданию как к Красоте и Премудрости, исполненным Любви. Было бы недостаточным сказать, что учителя дали бесценные уроки, - они стали неотъемлемой частью моей жизни, опыта, поисков. Я находил их понимание и поддержку, медленно осозная, что стремление к художественному выражению высоты и правды чувств, проповедуемое наставниками, соединило меня с ними, и нас с предшественниками в общем деле служения.

Такое осознание плодотворно, ответственно, радостно.

В Средней Художественной школе любимый Б.В. Котик, талантливейший живописец, герой-фронтовик учил почитать святыни Родины, развивать образную чуткость. Был он терпелив и дальновиден в многотрудном обучении профессионализму. Так добросовестно сейчас не учит никто.

В Академии легендарный рисовальщик А.Л. Королёв привил навыки постижения и выражения бесконечно многогранной и динамичной пластической формы.

Увлечённый М.М. Девятов мастерски показывал, как следует осваивать живописную культуру старых мастеров, помогал проникать в тайны и свойства художественных материалов. Чуткий, воспитанный В.С. Песиков, всегда подтянутый и обаятельный, был примером взыскательного вкуса, бескорыстия, ответственности. (Он тоже ученик Б.В. Котика.) Укрепивший отечественную школу живописи, на десятилетия задавший ей направление и энергию движения, прозорливый А.А. Мыльников воспитывал требовательность к себе, увлекал дерзкими художественными мечтами. Как никто другой, он умел найти способы пробуждать страстный интерес к полузапрещённому тогда православному искусству. То был пример смелости.

Я горжусь своим учителем, который среди многих российских профессоров живописи первым понял необходимость

и перспективы развития художественных традиций Древней Руси в современном искусстве.

Эту заслугу А. А. Мыльникова ещё предстоит по достоинству оценить. Спустя много лет с изумлением обнаружил я, что усвоенное мною в мыльниковской мастерской последовательное выстраивание живописной ткани каждого холста находится в живой связи и с чистяковской, и с традицией новгородско-псковской живописи XIV–XV веков, которую к тому времени я хорошо знал, а потому увидел эту связь.

Без опыта учителей, без поддержки коллег мне не удалось бы создать мастерскую, которая стала, без сомнения, нашим общим делом.

* * *

Как надёжный друг, в час усталости и сомнений поддерживал меня Э. С. Кочергин, в 1995 уговорил не отказываться от руководства новой мастерской.

Сотрудничая с превосходным мастером декорационной живописи 12 лет, Э. С. Кочергину я обязан за перенятый опыт тонально-гармонической разработки колорита. К концу XX века осваивать колористическую культуру было уже почти негде, и здесь важно отметить, что это тонкое искусство дошло до нас исключительно через русских театральных декораторов.

К 1993 году я располагал собственным, почти 25-летним опытом работы в древних храмах. Были тщательно изучены тысячи, а скопированы не менее 250 кв. метров драгоценной стенописи, разработана и проверена удобная методика такой работы,² сделаны важные наблюдения и выводы, опубликовано около 60 научных статей. К этому времени я имел 20-летний стаж преподавательской работы в Академии и опыт творческой деятельности.

Разнообразные исследования сблизили меня с кругом лучших специалистов России, оказывавших мне впоследствии неоценимую помощь. Не могу не назвать хотя бы некоторых из них: Д. С. Лихачёв, В. Д. Лихачёва, Л. Д. Лихачёва, Г. В. Маркелов, А. М. Панченко, кн. Н. А. Чернышев,

кн. А. А. Чернышев, Г. К. Вагнер, В. Г. Брюсова, А. И. Комеч, Архиепископ Михаил (Мудьюгин), Архимандрит Макарий (Веретенников), Архимандрит Августин (Никитин), протоиерей Александр (Салтыков), протоиерей Георгий (Дробот), протоиерей Пётр (Деревянко), кн. Т. С. Щербатова, В. М. Ковалёва, Н. Н. Прокофьев, Н. Н. Прокофьева, Н. Б. Васнецов, Ж. М. Вержбицкий, А. А. Гавричков, Б. И. Кохно, В. А. Жук, С. В. Ямщиков, В. Д. Сарабьянов, П. А. Каширин, И. В. Каширина, Ю. Г. Бобров, Н. В. Мальцев, Л. И. Лифшиц, В. А. Булкин, А. Н. Кирпичников, В. В. Ковельмахер, Т. Б. Вилинбахова, И. Д. Соловьёва, И. А. Шалина, Л. А. Щенникова, М. В. Федосеева, И. А. Сосновцева, А. В. Сулова, О. В. Лелекова, А. В. Грунтовский, Г. Я. Мокеев, А. В. Медведев, В. М. Сорокатый, Б. Г. Васильев, Н. С. Серегина, Н. Н. Никулин, А. Ф. Черняев, М. Г. Давидова, - лишь часть наиболее ярких имён знатоков и подвижников отечественной культуры, с которыми мне посчастливилось сотрудничать в разные годы.

Академия обладала весьма солидной материальной базой, - собраниями музеев, Научной библиотеки, Архива, мастерскими и лабораториями.

И, наконец, я должен сказать о том отеческом внимании, участии, поддержке, что исходили от моего учителя, инициатора создания мастерской академика А. А. Мыльникова. Даже строгие замечания его шли на пользу, способствовали успеху дела.

* * *

Задача состояла в том, чтобы наладить высокопрофессиональную выучку церковных живописцев. Это требовало разработки учебной программы специальных дисциплин и основанной на ясных принципах методики учебной работы.

Были избраны пять следующих принципов.

Первый принцип. Тщательное изучение и освоение традиций церковного искусства, в первую очередь, древнерусского. Здесь, во-первых, необходимо воцерковле-

ние учащихся, изучение Богословия, Литургии. Во-вторых, необходимо пристальное внимание к стилевым признакам и особенностям изучаемых в качестве образцов памятников храмовой архитектуры, где сохранившиеся фрагменты живописи всегда свидетельствуют о взыскательном отношении старых мастеров к гармоническому единству живописи и архитектуры. И здесь важно учитывать, что на протяжении столетий, испытывая извне влияние разных художественных форм и стилей, православное искусство стойко удерживало свои стилевые черты, обусловленные неизменностью догматики и символики.

В-третьих, необходимо глубокое изучение иконографии, стремление к содержательности иконографических программ уже в первых проектных эскизах учеников. Необходимо правильно связывать иконографические программы росписи с чинопоследованием Литургии. В-четвёртых, необходимо усвоение правил построения колорита, ритма, пропорциональной структуры ансамбля всей росписи и иконостаса, — правил, соответствующих незыблемой основе стиля: священной символике изобразительных форм и храмового искусства в целом. Наконец, необходимо освоение приёмов, техники и материалов стенописи.

Второй принцип. Состоит в приоритете композиционных задач, когда подчинение композиции всех сопутствующих теоретических и практических дисциплин мобилизует ученика сознательно постигать их в нераздельной взаимосвязи.

Третий принцип. Привлечение студентов к практической работе в храмах. Это нравственный опыт, дающий ученику понять, что работа в церкви не может быть «трудовым штурмом», ввиду опасности технического, художественного и духовного брака,³ но она не может быть и своевольным самовыражением.

Четвёртый принцип. Сотрудничество со специалистами-консультантами: Богословами, искусствоведами, технологами, реставраторами.

Это приучает к коллективной работе, помогает с иной позиции увидеть собственные ошибки, не даёт замкнуться на разрушительном «творческом» индивидуализме.

Пятый принцип. Обязательное копирование и фиксация (обмеры и картографирование) памятников древней стенописи. Такая работа развивает профессионализм учеников, служит делу охраны памятников, воспитывает в молодом художнике гражданскую ответственность. Описанные принципы стали основой Программы обучения, показавшей за 15 лет, в главных чертах, положительные результаты.⁴

* * *

ИТОГИ. За прошедшие годы мастерскую закончили 27 человек (10 выпусков). Похвалы Государственной Аттестационной Комиссии удостоены восемь дипломников: Ирина Кузьмина (1998), Ольга Фисюкова (2000), Татьяна Мищенко (2002), Алексей Козлов (2004), Дмитрий Селиванов (2005), Андрей Козлов (2006), Владимир Шабалин (2006), Александр Кузьмин (2007). Выпускники успешно трудятся как церковные живописцы. Многие награждены медалями, почетными знаками, Дипломами, преподают в Духовной Академии. В 1997 году, при моём участии и руководстве, в Александро-Невской Лавре организована «Иконописная школа», дающая неплохие результаты.⁵ В конце 2000 года в Санкт-Петербурге, под моим началом также, создан Творческий центр православных художеств имени Святителя Макария, где лучшие выпускники ведут большую творческую работу. За прошедшие годы были выверены поставленные задачи и направление развития мастерской. В коллективе сложились традиции и, что, на мой взгляд, особенно важно, мастерская стала органичной частью Санкт-Петербургской Академии художеств. Пройден важный путь становления.

Сегодня, как мне представляется, мастерская расширяет диапазон учебно-профессиональных возможностей нашей

школы, в которой происходит созидательный процесс осознания стоящих перед отечественной культурой задач, более значимых, чем те, что определял культ индивидуализма или гос-соц-арт-парт-заказ.

Сегодня молодёжь может свободно, глубоко и плодотворно входить в сердцевину вековой народной культуры, духовно, творчески её осваивать и преобразовать.

В связи с возрождением монументальной церковной живописи происходит осознание необходимости практического освоения категорий стиля, принципов стилеобразующих и рознящих стили. Мы научились воплощать новые сложные, соответствующие современности, иконографические программы, осваивать и совершенствовать технику и материалы стенописи, качество иконописи.

Заметным итогом прошедших лет стало признание в среде коллег-преподавателей положительной роли и успехов учебно-творческой деятельности мастерской. В нашей среде исчезает свойственный вчерашней эпохе школярско-комсомольский максимализм отвержения «чуждых советскому человеку» стилей и мастеров, бытовавший долгие годы под чутким специализированным контролем. Нет прежних нападков, когда мы обращаемся к высокой традиции неорусского стиля времени царствования Александра III, или бесконечно обруганного XVII века, к которому с возрастающим интересом обращаются студенты, дипломники, выпускники мастерской. Несмотря на неизжитые стереотипы, новое художественное осознание и научное (в молодой научной среде) подтверждение высоты русской стенописи XVII века растёт так быстро, что сторонники сложившейся теории «упадка» скоро окажутся не в состоянии сдержать творческую и исследовательскую волну нового поколения. А усиливается она за счёт неуклонно расширяющегося и расцветающего с каждым днём народного иконописания. Выпускники мастерской не оказываются выброшенными на панель «художественного» рынка, но сразу находят своё применение в жизни и материальное обеспечение. Все

эти годы мастерская оказывала поддержку и помощь представителям разных Епархий. Малой струёй деятельность нашего коллектива постепенно вливается в растущий поток возрождающейся национальной культуры, радостно участвуя в духовном Возрождении Отечества.

* * *

Перспективы. В предстоящее время необходимо, как показывает практика, совершенствование отдельных звеньев в методике учебной работы. В первую очередь это касается обязательного исполнения предусмотренных программой курсовых заданий, большеформатных фрагментов композиций.

Необходимо более глубокое освоение прориси малых и больших изображений. Также необходимо создание в стенах Академии лаборатории иконописи и постоянной экспозиции копий древних фресок.

Встречи-семинары со специалистами смежных профессий должны стать регулярными. Но особенно необходимо, на мой взгляд, сегодня стремиться к самому основательному изучению и практическому освоению стилевых формообразований, иными словами, заниматься вопросами стиля. Я взял бы на себя ответственность утверждать, что здесь главный вектор и нерв развития нового церковного искусства.

* * *

Но тогда придётся задать вопрос: существует ли внятная формулировка понятия «стиль»? Увы, со времён пытливого Винкельмана эту теоретическую лакуну оставил пустою даже блистательный аналитик Г. Вельфлин. Приведу лишь одно из характерных его рассуждений об этом:

«Объяснить стиль означает не что иное, как включить его в общую историю эпохи и доказать, что его формы говорят на своём языке то же самое, что и остальные составляющие его времени».⁶ В том же духе иные попытки знаменитого исследователя объяснить стиль.

Остроумие, наблюдательность, эруди-

ция, глубина умственных постижений как и выразительность нарастающей динамики изложения доводов, - всё великолепие классической науки растворяет ответ на вопрос: что такое стиль?

Стоит ли говорить об опусах, до сих пор незрелых экспертов, вчера ещё восторговавшихся откровениями «ленинианы»? Ясно одно: нынешние разговоры о новых стилях церковного искусства - разговоры пустые. Нужна практика, а не «научная» болтовня.

При всей зримой очевидности самых ярких характеристических черт и явных различий между стилями, всегда дававших обильную пищу исследовательским монографиям, парадоксально то, что понятие «стиль» остаётся необъяснимым! Здесь не надёжны умственные концепции и категории. Стиль - тайна. Можно ли её разгадать? Нужно ли?

* * *

Однако зададимся вопросом, в каких условиях могли бы формироваться новые стилевые черты у нас сегодня? Во-первых, в застарелой атмосфере «благопримудростных коварств» художественного индивидуализма и профессионального невежества.

Уход от присущей русской живописи и, коренящейся в Православии, содержательности художественных произведений в сторону так называемой «декоративности», то есть бессодержательности, - способствовали утрате символических основ стиля, как собственно стиля вообще, кроме т.н. «сурового стиля», ослаблению принципов художественной школы, резкому падению уровня общей культуры профессиональных живописцев, их отвращению к красоте, но приверженности «свободе творчества» и «самовыражению».

Уже лишь по этой причине вопросы стиля нынче нередко решаются количеством «используемых» воспроизведений из альбомов и интернета, то есть плагиатом, компиляцией, эклектикой.

Во-вторых, формирование стилевых новаций в сознании художественного со-

общества представляется намертво связанным с патологической тягой XX века к «новаторству» и шальной идеей новаторов вторгнуться в пространство православного храма. Успехов здесь не припоминается, ибо всесильное новаторство, имея стахановскую славу в освоении недр Земли, бесильно в отношении высот Духа. И не улучшил бы ситуацию даже всепетый «Чёрный квадрат», этот не то герб, не то гроб большевистской эстетики. В этой связи не лишне заметить, что не менее 4-х десятилетий европейская культура, хотя и на уровне буржуазной «ретро»-моды, всё же тянется к чистоте «высокого» стиля. Это заметно в поисках больших и малых неоклассических форм архитектуры, в поэзии, в увлечении аутентичным исполнением музыки Средневековья и Барокко, в костюмированных исторических реконструкциях. (В России растёт интерес к творчеству М. Ломоносова, Г. Державина, М. Березовского.)

Отчего так? Наверное, от безысходности, бездушности наспех порождённых и быстро разочаровавших обманчивых стилей - соблазнов, забавных оборотней авангардо-модернизма.

В-третьих, прошедшее трагическое столетие в русской художественной культуре мы всё же должны определить, хотя и не без исключений, не веком свободного творчества, но царством «гениальных» исполнителей, «великих» компиляторов, «выдающихся» интерпретаторов (нередко извращённых). Не вдаваясь в проблемы генезиса такого явления, отмечу, что почти полностью это относится к симфонической музыке, но коснулось и живописи. Лишь великое Слово наше от М. Шолохова до В. Распутина проявило свою творческую мощь, нравственную суть, национальную статью (и это обнадёживает).

В-четвёртых, долгий диктат соц-партофициоза в живописи, а нынче рынок вытесняют лучшие творческие силы в область «малых» изобразительных форм: пейзаж, натюрморт, этюд. Буду ли оригинальным, помянув XX век гибельным для традиционной вековой культуры народа-

землепашца?

Штык и кнут индустрио-коллективизации согнали миллионы селян в бараки городов, где мудрое руководство озаботилось новой культурой для масс - массовой культурой, назначая указами деятелей такой «культуры». Для вящей убедительности назначенных снабдили званиями «народных», превратив в неприкасаемую, позолоченную орденами номенклатуру масс-культуры. Выстраивая общую схему культурной трагедии России, не касаясь величайших достижений народного искусства XX века (А. Пластов, П. Корин, В. Мухина, А. Дейнека, С. Герасимов, С. Коненков, А. Мыльников, К. Рудаков и др.). То дивный цвет Руси уходящей, подвиг народа Руси вечной.

Плоды номенклатурной массовой культуры давно выродились в элитном клубке. Суть поэтики такого творчества — мрачность и ерничество. Таков же и стиль. Кн. Е. Н. Трубецкой в окаянные дни той же самой «культурной революции» свидетельствует: «Культура становится орудием злой, хищной жизни, ... утверждающей в мире кровавый хаос и бессмыслицу..., биологизм..., что должен господствовать в мире... Биологизм незаметно и естественно переходит в сатанизм».⁷

Но достойны ли обсуждения стилевые опусы пост-советской арт-номенклатуры? Для нас важно иное: осознать роль малых изобразительных форм в отечественном искусстве прошедшего трагического века.

Мне не представляется случайным, что именно в тени малых форм мы и находим возродившееся русское иконописание. Избегая давления, всё лучшее уходило туда, где мог оставаться независимым вечно свободный творческий дух народа. Несомненно, лучшие признаки живого развития русского искусства XX века находим в сфере «малых» форм. (И, конечно, не в подвалах и кочегарках, хотя отчасти и там, например, В. Цой). В этой связи приведу наблюдение Г. Вельфлина: «... и никто не станет отрицать непрерывной прямой связи между появлением или исчезновением, с процвета-

нием, утверждением стилей с движениями народного духа».⁸

Можно предполагать, что, при всех проблемах роста, икона становится сферой рождения новых стилевых черт, а всё более тесная связь её с монументальной стенописью как с «большой» художественной формой даст новые импульсы и новые масштабы стилевого развития.⁹

* * *

Вызванное к жизни творческим подъёмом России быстро развивается народное иконописание.

Хотя любое развитие требует времени и возраст нашего иконописания ученический, приходится время догонять. Свернув с ложных путей, мы должны возвратиться в 1917 год, к истоку развития, а оттуда вновь идти вперёд. Думаю, что этого не избежать никак. Стараясь проникать в тайны искусства, живописцы сердцем осознают, что художественные формы и стили развиваются по собственным, не всегда понятным для нас, законам, изнутри, а не извне. Сознательно стремясь к изучению и освоению стилевых формообразований, к созданию новых, мы помним, что стилевые черты православной живописи складывались в канонической гармонии со священной символикой и незыблемыми догматами Церкви. Однако сторонникам теории закоснелости православного искусства следует повнимательнее штудировать разновременные памятники иконописи и стенописи и разглядеть, наконец-то, поразительное разнообразие и динамику развития их в России.

Придётся также смириться с мыслью о том, что разгадка и объяснение всех стилевых тайн православного искусства, как и понятия «стиль», принадлежат Будущему.

История развития церковного искусства в России не оставляет сомнения в том, что «повёрнутая в прошлое» (так часто приходится слышать) икона всегда развивается в своих бесконечно разнообразных, а порою причудливых художественных формах и, следовательно, обращена в Будущее.

Но при этом необходимо понимать, что важен не столько пластический язык церковной живописи сам по себе, сколько пронизывающий его дух веры и нравственности художника.

Понимая силу соблазна, которую приносила в Церковь академическая церковная живопись, святитель Игнатий Брянчанинов предвидел и противоположную возможность смущения от уклонения в другую крайность, от бездумного копирования старинной русской иконы. Главное бесспорно: «Иконописец должен твёрдо знать догматы Православной Церкви и вести жизнь глубоко благочестивую, потому что назначение иконы - наставлять народ изображениями. Посему иконы должны сообщать понятия истинные, чувствования благоговейные, точно-благочестивые».¹⁰

В связи с вышесказанным нужно заострить внимание на проблеме пластического языка современной живописи, который должен быть соразмерен, доступен внутренне человеку новейшего времени. Необходимо опираться на строгую красоту древней иконы, учиться её величавой, поистине Божественной поэзии, но, при этом, не отрицать огульно возможности переложения пластического языка древней иконы на более понятный, более близкий по духу современному человеку; возможности сплавления древнего канона и изобразительных средств классицистической живописи. Такие примеры находим не только в афонских иконах XVII века, но и в поздних болгарских и русских, многие из которых поистине прекрасны.

Поклонение древним формам, как таковым, исключительно по причине их архаичности, является своеобразной формой идолопоклонства современного «эстетствующего» искусствоведения. Потеря духовного чутья компенсируется поклонением внешней формальной букве закона. Икона утрачивает главное - символизм. Происходит странная борьба с образом, как с правилом мерности бытия Божия в мире, как со связующей нитью мира земного и Цар-

ства Небесного¹¹.

Такой разрыв образа и подобия Божия в человеке приводит к одинаково нелепым, болезненным искажениям в современном мире, либо в сторону мертвенного соблюдения старинной формы, либо, напротив, в сторону разгула свободы от формы, современного нео-обновленчества, этого «авангардизма» в Церкви.¹²

Примечания

1. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. Проблемы революции стиля в новом искусстве. Изд. Шевчук. М. 2002. С. 282.
2. Крылов А. К., Крылова О. Ю. Методика копирования памятников древней фресковой живописи. // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV–XVI веков. Можайск. 1993. С. 125–144.
Крылов А. К., Крылова О. Ю. Принципы копирования фресковой живописи. // Сборник материалов Программы «Храм» СПбФК. Выпуск 4. СПб. 1994.
3. В качестве таких объектов в разные годы нам послужили Казанский собор и Благовещенская церковь в Санкт-Петербурге; церковь Спаса-Преображения в Вязёмах; Георгиевская церковь в с. Георгиевском Ивановской области; Православная гимназия в с. Ветвеник Псковской области; Спасский собор Валаамского монастыря; Казанский скит Коневского монастыря; Подворье того же монастыря в Санкт-Петербурге; Лужецкий монастырь и Иоакиманская церковь в Можайске и др. Все работы велись безвозмездно.
4. Крылов А. К. Методические основы обучения церковных живописцев в Государственном Академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской Академии художеств. // Макарьевские чтения. Выпуск V. Можайск–Терра. 1998. С. 327–339.
5. «Школа» освящена наместником Александро-Невской Лавры во имя Св. Преподобного Иоанна Дамаскина 6 апреля 1997 г., однако в «школе» нет учебного процесса, и она существует лишь как мастерская, исполняющая церковные заказы.
6. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. СПб. Азбука-Классика. 2004. С. 144.
7. Кн. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Изд. АСТ-фолио. М. 2002.
8. Вельфлин Г. Там же.
9. Приведу схожие соображения Г. Вельфлина о роли «малых» форм в становлении нового стиля: «... когда застывший стиль, которым пользуются... всё больше превращается в мёртвую схему. Биение пульса народной жизни можно наблюдать тогда в другом месте: не в огромных и малоподвижных формах архитектуры, а в малых декоративных искусствах. Здесь чувство формы находит себе свободное и непосредственное разрешение, и отсюда начинается обновление: именно декоративное искусство является местом рождения нового стиля». (Г. Вельфин. Ренессанс и барокко. С.-Петербург. Азбука-классика. 2004. С. 143.)
Я неслучайно возвращаюсь к размышлениям великого немецкого аналитика. Никто другой не умел так органично сочетать подробный анализ форм с постижением причин и смысла их стилевых изменений, никто не проникал в них с такою страстью.
10. Свт. Игнатий Брянчанинов. Собрания писем. СПб. 1995. № 304.
11. Чинякова Г. П. Святитель Игнатий Брянчанинов и проблемы русской церковной культуры. // Макарьевские чтения. Вып. VI. Можайск–Терра. 1998. С. 140–141.
12. Опубликовано в: Макарьевские Чтения. Москва - третий Рим. // Материалы XV Российской научной конференции, посвящённой памяти Святителя Макария. Вып. XV. Можайск. 2008. С. 128–140.

ЮРИЙ СВЕЧНИКОВ

Юрий Иванович Свечников родился в 1946 году в Ленинграде в семье советского летчика, принимавшего участие в легендарной операции по бомбардировке Берлина в августе 1941 года.

Рассказы и стихи писал со школьной скамьи, за что не был допущен к экзаменам и завершал образование в вечерней школе. Отслужив в рядах Советской Армии, работал на Адмиралтейском заводе.

С 2005 года местопребывание неизвестно. Записи хранились в семейном архиве.

Ирина Титаренко

Короткие рассказы

Безымянный кот

(записки из подполья)

У меня есть кот. Раньше я называл его Лёня, а потом...

Впрочем, по-порядку. Очень преданный, чуткий кот. Спиртного за версту не переносит. Бывает, дыхну на него - он шерсть взъерошит, и лапой мне по лицу - бац. Навроде как раньше жена делала. Сейчас жены нет - остался кот.

И тут грянул 1985 год. Ура, перестройка. Начал перестраиваться. Все за переименования взялись, ну и я. Назвал кота Мишей. Кот обиделся. А обиды их мы хорошо знаем. Пришлось мне каждый день пол мыть. Потом привык кот к новому имени.

Перестройка идёт, я перестраиваюсь - слышу, мать честная, виноградники стали вырубать, заводы эти самые останавливать - у меня чуть сердце не остановилось. Ну, думаю, амба, Василий Иванович. Переименовал кота. Опять стал Лёней. Живём потихонечку.

Жить трудно стало, в смысле этого самого, горячительного. Очень редко кот стал меня лапкой по щеке хлопать.

Да, а я книгами стал интересоваться, особенно, где про четвероногих друзей написано. У них там всё по-правильному, ежели на воле. Сами себя кормят, не то что у нас, у людей.

Пришло время, слава Богу, разобрались. Миша, оказывается, ни при чём, а сорок миллиардов рубликов, что на этой сверх-

компании потеряли, надо вешать на Егора.

Я снова стал называть кота Мишей.

Потом рыба, в отношении которой мой кот большой любитель, пропадать стала, и кот начал худеть по мере раскручивания маховика перестройки. Я читал ему из газет все программы перехода от социализма к капитализму - напрасно. Откликался только на имя Лёня.

Время идёт, от множества партий и их нескончаемой говорильни - голова кругом. Но тут намечается что-то многообещающее. Назвал кота Борей.

Кот ходит злой - не успеваю полы мыть. Молоко не пьёт. Наши героические дети пьют, а он не пьёт. Наши мужественные дети колбасу едят - он не ест. Памятник нашим детям ставить надо, как той собаке академика Павлова. Рыбы не достать, наверное, все наши рыбаки попали в огромный шторм и утопили. Самому идти ловить - боязно. Я человек курящий: бросишь в речку окурок - вдруг всё вспыхнет - столько в ней всякой дряни плавает.

Не откликается кот ни на Лёню, ни на Мишу, ни на Борю.

Посадил я тогда кота на стол, разложил перед ним продуктовые талоны, и говорю ему:

- А ну, отвернись.

Он отвернулся.

- Я, - говорю ему, - ткну пальцем в один из талонов, если мне, один раз мяукнешь. Если тебе - два раза. Понял?

Кот кивнул головой.

Я ткнул пальцем в талон с надписью «Крупа» и спросил:

- Кому?

Кот мяукнул два раза.

- Ну что ж, - сказал я, - буду тебе кашку теперь варить, хотя ты и хищник.

Кот поднял лапу, хотел врезать мне по щеке, но я увернулся.

1980-е годы.

История

1917 год

- Давай по «маленькой», дядя Василий, - сказал Петька.

Он разостлал на столе газету, черневшую заголовком «Землю крестьянам, заводы рабочим», расставил нехитрую снедь, налил в стаканы.

- Сейчас с водочкой туговато, но я достал - продуктовые карточки обменял. Ну - чтоб не последняя!

- А чего у тебя ухо раздутое? - задумчиво спросил Василий.

- На митинге вчерась был, кричу - «Долой диктатора!» - за что по уху и получил, а кто вдарил - не понять. У него на морде не написано, из какой он партии, а может, переодетый.

- Наверное, депутат из правых, - задумчиво усмехнулся Василий, - старые дрожжи. Россию назад хотят повернуть. Не выйдет. Биться будем до конца.

- Неужто, гражданская война? - выпучился Петька.

- Не исключено, - задумчиво проговорил Василий, - главное, чтобы армия за нами пошла.

- Армия-то пойдёт, солдаты пойдут, а вот полковники и генералы - ни в жисть! - Петька стукнул кулаком по столу. - Они военный переворот могут устроить.

- Могут и переворот устроить, - задумчиво сказал Василий, - история повторяется дважды - сначала в виде трагедии, потом в виде фарса. Знаешь, кто это сказал?

- Ленин, - рубанул кулаком по столу Петька, - кто же ещё!

- Молодой ты ещё, Пётр, мало знаешь. Это Карл Маркс сказал, - задумчиво произнёс Василий, - но в этой трагедии победим мы, потому что с нами Владимир Ильич.

1991 год

- Давай по «маленькой», дядя Петя, - сказал Васька.

Он разостлал на столе газету, черневшую заголовком «Землю крестьянам, заводы рабочим», расставил нехитрую снедь, налил в стаканы.

- Сейчас с водочкой туговато, но я достал - продуктовые карточки обменял. Ну - чтоб не последняя!

- А чего у тебя ухо раздутое? - задумчиво спросил Пётр.

- На митинге вчерась был, кричу «Долой диктатора!» - за что по уху и получил, а кто вдарил - не понять. У него на морде не написано, из какой он партии, а может, переодетый.

- Наверное, депутат из правых, - задумчиво усмехнулся Пётр, - старые дрожжи. Россию назад хотят повернуть. Не выйдет. Биться будем до конца.

- Неужто, гражданская война? - выпучился Васька.

- Не исключено, - задумчиво проговорил Пётр, - главное, чтобы армия за нами пошла.

- Армия-то пойдёт, солдаты пойдут, а вот полковники и генералы - ни в жисть! - Васька стукнул кулаком по столу. - Они военный переворот могут устроить.

- Могут и переворот устроить, - задумчиво сказал Пётр, - история повторяется дважды - сначала в виде трагедии, потом в виде фарса. Знаешь, кто это сказал?

- Горбачёв, - рубанул кулаком по столу Васька, - кто же ещё!

- Молодой ты ещё, Василий, мало знаешь. Это Карл Маркс сказал, - задумчиво произнёс Пётр, - но в этом фарсе победим мы, потому что с нами Борис Николаевич.

Немного о грибах

- Поедем завтра за грибами, - предложил мне друг Серёжа, - не пожалеешь. Вчера Витька ездил - еле домой корзину дотащил!

- Ну, если еле дотащил, - согласился я.

На вокзал я прибыл к шести часам утра. Вокруг Серёжи стояло с десятков молодцов с корзинками, которые, раскрыв рты, слушали речь моего друга. Я подошёл поближе.

- Главное, не спускать глаз вон с того старичка - следопыт! Нюх на грибы!

На платформе стоял благообразный старичок с пышной седой бородой, с корзиной в руках.

- Куда он - туда и мы, - подытожил Серёжа. - Витька вчера за ним увязался, результат - полная корзина!

Вскоре подошла электричка, и мы двинулись к вагону, в который садился старичок.

- А где твой приятель Витя? - спросил я у Серёжи.

- Он сегодня не поехал, ему на неделю хватит - солить, мариновать.

В вагоне было полно грибников.

Старичок сидел в середине и читал какой-то фолиант.

- Небось, грибная энциклопедия, - толкнул меня в бок Серёжа.

Между тем, электричка бежала резво, и на каждой станции сходило множество народа с корзинками и направлялось к лесу.

- Самые грибные места проезжаем, - сказал я, - дальше одни болота пойдут.

Серёжа, делая вид, что увлечён пейзажем, пронесившимся за окном, внимательно наблюдал за «объектом».

Потянулись унылые болота, подёрнутые утренним туманом.

И тут старичок встал, захлопнул книгу и устремился к выходу.

Мы едва успели выскочить за ним.

Вокруг простирались необозримые бо-

лота, поросшие низкими кустами и редкими берёзками.

- Девоншир, - мрачно сказал один из нас, - только баскервильской собаки не хватает.

Электричка свистнула и умчалась.

Мы пошли за старичком, который бодро зашагал по тропке, ведущей к трясине.

Сначала была тропинка, потом что-то похожее на тропинку, а потом мы начали завязать в болотной жиже.

И комары. Огромное количество злющих, гудящих тварей, спешащих выпить нашу кровь.

- Сюда бы вертолёт, - всхлипнул кто-то сзади, - как мы обратно с полными корзинками погрём.

Славик Былинкин, по прозвищу Толстяк завяз настолько, что вытащить его было так трудно, что мы даже хотели привязать его к берёзе, чтобы он не погружался глубже, и вытащить на обратном пути.

Мы даже забрали у него корзину и пообещали набить её грибами доверху.

Он смотрел на нас ясными глазами и молчал. И мы всё-таки поднатужились и вытащили его. Корзину отдали.

Измученные, грязные с головы до пят, мы, наконец, почувствовали твёрдую почву под ногами.

Все повалились в густую зелёную траву.

Среди низких, чахлах берёзок мы заметили маленькую деревянную избушку.

Старичок - за ним велось интенсивное наблюдение - повозился с замком и скрылся за дверью.

Мы видели, как Серёжа, еле переставляя ноги от усталости, добрёл до избушки. Потом мы услышали его недоуменный вопль.

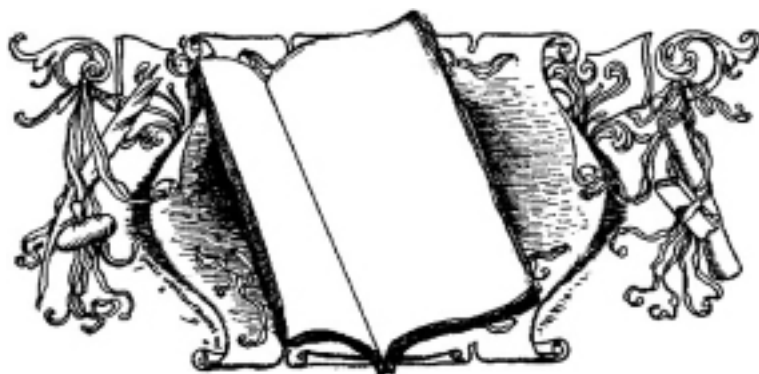
Вопль удивления и возмущения.

Я приковылял к домику.

Над дверью избушки белела вывеска - «Станция наблюдения за кровососущими насекомыми».

1990-е годы

ПУБЛИЦИСТИКА

Наталья ВЕСЕЛОВА

Раскол и личность. Протопоп Аввакум и другие...

*Держу до смерти, яко же приях,
не прелагаю предел вечных.*

Протопоп Аввакум

*Наших прадедов Бог по-иному ковал,
Отливал без единой без трещины, -
Видно, лучший металл Он для этого брал,
Но их целостность нам не завещана.
И потомки – не медь и железо, а жесть
В тусклой ржавчине века угрюмого
И не в сотый ли раз я берусь перечесть
Старый том «Жития»» Аввакумова.*

Арсений Несмелов

Раскол внутри Православной Церкви в 17 веке явился не только продолжением Смуты – ее неминуемым духовным последом, но провозвестником – революции, началом глубокой, в конечном счете, мир имеющей привести к пришествию антихриста, болезни русского духа. Сегодня выбрасывали из домов «неправильные» книги и иконы с двоеперстием – завтра уже с новых колоколен станут срывать онемевшие от последнего ужаса колокола... Это вам похуже нашествия иноплеменников или насилия иноверных...

На соломе, под «капелью», с гниющей спиной (как не умер от заражения крови!) лежал, плакал и молился в очередной раз избитый до полусмерти по тем меркам не очень уж и молодой человек (средняя продолжительность жизни в то время – 35 лет). Человек, о котором триста лет спустя потомки будут писать научные исследования и романтические поэмы,

образ несокрушимый и трогательный... Протопоп, а по-нашему, по-никониански, - протоиерей. Впрочем, так себя величать он бы ни за что не согласился, ибо именно за неприятие греческого обряда (и прозваний, само собой) умирал несколько раз в прямом и переносном смысле, пока не пришел за ним тот самый последний корабль, единожды до того виденный в тонком сне: « - красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, - его же ум человек не вмести красоты его и доброты (...) И я вскричал - «чей корабль?» И сидя на нем отвечал : «Твой корабль (...)» **Запомним же с самого начала этот нездешний корабль: он нам с вами еще пригодится.**

Анафема с Русской Старообрядческой Церкви в новейшие времена снята. Но ее анафема на нашей Церкви - остается. Как и невозможность воссоединения. Вот иди и разбирайся - в догматах: с одной стороны, грех Раскола не смывается даже

мученической кровью. Это – устрашение на будущее, потому что раскаливаться дальше, кажется, уже некуда, а попытки такие не прекращаются. С другой...

И вот, я себе представила... Отныне велено креститься не троеперстно – а пятерней, по-католически (а что – и так не понятно, кто как крестится – иные так просто руками машут, будто мух отгоняют, надо единообразить); Литургию в соседнем храме служат на современном русском языке (надо же привлечь народ, а от церковнославянского люди шарахаются – понять не могут, бедные); среди ночи врываются ко мне в квартиру, выломав дверь, вооруженные люди – и Библия, Псалтирь и молитвословы летят в переполненный уже ими кузов грузовика, а мне велят явиться на специальный пункт и получить бесплатно совершенно такие же православные - но на русском и с исправлениями (такими, чтоб никого не обижали: например, обидно же евреям называться в Ветхом Завете «народом жестоковыйным», а в Новом – «погибшими овцами»...); если я не согласна – мне переломают руки; не соглашусь и после – все, могу отплывать... на том самом корабле, с протопопом Аввакумом... Не знаю - и не мне предполагать - насколько меня бы хватило под пытками - но что спокойно и покорно не приняла бы - одна из сотен тысяч - знаю неколебимо: *держу до смерти, яко же прях...* Тут уж осталось бы только молиться, чтоб поскорее...

Думаете, антиутопия? Один из новомучеников - священномучеников! - сокрушался в начале двадцатого века, что времена гонений на Церковь навсегда миновали, и ему, по грехам его, мученичества за Христа уже никак не сподобиться...

Тогда почему протопоп Аввакум - у Арсения Несмелова «огнеглазый» - на гравюре, иллюстрирующей его же «Житие» - безумец? Не потому ли, что иллюстрировал - Телингатер? Почему на образ Феодосии Морозовой Сурикова

вдохновила - ворона на снегу, а глаза у нее такие же - экстатически-невидящие? Почему в наших приходах у женщин-ревнительниц благочестия - обязательно прозвище с оттенком презрения: «боярыня Морозова»? Спроси сейчас - у не-историка - за что они страдали и погибали - и сразу лицо непроницаемое: «Ну, они - это... Не хотели креститься тремя пальцами. Да, еще с книгами там что-то было не так, так они ошибки исправлять не хотели... В общем, типа, невежды... Фанатики, короче». Я не предполагаю, а знаю, что наша несчастная Церковь родит еще тысячи и тысячи новейших мучеников, если что-то вроде моего кошмара станет очередной неумолимой явью. Фанатиков, да. Невежд, может быть. Пусть так – Господь разберется: все равно ведь *врата адовы не одолеют ее...*

Необходимость исправления многих церковных книг была признана еще в 16 веке, при Иоанне Грозном, когда Церковным Собором в 1551 году был затронут и этот вопрос. Сама инициатива исходила из Троице-Сергиевой Лавры, где группой духовных деятелей был даже разработан план широкой церковной реформы, касавшейся ни в коем случае не догматов, а мелочей церковного быта и исправления описок в книгах, накопившихся в изрядном количестве за все века их переписки вручную. Предшественник патриарха Никона, Патриарх Иосаф, стремился тактично произвести необходимые исправления, сверяясь с текстами древних греческих и древних же славянских книг – свежих их переводов. Патриарх Никон совершил непоправимую ошибку: он велел исправлять современные ему славянские книги по новым же греческим, совершенно не приняв во внимание тот факт, что в греческих книгах в течение веков тоже громоздились одна на другую ошибки и неточности переписчиков. То же касалось и обрядов. «Справщики» Иосафа оставили неприкосновенными русские церковные обряды, не принятые, но и не отвергнутые

греческой церковью, таким образом, посчитавшись с установившимися в Москве традициями. По мнению русских, греки к тому времени вообще утратили право занимать первое место в православном мире, так как, из корыстных побуждений войдя в унию с католиками, перестали соблюдать чистоту православной веры. Известны слова Иоанна Грозного, произнесенные в споре с иезуитом Поссевиным: «Греки нам не Евангелие. У нас не греческая, а русская вера».

Арсений Суханов, образованный боярин, посланный в Грецию для закупки древних священных книг, привез их домой четыреста девяносто восемь, но при переписке только семь могли служить образцом для исправления, а остальные имели тьму самых невероятных несуразностей. Он же, кстати, в результате своей поездки пришел к выводу, что в греческом Православии высохли «ручьи Божественной мудрости» и потому «грек вовсе не источник всем нам веры». Он видел церкви без престолов, храмы в нечистоте, вопиющее искажение догматов, обрядов, подражание католикам в богослужении... И вот, это все было принято за образец для рабского подражания при «реформах» патриарха Никона.

Раньше-то он с Аввакумом был даже дружен! Все они: и Никон, и Аввакум, и Неронов - состояли в кружке ревнителей благочестия во главе с царским духовником Вонифатьевым. Необходимость исправления ошибок в церковных книгах признавалась и там безоговорочно - но именно бывшие соратники Никона и превратились в его противников - уж, во всяком, случае, не «по скудости ума», как шаблонно утверждают противники старообрядчества: ведь это были самые даровитые и образованные люди эпохи! Протопоп Аввакум, Спиридон Потемкин, дьякон Федор, Неронов, Лазарь Вонифатьев... И ни в коем случае не могли они называться еретиками - как чуть позже их заклеймит священноначалие: ведь

расхождения их с никонианами не касалось догматов!

...Давно это было - чуть-чуть еще - и четыреста лет. И перемешалось все, потонуло в пучине новых страданий, неоднократно и с завидной регулярностью обрушивавшихся на Русь. Да что теперь до них - каких-то там древних книг - со своими-то дай Бог разобраться! И все же - глазами ревнителей благочестия, готовых жизнь отдать за веру предков, - глянем на, как сейчас говорят, оппонентов... Итак, вот они, два главных «искусных мужа», призванных Никоном на помощь после отстранения старых «справщиков».

Арсений Грек. Авантюрист по призванию. Трижды менял вероисповедание, один раз ухитрившись побывать даже мусульманином (интересно, как там с обрезанием у него дела обстояли - заглядывал ли кто в штаны «православному справщику»?)

Паисий Лигарид. Получил образование в Риме в греческой гимназии, основанной Римским папой Григорием Восьмым. Известен пропагандой унии с католицизмом. Все сочинения написаны только в католическом духе. Отлучен от Православной Церкви Патриархом Нектарием за расположение к латинству.

Меня не удивляет близорукость и «преступная халатность» Патриарха Никона: впасть в прелесть не заказано никому - не осудим же других. «Я русский, сын русского, но вера моя греческая» - это еще угораздить должно было такое, прости Господи, брякнуть. Меня тем более не удивляет позиция вождей Раскола: раскольниками при таких обстоятельствах они вполне могли почитать не себя. Меня удивляет - почему, прекрасно зная биографии Грека и Лигарида, будучи осведомленным о положении дел в Греческой Церкви, Тишайший Государь приветствовал творимое? Дружил с детства с Никоном? Это не причина... В конце концов разругались так, что даже с Патриаршества погнал - почему

не остановил гонения на староверов? Непозволительно далее рассуждать в таком ключе о Помазаннике - но не избыть вопросов... Меня еще удивляет - почему вообще староверы остались в меньшинстве... С высоты трехсот с лишком лет легко не понять. А туда не нырнешь – захлебнешься...

Давайте упомянем только некоторые, если так можно выразиться, претензии староверов к новообрядцам, перечисленные в «Житии» Аввакума – вот прочитаешь только это, малое, и засомневаешься. Начать хотя бы с Символа Веры. С того самого, который мы теплохладно скандируем после Большого Выхода – механически, как разучили когда-то, и не вспоминая о том, что люди шли на костры за то, чтобы там осталось одно лишь слово – слово, которого теперь нет: «истинного». *«И в Духа Святаго, Господа Истиннаго и Животворящего»* - так читалось до Раскола.

А как насчет поговорить по-ангельски? Знайте: «алилуйя» - это на языке Ангелов и значит «Слава тебе, Боже!» - и поэтому, когда мы по-теперешнему произносим «алилуйя» трегубо (трижды), добавляя после, через запятую, «Слава Тебе, Боже», то мы «четверим Святую Троицу»: «алилуйя» должна петься только сугубо (дважды) – и Троица не будет оскорблена.

Молитва Ефрема Сирина и теперь читается Великим Постом во время Литургии, и во время нее кладется три земных поклона, после – еще один. Итого четыре. И вот картина: половина храма вообще стоит и едва наклоняется, причем это не инвалиды или немощные старцы, а вполне здоровые, молодые и трудоспособные люди. Из кладущих поклоны – еще половина кладет их с колен, т.е. не вставая, что гораздо легче, а смотрится не менее впечатляюще. Оставшиеся выглядят страдальцами, четыре раза трагически собирая в кучу свои бранные кости и мужественно

повергаясь обратно: так и кажется, что на этот-то раз уже не встанут. Четыре раза проделали – и вздох облегчения: ну, всё с поклонами... До Раскола творили таких поклонов – семнадцать. Всем храмом. Да и одежда была в несколько раз тяжелее нашей. Четыре, введенные никонианами, казались немыслимым послаблением, распушенностью – одним словом – никонианством...

Они видели знамения, наши предки, - затмения солнца и всевозможные кометы, к которым мы здесь, у нас, как-то попривыкли уже, а пращурьы знали: добром такое не кончается. Одно полное затмение случилось 2 августа 1654 года, другое 22 июня 1666-го – уже после расстрижения Никона... Аввакум наблюдал эти знаки небес. Может быть, он знал о них больше, чем мы...

В 1654 году Церковный Собор все-таки состоялся - и в ответ на речи Патриарха и Царя вторично провозгласил, что: «Достойно и праведно исправить против старых харатейных греческих» - то есть, еще и еще раз подтвердил, что исправление текстов необходимо производить, сличая первоначальные славянские переводы с современными им греческими книгами, и невозможно исправлять древнесвященные книги по новым греческим, в которые после Флорентийской унии вкралось много искажений. Но постановление Собора так и осталось невыполненным. Так что, по сути, реформу можно считать не церковной – а единоличной. Никоновой.

Насколько была она действительно необходима именно в тот исторический момент? Со времени Великой смуты прошло только сорок лет. Русь еще не успела опомниться и отдышаться, а ее уже опять ставили перед Великим выбором, в ничто обратив вековую самобытность, опять ломали и гнули недопустимыми, грубейшими мерами. Тот мой кошмар (см. выше) не на ровном месте родился - все так было уже: именно врывались во дворы,

хватали, швыряли и волочили, не трудясь объяснять, а, как водится, держа людей за скотину... Внутренний уклад церковной жизни на глазах менялся – революционно: решив до конца согласовать русские обряды с греческими, Никон быстрыми темпами вводил в России греческие амвоны, греческий архиерейский посох, греческие клобуки и мантию, греческие церковные напевы, монастыри по греческому образцу... Между тем существование различий в обрядах и богослужении у частных поместных церквей всегда допускалось Вселенской Церковью, что недвусмысленно выразил святой папа (до самоотсекновения Католической церкви) Григорий Двоеслов: «При единстве веры Церкви не вредит различный обычай». За реформы стояли многие русские духовные люди – за реформы, но не за кровавую революцию, калечащую русскую самобытность, перекраивающую саму русскую душу на иноземный лад...

Все то, что происходило, понравилось русскому народу не могло ни при каких обстоятельствах – и вот еще одна зарисовка: «Посланные Никоном пытались отнимать силой, и тогда происходили драки, увечья, даже смертоубийства из-за книг. Из многих церквей мирские люди тайком брали старые книги и, как драгоценности, уносили с собой в леса, пустыни, в тундры отдаленного севера, куда бежали, спасаясь от никонианских новшеств». Ничего не напоминает? Мне – эпизод из книги С. Мельгунова «Красный террор в России». Разница между событиями – примерно 270 лет...

Неповиновение от единичных случаев в рамках отдельных семей и приходов постепенно перешло в массовое. Стоит вспомнить хотя бы Соловецкий монастырь, поднявший бунт и продержавшийся в осаде 8 лет – с 1668 по 1676 год!

«Огнем, да кнутом, да виселицей хотят веру утвердить! Которые Апостолы

научили так? Не знаю! Мой Христос не приказал нашим Апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицей в веру приводить!» - протопоп Аввакум отвечал за свои слова, когда писал так. Хотелось бы договориться с самого начала: мы будем априори верить всем его словам. «Житие» писалось в Пустозерске, большею частью в подземной тюрьме, где смерть могла прийти ежечасно – а перед ее лицом не лгут. И не фантазируют. Поэтому подлые ремарки историков «здесь Аввакум преувеличивает», а «там искажает факты» мы проигнорируем: исказить факты - это они мастера, а он был абсолютно правдивым современником, этот бесстрашный, несгибаемый, нежный и сентиментальный человек, прикармливавший мышей в своих периодических холодных подвальных клетях, - «бархатные комочки» по Несмелову - в клетях, где его самого, случалось, прикармливали ангелы...

Вспомним о чудесах, к которым сам Аввакум, похоже, относился как к обычным бытовым явлениям, и ничуть им не дивился, считая, что так и должно быть – а между тем, нам остается только поражаться тому, как близок к Богу был этот молитвенник. В собственных подвигах, читая о которых, немеешь от изумления, он не видит ровно ничего особенного и порой даже заходит дальше, чем можно: будучи подвижником и героем, не может понять в других не-подвижничества и не-героизма. Речь здесь идет о том эпизоде, когда два его родных сына, Иван и Прокопий, при угрозе немедленной казни дрогнули и перекрестились было по-новому. *«...Не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились»*, - сокрушается их отец и упрекает жену в том, что *«...детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиною умерли заодно Христа ради»*. К таким высотам духа до него поднимались лишь единицы из христианских первомучеников.

На филфаке университета «Житие» проходят сразу, на первом курсе, читают без перевода – проходят, собственно, «мимо», потому что студенты в тот семестр просто завалены литературой, которую обязаны изучить, - родной и европейской. Тут только успевай пролистывать хрестоматии. Но Аввакума, оказалось, в нашей группе прочитали все – сумел задеть за живое. Перед его мученичеством и стойкостью померкли очень и очень многие подвиги времен социализма – на лекции о нем мы сидели притихшие, пока кто-то вдруг не спросил преподавателя: «Простите, а его, м-м... - (робко), - чудеса... Ну, этот ангел со щами... Рыба... И потом эти... ну... - не сказал «бесноватые», коммунизм же строили, а (тише шепота): - припадочные...» У преподавателя ответ был уж готов, верно, и другие не однажды спрашивали, – и он тут же выпустил на нас, как пса с цепи, лишь чуть Аввакума во времени опередившего Афанасия Никитина («Путешествие за три моря») с его диковинными заморскими чудушками, людьми-животными и прочими несуразностями. Ничего, мол, особенного – где фантазия, где галлюцинации. Как нам не стыдно, мы ведь как раз сейчас фольклор изучаем, уже должны понимать, откуда у таких образов ноги растут... И вообще – это все исключительно литературные памятники. Или мы намерены и про летающую ступу всерьез спрашивать? Диспут был закрыт. По-моему, пришло время открыть его снова.

В самом начале крестного пути, еще до основных ссылок, пыток и надругательств, в Москве арестован был непокорный протопоп в первый раз и вскоре доставлен в Андроньев монастырь, для вразумления и устрашения посажен на цепь в «темную полатку» под землей, где без пищи и воды его продержали трое суток в полной темноте и в компании только мышей и тараканов. Но и на цепи сидя, Аввакум не унимался: клал поклоны не то на восток, не то на запад, в темноте не разобрался. Надеюсь, врачи-психиатры мое эссе читать не станут

– разве только подошьют когда-нибудь в историю болезни. Они бы, конечно, грамотно доказали, что после трех дней без проблеска света, в полном голоде и жажде, да в молитвенном экстазе увидеть можно уже что угодно. Ответу: попробуйте сами, а потом расскажите, что именно увидите. Навряд ли то же, что протопоп Аввакум:

« ... и после вечери ста предо мною, не вем – ангел, не вем – человек, и по се время не знаю, только в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немношко и штец дал похлебать, - зело прикусны, хороши! – и рекл мне: «полно, полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только – человек; а что ж ангел? Ино нечему дивитца – везде ему не загорожено». Теоретически Ангел, конечно, мог пригрезиться, но вот щи, да еще вкусные... «Пригрезиться» - это атеисты, а принципиальные противники старообрядчества – категорически: «Прелесь».

Что ж, будем дальше разбираться.

Протопоп Аввакум походя изгонял и злейших бесов, о чем упоминания, как звезды по небосводу, рассыпаны сплошь по его «Житию». Изгонял, между прочим, уже не голодный и не в темноте – при свете, и видел их очами не только духовными, но и телесными.

«В Даурской земле» - в сибирской ссылке – гнал нечистых разве что не толпами: тут и две вдовы, Марья да Софья, которых бес жестоко мучил – бились и кричали, – тут и многочисленные «бабы» - у тех, может, конечно, истерия, но на Руси это определялось просто и безошибочно – с помощью крещенской воды: может человек ее пить – значит, целить его должен не священник, а дубина – и ничего, приходили в разум; не может – бес в нем, и тогда к протопопу... Все у него *«целоумны и здравы стали»*, да в доме постоянно человека три-четыре *«бешаных»* жило, и всегда – *«...за молитв святых отец отхождаху от них*

бесы, действием и повелением Бога нашего Иисуса Христа». Описаны случаи и заочного исцеления по молитвам Аввакума. Интересно, теперь много ли православных священников могут тем же похвалиться? Впрочем, Аввакум не хвалился, наоборот, писал: «А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос».

Два же случая заслуживают особого упоминания, потому что процесс изгнания беса сам Аввакум описывает подробно: ведь беда приключилась не с кем-нибудь, а с родным его братом-священником. *«И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени Господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо Бог призывает», - бес же не слушает, не идет из брата. И паки ту же речь в другоряд, и бес еще не слушает, пуще мучит брата. Ох, горе мне! (...) Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде и сел на окошко; брат же быв яко мертв. Аз же покропив его водою святою: он же, очхняся, перстом мне на беса, сидящего на окошке, показывает, а сам не говорит, связавишуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указывает. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам перекрестился...».* И в тот раз обоим братьям за упрямым бесом погоняться пришлось не в пример дольше, чем обычно – и что, тут имела место – групповая галлюцинация? Человек лежал, как мертвый, по Евангелию, – это прелесть? Что-то все больше верится в обратное.

А вот еще один случай.

В Москве (это уже вторая Москва протопопа Аввакума, из Сибири он на время возвращен) был у него в доме очередной «бешаной» по имени Филипп – ну, да это дело в доме том было обычное, разве что бес выходил трудно, «понеже был суров и жесток гораздо», и потому несчастный одержимый был до поры до времени

прикован к стене, потому что в отсутствие хозяина дома, обыкновенно являвшегося лишь к ночи, домочадцы уж совсем не могли с ним ладить. Но постепенно Филипп исцелялся: «Сила Божия отогнала от него беса, только ум еще несовершенно был». И вот однажды, когда Аввакум вернулся домой, по обычаю, ночью, да еще «зело печален», потому что в тот вечер дома у Феодора Ртищева «с еретиками шумел много о вере и законе», он узнал, что у его домочадцев без него приключилось нестроение: его жена, любимая и увековеченная протопопица, побранилась с приживалкой – вдовой Фетиньею: «...дьявол ссорил ни за што». Скандал, вероятно, был немалый, потому что введенный в курс дела Аввакум разбираться, кто прав, кто виноват, не стал: обеих женщин избил собственноручно и в придачу «оскорбил гораздо». Он, вообще, вероятно, был скор на расправу и – сам немало битый! – сокрушенно признавался: «...да и всегда такой я окаянной сердит, дратца лихой. Горе мне за это!» Сразу протопоп не покаялся – видно, не смекнул, что сгоряча отлупленные бабы - тоже дело несправедное - и ничтоже сумняшеся приступил к еженощному укрощению неподатливого Филиппова беса. И тут ему, неисправившемуся, Господь отказал в обычной власти над злыми духами: бесноватый выломал цепь и бросился на исцелителя со словами: «Попал ты мне в руки!» (Насчет возможной галлюцинации или прелести вопрос уже, кажется, становится риторическим - куда там, когда кости трещат!) Аввакуму пришлось плохо - не помогла и молитва до тех пор, пока не понял, что тяжко согрешил... Лежал после этого на полу долго – «с совестью собирался». И собрался. «Восставше, жену свою сыскал и перед нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна, - прости меня, грешнаго!» (...) Также лег посреди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по

окаянной спине: человек было с двадцать, - и жена, и дети – все, плачучи, стегали. А я говорю: «аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части в Царствии Небеснем!» И оне нехотя бьют и плачут, а я ко всякому удару по молитве. Егда ж все отбили, и я, восставшее, сотворил перед ними прощение. Бес же, видев неминуемую, опять вышел вон из Филиппа. И я крестом его благословил, и он по-прежнему хорош стал». Говорят, эта сцена кажется слишком театральной, а сам протопоп из-за нее выглядит истериком. Классически, так, конечно, и было: творческой натуре - а кто усомнится, что таковая была и у Аввакума! – свойственна некоторая экспансивность, но результат-то вполне очевиден: жертва Богом принята, благодать восстановлена, милость возвращена.

На этом довольно о бесноватых: число их, только попавших в «Житие», переваливает за полтора десятка. Пора вернуться к «привидевшимся» чудесам (или, по-иному, бесовскому наваждению).

Чудеса бытовые, словно бы «случайности», - вот что меня всегда поражало в повседневности. Тянет человек свою ляжку – ту ли, другую ли – и вдруг оно сверкнет прямо перед ним: «А Бог-то есть, смотрит на тебя каждую минуту! Ты только не поленись – позови...» Вот Сибирь, место дикое – Дауры. По замерзшему озеру бредет человек на «базулуках» - особых подошвах с шипами, подвязанных к обуви для ходьбы по гладкому льду. А зима бесснежная - «снегу там не живет» - (какова метафора! – мимоходом вскрикивает во мне надежно придушенный филолог) - только льды толщиной в туловище. Человека томит жажда, а воды добыть нельзя - вокруг льдов на восемь верст... В такой ситуации что сделает большинство из нас? Правильно, начнет долбить лед и пытаться как-то его растапливать – если есть в чем. А если нет? Человек, о котором пишу, остановился, посмотрел на небо и сказал: «Господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь

ты еси! Напой меня ими же веси судьбами, Владыко, Боже мой!» И лед затрещал под его ногами и разъехался, а потом сошелся снова, оставив лишь «пролубку малую» - и он, поклонившись на восток трижды, лег и напился. Человек по льду ходил, конечно, не для собственного удовольствия. У него в лачуге погибали с голоду жена и дети, которым нужно было принести какую ни есть еду – рыбу, например – а еще попробуй, продолби тот лед, чтобы до нее добраться, да нарты с рыбою через то озеро до семьи доволоки. А потом дров наруби на каком-нибудь берегу и, опять же – домой их. И все это притом, что из тебя недавно опять где-нибудь дух выколачивали, так что без сознания отлеживался. Все это делая, Аввакум не оставлял свое «правило» - это теперь у нынешних «воцерковленных» христиан оно занимает в лучшем случае пятнадцать минут. Он же читал «вечерню, заутреню и часы – что прилучится». Он знал, что «не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку Бога не моля жити».

Самые мелкие непроступки даже – легкие слабости свои - считал он преступлением и судил себя за них нещадно. Например, когда обессилел совсем до крайности от голода и нечеловеческого труда, однажды не оставил – Боже упаси! – чуть-чуть ослабил свое правило, продолжая читать псалмы, какие положено после вечерни, всю полунощницу, да из часов – только первый. Считающим, что это пустяки, предлагаю немедленно взять и прочитать – будучи сытым и бодрым. И посмотреть, каково это. Аввакум сокрушается: «... что скотинка волочюсь; о правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел». Но спрос с подвижника – это не с нас с вами. «Приволокшись» домой, несчастный протопоп обнаруживает, что в довершение всех его бед, протопопица в избе рыдает, потому что их дочь Огрофена вдруг онемела и теперь может только мычать и плакать. «О имени Господни повелеваю ти: говори со мною!» Современным батюшкам,

уверяющим, что Аввакум был в прелести, предлагаю обратиться с таким приказом к первому же встречному гугнивому – и лицезреть результат. У Аввакума он был таким: отроковица внятно и четко объяснила ему, что с ней стряслось: некий «человек светленек» удерживал ее язык, не позволяя говорить с матушкой до тех пор, пока не вернется отец, с тем, чтобы сказать ему, чтобы он продолжал творить свое прежнее правило – и тогда семья получит возможность выехать обратно на Русь, в противном же случае все погибнут в Сибири... Правило возобновилось «через не могу» - и спустя некоторое время обетование сбылось. Сколько ни читаю этот эпизод – каждый раз по-новой поражаюсь некой домашней естественности, с какой автор описывает случившееся. Ну, пришел, ну, плачут, ну, приказал говорить... Дело, похоже, виделось ему даже обыденным – вера Аввакума была настолько глубока и непоколебима, что он и сомнений не держал, что что-то где-то не сработает. Жаль, он, с его-то дерзновением, какую-нибудь гору ссадить в море Байкал ради суровой надобности не додумался - то-то бы пейзаж сейчас в Сибири был...

Раз уж вспомнилось Евангелие, то как не поговорить о рыбах. Господь, как мы помним, в придачу к хлебам – пяти и семи – всегда давал людям и рыбу. Со Своими апостолами не раз Сам выходил в море Галилейское, где они ловили все ее же. Чудо с рыбой не могло не произойти и с протопопом Аввакумом.

На озере Иргене лов почему-то стал плохой. Никто ничего поймать не мог, народ начал с голоду пропадать – «от глада исчезаем». Одному только Аввакуму в сети, по молитвам, попались шесть язей и две шуки, а на следующий день – так вообще десять крупных рыб. Воевода Афанасий Пашков, под чьей властью находился тогда Аввакум, человеком был, судя по «Житию» - звероподобным: во всяком случае, людей, не моргнув, морил, пытал садистски за малейшую провинность, в приступах

ярости становился опасней таежного медведя, а протопопа с семьей ненавидел какой-то прямо адской ненавистью и делал буквально все, чтобы их извести. По-моему, Аввакум не вынес столько от властей церковных, сколько от этого человека. Увидев улов, Пашков своего ненавистного протопопа с рыбного места согнал и велел поставить сети туда, где ничего живого не могло быть по определению: на брод для скота, где оставалась только грязь по щиколотку, уже без воды. Дети Аввакума отговаривали отца ставить сети, чтобы их не сгноить попусту, но отец у них был другого свойства: «Владыко Человеколюбче, не вода дает рыбу, - Ты вся промыслом Своим, Спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави Имя Свое святое, да не рекут невернии, где есть Бог их». Уже чудес в жизни при отце таком достаточно навидавшись, дети наутро все-таки не хотели идти проверять сети, вызываясь «брести» уж лучше по дрова – настолько невероятным казалось увидеть в сетях что-то, кроме случайно заплывших головастика. Один сын все-таки отправился с отцом... Словом, рыбу с этого места таскали они несколько дней подряд – даже после того, как упомянутый Пашков в ярости велел изорвать их сети в клочки...

«Терпение убогих не погибнет до конца» - так заканчивает Аввакум рассказ о своем очередном простом чуде, и в том месте в книге нет звездочки, означающей ссылку. Издатели не разобрались, что автор на сей раз не придумал это сам – а смиренно процитировал девятый псалом Давида...

Такие вещи, конечно, на ровном месте не происходят. Для того чтобы так чудотворить, нужно быть по-библейски – «назореем от рождения» - и, похоже, в лице протопопа Аввакума мы сталкиваемся как раз с таким явлением. Раскол отторг от нас этого замечательного святого, канонизированного только Старообрядческой Церковью, но приближающегося, безусловно,

к таким великим столпам Руси, как Сергей Радонежский, Александр Свирский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадский... (Кстати, интересно, по мнению патриарха Никона выходило, что первые два - тоже молились «неправильно»?) Такие «назореи» с детства призваны к особому духовному деланию, осенены, как поцелованы, особой Божьей благодатью и осознают свое избранничество не как привилегию, а как тяжелейший, часто мученический, крест.

Аввакум родился в семье отца-пьяницы и матери-постницы и молитвенницы, собственно, и научившей его *«страху Божию»*. Отрок сам постепенно превращался в подвижника – через осмысление смерти как явления и ее неизбежности для всего живого. Нужно напомнить, что смерть была частой гостьей в домах той поры: мерли все кругом. В наше время умерший ребенок – это не постижимая уму трагедия, но в те годы младенческая смертность достигала семидесяти процентов: из десяти родившихся детей не более троих доживали до взрослого возраста, и в огромных соборах и деревянных церквушках всегда стояло по несколько коротеньких гробиков в ожидании отпевания – над ними даже, по свидетельству современников, не очень «голосили», потому что дома на печи лежало еще несколько душ (и ртов заодно), а во чреве каждый год зрело очередное чадо. Так что маленький Аввакум со смертью знаком был не понаслышке – а вот «прорвало» его почему-то не на мертвых ровесниках – на соседской павшей скотине. Что-то в зрелище мертвых животных, с которыми, вероятно, любил играть – а ведь он и взрослый любовно о них отзывался, мы знаем, - потрясло ребенка настолько, что *«и той ноци, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех пор обыкох по вся ноци молитися»*.

Не обошли его и соблазны, как и всякого

смертного, – вот характерная картина.

К молодому тогда священнику Аввакуму пришла на исповедь девушка и начала, рыдая, каяться ему в блудных грехах и малакии - подробно, стоя перед Евангелием. И вот тут-то... *«Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в тот час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, ризы сложа, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен»*.

С блудной страстью бороться практически невозможно – переболевший знает, блажен не испытывший – но ему не объяснишь. А почему невозможно, собственно? Как раз-таки возможно, вот и рецепт готов: зачем целых три свечки, куда нам такое самомучительство! Одной хватит. И - ладошку на нее, да подержать подольше. Как рукой снимет. Надолго. А может и навсегда, если при новом поползновении про свечечку вспомнишь. Но только кто из нас этим воспользуется! Поэтому и не заседают перед нами льды, не сходят горы в море, нет рыбы в наших сетях (да это-то не беда, нам бы Аввакумовы проблемы: мы ее, родненькую, – динамитом...)

А если серьезно – то для нас, триста с лишним лет спустя, люди, жившие то время – всегда несколько стофажные фигуры: персонажи книг, фильмов, картин, они как бы и не жили на самом деле, а только отражались в кривых зеркалах наших и чужих фантазий. Но ведь то была жизнь – настоящая. Не менее реальная, чем наша с вами. Но, чаще всего, во много раз более трагичная. Просто потому, что реалии жизни были совершенно другими, и люди тоже: они думали по-другому, и из одних и тех же событий могли сделать выводы, полярно отличные от наших. Понятия добра, зла, справедливости, конечно, в целом походили на теперешние, но в деталях все равно существенно разнились. Кроме того, жизнь наших предков была значительно

тяжелее – на бытовом уровне приходилось ворочать горами. Для того чтобы просто сварить какой-нибудь элементарный суп, нужно было последовательно произвести ряд немислимых и чуть ли не варварских действий. Например, сначала отрубить курице голову, выпустить из тушки кровь и ошипать ее. Впечатлений только от одного этого процесса любому из нас хватило бы надолго. Я уж не говорю про какие-то банальные дрова – не готовые рубленые, а... сначала свалить дерево, распилить его на кругляши, да собственноручно наколоть – притом, что никаких вам бензопил. Люди постоянно получали небольшие травмы, раны, а простых лекарственных трав, которые они имели в своем распоряжении, чаще всего, недостаточно было для того, чтобы полностью остановить воспалительный процесс, обязательно начинавшийся, если в рану попадала, скажем, кровь той же убиенной курицы. Нормальным считалось, если на теле любого человека в любое время наличествовало два-три, как бы сейчас сказали, абсцесса, которые его вроде бы и мучили – а вроде бы, так и надо, у всех так... Заболевшие зубы гнивали на корню и, если в этой части не было особо здоровой наследственности, к тридцати годам рот каждого человека обоего пола был полон черных гниющих, шатающихся и мучительно болевших на все лады пеньков, - и так до второй половины девятнадцатого века, когда начала зарождаться терапевтическая стоматология – это не мои домыслы, это результаты раскопок по всему миру. Просто жить, даже относительно здоровым и счастливым, было уже само по себе физически несказанно трудно – мы как-то забываем об этом, когда рассуждаем о поступках пращуров, походя осуждая их и забывая о том, что хотя бы на тяжкие их ежедневные, ими в расчет не принимаемые мучения, следовало бы нам делать серьезную скидку. А они при этом еще ничего – поднимались на головокружительные высоты духа,

создавали шедевры искусства, устного, письменного и живописного, строили неповторимой красоты храмы...

К чему я это все? К тому, что как-то уживались все эти высоты со сказочным варварством и мучительством: невозможным казалось просто убить ненавистного человека, перед этим следовало его еще варварски запытать, а опустить морально – так ниже уровня земли... Далеко ли ушли мы? Не знаю. На территории Российской Федерации всего пятнадцать лет назад дикари отпиливали людям головы пилой: я имею в виду новейшего мученика воина Евгения Родионова и иже с ним пострадавших. Те же дикари казнили на центральной площади мужчину и женщину – путем отрубания головы. Никто ни того, ни другого не остановил, не пресек - значит, за триста лет переменялось не так уж много. Но все-таки, это были дикари, застрявшие в средневековье, а в то время, о котором пишу сейчас, ничего особо выдающегося не было в такой, к примеру, картине:

«Таже ин начальник, в ино время, на мя расвирипел, - прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустил из зубов своих (...). Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двумя малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистоли, и Божию волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ее на землю и из другия паки запалил так же, - и та пищаль не стрелила». Заметьте, это не революция, не гражданская война, не бунт. Это знаете за что? «Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно».

Аввакуму пришлось пережить множество подобных эпизодов еще до ссылок и гонений: до начала Раскола он мастер был обличать дела, которые считал

непотребными: то выгонит скomoroxов, отобрав у них двух медведей (нам сейчас кажется, что скomoroxество – в прошлом милая народная забава – а на самом-то деле – разнузданное и дикое зрелище, часто с кощунствами), то напустится с разоблачениями на своих односельчан или паству, упрекая их в пьянстве и разврате, - зато и эпизодов типа *«...среди улицы били батожем и топтали; и бабы били с рычагами. Грех моих ради замертво убили и бросили под избной угол»* - в «Житии» немало; удивляешься только физической крепости: любому из нас одного подобного случая хватило бы для получения инвалидности.

Но все это была в его жизни так, пристрелка: около 17 сентября 1653 года протопоп Аввакум отправлен был в ссылку из Москвы в Сибирь с женой, племянницей и четырьмя детьми, младшему из которых в тот день было 8 дней отроду – а протопопица после родов – тринадцать недель везли ее в телеге. Наступила осень. Приближалась зима. В Тобольске, пристроенный было «к месту», в собор служить, продержался около полутора лет – но не обличать Никона он и там не мог, поэтому после многочисленных доносов оказался в Енисейске, во владениях воеводы Афанасия Филипповича Пашкова, ставшего вскоре для Аввакума кем-то вроде воплотившегося демона. В 1655 году Пашков получил приказ отправиться во главе отряда в несколько сот стрельцов и казаков в Даурию (часть Забайкальской области). Задачей его было покорение земель, лежащих на Амуре и установления там правильной администрации. Человек он, конечно, был смелый и предприимчивый, но жестокостью в обращении с подневольными людьми отличался феноменальной, что было не редкостью в те годы в Сибири, когда приходилось усиленными карательными мерами удерживать в повиновении, в обстановке серьезных лишений, плохо дисциплинированное войско. О его

свирепости по отношению к духовенству ходили легенды – и писались доносы, на которые никто не обращал особого внимания. Вот ему-то и «отдали» Аввакума с семьей.

Поглядев на произвол Пашкова, Аввакум, конечно, не мог смолчать просто по пылкой натуре своей – и стал его «уговаривать». Как он умел уговаривать – это мы уже знаем, и потому *«сам в руки попал»*. С этих пор и до конца их совместного пребывания, ни одного спокойного дня у Аввакума уже не было: каждый шаг его, и без того мучительный в той неприветливой земле, еще многократно усложнялся злобным воеводой: то при водном переходе его вышвыривали из «дощеника» (лодки), требуя идти по горам, то за то, что накормил кашей голодных и быстро дичающих казаков Пашкова и просил не выдавать насильно замуж двух пожилых вдов, устроили показательную расправу: *«Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щоке, также по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан хватая, лежащего по спине ударил трижды и, разоблокиши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» (...)* И он велел меня в казенный дощеник оттащити: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал». И тут опять происходит показательный случай. Человек высокого духовного делания, Аввакум и в таком положении не оставляет попечения о своем совершенствовании. В какой-то момент он возроптал – ведь за вдов же вступился! – за что Бог попустил Пашкову так страшно избить его? Но сразу... *«Как дощеник-то в воду не погряз со мною?»* - сокрушенно кается Аввакум уже через несколько минут. Как только он возроптал, так стало *«кости те щемить да жилы тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал»*. Только после того, как возопил к Богу о прощении, пришел в себя. Таких эпизодов, описывающих минутную

слабость человеческую и последующим вознесением и просветлением духа через немедленное покаяние, Аввакум приводит несколько. «Житие» подвижника, написанное им самим - исповедальное и беспощадное к самому себе - дает нам уникальную возможность стать свидетелями истоков подвига, получить возможность видеть, как выпрямляется и становится непобедимой его душа.

Что после этого ему Братский острог на Ангаре, где сидел он в башне всю зиму без теплой одежды: тут уже понятно, что «Бог грел и без платья», а спина-то гнила, лежал на животе в соломе... В «Житии» Аввакума много прямой переклички с Евангелием, он и сам это видит и свидетельствует: *«Щелка в стене была, - собачка ко мне во все дни приходила, да поглядит на меня; яко Лазаря во гною увратех богатого пси облизяху гной его, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал, а человецы далеке окрест меня ходят и поглядеть на меня не смеют»*... Где та собачка теперь?..

Такие сцены писать трудно даже беллетристу. И устоять перед ними трудно. Некоторые трагедии выматывают душу. Но люди их переживали – и жили дальше. Мой том «Жития» весь испещрен карандашными пометками, собственными размышлениями на полях... Но вот обведен просто в круг целиком один кусок текста – давно еще обведен, не для заметки этой, для себя. А на полях, косо: «Очень жутко». И все.

А и всего-то было: пошел отец семейства на озеро Шакшу за рыбой для детей – верст пятнадцать от дома, лютой сибирской зимой. А куда ты денешься? Пойдешь как миленький. Рыбы оказалось – полные нарты, и теперь их следовало доставить домой. Снегу в тех краях не бывает, пишет Аввакум, и тащить треклятые нарты пришлось по мерзлой земле и по льду, идя в базулуках – еще то удовольствие, но иначе шею свернешь, – и изнемог, конечно, ноги служить отказались. Рыбу на нартах не бросишь – домашние в очередной раз пухнут с голоду, невозможно и после прийти

за нартами с подмогой: рыбу неминуемо пожрут лисицы. Кругом – одиночество и непредставимая стужа. Но тащит – пока не падает лицом вниз – встает, идет еще сколько-то – и опять: «ниц». К ночи понял, что никуда не дойдет – влез ночевать на дерево. Изможденный, заснул в ветвях и окоченел так, что все смерзлось на нем - и в нем: не мог даже перекреститься. Понял – смерть вот она: не от огня – ото льда. Но поднял голову на звезды и подумалось: ведь Христос – Он там где-то... Поднялась со дна души последняя молитва – уже о смерти, ибо избавления не ждал. А помолился – и оттаяло где-то внутри, должно быть... Опять впрягся в нарты, тащил, пока мог. Потом все же пришлось нарты оставить – там уж до дома версты три оставалось. Полз сначала на локтях и коленях – потому как ноги отморозил напрочь, потом и колени с локтями отнялись – тогда уже «на гузле». До дома дополз, а войти не мог. Спасибо, утро уж было – жена, сердцем почуяв, открыла дверь и втащила. Отходила. Но ведь и это не все же... Отхаживала – рыдая: единственная их драгоценность – тощая корова, от которой хоть какое-то было молоко детям, как раз в тот день, под лед упав, «изломалась» и здесь же умирала, прямо в избе... Приводя в чувство при смерти лежавшего мужа, протопопица, не переставая рыдать, корову зарезала (кстати, и это тоже представить нелишне) и выпустила из нее кровь (что в избе при этом творилось – это уже мелочи жизни). Кровь она отдала одному из казаков, чтобы он приволок брошенные нарты с рыбой... Бывало и похуже, наверное. Выжили ведь. И не оставили молитву: он по шестьсот земных поклонов ночью, она – по четыреста. Понятно, почему такое странное послабление: то родить ей вот-вот, то кормить. Двое детей в Сибири, конечно, умерли...

Настоящий сердечный бунт случился с протопопом лишь однажды: бунт человека, не стерпевшего крайности, бунт, граничивший с падением даже с от-

падением - и вновь проросший покаянием - и чудом, как обычно. Впрочем, бесконечные чудеса в «Житии» уже как бы и не чудеса вовсе – а просто ощущение постоянного и неотступного Божьего присутствия.

Решил Пашков отправить своего сына Еремея в Монгольское царство с войском и не додумался сделать ничего другого, как привести шамана, чтобы гадать – успешным ли будет поход. Шаман устроил кровавую вакханалию с жертвоприношениями, но пообещал, что войско вернется с победой и богатыми трофеями. Все это на глазах Аввакума. И действительно – доколе же терпеть! И вот возносится к небу молитва: *«Послушай мене, Боже! Послушай меня, Царю Небесный, свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни один из них, и гроб им там устроиши всем, приложи им зла, Господи, приложи, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!»* Это и читать страшно, а уж произнести... Произнес ведь - говорило горячее и страстное сердце, не желавшее видеть поругания веры и минутно готовое жертвовать ради этого людьми.

Войскоотъезжалоночью-итутпротопопу стало не по себе, особенно когда некоторые стали подходить и дружески прощаться с ним, и ему приходилось вслух прорекать каждому смерть. Кроме того, *«лошади под ними взоржали, вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы что собаки завыли; ужас на всех напал»*. Дело осложнилось тем, что Аввакум был дружен и даже любил Еремея, сына Пашкова, которому по его молитвам предстояло погибнуть: тот имел характер помягче, не раз пытался увещевать отца, отговаривал его от издевательств над Аввакумом – за что сам терпел издержки отцовского медвежьего нрава: тот даже ухитрялся трижды в упор палить в родного сына из пищали, да пищаль трижды дала осечку... Потом Аввакум напишет: *«Ох, душе моей тогда горько и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии...»*

Из похода вернулся один Еремей, из-за которого Аввакум все это время «Владыке докучал, чтоб ево пощадил». Вернулся в тот момент, когда Аввакум успел приготовиться к страшной смерти: за ним пришли уже два палача, чтобы по приказу Пашкова, уверенного в том, что войско не вернулось по вине протопопа, тащить его на пытку огнем, и огонь уж был разведен – собственно, на казнь, потому что у Пашкова после той пытки не жили: исследователи считают, что при этом человеку заливали в горло расплавленное олово. Именно в ту секунду появился весь израненный Еремей, единственный уцелевший из целиком побитого войска – и увел палачей, умирил отца... Молитвы Аввакума подействовали так: *«По каменным горам в лесу, не ядше, блудил семь дней – одну съел белку, – и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу»*. То есть молитва о спасении Еремея воздействовала напрямую, и ангел, явившийся во сне скитающемуся в горах израненному человеку, принимает вид именно Аввакума – что, конечно, знак прощения последнего... Пашков после рассказа сына в очередной раз *«возвед очи свои на меня, - слово в слово, что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да Господь не выдаст!»*

Уж кажется – куда дальше еще... а все нет в протопопе последнего осуждения: *«Десять лет он меня мучил или я ево – не знаю; Бог разберет в день века»*. Конечно, мучился Пашков, это точно: такого праведника под боком мало кто столько лет выдержит...

Никогда и ни у одного человека не бывает в жизни так, чтобы Бог не посылал никакого облегчения в скорбях, не подавал поддержку – через обстоятельства или других людей. Протопопу Аввакуму было дано не то что утешение или ослаба – а постоянная, неизменная опора. Говоря о нем, невозможно обойти вниманием двух великих женщин, встреча с которыми во многом определила страдальческий

жизненный путь и мученическую кончину самого Аввакума. Настасья Марковна Петрова – Феодосья Прокофьевна Морозова. Жена – близкий друг. Каждая из них олицетворяла собой одно из двух крыл исповедничества: смирение и дерзновение. Но смирение, наверное, все-таки – правое крыло, поэтому при весьма противоречивом отношении к боярыне Морозовой, и бесстрастные исследователи, и воинствующие атеисты, и небрежные студенты-филологи – все, хоть раз соприкоснувшиеся с «Житием», склоняют голову перед образом незаметной протопопицы Марковны, разделившей с мужем его Голгофу. Да, ее, вроде бы, не били кнутом по спине и батогами по голове, как мужа, не вздергивали на дыбу, не ломали рук, как Морозовой. Зато бросили с детьми в подземную тюрьму на Мезени, когда уже навсегда разлучили с Аввакумом, сосланным пожизненно в земляную тюрьму в Пустозерск. Но это потом, а до того она тысячи верст прошла с ним, как сейчас говорят, по этапу. С ним и несколькими детьми, грудными и малолетними – по льдам, пустыням, лесам и озерам. Почти никогда – здоровая. Почти всегда – беременная. Редко евшая досыта, зато часто голодавшая до полного изнеможения. В любом – более или менее постоянном или совсем уж временном пристанище ухитрявшаяся поддерживать тепло очага – в доме и в душе – у изгнанника. Хоронившая детей на тех путях. Никто толком так и не посчитал точно – сколько же родилось у нее детей, сколько умерло, сколько выжило. Занятый гораздо более важными, по его меркам, мыслями, ее муж на такие мелочи, как пересчитывание «робят» и упоминание всех их имен не тратился. Довольно было, что кормили как-то и воспитывали в старой вере. Все ежедневные тяготы, о которых мы теперь и представления не имеем, и названия тем занятиям не знаем, лежали на ней в полной мере. Ее бы никто не осудил, если б она опального Аввакума бросила, а Никон сразу же дал бы развод – развел же

он староверок княгиню Урусову и боярыню Данилову с мужьями, перешедшими в новую веру... Любила? Оборванного, грязного, калеченого, вспыльчивого, невнимательного, быстрого на руку? Да что мы знаем теперь о любви, чтоб рассуждать! У подавляющего большинства современных нам женщин даже самые что ни на есть законные мужья – все равно узаконенные любовники, не более; с них и спрос, как с любовников, даже если отцытам, кормильцы и прочее... Мы просто не ведаем, что такое супружество, отказываемся понимать, что венец, который священник держит над головой каждого из брачующихся – венец, прежде всего, мученический, и именно как такой венец его предки и воспринимали. По дикости и невежеству, что ли, было у нее в год по ребенку – в условиях, когда смерть стояла не у дверей – у сенника, на котором рожала? Избежать зачатия детей и в те годы умели женщины не хуже нас, даже и не прибегая к «вытравливанию», прямому убийству, - а уж в Сибири-то, где и сейчас, при желании, можно отыскать толковых травниц, - тогда-то уж... Но не ходила к ним протопопица, а смиренно принимала Божью волю, чадородие воспринимая как благословение и религиозный долг, – не рассуждая, ни разу не возроптав.

Нет, все-таки возроптала один раз – в тех условиях, когда любая из нас и мужа прокляла бы, и детей, и самую жизнь свою. Когда пять недель ехали по голому льду на нартах – то есть, это «робяты» и «рухлишко» ехали, а протопоп с протопопицей шли пешком, «убивающиеся» о лед. Кругом – варварская страна, в любой момент ожидали нападения диких туземцев, отстать от лошадей было нельзя, а идти за ними по скользкому бесснежному льду не успевали. Она падала много раз – и вставала без слов. И однажды, споткнувшись об нее же, Настасью придавил кто-то из сопровождающих обоз. Встать не могли, оба без сил – барахтались – а лошади уходили вперед. Подобрался к ней муж, поднял кое-как и в первый

и последний раз услышал – не ропот даже, а жалобу. Этот краткий разговор их на диком льду вошел во все анналы, стал навеки хрестоматийным: *«Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самая до смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».*

Ей не исполнилось тогда и сорока. По нашим меркам - молодая женщина, у которой все впереди, - по тем называлась «старуха». Впрочем, при тех лишениях, что пришлось ей испытать... Внешнего ее образа история не сохранила. И не надо: прекрасней ее не было.

Имела и она свое маленькое чудо: черную курочку. Намоленная курочка во всех их суровых походах несла в день по два яичка для детей – и так целый год. Я до сих пор себе не уяснила - возможно ли такое по естеству птичьему. Или курица - не птица? Но и ее на нартах случайно *«удавили по грехам»*...

В Сибири Настасью Марковну любили и уважали - до того, что, когда она с мужем вместе скрывала в своей лодке беглого человека при выезде на Русь из ссылки, именно место под ее постелью, на которой она лежала, не тронули - а там-то как раз и скрывался несчастный беглец. Ей, дрожавшей, верно, как овечий хвост, свирепые казаки только и сказали: *«Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась»*, - вот и получилась у матушки некоторая конспирация. Хорошо, добром кончилось - не то не сносить бы головы...

«И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро», - подмечает Аввакум - не по поводу своей Марковны, правда, но, мнится мне, сей афоризм к ней напрямую относится.

Раба Божия Анастасия шла к вершинам Духа тихо и без всякой агитации: просто раз взялась за плуг - и больше не оглядывалась назад. Благодаря ее мужу, запечатлевшему эту сцену в «Житии», мы можем поднять голову и посмотреть туда, на вершину. И

увидеть там смиренную Марковну - другим человеком, своему Аввакуму под стать.

Случилось это, когда уже добрались они до первых русских городов.

После долгих мытарств, какая ни есть - а первая тихая гавань. Чуть-чуть откормились, передохнули на пути в Москву. Задержались на некоторое время. В Сибири особо не разбирались - старый ли, новый обряд, а здесь вновь увидел Аввакум «греческую ересь». Он же был человек - семейный, с женой, заслужившей хоть толику покоя. С детьми, которых все же следовало уберечь. Что делать было? Проповедовать? Затаиться? Семья связала его. Ходил печальный - пока не бросилось это в глаза протопопице. Раскрыл ей душу: *«Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе; говорить мне или молчать? - связали вы меня!»* Другая - любая - взмолилась бы: дай хоть передышку! Ведь едва же от смерти бежали на время! Не меня - детей пощади! Но на вершинах Духа судят иначе: *«...Аз тя с детьми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинет! Поди, поди в церковь, Петрович, - обличай блудню еретическую!»*

Он упал жене в ноги - «бил челом» - и с тех пор никогда больше не сомневался.

Их разлучили - уже навсегда - всего года через три после этого разговора, когда Аввакума сослали в Пустозерск, а Настасью с детьми швырнули в подземную тюрьму по соседству; он прожил в заточении еще пятнадцать лет - но увидеться им на земле больше не пришлось.

Собственно, о боярыне Морозовой, втором его «крыле», мы все впервые узнали не из писаний протопопа Аввакума, а из картины Сурикова. Вот так и творится история. Художник, Аввакума, конечно, читал, сделал свои выводы и, по преданию, однажды загляделся на ворону на снегу. Чудная, кстати, птица - самая умная из всех

и очень целеустремленная. Это созерцание натолкнуло его на создание образа Феодосии Морозовой, увозимой в тюрьму. Сколько часов своей жизни просидела я в Третьяковской галерее напротив картины - и все думала: она? Что-то есть, кажется... Но нет - не она... Не она.

Федосья (в тайном постриге - Феодора) Морозова считалась, конечно, одним из сотнями исчислившихся духовных чад протопопа Аввакума, но по сути - его истинным другом, соратником и единомышленником.

Чтобы лучше понять ее подвиги, надо точно представить себе, кем она была: верховной боярыней, близкой ко двору, имела состояние около восьми тысяч душ, из которых триста только обслуживали ее дом. Она выезжала в карете с эскортом не менее ста человек - и могла не бояться ничьего гнева, потому что принадлежала сразу к двум могущественным боярским кланам: Морозовых - по мужу, урожденная же была Соковнина. Оставшись после мужа вдовой с одним ребенком - то есть, имея то единственное положение, которое делало в те времена женщину абсолютно свободной и неподконтрольной никому, она могла бы до глубокой старости наслаждаться безбедной и приятной во всех отношениях жизнью, если бы... Если бы не решила навсегда удержать старую веру и обычай. О том, как она жила на самом деле, мы знаем из двух источников: писем Аввакума к ней и из самого трогательного его произведения - своеобразного жития, написанного им после ее гибели: «О трех исповедницах слово плачевное».

То, что мы узнаём о ней, современному человеку часто непонятно вовсе, и он все так и порывается заклеить: «фанатичка». Потому что ведь ее-то никто не трогал до поры до времени: она могла жить в личном имении, невероятно роскошном дворце, обустроенном по западному образцу, править жизнь по собственному разумению и никогда ни от кого не слышать ни одного непочтительного слова. Но она пожелала

другого.

Видите ли, молодую вдову, здоровую и цельную женщину, вероятно, сильно бороли страсти. Но далеко не каждый мужчина, который мог ей понравиться, являлся ей ровней по положению - таких было еще поискать - следовательно, на новый брак не по расчету, а по любви ей не приходилось особенно рассчитывать. У нее, конечно, происходили сильные борения и метания в этом отношении и, вероятно, она пережила и переборола в себе какое-то очень сильное чувство к мужчине после смерти мужа. Чувство, которое браком закончиться не могло по определенным обстоятельствам - и о котором знал ее духовник Аввакум: *«Пресвятая Богородица заступила от дьявольского осквернения и не дала дьяволу осквернить душу бедную, но союз той злой расторгла и разлучила вас, окаянных (...) да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Матридия. (Матридия - христианская святая, выколовшая себе глаза, потому что их красота прельщала влюбленного в нее юношу. - Н.В.) Оно лутче со единым оком внити в живот, нежели две оце имущее ввержену быть в геену. Да не носи себе трехов тех, сделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла...»*

Имя ее возлюбленного в истории не сохранилось, исследователям вычислить его не удалось. Зато очень хорошо известно, как именно совершенствовала свой дух Феодосия. Правило, данное ей духовным отцом Аввакумом, у современных христиан вызывает только усмешку: ей вменялось, встав ночью, совершать триста поклонов и 700 молитв - это, разумеется, не считая утреннего и вечернего правила - а в случае, если бы когда ночное правило проспала, то в тот день вообще не должна была ни есть, ни пить. *«Не игрушка душа, чтоб плотским покоем ее подавлять!»* - наставляет Аввакум. Предлагаю всем «воцерковленным» ближайшей же ночью попробовать - и положить не триста

поклонов, а тридцать, встав среди ночи по будильнику. Кажется, тут и ладошку на свече жечь не потребуется...

Протопоп Аввакум был суров к ней, как, в общем, и ко всем своим чадам, и давал правила, кажущиеся нам теперь невысказанными. Но судить мы можем только по себе - то есть, по своей полнейшей немоги: те люди имели иную закалку. Судя по распространности аскетического делания в древней Руси, чем-то уж очень из ряда вон выдающимся это не считалось. Епитимьи были строгими и налагались буквально за все: например, если человек говорил на исповеди, что он ударил собаку, то к причастию не допускался, а ставился на три дня на поклоны. Древнерусские духовники добивались полного очищения душ своих чад перед Причастием - и преуспевали, по всей видимости... У того же Аввакума остались десятки писем к его духовным детям.

Вот только один пример - послание в московскую старообрядческую общину, где он разбирает сложные взаимоотношения своей паствы. Некая Елена Хруцова, уставщица московского Вознесенского монастыря едва не разлучила с мужем повторно венчавшуюся молодую вдову и чуть не «уморила» ее ребенка. Обратите внимание - «едва» и «чуть»! Все оказалось вполне обратимо. Епитимья, наложенная протопопом, указывает на общий высокий уровень благочестия народа - потому что выполнять ее могли только глубоко духовные люди: *«3 года не сообщайся с верными, 2 лета плачь с припадающими, в притворе стоя, 2 лета в церкви да пребудеши без причащения, свечи и просвиры да не приемлет священник во олтарь от руку твоею (...); чрез день, кроме субботы и недели сухо да яж, по тысяще на всяк день метаний твори перед Господем...»*

Стоит заметить, что никакого пастырского высокомерия Аввакум, преподнесший согрешившей такой, по его выражению, «пирожок», при этом не проявляет,

по-отечески утешая ее:

«С сестрами теми не сообщайся, понеже оне чисты и святы. А со мною водися, понеже я сам шелудив, не боюся твоей коросты, и своей у меня много (...) друг на друга не дивим: оба мы равны».

Письма Аввакума к Морозовой в те дни, когда она находилась еще во здравии и благополучии, тоже строги и взыскующи - но совсем не то, когда она оказалась под арестом: *«Свет моя, еще ли ты дышишь?! Друг мой сердечный, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?! Не вем и не слышу; не ведаю - жива, не ведаю - скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокофьевна! Провещай мне, старицу грешну, един глагол: жива ли ты?!»* - так он никогда не писал своей жене, вообще никому не писал так. Это - вопль в пустоту, наугад, вопль настоящего горя и невероятной боли за близкого человека. В тот момент Аввакум не знал еще, что она пошла уже по последним мукам: была заключена в Боровскую тюрьму.

«...Слово плачевное» он написал в начале 1676 года под непосредственным впечатлением от мученической кончины Феодосьи Морозовой, ее родной сестры Евдокии Урусовой и их подруги дворянки Марии Даниловой в земляной тюрьме в Боровске. Если Урусова и Данилова были просто его чадами, то тесная духовная дружба с Морозовой не вызывает сомнений: это никакое не житие трех мучениц, а личные воспоминания протопопа об его отношениях с Феодосьей Прокофьевной и, главное, о ее подвигах, мужестве и мучениях.

Он один на свете знал, что она носила власяницу, сплетенную из белой щетины - носила тайно, стремясь, чтобы никто не увидел. Он рассказал нам о том, что то правило, которое он сам же и дал ей, она исполняла не теплохладно, как послушание, - а слезы при этом струями лились из ее глаз. Она отказывала себе даже в исконном русском удовольствии - бане, и

«Ризы же ношаше в доми с заплатами и вшами исполнены». Я когда дошла до этого места... Читатель, вас когда-нибудь кусала **одна** вошь? Гигиена тут ни при чем: о микробах понятия не имели, так что баня топилась, в основном, для ублажения телес и, отказывая себе в бане, отказывали не в чистоте, как нам кажется, а, прежде всего, в удовольствии. Таким же, как в питии хмельного меда и прочем... Еслившей было много – то они кусали постоянно. Днем и ночью. Потому что к власянице, наверно, можно притерпеться. К постоянным укусам – никогда. Закаленная таким образом плоть уже полностью подчинялась духу...

Феодосья не сидела без дела - она беспрестанно то пряла, то шила - и тайком, чтобы не заслужить благодарности от людей, раздавала одежду и еду нищим, дома постоянно держала и лечила калек, создала и возглавила тайную старообрядческую общину. Это был деятельный, дерзновенный и бесстрашный человек, не только готовый к мученичеству, но и жаждущий его. Вот ее ответ царю Алексею Тишайшему на его уговоры перековаться: *«Почто отец твой, Михайло, веровал яко же и мы? Аще я достойна озлоблению, - извергни тело отцово из гроба и передай его, проклявшие, псом на снеть».* На Соборе она выступила еще яростней: *«Все вы еретики, власти, от перваго и до последняго! Разделите между собою глаголы моя!»*

Они с Аввакумом оказались друг друга достойны, будучи людьми одного духа – и разве не похоже на наши страстные русские разговоры – не духом, а внешностью – их ненасытное собеседничество: «Аз же, приехав, с ней две нощи сидел, несытно говорили, како постраждем за истину, и аще и смерть примем – друг друга не выдадим».

Смерть, они, конечно, приняли: она с подругами пораньше, он - попозже. Но перед тем - *«И быша все три на пытке пытаны, и руки ломаны. Мария же и по хрепту биена бысть немилостиво»...*

Милые православные дамы двадцать

первого века - в нарядных шляпках, кокетливых беретиках и модных шарфиках валом валящие каждое воскресенье к Чаше после общей исповеди - а ну, как нас по хребтине кнутом?! Да еще - немилостиво...

Они как-то ухитрились прислать из тюрьмы железные поручи и ошейники, в которые были закованы. *«Аз же, яко дар освящен, восприях и облобызав, кадилом кадя, яко драго сокровище, кропя слезами горькими...»*

Всех троих заморили голодом в Боровской тюрьме; Феодосья (схимница Феодора, не забудем это) - она умерла последняя. Их держали в одной клетке, трупы ее сестры и подруги никто не убрал, пока она и сама над ними не скончалась через два месяца после смерти последней. Только тогда, никому не выдав тел для погребения, их закопали в рогоже, прямо в полу... Православные замучили православных ради Православия - это, как ни посмотри, одна из самых позорных страниц в нашей Истории. *«Ужаснися, небо, и да подвижатся основания земли!»* - так воспринял их смерть Аввакум...

Их были тысячи - шедших на смерть добровольно. Их калечили, причиняли им невыносимые мучения, моральные и физические - а они стояли в вере не менее твердо, чем первомученики. Но те терпели от язычников. А эти... Ни никониане, ни староверы, как показало время, не оказались в глазах Божьих еретиками. Церкви предстоял и другой Раскол, в двадцатом веке, - результат Кочующего Собора, когда откололась значительная часть епископата и образовалась новая Церковь, поныне называющая себя Истинно Православной. Наша признала и эту - и получила себе еще одну неснимаемую анафему. Господь разберет *«в день века»*, как предрек Аввакум.

Они противостояли с праведной яростью - а иногда и с неправедной, как,

например, протопоп Муромский Логин. Когда его расстригали в присутствии Царя и *«остригше, содрали с него однарятку и кафтан, Логин разжегся ревностию Божественного Огня и через порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубаишку, в олтарь в глаза Никону бросил...»* - это все, заметьте, во время Литургии. Переходили в запале некоторые какую-то черту, конечно. Сам Аввакум на Соборе, где расстригали его, в знак протеста лег на пол спиной к архиереям и так лежал...

Соратников Аввакума, священника Лазаря, старца-схимника Епифания и дьякона Федора (с этим своим «соузником» Аввакум впоследствии идейно разоидется), таких же апостолов Старообрядчества, как он, известных меньше, потому что не сподобились написать собственные «Жития», «казнили» в Пустозерье – в том смысле, что не предали смерти, а вырезали всем языки – под корень, до гладкости, исправляя несовершенство московских заплечных дел мастеров, по первому разу что-то недорезавших - и отрубили правые кисти – кому по запястье, кому поперек ладони. Аввакума от «казни» такой отпросила царица – и то, промыслительно, наверное: без руки-то – чем бы он писал? Например, мы бы никогда не узнали правду, свидетельствованную им про языки его друзей. Далее – о языках – без моих комментариев, потому что тут-то слов у меня нет. У Лазаря: *«Егда исполнилися два года, (...) в три дни у него язык вырос совершенный, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступников порицая»*. У Федора: *«... после опять (...) вырос и за губы выходит, притуп маленько»*. Епифаний: *«Посем молил Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех пор стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретется во рте»*. Это они все в прелесть впали или дружно

застрадали галлюцинациями - слуховыми, зрительным и осязательными? Мой собственный язык здесь немеет. Но не могу не вспомнить Иоанна Дамаскина – у которого, по его молитвам к Богородице, не язык прирос – а рука, отсеченная по приказу императора-иконоборца Льва и повешенная «на торжище». Он дорисовал тогда третью руку к образу Пречистой – и так мы получили знаменитую и очень почитаемую в России «Троеручицу»...

«От света земного заперли, да свет небесный замкнуть не догадались»...

В Пустозерске провел протопоп Аввакум целых пятнадцать лет, из них двенадцать – в строжайшем заточении в земляном срубе, где оставили только одно маленькое окошко для подачи пищи и вынимания нечистот, причем воды на полу было *«по колени»*. Грязь казалась невероятной даже для того небрежливости времени – настолько, что *«в грязи той сидя»*, нельзя было носить никакую одежду – узники сидели обнаженные, каждый в своем срубе, имея на себе только *«крест с гойтаном»*... Тем не менее, в окошечко передавались, верно, все же, принадлежности для письма – потому что практически все наследие Аввакума написано именно тогда и в таких условиях. Интересно, какой еще писатель мог бы создать при всем этом три объемные книги? Он же написал «Житие», «Книгу бесед» и «Книгу толкований», да это если не считать относительно небольшое «О трех исповедницах слово плачевное», и бесчисленных писем и челобитных, причем, каждый из этих документов уникален, с какой стороны ни взгляни... Из чего должен был быть сделан такой человек, откуда прийти на землю – куда уйти?

В апреле 1682 года по указу Царя Феодора Алексеевича все четыре узника Пустозерска были казнены по-настоящему – через сожжение. Достал-таки Аввакум власти, долго терпели – не вынесли...

Как и никому из нас, о последних своих минутах Аввакуму написать не пришлось - за него это сделал Максимилиан Волошин

как раз в том году - восемнадцатом, - когда круг замкнулся: запылали уже все церкви без разбору, и, как и первым христианам, новомученикам Российским стало недосуг разбираться в тонкостях обрядности... Поэма Волошина «Протопоп Аввакум» (одноименная есть даже у классического «западника» Д. Мережковского), от второй части до предпоследней строфы являясь стихотворным переложением «Жития», в последних двух показывает чудеса прозрения:

*А вывели казнить –
Смотрю, дивлюсь:
Черно и пепельно, сине, красно и бело,
И красоты той
ум человеческий вместить не может!
Построен сруб - соломою накладен:
Корабль мой огненный -
На родину мне ехать.
Как стал ногой -
Почуял: вот отчалою!
И ждать не стал:
Сам подпалил свечой.*

*Ноябрь-декабрь 2011,
Санкт-Петербург*

Иван ИЛЬИН

Смутное время в России XVII века

*9-го января 2012 года
Президент России
Д.Медведев подписал указ,
объявивший 2012 год
«Годом Русской Истории».*

Как отмечается в этом указе, в 2012 году мы празднуем несколько весьма важных юбилеев. 1150 лет начала Российской Государственности. 200 лет Победы над Наполеоном. 150 лет со дня рождения Столыпина, 400 лет изгнания поляков и Семибоярщины из Кремля, 300 лет Петербургу как столице России, 770 лет Ледовому побоищу, 340 лет со дня рождения Петра Великого, 460 лет взятия Казани и др.

Чтобы любить Отечество и быть патриотом надо знать не только юбилейные даты, но вообще ключевые моменты истории своей Родины: призвание на княжение князя Рюрика, поход Вещего Олега на Киев и на Царьград, Крещение Руси князем Владимиром, Русская Правда Ярослава Мудрого, деятельность Владимира Мономаха, конец Киевской Руси и начало Руси Владимиро-Суздальской при князе Андрее Боголюбском, начало татаро-монгольского ига и политику Александра Невского, причины и следствия Куликовской битвы, конец татаро-монгольского ига, Россию времени Ивана Грозного, Смутное время XVII века, Великий Раскол при патриархе Никоне, Реформы Петра Великого, время Екатерины II и т.д.

Но, кто из наших современников может внятно рассказать об истории Отечества? К сожалению, в школе историю преподают так, что даже взрослый и образованный человек, читая учебник, ничего не понимает, или понимает, но совсем не так и не то. Мы помним имена Великих предков только как символы, как заук, но не можем сказать, чем отличалась политика Ярослава Мудрого от

политики Владимира Мономаха и кто из них жил раньше другого.

Ещё в 2009 году Д. Медведев напомнил, что история ничему не учит, а только сурово наказывает за незнание своих уроков. «Поэтому очень важно не просто интересоваться историей – её надо знать, - заявил президент России - мы должны сохранить историческую память.»

Как писал ещё 2,5 тысячи лет назад великий китайский мудрец Конфуций: «Не дай мне Бог жить в эпоху перемен», а Святая Русь из века в век жила и продолжает жить в эпохи своих Великих перемен.

Поэтому указ президента Медведева об историческом просвещении российского народа очень правильный, хотя и очень запоздалый.

А Русское Географическое общество одна из самых главных организаций, которая должна проводить в жизнь указ президента про то, что 2012 год должен стать годом Русской истории.

Смутное время на Руси в начале XVII века длилось 15 лет, с 1598 года по 1613.

Во многом смута была следствием царствования Ивана Грозного и его Оппричины. Началась Смута после смерти последнего царя из рода Рюриковичей Фёдора Иоанновича и воцарения Бориса Годунова.

Для лучшего понимания личности царя Бориса приведу один пример, который я прочитал у историка Карамзина. 15 ноября 1581 года сын Грозного, 27-летний царевич Иван Иванович, требовал от отца войско, чтобы идти на помощь к Пскову, осаждённому войсками польского короля Стефана Батория. Осерчавший на самовольную

инициативу Иван Грозный стал избивать сына посохом с железным «остием». Присутствовавший Годунов стал заслонять своим телом царевича Ивана, и был сильно изранен. Годунов долго лечился в доме у Строгановых. А царевич Иван Иванович тоже был серьезно ранен и через несколько дней умер. Это событие изобразил на своей картине художник Илья Ефимович Репин

ВОПРОС: Мог ли Годунов, рисковавший своей жизнью, защищая царевича Ивана, покуситься на жизнь царевича Дмитрия?

Конечно же нет! Не мог Годунов защищать одного сына, рискуя своей жизнью, и коварно убить другого!

В 1581 году умер царь Иван IV Васильевич Грозный.

Царём стал Фёдор Иоаннович и правил Русью совместно со своим шурином Борисом Годуновым в течение 14-ти лет.

Алексей Толстой, к сожалению, талантливый писатель, написал драму «Царь Фёдор Иоаннович». А, к сожалению, тоже талантливый режиссёр, Станиславский поставил эту драму в театре. И вот мы судим о сыне Ивана Грозного Феодоре Иоанновиче не по истории, а по художественному произведению. В предисловии к этой драме Алексей Толстой написал, что он, как поэт, имеет право на собственное толкование истории. Если это толкование совпадает с историей, то хорошо. А, если его мнение *не совпадает* с историей, то тем хуже для истории.

Многие историки пишут о личности царя Феодора Иоанновича как о человеке со слабым здоровьем, безвольном и богомольном.

Может быть, царь Фёдор и был слаб здоровьем, как это изобразил Алексей Толстой, но он осуществлял власть законодательную, а власть исполнительная была у его шурина очень энергичного боярина Бориса Годунова. А, якобы, слабоумие Феодора Иоанновича, заключалось в том, что он очень любил свою жену Ирину и, несмотря на то, что у них не было детей мужского пола, никак не соглашался на домогательства бояр отослать Ирину в монастырь и

взять себе в жёны другую женщину для рождения наследника.

Очевидно, что истина лежит где-то посередине. Московские бояре, после смерти Ивана Грозного стремились вернуть себе власть, потерянную во времена опричнины. Именно поэтому они стремились всеми способами принизить власть царя Феодора Иоанновича и создали при нём попечительский совет, составленный из знатных бояр, Годунова, Шуйского, Романова, Мстиславского, у молодого царя не было реальной власти сразу пресечь эти боярские претензии. А некоторые авторы того времени, в угоду знатным боярам старались исказить в худшую сторону образ царя Фёдора Иоанновича.

От Ивана Грозного царю Феодору Иоанновичу и его шурина боярину Борису Годунову досталась страна, разорённая опричниной, Ливонской войной и обезглавленная физическим уничтожением пассионариев. За 14 лет совместного служения на благо России они сумели сделать очень многое:

1585 год. Начато строительство Архангельска.

1586 год. Дипломатическими стараниями Феодора Иоанновича принята присяга на подданство России от Александра, царя Грузии.

1586 год. Начато строительство Белого города в Москве.

1586 год. Мастером Чоховым отлита Царьпушка.

1587 год. Заключён торговый договор с Англией.

1587 год. Новопостроенный город Тобольск стал Столицей Сибири. Ермак завоевал Сибирь, а всё управление этой огромной территорией обустроил царь Фёдор Иоаннович.

1588 год. Построен порт Архангельск, единственный морской порт, связывающий Россию с Европой.

1589 год. В России учреждено самостоятельное Патриаршество.

1590 год. Царь Фёдор зимой лично вошёл конную рать на шведов и отбил у них Иван-город, Ямбург и Копорье и Корелу, потерянные при Иване Грозном в ходе Ливонской войны.

1591 год. Окончено дело об убийстве царевича Дмитрия. Одержана победа над

крымским ханом Казы-Гиреем. Заложен Донской монастырь.

1593 год. Отменён «Юрьев день».

Построена церковь Фёдора Стратилата в Тихвине.

1594 год. Заключён договор о дружбе с шахом Аббасом царём персидским.

1595 год. Посланы полки на войну в Дагестане.

1596 год. Строительство самой мощной русской каменной крепости в городе Смоленске для защиты от польской интервенции.

Вот даже только эти, перечисленные мной государственные дела, достойны того, чтобы мы должным образом уважали царя Феодора Иоанновича, как государственного деятеля и патриота России.

Одним из доказательств сильного мужского характера царя Феодора Иоанновича служат достоверные сведения, о том, что он любил, по большим церковным праздникам, звонить в колокола на колокольнях Кремлёвских соборов. По собственному опыту знаю, как это зимой отзвонить, на продуваемой ветром колокольне, Рождественский звон. Это индивидуальная мужская работа, требующая большой физической силы, азарта и исполнительского куража.

Наверное, правда то, что к концу своего 14-летнего правления, царь Феодор Иоаннович стал терять здоровье, и власть постепенно всё больше переходила к брату его жены боярину Борису Годунову. Но разногласий между ними не было.

Началом Смутного Времени считается 1598 год, когда умер сын Ивана Грозного царь Феодор Иоаннович и пресеклась династия князей Рюриковичей, идущая от Ивана Калиты, правившая на Руси 636 лет, а на царство был коронован первый **избранный** царь, боярин Борис Фёдорович Годунов.

Царь Борис Годунов

Начало царствования Годунова было осложнено неурожайными годами и голодом. Народ не безмолвствовал, как написал в конце своей трагедии о Борисе Годунове Александр Пушкин - народ роптал. Попыт-

ка Годунова взять хлеб у богатых монастырей и бояр привела к тому, что они тоже стали роптать. Годунову припоминали то, что он при Иване Грозном был в опричниках и то, что он зять палача Малюты Скуратова. «Зять палача и сам в душе палач». Неурожайные годы привели к голоду. А голод привёл к многочисленным крестьянским бунтам и восстаниям.

В 1604 году в Польше объявился самозванец Лжедмитрий I. Григорий Отрепьев (в миру Юрий или Юшка) родился в 1582 году в Москве в семье стрелецкого сотника. Рано осиротел. Когда его отца зарезали в пьяной драке, пошёл служить к боярину Фёдору Никитичу Романову (Будущему Патриарху и отцу первого царя Михаила Романова), а затем к князю Черкасскому. В 1600 году Романовы составили заговор против Годунова. Заговор был раскрыт и Фёдор Романов был насильно пострижен в монахи с именем Филарет (впоследствии он стал Патриархом Всея Руси). Отрепьеву как участнику заговора грозили пытка и виселица. Спасаясь, он бежал из Москвы и постригся в монахи какого-то дальнего монастыря под именем Григорий. Когда страсти успокоились, Гришка вернулся в Москву в Чудов монастырь и его приблизил к себе патриарх Всея Руси Иов. В 1602 году дьякон Григорий вместе с монахами Варлаамом и Мисаилом через Литву бежал в Польшу.

Вышеприведённые сведения из биографии Лжедмитрия говорят о том, что он был осведомлен о многих дворцовых интригах Москвы и мог их использовать в своих авантюрных интересах.

В это время Европу лихорадила контрреформация. Римский католицизм пытался восстановить свои позиции, подорванные учением Лютера.

Швеция стала исповедовать протестантизм, а её король, ярый католик Сигизмунд III был изгнан из страны.

Католическая Польша в пику шведам, избрала бывшего шведского короля Сигизмунда III своим королём Польши. Россия, находящаяся между Швецией и Польшей стала полем битвы между этими странами. Нужна была уважительная при-

чина, чтобы начать войну, и этой причиной стал самозванец Гришка Отрепьев, выдававший себя за спасшегося в Угличе царевича Дмитрия (1553г). Некоторое время Лжедмитрий жил в имении польского магната и известного авантюриста Адама Вышневецкого. По свидетельствам допрошенного позднее монаха Варлаама, Вышневецкий учил Лжедмитрия и по-латыни, и по-польски, и дворцовому этикету. Вишневецкий находился в дальнем родстве с Иваном Грозным (троюродный брат). Признание Вишневецкого имело для самозванца решающее значение. От Вишневецкого Гришка перешёл к пану Юрию Мнишкеку, в доме которого тайно принял католичество и подписал договор, обязуясь привести в католичество всё Московское государство. Ему удалось нанять армию из двух тысяч авантюристов, и он начал поход на Москву.

По мере продвижения к Москве, армия Лжедмитрия росла, как снежный ком. Народ был недоволен правлением Бориса Годунова и многие города сдавались самозванцу без боя. Правительственные войска переходили на его сторону. Особенно много в армии Лжедмитрия было казаков.

13 апреля 1605 года умер царь Борис Годунов, а Царём на Москве стал сын Годунова Фёдор Борисович.

А уже через полтора месяца, то есть 1 июня в Москве произошло восстание против сына Годунова царя Федора и патриарха Иова. Фёдор был взят под стражу, а патриарх лишён сана. Самозванец Гришка Отрепьев велел умертвить Фёдора и его мать, после чего Боярская Дума открыла перед Лжедмитрием и поляками ворота в Москву и в Кремль.

Печальна судьба дочери Годунова Ксении. Отец, стараясь найти ей жениха из царственного рода, в 1599 году вызвал изгнанного из Швеции сына короля Эриха XIV Густава, которого мечтал сделать вассальным королём Ливонии. Принц не захотел отказаться от протектантства, был отвергнут и умер в данном ему Угличе. Осенью 1602 года приехал в Москву новый жених Ксении, принц датский Иоганн, брат короля Христиана. Но и этот принц

скоро умер (28 октября), опечалив Бориса Годунова и Ксению. Борис искал жениха для дочери в Англии и в Австрии, вёл переговоры в Шлезвиге, выписывал портрет царевича Хозроя из Грузии. Смерть Годунова прекратила брачные планы Ксении, которой, вместе с матерью и братом присягнула Русь. Она пережила низложение брата с престола, а затем насильственную смерть его и матери 10 июня. Попав в руки Самозванца была им обещана, а по прибытии Марины Мнишек «царь Дмитрий» удалил Ксению в Белозерский монастырь.

Царь Василий Шуйский вызвал Ксению в Москву для участия в перенесении останков её родителей и брата в Троицкую Лавру, где она пережила ужасы польской осады, а потом переехала в Новодевичий монастырь, разграбленный казаками атамана Заруцкого, и там тоже Ксения подверглась очередным унижениям.

Как уже было сказано, московские бояре открыли ворота в Москву Самозванцу Гришке Отрепьеву, впустили его в Кремль, вместе с поляками, и присягнули как царю Дмитрию Ивановичу, сыну Ивана Грозного.

Утвердившись в Кремле, Лжедмитрий взял себе в наложницы дочь Годунова Ирину, но когда в Москву приехала с отцом Марина Мнишек, Ирину сослали в монастырь.

Поляки бесчинствовали в Москве, а «добрый царь Дмитрий» раздавал государственную казну полякам и своим приближённым боярам.

На богослужении в Успенском соборе прихожане стали свидетелями того, что Марина Мнишек, прикладываясь к Владимирской иконе, поцеловала Богородицу в губы, чем поставила себя с ней на один уровень. Этот грубый поступок Марины Мнишек стал известен и возмутил всех православных людей.

Низвергнув Годунова, Отрепьев сыграл свою роль в истории и стал ненужным русскому боярству.

17 мая 1606 года бояре Шуйские и Голицыны, при поддержке двухсот дворян, произвели дворцовый переворот.

Самозванец был убит и сожжён. Его пеплом была заряжена Царь-пушка, и её един-

ственный в истории выстрел был произведён в сторону Польши.

Без избрания Земским Собором, а просто криком, как на древнем вече, на царство был посажен боярами Василий Шуйский. А патриархом стал Филарет. В 1600 году боярин Фёдор Никитич Романов, обвинённый в заговоре против Годунова, был насильно пострижен в монахи и находился в заточении. Василий Шуйский, опасаясь авторитета и популярности Патриарха Филарета, постарался удалить его из Москвы и послал в Углич за мощами царевича Дмитрия. Вскоре после отъезда Филарета в Москве появились подмётные письма о том, что царь Дмитрий спасся, и опять, с помощью поляков, собирает войско, чтобы отвоевать своё царство.

Но новый самозванец был ещё где-то в Польше, а под стены Москвы подступила грозная сила бунтовщиков под руководством Степана Болотникова. Армия Болотникова состояла из крестьян южных губерний, казаков и бедных дворян. Сам Болотников был талантливым военным и дипломатом. Он сумел за два месяца взять Москву в осаду и посылал подмётные письма, предлагавшие убивать богатых бояр и купцов, а их имущество грабить. С большими потерями боярской армии Шуйского удалось отогнать Болотникова от Москвы и осадить его в Туле.

И в это трудное время (лето 1606 года) пришло известие о том, что под Москвой появился новый самозванец Лжедмитрий II. Со Степаном Болотниковым бояре срочно замирились, обещая амнистию (обманули, конечно). Боярское войско ушло от Тулы спасать Москву от нового самозванца. Бояре к Москве успели, и армия Лжедмитрия II в Москву войти не сумела, а расположилась в Тушине.

Новым самозванцем, известным под именем «Тушинского вора» на самом деле был школьный учитель, местечковый еврей из Шклова. Он нужен был полякам для оправдания захвата русских земель под видом помощи законному царю. Значительную помощь «Тушинскому вору» оказали Болотников и казачий атаман Заруцкий.

В России нового самозванца поддержали

восставшие против Шуйского города Путивль, Чернигов, Новгород Северский. В Москву Самозванцу войти не удалось, и его войска стали лагерем в Тушино. При самозванце образовалась боярская Дума. Патриархом и фактическим главой правительства стал Филарет, захваченный тушинцами и привезённый туда насильно. Появилась у нового царя и «законная» жена Марина Мнишек, признавшая в нём своего мужа царя Дмитрия.

Царь Василий Шуйский для борьбы с самозванцем обратился за помощью к шведам и послал на переговоры в Выборг своего брата Скопина Шуйского.

За обещание отдать им город Карелу, устье Невы и всю местность, называвшуюся со времени Ярослава Мудрого Ингерманландией, шведы прислали 5 тысяч войска во главе с очень талантливым полководцем Якобом Понтусом Делагарди. Вместо помощи против поляков шведы стали захватывать русские города Изборск, Гдов, Ямбург, Ладогу (Старую), Тихвин. Корела (Нынче Приозерск) сдалась после 11 месячной осады. В Кореле было 2000 жителей и 500 человек войска. Комендантом Корелы был Иван Пушкин, предок нашего поэта. Несмотря на то, что у шведов был приказ от Шуйского сдать им Корелу, Иван Пушкин и все жители город врагам не сдали, а сели в осаду. Только весной, когда кончились продукты и почти все защитники крепости были убиты, город сдался на условиях почётной капитуляции. Открыли ворота крепости, и от бывших 2500 защитников из города вышло последних 100 человек. Они вышли в парадной одежде с оружием и с развёрнутыми знамёнами. На телегах везли раненых. Так, с развёрнутыми знамёнами и ушли в Россию.

Не сдался шведам только осаждённый ими Псков. Новгород был под шведской оккупацией семь лет. Польские войска пана Сапеги и Лисовского 16 месяцев безуспешно осаждали Троицко-Сергиев монастырь.

17 июля 1609 года Василий Шуйский был низложен боярами и насильно пострижен в монахи. Впоследствии он был увезён в Польшу и там умер в заточении.

Власть в Москве перешла в руки «Семибоярщины»: Мстиславский, Голицын, Иван

Романов, Юрий Трубецкой и пр. Семибоярщина приняла ультиматум гетмана Жолковского признать русским царём Владислава, сына Сигизмунда III и послала к королю послами Василия Голицина и патриарха Филарета. А польский король Сигизмунд III в это время осаждал Смоленск, куда и приехали русские послы.

Опасаясь «Тушинского вора», Семибоярщина впустила в Москву и в Кремль польскую армию.

Лжедмитрий II жил в Калуге с Мариной Мнишек в окружении своих приверженцев и ждал развязки трёхстороннего противостояния русских, поляков и шведов. 11 декабря 1610 года он поехал на прогулку в санях за город в сопровождении двадцати человек охраны. Когда выехали из Калуги, начальник охраны Пётр Урусов выстрелил в самозванца, а потом отрубил ему голову.

Но в Калуге после гибели Самозванца не признали власти Семибоярщины, и не захотели присягать сыну польского короля Владиславу. В Рязани ополчение против предательства Москвы собирал Прокопий Ляпунов. Против Семибоярщины выступили Муром, Нижний Новгород, Ярославль, Владимир.

В Нижнем Новгороде ополчение возглавил купец Козьма Минич Сухорук и пригласил в воеводы князя Дмитрия Пожарского.

При сборе денег на воинство для похода на освобождение Москвы от поляков, богатые нижегородцы стали хитрить и говорить, что деньги «в деле». На общегородском сходе Козьма Минич сказал: «Ну, если нет денег на дело спасения Руси, то заложим наших жён и детушек». Были взяты в заложники жёны и дети богатых горожан и выставлены в торги на продажу в холопы. Купцы вынуждены были за большие деньги выкупать своих чадушек и благоверных.

Когда Нижегородское ополчение подошло к Ярославлю, то к нему присоединились ополченцы из Казани и принесли с собой список Казанской иконы Божией Матери - путеводительницы Одигитрии.

Князь Пожарский повёл ополчение на Москву со святой Казанской иконой, явленной в Казани и привезённой в Ярославль.

Осаждённые в Кремле поляки и члены

Семибоярщины упорно сопротивлялись, несмотря на страшный голод, доходивший до людоедства. 22 октября 1612 года началась штурм Кремля, а 26 октября (4-го ноября по новому стилю) Кремль был взят и поляки изгнаны, вместе с изменщиками русскими боярами.

Этот день освобождения от врагов Московского Кремля стал переломным моментом Смутного времени. Теперь этот день - наш Общероссийский Государственный праздник. Началось возрождение Святой Руси от Смуты.

Между тем весь северо-запад был захвачен шведами. Только Псков не сдавался врагам. Стараясь привлечь на свою сторону русское население, шведы ставили на захваченной территории русскую администрацию. Во главе Новгорода оставались князь Иван Никитич Одоевский и митрополит Исидор. Великий Новгород семь лет был под шведской оккупацией. Уходя из Новгорода шведы вывезли не только все материальные ценности, но они вывезли в Швецию весь новгородский архив, который не пострадал во время татаро-монгольского ига. И сейчас ещё не все русско-шведские документы можно посмотреть по интернету. Кое-что шведы засекачивают.

А в Тихвине шведы, под своим контролем, поставили в управление воеводу Андрея Григорьевича Трусова и игумена отца Онуфрия.

После изгнания поляков из Москвы, многие ополченцы вернулись в свои города. Власти не было. Армии не было. Царя не было. Была польская армия на юге и шведская армия на севере. Многие московские бояре уже присягнули Польскому королевичу Владиславу, а новгородские шведскому королевичу Карлу Филиппу. Бояре всячески тормозили избрание Земским Собором русского царя. Единственной реальной военной силой оказались вольные казаки жившие укладом донских станиц. Долго воевавшие то за Гришку Отрепьева, то за «Тушинского вора» они верили, что воюют за законного православного царя. Казакам некуда было уходить и нечем кормиться. Единственной их надеждой было избрание русского православного царя, который даст им службу и

жалование. Под жёстким нажимом казачьих атаманов Земский собор вынужден был избрать на царство шестнадцатилетнего сына патриарха Филарета Михаила Фёдоровича Романова. А князь Пожарский, законный Юрикович, любимец армии и народа в списке претендентов на царство был на самом последнем месте. Бояре считали, что по малолетству отрок из дальнего монастыря Михаил, им «во всём поваден будет». Прочислялись! Из польского плена, по совету своей матери инокини Марфы, молодой царь Михаил выкупил своего отца Патриарха Филарета. Это был многоопытный умный политик и патриот Святой Руси. Он фактически, вместе с сыном, стал управлять и православной церковью и страной.

Неорганизованную казачью вольницу решено было направить на помощь осаждённому шведами Пскову. Возглавил поход князь Семён Васильевич Прозоровский, а в помощниках у него был молодой Леонтий Андреевич Вельяминов. Постепенно, наводя в войске порядок и дисциплину, Прозоровский двигался к Пскову, но Якоб Делагарди, перекрыл дороги на Псков, и пришлось обходить эти заставы с севера.

В захваченном шведами Тихвине воевода Андрей Трусов вместе с игуменом Онуфрием задумали восстать против шведов и сдать Тихвин Прозоровскому. Воевода Андрей Трусов находился в дальнем родстве и в дружбе с князем Прозоровским. Пересылаясь гонцами, тихвинцы и казаки всё подготовили, и в День Святого Духа 25 мая 1613 года Тихвин был освобождён от шведов.

Была освобождена и великая Святыня – Тихвинская икона Божией Матери. Взятие Тихвина было первой победой нового царя и послужило стимулом для противостояния шведской оккупации всего северо-запада. (Кстати первой победой советских войск в Великой Отечественной войне тоже было взятие Тихвина, обеспечившее организацию «Дороги Жизни»).

В 1617 году был заключён тяжелый для России Столбовский мирный договор со Швецией. Русские послы, жили в Тихвине, а шведы в Ладоге (Старой). Переговоры велись в деревне Столбово.

Послами Михаила были Данила Мезецкий и Алексей Зюзин. Поскольку у молодого русского царя своих денег совсем не было, то финансовым гарантом договора выступил английский купец Джон Меррик. Он поверил молодому царю Михаилу Фёдоровичу и рискнул своими капиталами.

Посылая на переговоры Мезецкого и Зюзина, царь Михаил особо оговаривал то, что у России сейчас нет воинской силы, чтобы отстоять исконные земли наших праотцов. России нужен мир. Мир, почти любой ценой. России был возвращён Великий Новгород, но пришлось временно уступить шведам всю Ингерманландию, то есть Карельский перешеек и всю территорию нынешней Ленинградской области. Соглашаясь на эти условия царь Михаил Фёдорович, просил своих послов особо оговорить, что подписывает договор только за себя и за своё время. Что решат его дети и внуки, то это уже их дело, как вернуть России исконные праотческие земли.

А в 1618 году Россия подписала договор с Речью Посполитой. К Польше отошли вся Смоленщина и Черниговщина.

Эти договоры были исключительно тяжёлыми и невыгодными для Руси, но сил для защиты от врагов не было, и нужна была передышка.

А при следующем царе из рода Романовых, при Алексее Михайловиче Тишайшем, Россию ждало новое потрясение – Великий церковный раскол под руководством Патриарха Никона.

А Россия ждала императора Петра Великого, возродившего военную, политическую и государственную славу нашей Родины.

Галина КОВАЛЬСКАЯ

Возвращается все на круги своя

*К 100-летию со дня открытия арт-кафе
«Подвал Бродячей Собаки»*

Есть в Петербурге место, которое не оставит равнодушным ни одного творческого человека, будь то поэт, писатель, актёр, музыкант или другие представители творческой интеллигенции. Это знаменитое кафе «Подвал бродячей собаки», овеянное легендами и мифами. Когда спускаешься по его ступеням, охватывает благоговейный трепет, как будто и не было ста лет, которые пронесли с того дня, когда впервые открылись его двери.

Так и кажется, что вот-вот появится «затянутая в чёрный шёлк, с крупным овалом камеи у пояса Анна Ахматова, задерживаясь у входа, чтобы по настоянию кидавшегося ей навстречу Пронина, вписать в «Свиную книгу» свои последние стихи... В длинном сюртуке и чёрном регате, не оставлявший без внимания ни одной красивой женщины, отступает, пятясь между столиками, Гумилёв...» (из воспоминаний Бенедикта Лившица). Вот слышен баритон В. Маяковского, а в углу вальяжно откинулся в кресле граф А. Толстой.

А замысел создания «Бродячей собаки» принадлежал Борису Пронину, режиссёру, помощнику В. Мейерхольда. Во время гастролей Московского Художественного театра артистам негде было скоротать свободное время между репетициями и спектаклями, и, по словам Пронина, им приходилось вести бродячую «собачью жизнь». В 1908 году Б. Пронин и В. Мейерхольд переезжают в Петербург и

учреждают Общество интимного театра «Бродячаясобака». Был решено разместить его в подвале дома Жако, расположенном на углу Итальянской улицы и Михайловской площади. Место удобное - центр города, рядом театры - Михайловский оперный и Александринский драматический. Назвали его «Подвал Бродячей Собаки».

Этот дом был построен в 1831 году архитектором Павлом Жако, впоследствии в подвале находился винный погреб владельца дома П.В. Дашкова.

К оформлению интерьеров будущего «Подвала» были привлечены художники С.Судейкин, муж известной артистки О.Глебовой-Судейкиной, и Н. Кульбин. Они расписали сводчатый потолок и стены огромными диковинными цветами, разноцветными птицами, Пьеро, Коломбинами и Арлекинами, превратив подвал в таинственное обиталище неземных существ. Камин был изготовлен Иваном Фоминым, Судейкин украсил его венком. В центре зала был поставлен круглый стол на тринадцать человек, над ним висела люстра с тринадцатью свечами-лампами на четырёх цепях. Вход освещал красный фонарь.

«Подвал Бродячая Собака» был торжественно открыт в новогоднюю ночь с 31 декабря 1911 года на 1 января 1912-го. К его открытию Всеволод Князев сочинил «собачий гимн», положенный на музыку пианистом и композитором В.А. Шпицом фон Эженбруком:

*Во втором дворе подвал,
В нём приют собачий,
Каждый, кто в него попал -
Просто пёс бродячий.
Но в том гордость, но в том честь,
Чтобы в тот подвал залезть!
Гав!*

Впоследствии Мстислав Добужинский создал эмблему, написанную художником на геральдическом щите; это был сидящий бродячий пёс, положивший лапу на античную маску. Герб был повешен над входом в «Подвал».

Алексей Толстой принимал самое активное участие в организации «Бродячей Собаки». Он помог созвать на новогодний вечер, открывающий жизнь подвала, многих петербургских знаменитостей. У входа он положил огромную книгу в кожаном переплёте «Свиную собачью книгу». Каждый посетитель расписывался в ней, при желании оставлял свои экспромты. Посетители «Бродячей Собаки» в этот вечер представляли собой квинтэссенцию поэтического и артистического Петербурга: Т.П. Карсавина, М.М. Фокин, Ю. М. Юрьев, Анна Ахматова, Николай Гумилёв, К. Д. Бальмонт, Игорь Северянин, М.А. Кузмин, П.П.Потёмкин, Саша Чёрный, Осип Мандельштам, Георгий Иванов, Сергей Маковский, Илья Сац.

Открытие «Бродячей Собаки» стало заметным событием в жизни Петербурга. Вначале заседания проходили по средам и пятницам, позже - четыре-пять раз в неделю, а то и каждую ночь.

Маскарады, арлекиады, чествования поэтов, писателей, актёров, капустники, поэтические вечера, художественные выставки, вечера футуристов, «Цеха поэтов», праздничные банкеты и застолья – всё это шло непрерывной чередой, прерываясь лишь с мая по август.

Эта бурная художественная жизнь была лишь одной стороной жизни подвала. Другой, не менее, а может быть и более важной, была духовная свобода, раскрепощение личности, которые не

могли не остаться в памяти тех, кто посещал «Бродячую собаку». Здесь были написаны и прочитаны многие замечательные строки Анны Ахматовой, Н. Гумилёва, В.Хлебникова и Игоря Северянина. 17 ноября здесь впервые с чтением своих стихов на публике выступил девятнадцатилетний Владимир Маяковский.

Вот, что писали об атмосфере, царящей в «Бродячей Собаке», Анна Ахматова и М. Кузмин:

*Да, я любила их, те сборища ночные;
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над чёрным кофеом пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжёлый, зимний жар,
Весёлость едкую литературной шутки,
И друга первы йвзгляд беспомощный и жуткий.*
Анна Ахматова

*Чья душа печаль узнала,
Опускайтесь вглубь подвала,
Отдыхайте, отдыхайте,
Отдыхайте от невзгод!*

М. Кузмин

Разразившаяся в 1914 году мировая война, как писал Б. Лившиц, сдула «румяна со щёк завсегдатаев Бродячей собаки». В 1915 году по распоряжению градоначальника подвал «Бродячая Собака» был закрыт.

Завсегдатаи «Собаки» в основном эмигрировали, и некоторые из них успешно продолжили свою поэтическую карьеру за границей. Таковым был, например, Георгий Иванов. Судьба тех, кто остался и попал в водоворот революции 1917 года, была в основном трагична. Такими были Николай Гумилёв, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский и сама Анна Ахматова.

Во время Великой Отечественной Войны она была в осаждённом Ленинграде. Однажды, осенним вечером 1941 года шла она от Фонтанного дома к друзьям на канал Грибоедова. Воздушная тревога застала её на площади Искусств. Ахматова заскочила в первую попавшуюся подворотню, но дежурные направляли всех в ближайшее бомбоубежище. Спустившись в подвал,

в промежутках между разрывами бомб, осмотревшись, она поняла, что бомбоубежище оборудовано в помещении бывшего кафе «Подвал Бродячей Собаки».

«Подвал Бродячей Собаки» был восстановлен в 2001 году. Одним из основателей возрождённого арт-кафе, директором и арт-директором был Владимир Склярский. Здесь по-прежнему проходят поэтические вечера, художественные выставки, работает театр-кабаре. Может быть, когда-нибудь на его подмостках загорятся новые звёзды, достойные имён, которые составляют славу русской поэзии Серебряного века.

В заключение привожу своё стихотворение, посвящённое этому легендарному «Подвалу».

У дверей арт-кафе
«Подвал Бродячей Собаки»

*Так вот, где «собака зарыта!»
Настал откровения час!
В Серебряный век приоткрыта
Заветная дверца для нас!
Здесь бродят и души, и тени
Великих ушедших лет,
Для будущих поколений
Оставив негаснущий свет.
Их гений, как факел, сияет
Лучами любви и тепла
Искусству служить призывает,
К высотам стремиться всегда!*

*«Собака» жива, не зарыта,
И дверь в арт-кафе открыта!*

Юрий ПЕЙСАХОВИЧ

Состояние эмоционального взрыва

к новой книге Олега Зорина

Каждая книга, особенно у поэта, ценна прежде всего атмосферой, которую создаёт автор. Открывая новую книгу, лично я всегда волнуюсь - какова энергетика её, что даст мне массу приятных ощущений, будет ли всё выстроено автором идеально по форме?

Каждое десятилетие что-то меняется: поколение, читатели, автор... Я могу судить о книге только со своей колокольни, исходя из своего понимания поэзии, своей привязанности к тем или иным сюжетам и к оформлению. Результат - это всегда собственное восприятие.

Главное для любого художника (в том числе и для поэта) - быть перед собой чистым, чтобы не унывать в те моменты, когда кажется, что всё трудно и нереально. Нужно всем своим искусством стараться доказывать, что ты что-то собой представляешь, чем-то сокровенным поделиться с публикой - читателем, вынести на страницы своей книги те жемчужины, от которых сам впадаешь в состояние эмоционального взрыва.

При этом усталости от стихов у профессионала быть не должно, а вот грамотный баланс того, что ты хочешь сказать, и того, как ты это сделал - важен для восприятия каждого любителя поэзии. Хорошие старые стихи, написанные ранее и опубликованные в других изданиях, имеют право быть, если они не превышают четверти числа вновь сочинённых...

Имя нашего современника Олега Зорина, одного из ярких поэтов Академии Русской Слоvesности и изящных искусств имени Г.Р.Державина, профессора и члена Российского Межрегионального Союза писателей хорошо известно среди друзей и соратников по литературному цеху, но менее - широкому кругу читателей, хотя

его предыдущая книга «Ромашковый разлив» была положительно оценена критикой и публикой не только в России, но и в Беларуси, где он, собственно, начинал свою творческую жизнь, отдельные новые стихи поэта печатали периодические издания - литературный альманах «Параллели судеб», Антология Санкт-Петербургской поэзии; он был отмечен в сборнике библиотеки культуры «Высокая поэзия России». Творчество Олега Зорина вызывало большой интерес в литературных кругах, свидетельствуя о его большом потенциале.

Особенно ярко талант Олега Зорина проявился, когда в Минске (издательство «Медисант-2009») вышло литературно-художественное издание совместно с известным скульптором Валерием Могучим, работающим в различных жанрах (медальерная пластика, портрет и композиция) от реалистических до символических форм - сборник снабжён поэтическим звучанием той же темы, что и замысел скульптора. Через слияние материального и словесного, синтез скульптуры и поэзии, было передано единство творческого видения авторами мира и общечеловеческих ценностей.

Две Музы редко соединяются в жизни, в единстве двух разных начал - материи и слова, где фотография - двухмерна, скульптура - трехмерна, стихи - как третье измерение, ярко окрашивают эмоциональное восприятие и впечатление от увиденного, их взаимопритяжение и дополнение, переплетение - вот что поражает на страницах этой книги - попытка глубже постичь истину жизни.

И вот, наконец, мне доверена честь представить новый сборник Поэта. Собственно, самой книги, носящей название «КРЕСТ», пока нет: вступительное слово по просьбе

автора я делаю, ознакомившись с ее рукописным (черновым) вариантом, и это дает мне возможность более подробно «разобрать» её, проанализировать и почувствовать.

С другой стороны, может быть, именно я буду способствовать тому, что автор всё-таки найдет возможность опубликовать её быстрее, а читатель пораньше откроет для себя ещё одного удивительного поэта в нашем городе.

Начну с названия книги - «Крест», которое представляется мне символическим как для судьбы нашей Родины, так и для каждого из нас, живущих в этой православной стране. Книга включает в себя более 500 стихотворений, что само по себе уже внушает уважение к автору сборника.

Даже применяя к нему самые строгие критические мерки, эта книга интересна и по замыслу, и по тематике, и по технике стихосложения, она более чем достойна и в художественной части. В ней читатель найдёт гражданскую и любовную лирику, стихи - песни, раздел «Беларусь-Кривские напевы» и стихи для детей...

Прежде всего хотелось бы отметить непосредственную связь автора с Родиной-Россией, как он сам говорит о себе: «...русский я по крови и по духу из бунтарских яикских широт...» (стихотворение «Корни»), при этом он остро чувствует личную ответственность за нынешнее положение дел в России, особенно в её глубинке, говорит о вере, о Душе, о прошлом и настоящем. И при этом утверждает: «Жизнь - не поле, а планета, мир из вспышек и теней, где найти свои рассветы каждый должен из людей...» («Кони жизни»).

Глубокие раздумья автора мы находим в стихотворении «Роковая подмена»: «...исчезли шарм и утонченность, / людская верность не в чести, / взамен любви теперь влюбленность / гротеском хочет мир спасти. / Мы стали счастье мерить кушем, / прикрыв убогость ширмой слов / и подменить эрзацем душу, / что страшней кошмарных снов...»

Или вот еще: в стихотворении «Накипело» поэт сетует на то, что из-за нищей

доли приходится постоянно вести борьбу за издание своих произведений вместо того, чтобы лишь заниматься творчеством...

Интересно стихотворение «Бок о бок», приведу его полностью: *«В бездонном омуте веков/ болгар лавинные набеги/ на нивы нежные хлебов/ топтали буйные побеги/ земель славянских, меч войны/ косил народы в смертной сече,/ но всё же день под сенью тьмы/ не превратился в хмурый вечер./ И подтверждением тому/ стоят бок о бок в Татарстане,/ пронзая неба синеву,/ мечеть и крест на русском храме./*

Поэт серьезно задумывается о будущем России: «...что скажут о нас потомки? и скажут ли - вот вопрос...» («Вопросы, вопросы, вопросы...»)

В стихотворении «Кое-что о русской жизни» поэт берёт эпиграфом строку Фёдора Абрамова: *«Мы научись воевать, но не умеем жить...»*

Другое стихотворение «Жито» (старославянское «Хлеб»): *«Земля не терпит суеты...»* - вот позиция автора. «Исповедь» - очень сильное эмоциональное стихотворение - отчёт перед Богом, и главное:

«...Мало пел о Руси...»

Мне понравились и другие его вещи, например, «Осень в Летнем саду» - так зримо и образно, так чувственно мало кто писал о Санкт-Петербурге, хотя и не счесть стихов на эту тему, но и здесь поэт счастливо нашёл свою «зоринскую» интонацию.

Красив его «Рассвет» - так легко, так песенно запоминаются строки: *«Перламутровые завязи, / паутинковый рассвет, / над черёмуховой заводью/ заплетает в лунный свет, / расплескав росой игристую/ их по шёлковой траве, / чтоб отплыть от звёздной пристани/ на хрустальном корабле./* (Хрустальный корабль древнегреческого бога времени Кроноса).

Вообще следует отметить хорошую образность, которую находит автор. Вот, например, его «Южная ночь»: *«Великолепье белых скал, / волны волшебная прохлада/ и счастья маленький причал/ для сухопутного Синдбада/ под звёздным куполом небес, / там, где эбеновое море/ ласкает древний*

Херсонес/в краю божественных магнолий». Снова и снова околдован я очарованием слов, которые находит Олег Зорин для создания зримых поэтических образов: *«Опустилась принцессой Гатчины/Стрекоза голубых кровей/на лужок пред дворцовой спадчиной/отгоревших людских страстей...»* (спадчина-белорус.наследие) Также завораживают стихотворения «Ночь музыки Сергея Прокофьева в Гатчинском царском парке», «Первозданная страничка»... И совсем в другом ключе написаны стихи «Русская глубинка» *«...тяжкие вериги,/праведная Русь,/из библейской книги/ангельская грусть...»* или вот еще - стихотворение «Мираж»: *«...над перевернутой страной/повис глагола острый меч,/грозя карающей строкою/хулу с главой низвергнуть с плеч...»*

Правомерно рядом с этими стихами и вопрос автора к самому себе: *«...Где же я в это время был? (стихотворение «Почему?»)* Ответ - стих-е «Слово»: *«..так что слова, поэты,/ взвешивайте не раз,/чтобы за них к ответу/жизнь не призвала вас...»* И, как бы подводя итог своих размышлений, автор пишет: *«Трудно в жизни краплёной этой/хоть единожды не упасть.../на колдобине неметной/оступившись, да мордой в грязь.../но идущий дойдет до цели,/а кто ищет -всегда найдёт,/потому что Судьбы качели/даже вниз свой ведут полёт*». Впрочем, зачем пересказывать стихи? - их лучше читать, вчитываться в них и получать радость от общения с настоящей поэзией.

Но не могу не прокомментировать ещё раздел этой книги «Беларусь-Кривские напевы». Ведь автор приехал в Санкт-Петербург из Белоруссии, там остались его многочисленные родственники и друзья, которым он посвятил немало строк с признанием в любви, и это естественно.

Особенно выделяю стихотворение «Герб Витебска»: *«Единственный в Европе герб,/где лик Христа и меч под ликом/старинный Витебск с тенью верб/не раз спасал от злого лиха.../На порубежьих давних лет/между соборами с Управы /его сиял веками свет,/зажжённый Магдебургским правом./И,убоявшись,отступал/ во тьму*

от стен славянских ворог,/ведь рать святую вдохновлял/с герба Господь на бой за город».

В предлагаемом сборнике «Крест» читатель найдёт и интересные стихи для детей, а также песни, тексты к которым написал Олег Зорин.

Наиболее известны из них «Красная рябина» и «Корнет», которые сегодня исполняет «Мисс Романс 2010» Наталья Кузьминская, песня «Янтарный букет» в исполнении Екатерины Асмус, а также песни «Карлсон», «Калевала», «Звёздный листопад» и «Чужой конь» в исполнении барда Владимира Клебанова. При этом особенно хотелось бы выделить последнюю названную песню «Чужой конь», где всё точно совпало: стихи поэта Олега Зорина и музыка автора-исполнителя Владимира Клебанова сделали настоящую казачью раздольную, уже высоко оценённую казаками Северо-Запада...

Для объективности оценки книги хочется сказать, что порой автора слишком захватывают собственные эмоции, тогда в поисках новых сравнений он чересчур увлекается «цветастостью» изображения, в отдельных местах могут быть сбои по рифме и ритму стиха, зато не откажешь ему в хорошей работе со словарями русского языка, в точности и достоверности описываемых им событий и подлинных человеческих чувств.

Олег Зорин достойно несёт высокое звание российского поэта, в чём непременно убедится сам читатель, открыв его новую книгу стихов под названием «Крест». Уверен: его стихи найдут дорогу к каждому равнодушному сердцу, любящему подлинную поэзию.

Большой творческий потенциал автора позволяет надеяться на яркие литературные встречи в широком кругу читателей. И дай Бог ему найти возможность побыстрее издать то, что уже сегодня вышло из-под пера...

По крайней мере для меня лестно считать Олега Зорина своим другом, как и рекомендовать вам своим предисловием эту новую литературно достойную книгу.

Диана РАДЕС

Урок

«За более чем шестьдесят лет певческой карьеры я поучаствовала только в одном конкурсе. Это был конкурс эстрадной песни 1963 года в Москве под началом Иосифа Кобзона. Долго он мне аукался...

На конкурс я приехала со своим ансамблем, с которым работала постоянно. Была готова петь в любой момент. Спела. Прочили лауреатство. Иду на закрытие конкурса уверенно, знаю, что должна быть среди победителей. И вот уже объявили призовые места, раздали все грамотки и слова благодарности, а моё имя даже не прозвучало...

Выяснилось, что я оказалась для жюри камнем преткновения. Сцепились в боевом задоре два или более певческих направления. У них, видно, были свои протезы, которых нужно проталкивать, свои обязательства. А тут я. Не примирились самостоятельно, пригласили «независимого» эксперта - Клавдию Ивановну Шульженко. Она быстро нашла выход. Опытный боец, она знала, как нужно поступить. Нужно убрать «яблоко раздора», и всё встанет на свои места, как задумано. А зная, что нужно делать, как это осуществить, уже не проблема. Клавдия Ивановна сама и придумала. Мол, несерьёзный человек, не уважает певица ни нас, ни конкурс, ни профессию. Как можно вечером перед конкурсом 27 марта петь в Ленинграде, я это знаю, – сказала Клавдия Ивановна, – а завтра – на конкурсе! У нас все за месяц перед конкурсом снимают свои концерты – готовятся. Пусть это будет ей уроком.

Урок пошёл впрок – я больше никогда в конкурсах не участвовала. Прошёл год. Звонят из Москвы: нужно выступить в кремлёвском концерте, спеть две-три вещи. Приезжаю. День концерта. Режиссёр концерта показывает утверж-

дённую программу: будешь петь последней Соловьёва-Седого «Одиночество» и «Арабское танго». Я понимаю, высочайшая честь. Тут Клавдия Ивановна узнаёт об этом и требует быть заключительным номером, а меня убрать, перенести, иначе она не будет петь. Уезжает. Режиссёр умоляет меня проявить характер и не соглашаться на перенос. А сам по телефону предлагает Клавдии Ивановне петь в заключение первого отделения, мол, сейчас высылаем машину. Она ни в какую. Говорит, что плохо себя чувствует, петь не может.

Режиссёр тут же вызвал замену на заключительный номер первого отделения – Гелену Великанову. Увидела в программе, что я пою аргентинское танго, осерчала. Мол, его написал Николай Доризо (её муж) только для неё и она не потерпит, чтобы.... Находчивый режиссёр предлагает петь это танго два раза: и ей, и мне. Елена снизошла.

И вот она уже в концертном платье. Звонок. Клавдия Ивановна:

- Высылайте машину. Я буду петь.

Ясно, что кто-то из людей, близких Клавдии Ивановне, позвонил ей насчет Великановой, вот Клавдия Ивановна и «выздоровела». Машину послали, а Елена уехала прямо в концертном платье.

Клавдия Ивановна, как всегда, прекрасно выступила, была принята на ура. Концерт получился хороший».

К этому рассказу народной артистки России Рубины Калантарян я хочу присоединить ещё несколько слов.

Я тоже не люблю конкурсов, состязаний в любой области искусства, да и в литературе тоже. Сколько нервов, слёз, переживаний среди участников, из-за «генеральских» эффектов, субъективности в оценках, пред-

сказуемости результатов, особенно жаль детей. Даже в спорте, где во многих видах есть весьма точно контролируемые параметры: длина, высота, число голов, всё меньше чести и благородства в борьбе за призовые места. В ход идёт многое... Так нужна ли, так ли уж необходима человечеству эта спортивная борьба во всех сферах жизни?

Вспомните соцсоревнование на предприятиях, вряд ли оно способствовало росту искренней любви, сочувствия в коллективе. Что «закаляется» на состязаниях, так это душа. Она черствеет, каменеет, то есть - гибнет.

Так почему же столь популярны состязания, где же начало этой тяги? Мне кажется, что в наших свойствах. Давайте разберёмся, в каких. Как советуют психологи, разделим лист бумаги пополам и запишем отдельно положительные и отрицательные качества, ведущие к состязательности, сопровождающие её. Первыми проявились отрицательные:

- гордыня, недостаточный потенциал уважения к другим людям;

- заниженная самооценка, она ведёт к тщеславию. Его якобы родственник - честолюбие, которое представляет собой желание заслужить уважение коллектива

через дела честные, нужные людям, требует благородства характера. Честолюбие не состязается, а просто работает, никогда не идёт по головам, не участвует в интригах. Оно базируется на чувстве собственного достоинства и уважении к окружающим. Честолюбивый человек не видит смысла в состязаниях;

- самовлюблённость, завышенная самооценка (вместо восхищения другими людьми, вместо понимания, что каждый человек уникален, и глупо кичиться перед самым непритязательным на первый взгляд человеком);

- «спортивная» злость. Отсутствие любви, нежности, сочувствия и т.д. к «сопернику», то есть «агрессия», в лучшем случае «равнодушие», и обратная сторона агрессии – страх.

Что-то не удаётся найти хоть одно положительное качество, ведущее к состязательности. Если даже и удастся найти, отрицательные свойства всё равно перевесят. То есть состязательность основана на далеко не лучших наших качествах и развивает их. Состязаются народы и не выходят из войн по любому ничтожному поводу, войн, несущих смерть и разрушения.

2011

Радость разделенная – двойная (По следам юбилейной выставки картин И.С. Глазунова в ноябре 2011г. Выставочный зал Манежа, СПб).

Если на прошлые выставки Ильи Сергеевича Глазунова в Петербурге-Ленинграде я спешила попасть как можно раньше, то сейчас необъяснимо отложила посещение на последние дни. В прошлые годы, сорок, тридцать лет назад мы отстаивали многочасовые очереди, чтобы увидеть то, что обсуждал весь город. Выставка Глазунова – это всегда главная новость, главное событие в городе.

С первой выставки до сегодняшней наблюдается одна и та же картина: город

закипает страстным обсуждением его работ. Особенно композиционно сложных и любых работ по истории Руси.

3 декабря, сопровождаемые ветром с Невы, мелким дождём с редкими снежинками мы подошли в 10 час. 45 мин. ко входу в Манеж. У дверей – человек пять. Но через 15 минут очередь была уже большой, более 30 человек. Две кассы мгновенно обслужили нас.

С волнением, некоторым трепетом в сердце восхожу по левой лестнице к кар-

тинам. На левой стене вздыбленный конь Клодта на картине «Невский перед революцией», начинающей выставку. Обращает внимание факт, что на этой и всех одновременно видимых слева картинах небо вздыблено так же. Не думаю, что это выстроено специально, такова мистерия этих работ. Впечатляет.

Вторая картина «Изгнание торгующих из храма» наверняка является парной с огромной работой «Рынок демократии». Глядя на «Изгнание», мелькает мысль: мне не хватает в нём авторского сочувствия, хотя бы сожаления по отношению к торгующим – они виновны, Иисус прав, но всё-таки люди. Эта картина классична, в ней не хватает чувства, а мы за 150 лет импрессионизма привыкли к его присутствию. Может, это только моё, личное.

Взгляд невольно и требовательно уходит в центр зала, где льёт потоки света предзимняя Русь, укрытая первым снегом. И среди этой райской красоты природы русский народ. Весь. Сжат художником. Весь на этой картине, до одного. Сжато пространство страны, сжат весь период коллективизации до «момента», предьявленного нам Глазуновым. Огромное полотно «Раскулачивание» с любовью и сочувствием вместило Россию. Портреты её «героев» удивительно точны и разнообразны. Вынь любого из картины и спроси: кто? Каждый ответит: Русский. Тем не менее каждый представляет определённый русский род. Где, когда художник мог их видеть? Может быть на Новгородской земле, в Валдайском и Боровичском районах в Войну, далее в Подмосковии в 50-е годы... Я замерла в радостном, благодарном восхищении. Какой талант портретиста! – не устаю повторять уже сорок лет, но такого шедевра не ожидала. Теперь к сюжету. Но прежде несколько слов о символической. Она стоит на реалистической, «земной» основе, но мгновенно рождает поток мыслей. Народ сконцентрирован вокруг церкви. Церковь огромная, светлая, высокая, в центре картины, она символизирует духовную основу русской жизни. А народ уже включён в во-

дворот против часовой стрелки, дьявольский водоворот. Часть народа, что слева, растерзанная, отчаявшаяся, получила от присутствующих здесь же приспешников новой власти - реальных, как будто живых, узнаваемых - убийственную дозу унижения и разора. Молит Всевышнего о спасении без злобы и мщениия, даже не смотрит на сатрапов. Справа народ ещё не верит, что грядёт полное его уничтожение. Мол, разве такое Бог допустит? Ведь у нас есть ещё в запасе и староверие: вон, «два перста горят как пламя» через века и века. Народ пытается договориться с новой властью: худенькая девочка-подросток - щемящие душу тонкие ножки в каких-то не по размеру резиновых опорах - уводит из дома добрую-кормилицу корову, а мудрый дед девчушки ободряет животное, прощально похлопывая по спине. Ком в горле. Большинство народа ещё не готово принять подобное решение, живёт безмятежно по-старому - светлые, спокойные лица. Они не замечают, что вены уже вскрыты и река обречённых течёт к вагонам-телятникам, поезд доведёт их вскоре до неведомой реки, реки Стикс, где их перегрузят на баржи, как свидетельствует история, и либо выгрузят где-то в безлюдном лесу, либо пожертвуют баржой и потопят людей вместе с ней. Круг замкнулся, Молох смерти работает. Как-то храбрецы в отчаянии пытаются звонить в набат, взобравшись на колокольню, поднимать народ на борьбу, мол, гибнем. Но они уже взяты на мушку снайпером. Курок взведён, и жить им осталось только то мгновение, что представлено на картине. Удивительно ружьё стрелка: ствол его, мне кажется, в разы гипертрофирован. Проходит через ветви берёзы, ещё один символ этой картины (винтовка как бы проткнула не просто берёзу, а символ России), чтобы безошибочно поразить бунтарей.

А за рекой, ставшей рекой смерти, пылает под мощным Западным ветром, дующим слева, огромный монастырь.

Перед собором, в центре высшее духовенство, благословившее новую власть, забывшее, что только та власть от Бога, что

живёт по законам Добра. Иконы в их руках обезобразились.

На берегу реки, в левой части картины, стоит красивая и беззащитная изба русская, резная красавица наша. Ощущение, что в ней уже не живут.

На переднем плане этой живописной трагедии главный герой - русский крестьянин, отец и, наверное, уже молодой дед большого семейства, присел на кривой ствол мощной берёзы, опирается на неё и спокойно, даже уверенно всматривается в пространство перед картиной. Это человек чести и высокого человеческого достоинства. Он бесстрашен благодаря вере в Бога и в Правду жизни. Сколько таких людей с честью погибли! Вечная им память и жизнь им – вечная.

От картины не оторваться, смотрел бы вечно, но нужно двигаться дальше. Попадаю в Мир Достоевского, иллюстраций к его романам. Более 60 лет эта тема не отпускает живописца. Ещё в начале 50-х годов он уже писал «Бесов», тогда наглухо запрещённых. Иллюстрации последних лет обезоруживают своей подлинностью. Да это уже не иллюстрации, а истинные лица героев романов, которых, уверена, «видел» и Достоевский в своём воображении. Они оживлены Глазуновым. Уверена, что это высший иллюстрационный пилотаж, это предел, лучшее невозможно.

По правой стене первого этажа – русский пейзаж, русская деревня, Валдай, Иверский монастырь. Картины, в основном, крупномазковые, хотя и небольшие, и им тесновато в отведённом пространстве. Только отойдя метра на четыре, на уровень уже следующей картины видишь, как вспыхивают, оживают краски, несут какой-то волшебный поток радости от этого включения, вне зависимости от сюжета. Когда молодо вспыхивает вдохновением многокрасочное золото «Осеннего пейзажа», мне кажется, что это символический образ самого Глазунова, весьма взрослого человека, но сохранившего творческий потенциал, продолжающего идти к живописному идеалу, заложенному в нём Творцом. Годы его не

меняют в обычном смысле этого слова. Он молод, энергичен, исключительно работоспособен, творческий огонь горит в нём в полную силу. Все беды страны нашей, как свои, принимает. А любовь к России – основа и лейтмотив его творчества.

*Илье Сергеевичу Глазунову
посвящаю*

*Времени глубина
И широта пространства,
В сердце твоём – страна,
Не сломленная окаянством.
С вестью об идеале
В нынешний тяжкий час
Пишешь, Илья, скрижали,
Чтоб в душах свет не угас.*

Судьба России, русского человека прошла через творчество Глазунова. Сколько замечательных портретов наших соотечественников мы видели на прошлых выставках! Сколько страниц нашей истории отобразил художник. Сейчас особое внимание на выставке он уделил деревне. Илья Сергеевич знает русскую деревню и любит всем сердцем, высоко ценит крестьянина, относится к нему с редким почтением. «Слепой сеятель», 1990, «Последние», 2007, написаны болью за почти погибшую деревню нашу, с состраданием и нежностью к русскому человеку. «Сумерки. Валдай», 2010, - печально-тревожная картина, где в тёмно-фиолетовом преддверии ночи (яркого символа ухода, угасания) внешне безучастное озеро смирилось с безжизненностью на своих берегах. На дальнем его берегу пылают в углу последние дома, а на ближнем к зрителю, в правом углу картины - часть погибшей избы венчают рёбра полусгнивших стропил, давно потерявшее тесовую крышу.

Недобрая вестница - комета в ночи («Быть войне и гладу»), разрушенный «Белый дом» (работа 1994 года) - знамения и реалии нашей жизни. В «Былине» Илья Сергеевич с горечью пишет о неотступных

наших бедах: богатырь – без головы, мать – в путях, Москва – горит. Но Бог ещё не оставил нас, ещё есть надежда: радуга и всевидящее око. «Закат Европы» – об опасности для общества предпочтения земного духовному.

Илья Сергеевич называет себя реалистом. Да, это так. Но его «видение» не ограничивается представленным обычно нашему взору. Он видит даже сокрытое в глубине веков. «Русский Икар» Глазунова не фантазия, это реальность – так было! Только автор неточно видит эпоху, когда был полёт, так как зрители этого полёта на картине одеты в одежды от XV до XIX веков. А было так: во времена Ивана Грозного мастер создал вертолёт и полетел на нём. Это стоило ему жизни: духовенство и царь сочли изобретателя слугой сатаны и на картине «Иван Грозный» видим эту казнь. Леонардо да Винчи больше повезло: он ограничился чертежом вертолёта. Огромная душа Глазунова вмещает весь мир и тысячелетия его истории. Яркий пример – портрет Заратустры. Перун – управитель сущим и повелитель стихий, с державой и молнией в руках. Дивная «Жар-птица» в антрацитовом информационном пространстве тоже реальность, но не видимая обычным взором.

Только теперь, через семьдесят лет, его душа, всегда скорбящая по маме (Ольге Фруг), оставленной и погибшей в блокадном Ленинграде, нашла в себе силы отобразить трагедию их семьи, а значит многих и многих. «Воспоминание о Матери.1942».

Мне повезло, я читала много лет назад в одном из журналов автобиографические записки Ильи Сергеевича, о чуде его спасения дядей, об отце и маме. Его чуткая добрая душа бесконечно любит новгородскую землю, ставшую второй родиной военного детства, любит её людей. Каждый год он приезжает сюда, он среди крестьян – свой.

Сирота не потерялся в этом далеко не дружелюбном к нему мире, вынес все невзгоды неустроенной юности. После Академии – жизнь, при содействии дяди, в Мо-

скве, но без прописки, с женой в четырёхметровой комнатке огромной коммуналки, где им были совсем не рады, работа грузчиком. До сих пор невозможно примириться с потерей почти всех работ, написанных во время учёбы в Академии. Они были уничтожены родственниками одного безвременного умершего художника, в мастерской которого великодушно хранились. И эта утрата была не первой и не последней. Но не сломили горести ни волю, не испортили щедрый добрый характер.

С годами автор уже не борется с разрушителями жизни в лоб, путём осуждения-гротеска, что доминировало в его давних сложных композициях. В его работах появилось сожаление о зле, появился покров доброты и веры в свет. Художник, как и прежде, переживает за судьбу России, но пишет теперь сложные полотна по-другому. Даже в страшной, адовой картине «Рынок демократии» нет сатиры, художнику стало достаточно объективно показать нашу реальность, чтоб она сама заявила о своём безбожии, о своем безобразии – о равнодушии, ненависти, властолюбии, страхе и агрессии, алчности, любострастии и пр. Носители этих адовых заповедей современные бесы, что в страхе перед жизнью готовы её уничтожить, как источник своих проблем. Но над этой «преисподней» вдалеке, в высоте виднеется православный храм. Он, наверное, по мысли автора ждёт раскаявшихся грешников. Болит душа у Глазунова за заблудившихся людей.

Считаю, что Илье Сергеевичу удалось создать новый жанр в крупномасштабной, не скажу, монументальной, живописи, выработать его идеальную форму, предъявленную нам в двух полотнах этой выставки. Этот жанр вроде бы нарушает традицию живописных композиций: ничего лишнего. Он сжал пространство и время в «Раскулачивании», оставаясь при этом реалистичным, формируя символическую действительность, опираясь на её божественное начало, так, как не делал ещё никто. Реальность представлена в метафизич-

ческом многомерном объёме. Предъявлена её духовная суть.

Нам предъявлена новая, гениальная по содержанию и форме живопись. Могу только поздравить нас с таким приобретением в русском искусстве. Здесь нет уже пресловутого «китча», о котором столько говорили ранее.

На втором этаже Илья Сергеевич на фото разных лет в самые различные моменты своей необыкновенной жизни. Эти фотодокументы говорят с нами о художнике, знакомят с его корнями, наследниками, с учениками его, с его друзьями и почитателями таланта и в России, и во всех странах мира.

Представлен также удивительный по открытости, искренности видеоматериал, где Илья Сергеевич делится с нами, со своим любимым народом не только мыслями о творчестве, но доверяет и личное, включая боль свою и утраты. Чего в жизни каждого человека предостаточно, а у «публичного», как теперь говорят, человека их не счесть. Мы разделяем эту боль и надеемся, что она от этого уменьшится: горе разделённое –

полгоря, радость разделённая – двойная.

Сейчас на выставке нет орд посетителей, но зрителей достаточно, в основном, зритель думающий, понимающий. Можно к любой картине найти наилучшую точку обзора. Я, как губка, впитала и унесла с собой эти картины. Радость, рождённая творчеством Ильи Сергеевича, останется со мной навсегда. Не повезло тем, кто не смог побывать на этой выставке. Удивляет молодая, крепнущая творческая мощь Глазунова. Уверена, он решит ещё не одну творческую задачу.

Петербург – малая родина Ильи Сергеевича всегда в центре его внимания. Сколько за жизнь написано им картин петербургских, сколько портретов!

Илья Сергеевич всю жизнь готовился к этой триумфальной юбилейной выставке. А я, постоянный зритель его выставок в Ленинграде-Петербурге, сорок лет готовила себя, чтоб написать эту объективную, и, на моё счастье, восторженную статью.

3-17 декабря 2011

Елена САКС

(перевод)

Величайший стилист 19 века – мастер портрета Жан Огюст Доминик Энгр

Автор: Эндрю Грэхэм-Диксон

Картины Жана Огюста Доминика Энгра относятся к числу наиболее ценных произведений живописи 19 века. Пикассо был очарован их, как он говорил, «сдержанным эротизмом». Матисс восхищался особыми пропорциями фигур моделей в платьях «от кутюр», характерной цветовой палитрой и чувственностью картин художника. Сюрреалисты любили их спокойствие и пристальное, граничащее с фетишизмом, внимание к деталям до тесноты роскошных французских костюмов и интерьеров.

На портретах Энгра выросло не одно поколение художников. Наследие блестящего французского живописца до сих пор ощутимо в мировой модной индустрии, особенно в Париже. Как всякий художник, Энгр боготворил одежду. Портреты загадочных изящных парижанок сделали бессмертными шедевры портняжного искусства 19 века. Работая над портретом мадам де Сеннон, художник был опьянен декольтированным платьем, отделанным тонким кружевом и шелковыми лентами, не меньше, чем самой дамой. Портрет «Мадам Ривьер», запечатлевший жену мелкого чиновника при дворе Наполеона, – это дань восхищения расписной накидкой цвета бледной охры, надетой поверх белого атласного платья.

Энгр считал, что высочайшее назначение моды в том чтобы сделать человека прекраснее. Однако он понимал, что в реальной жизни это едва ли возможно, и потому в поисках идеала художник обратился к искусству. В его картинах продумано мгновенное движение тончайшей складки ткани, даже там, где, казалось бы, господствует небрежность и беспорядок. Любой недостаток фигуры или позы натурщицы

искусно скрыт. До совершенства. Энгр внес свой вклад в дело высокой моды, показав модельерам пользу предметных картин. Он доказал, что миру моды художники-стилисты необходимы так же, как и сама одежда. Конечно, в наше время никого в этом убеждать не нужно. Фотография как способ совершенствования и продажи модной одежды давным-давно заменила холст и масло. Но первым на этом пути был именно Энгр.

Трудно забыть Мадам Муатесье в струящемся шёлковом платье, царственно восседающую на пышной узорчатой софе и останавливающую каждого, кто окажется перед ней, несколько надменным, ироничным взглядом. Среди живописных полотен Энгра также необычайно кокетливая «Графиня д'Оссонвилль» и портрет Баронессы Джеймс де Ротшильд. Последняя вспоминала, как подношениями в виде корзинок с дичью ей удалось уговорить «дорожного мсье Энгра» взяться за её портрет. На нём баронесса предстаёт не типичной светской дамой, а прекрасным видением в шелках вишнёвого цвета, жемчуге и страусовых перьях...

Впрочем, сам Энгр и подумать не мог, что потомки будут судить о его творчестве исключительно по портретным работам. Ученик Жака Луи Давида, он был воспитан на идее традиционной, академической иерархии предметов изображения. Соответственно, он всегда отзывался о портрете как о менее благородной форме искусства по сравнению с «повествовательной», сюжетной живописью. Будучи студентом, он удостоился Первой Римской премии за полотно «Послы Агамемнона в

шатре у Ахилла». Большую часть жизни Энгр посвятил изображению громоздких аллегорий, таких как «Апофеоз Гомера». При этом картина возведения греческого поэта на Олимп вызвала в учениках разве что уважение, но только не подлинный интерес.

Некоторая склонность к социальному и эстетическому консерватизму прослеживается в творчестве художника и в определенной степени нашла отражение в его женских портретах: образы важных особ в ослепительных интерьерах не оставляют сомнений в предпочтениях Энгра между «имущими» и «неимущими». Среди его мужских портретов оказался «Мсье Бертен», состоятельный буржуа, яркий представитель французского консерватизма. Учредитель «Журнала дебатов политических и литературных», сторонник Июльской Монархии во время народного мятежа 1830 года, Бертен был Рупертом Мёрдоком своего времени. Энгр провел несколько дней в мучительных поисках способа выразить «бычий», напористый характер Бертена. Но неожиданно сам натурщик подсказал правильный ход, интуитивно приняв воинственную позу, в которой мы и видим его на картине. Есть мнение, это единственный истинно великий мужской портрет 19 века.

В узком накрахмаленном воротнике, с нависшими над ним щеками, в чёрном костюме с уродливыми складками на полной фигуре, он втиснут в резной деревянный стул, который вот-вот развалится под его весом. Это человек с редкими с проседью волосами и злобным взглядом, который не потерпит возражений. Его крупные клешнеподобные руки на бедрах словно бы говорят о готовности в любой момент дать отпор. Бертен кажется слишком большим для холста, да и для всего окружающего мира. Здесь он изображен таким, каким он был в действительности, во всех подробностях, и в то же время он походит на какое-то странное божество.

Художник и сам стал с годами чем-то похож на мсье Бертена. И всё же Энгр был

куда более неординарной, независимой и романтической личностью, чем он сам признавал, и тот парадный образ, который он навязывал публике, был отчасти лишь маской. Эта натянутость и строгость в какой-то степени объясняет одно из самых замечательных качеств его картин. Его манера была столь же отточенной и строгой, сколь и его мастерство рисовальщика («Рисунок – это честность, откровенность искусства, рисунком искусство испытывается», – любил повторять Энгр). Но внутри – кипели страсти. Тогда как «Мсье Бертен» был портретом ярого консерватора, сама картина была отнюдь не консервативным произведением, а работой художника, глубоко впечатлённого властью и авторитетом.

Доказательством сказанного служит первая же зрелая работа Энгра – «Наполеон Бонапарт на императорском троне», законченная в 1806 году. Это поразительная и необычайно самобытная трактовка – настолько оригинальная, что вызвала отвращение самого Наполеона и чуть не погубила карьеру живописца в самом её начале.

Император в венце из позолоченных лавровых листьев напоминает огромную фарфоровую куклу с холодными, невидящими глазами, утопающую в бархате и мехах горноста. Он восседает на золотом троне с резными изображениями имперских орлов. Затянутая в атлас и усыпанная драгоценностями ступня покоится на бархатной подушке. Грудь теснят медали и регалии, он обременён скипетрами и саблями, едва ли не подавляющими его собственное величие. За основу гротескного образа маниакальной одержимости властью Энгр взял внушительную фигуру «Бога-отца» Ван Эйка – центральный элемент Гентского алтаря, который незадолго до этого был захвачен французскими имперскими войсками и выставлен в Лувре. Даже Наполеон заметил в образе новоявленного Христа, одетого подобно знаменитому королю франков Карлу Великому, уродливые черты своей ненасытной жажды власти.

Опальная картина была выслана из страны, а сам Энгр вернулся в Рим с позором,

где оправлялся от удара в течение 20 лет. Именно эта неудача, вероятно, и вынудила художника навсегда подавить чрезмерную живость и остроту восприятия. В чём он, к счастью, не преуспел совершенно, иначе его искусство не влекло бы нас столь неизменно на протяжении столетий.

Если мужские портреты Энгра таят в себе представления автора о власти, то его женские портреты чаще всего скрывают идеал возлюбленной художника. Тонким намеком на это служит прелестная «Мадам де Сеннон». Красный бархатный наряд героини украшен лентами стального цвета, а грудь и плечи обволакивает тончайшая вуаль. Комната, в которой дама дожидается кавалера, – это отделанный бархатом интимный будуар с множеством подушек. В её облике есть нечто трепетное. Словно бы все её существо готово к желанной встрече – с кем? Возможно, с художником. На визитной карточке, наполовину заткнутой за зеркальную раму позади нее, значится имя: «Энгр». Художник словно бы подписал картину мечтой о заветном свидании.

Дега считал, что героини энгровских портретов чем-то схожи с животными в клетках, а в обстановке будуара он усматривал некое подобие тюрьмы. Однако заподозрить Энгра в садизме нельзя. Хотя эпизодически автор рисовал «прелестных страдалниц» и обнаженные фигуры в цепях, в основном его эротические представления связаны с мечтами о «ленивой чувственности», а не подчинении. «Турецкая баня», фантазия по восточным мотивам – это одна из наиболее известных его сюжетных работ (и излюбленная картина Пикассо). На этой картине тесная компания обнажённых женщин отдыхает в заполненной густым паром мраморной зале. Энгр часто перечитывал описания женских бань и гаремов в Константинополе в заметках леди Мэри Вортли Монтегю, жены Британского посла в Османской империи, и, судя по всему, поводом к изображению подобных сюжетов послужили её так называемые «Турецкие письма». Вероятно, его распаленное воображение вылилось в такие портреты, как, например, «Мадам де Сеннон». Нечто

от наложницы есть в её вечном, томящем ожидании кого-то...

Совершенно осознанно Энгр играет на грани фантазии и реальности в своих поздних и наиболее значительных полотнах. Графиню д'Оссонвиль, очаровательную интеллектуалку, стоящую в голубом шёлковом платье у камина, заставленного антикварными безделушками 19 века, автор видит соблазнительницей из старинной римской легенды. Энгр часто обращался к римскому мифу об Антиохе и Стратонике, истории юноши, влюбившемся в мачеху. Работая над портретом графини, художник придал своей героине позу, в которой ранее изобразил Стратонику. Можно предположить, что и сам художник, был сражён красотой римлянки. По некоторым сведениям, он увлёкся своей моделью. Наверное, этим можно объяснить, почему французская аристократка обрела на портрете черты хладнокровной обольстительницы. Именно этот портрет имел в виду Бодлер, когда писал, что «одна из черт, отличающих мсье Энгра, была его любовь к женщинам».

И тем не менее эта любовь нашла выражение, похоже, только в искусстве. Энгр был женат и не скрывал, что безумно счастлив со своей женой Мадлен. Если когда-либо он и испытывал лёгкое влечение к моделям, то доверял свои чувства только полотну. Притягательность портретов графини д'Оссонвиль и мадам Муатесье отчасти заключается в осознании – и моделями и художником – их недостижимости. Ощущение интимности, столь сильное в портрете мадам де Сеннон, написанном тридцатью годами ранее, исчезло в более поздних работах Энгра, как исчезли визитные карточки с зеркальных рам... В поздних портретах по отношению к прекрасным героиням чувствуется почтительное расстояние, достигающее атмосферы священного таинства. Эпитет «роковые женщины» вряд ли подошел бы энгровским дамам – они гораздо более могущественны. Это сверхъестественные, повергающие в смятение богини – властительницы судеб, непостижимые, как сфинксы...

Ольга САФАРОВА

Ещё раз о любви

*В начале было Слово, и Слово
было у Бога, и Слово было Бог.*

Новый Завет. Евангелие от Иоанна.

*Нам не дано предугадать
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

27 февраля 1869 Ф.Тютчев

Зная имя демона, можно им повелевать.

Каббала

Ещё пару десятилетий назад слово «трахнуть» воспринималось в его первоначальном, звукоподражательном, значении - ударить, а «трахнуться» - удариться, упасть с грохотом. Потом, видимо, появился идиом: «Пыльным мешком из-за угла трахнутый» – в адрес чудаковатого, малохольного субъекта, потом сократилось-упростилось – просто «трахнутый» в смысле не совсем нормальный. У Чехова в каком-то рассказе есть «...трахнул из ружья...», сплошь и рядом в книгах встречалось – «... трахнул по носу (голове, в глаз, в ухо)...» и так далее. Милый Хоттабыч, вырвав волосинку из бороды, колдовал: «Трах-тибидох-тох!» Теперь же этим словом обозначают самое волнующее, таинственное, составляющее кульминацию людских отношений явление - любовное соитие, которое, в идеале, является не только таинством зарождения новой жизни, биологическим актом, но и духовным слиянием, алхимией Творца природы.

В интернете некий умелец поместил статью о синонимах и эвфемизмах слова «трахать» в его нынешнем значении, коих набралось больше ста, одно гаже другого, среди которых, правда, присутствует

нейтрально-медицинский термин «коитус», что и означает в переводе - соитие. Запомнилось ещё мрачное - «совершить сеппуку», что относит просвещенного читателя к зловещей теории близости и, в какой-то мере, тождественности Эроса и Танатоса и к легендарному Поцелую смерти, когда некоего избранного целует Ангел смерти и тот умирает, не выдержав экстаза. Привлекло внимание также детски-наивное – «взьерошить шёрстку верблюжонку», каковое выражение написано 4-хстопным ямбом и содержит милую аллитерацию: ш-ш-ж, ласково так, успокоительно, фонема же «блю» отсылает к «люблю», что придаёт всей словесной конструкции миловидность для слуха и понимания. Правда, знатоков английского, наоборот, фонема «блю» может отвратить от описываемого процесса, так как вызывает ассоциацию - blue water, что произносится как «блю вода», то есть «блевота», но это, наверное, касается только тех, кто, зная про «шёрстку верблюжонка», тем не менее, в момент соития думает по-английски, а это, согласитесь, редкий случай, которым можно пренебречь. Только эти два эвфемизма и можно отметить среди чудовищных по своему хамству и

презрению к партнёру синонимов - «отодрать, впендюрить, посадить на кол, показать Ленину дорогу...» и прочий мерзкий бред сексуального маньяка.

В классической литературе тоже, разумеется, употреблялись синонимы и эвфемизмы от несколько протокольного - «они вступили в интимные отношения», до нейтрального - «они стали близки», от условно жертвенного - «она отдалась ему» до библейски-возвышенного - «он познал её». Познавать женщину! - Фейхтвангер в Испанской балладе очень тонко и психологично описывает разницу между «она отдалась» и «он познал её». Даже бытовое - «она спит с ним» несёт в себе упоминание длительности отношений, так же как в предыдущих выражениях, а не просто 10-ти минутный физиологический процесс. Дискретность же отношений хорошо передана не помню, в каком советском фильме, где героиня говорит: «Да он не спит со мной, а подсыпает...».

А перечитайте Песню песней царя Соломона: «Освежите меня вином, подкрепите меня яблоками, ибо я изнемогаю от люб-

ви (...) Положи меня как печать на сердце твоём (...) Сосцы твои, как ягнята, кудри твои...»

Но не зря у меня эпитафии говорят о значении Слова! Слова формируют сознание и программируют действие: как ты лодку назовёшь - так она и поплывёт! Презренные трахальщики, трахальщицы и трахаемые, вы сами себя поименовали и запрограммировали - не быть вам познанными близким человеком, не испытывать соития душ, не отдавать себя, обретая счастье, как часть гармонии Мира, не ткать жемчужную завесу, отделяющую возлюбленных от реальности в период безумной влюблённости, не претворять эту волшебную субстанцию в доверие, дружбу, надёжность - «пока смерть не разлучит вас». Хотелось бы остановиться на этих возвышенных словах, но придётся признать, что есть особи, недостойные Близости, Соития, тем более Познания душой и телом - недостойные Великой Алхимии Любви, их можно только «трахнуть» повсеместно в прямом и переносном значении этого слова - но надо ли пачкаться?!

Интеллигент – что это такое?

В переводе с латинского: *intelligo* – мыслю, понимаю.

Отсюда во всех европейских языках интеллигент - это мыслящий, абстрактно мыслящий, научно мыслящий человек. Слово же интеллигент, как и само существо, этим словом обозначаемое, существуют только в России, и явление это исключительно русское. Что такое, по сути, интеллигент - определений много и их все знают: от - «человек умственного труда» до - «ум, честь и совесть нации»; или, иначе говоря, от советского определения - «человек с высшим образованием» до определения академика Лихачёва:

«Основной принцип интеллигентности - интеллектуальная свобода - свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей

совести и от своей мысли». - Ну, это тот же - ум, честь, совесть и, дополнительно, внутренняя свобода.

Мне представляется, что интеллигент это:

1. Человек способный (в силу образованности) и желающий (в силу непреодолимой потребности) критически рассуждать на социально-политические, морально-этические и культурно-исторические темы; находящийся всегда в оппозиции к властям предрержащим и существующему положению в обсуждаемых сферах.

При этом:

2. Человек, не желающий и не умеющий действовать и предпринимать что-либо с целью изменения существующего, критикующего положения вещей.

Формулируя короче, может и хочет рас-

суждать, но не может и не хочет действовать - и это необходимо и достаточно, чтобы называться русским интеллигентом.

День Интеллигента следует отмечать и праздновать 18 февраля, когда был дарован «Манифест о вольности дворянства» — краткое название указа Петра III от 18 февраля (1 марта) 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Впервые в истории России дворяне освобождались от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, могли выходить в отставку и беспрепятственно выезжать за границу. Однако, по требованию правительства обязаны были служить в вооружённых силах во время войн, для чего возвращаться в Россию приходилось под угрозой конфискации земельладений. Основные положения указа Петра III были подтверждены законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 г. в известной «Жалованной грамоте дворянству 1785».

Но материальная основа их существования и безделия была подорвана «Манифестом об отмене крепостного права» 1861 года, но как-то всё утряслось, устроилось: продолжали бездельничать - получали синекуры на государственной службе, закладывали-перезакладывали имения, распродавали земельные владения и драгоценности, нанимали управляющих и их трудами заводили мануфактуры и производства, разорялись и пополняли ряды разночинцев. Разночинцы же, получив возможность высшего образования, пополняли ряды дворянской интеллигенции.

Советская власть окончательно лишила тех и других материальной основы, усугубив это поражением в правах и репрессиями, паспортизацией и запретом выезда за границу. Окончательная трансформация русской интеллигенции в советскую интеллигенцию произошла со всеохватностью

населения высшим образованием и уравниловкой всех ИТРов в зарплате 100-115 руб. при полном безделии раздутых штатов многочисленных НИИ и ЦКБ. Именно в это время родилась поговорка: «Они делают вид, что они нам платят, а мы делаем вид, что мы работаем». Пышным цветом расцвели «смелые» разговоры на кухнях и «показывание кукиша в кармане».

В современной истории, в 90-х именно они, советские интеллигенты, морщили носы на собратьев, торгующих на рынках и зарабатывающих ремонтом всего, и отворачивались со словами: «У меня высшее образование, я не желаю унижаться и рыбой (фруктами, джинсами и пр.) торговать...»

А сейчас, когда нет цензуры, репрессий и закона о тунеядстве, зато есть толерантность, свобода, понимаемая как вседозволенность, и интернет с его анонимностью... - вот раздолье для интеллигента: всё критиковать и ничего не делать для изменения критикуемого!

P.S.

Именно «профессионалов, изобретателей» и называют на Западе интеллектуалами, не привнося в это понятие морально-этической составляющей, что и правильно, с моей точки зрения. Мораль, этика, духовность, а в более сниженном, социально-бытовом аспекте - порядочность, честность, совесть - ни к интеллигентности, ни к интеллектуальности не имеют отношения, в смысле: не определяют эти понятия. И интеллектуал, и интеллигент (в моём понимании) может быть подлецом и негодяем, но может быть и высоконравственной личностью, каковой может быть и совершеннейший простец, даже малообразованный, что часто и бывает. Наше же традиционно-русское понятие «интеллигент» необоснованно нагружено «высокими духовными качествами».

Вера СОЛОВЬЕВА

Фантазии и символы фотохудожника

Юрия Пантелеева

Фотовыставка профессора Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина, члена Союза художников России Юрия Степановича Пантелеева «Аристократы духа на фоне города» дважды была представлена в галерее Фонда исторической фотографии имени Карла Буллы в Санкт-Петербурге. Первая экспозиция состоялась в сентябре 2011 года, вторая – в январе 2012 года. Она включала в себя 46 работ как чёрно-белых, выполненных на бромосеребряной бумаге, так и цветных. Все работы объединяет одна тема – город и люди, живущие в нём. В отличие от некоторых живописных полотен, которые воспринимаются на расстоянии, к фотографиям, особенно города, такой приём не подходит – необходимо рассмотреть детали, именно через них начинается осознание, понимание и глубина работы. Время на фотографии останавливается, а запечатлённый момент начинает жить вечно, проявляя со временем некие тайные знаки, символы. Даже на афише-плакате выставки мы видим оригинальный автопортрет Юрия Пантелеева – на фоне гранитной стены замерла фигура мужчины со сжатыми кулаками. Чувствуется напряжение героя, сконцентрированная энергия вот-вот освободится и произойдет взрыв. Фотохудожник показал героя не статичной моделью, а человеком, находящимся в творческом порыве. Данная фотография – символ и концептуальная работа под названием «Путь художника. Преодоление».

Фотоискусство, точнее, светопись – одухотворенное понятие. При воздействии света оживает душа. Если свет падает на объект, впитавший в себя время, запечатлённое изображение приобретает новое видение, появляется глубина. Из игры теней выступает многозначный образ, и мы попадаем в иное временное измерение. Позиция автора – уйти в творческих поисках от ложно-красивого гламура в область образно-психологического портрета.

Следует отметить одну из особенностей работы Юрия. Мастер требует от героя композиции, чтобы в момент съёмки он входил в состояние творчества: можно читать стихи, внутренне напевать мелодию, размышлять. Лицо, взгляд, фигура должны выражать одухотворённость. Именно по этой причине на фото нет ни напряжения, ни фальшивой красоты в лице, в кадре есть энергия души. Особенно этот приём виден на женских портретах. Яркий пример – фотография Ирины Титаренко. Нежность и солнечный свет источает картина – лёгкий ветер играет с золотыми волосами героини, парашют набережной Невы покрыт кружевной тенью деревьев и много-много воздуха; простор, дыхание водной стихии поют гимн радости жизни и любви. Почему любви? Ответ прост – по хрустально чистому взгляду, искре в глазах, по нежному освещению лица понятно, что Ирина читает любовную и светлую лирику: «Взлетели руки, как смычки, и заиграли скрипки страсти» (И.Т.). Данный портрет является классическим примером энергетического воздействия и информационной многоплановости картины. Всмотриваясь в детали, погружаясь в энергетику портрета, невольно начинаешь фантазировать, наслаждаться творческим симбиозом двух неординарных личностей.

Территория комплекса Михайловского (Инженерного) замка обладает особой магией для художников, она притягивает и своей историей, и оригинальностью архитектурного ансамбля. Портрет писателя Веры Соловьевой выполнен с поразительной цветовой гармонией. Фоном служит павильон на Каштановой аллее – часть стены оттенка «фриз» и полукруглое большое окно. Архитектурные формы и линии словно живут своей жизнью, они притягивают внимание зрителя, подчиняют его. Фигура героини смотрится как неотъемлемая часть композиции; чёрная ажурная шляпа, шёлковый палантин брусничного цвета, за-

думчивый взгляд, немного оценивающий, ироничный: «Я прохожу мимо, у меня своя жизнь, я - такая как есть». Мастер подчёркивает, что героиня с богатым внутренним миром, не банальна, имеет своё видение и мнение. Не сразу зритель понимает, что центром картины является окно, в стеклах которого отражаются цветущие каштаны. В спокойную композицию дерзко врывается зелень деревьев, белые факелы цветов, буйство весны, жаждущая праздника природа. Спокойная атмосфера картины - солнечная полоса на тротуаре, горизонтальные полосы на фасаде здания, вертикальные светлые линии колонн, некоторая отстраненность героини - всё отходит на второй план. Юрий Пантелеев подводит зрителя к пониманию: главное - жизнь, радость, счастье - стоит только посмотреть не в сторону, а вперёд. Каждый видит то, что он хочет: цветущие каштаны или одинокую фигуру.

В фотокартинах город как фон и герой как личность вместе составляют единое целое. И это вызывает у зрителя несомненный интерес, желание рассматривать фотографию, погружаться в загадочную атмосферу фантазии автора. Мы видим не один, не два, а множество глубинных образов, понятий. В качестве примера можно привести портрет поэтессы Ирины Богородицкой. Данная фотография, как никакая другая, полна символов и насыщена тайными знаками. Мы видим старинный парк (сквер Никольского собора) в центре Петербурга, солнечный полдень, густые кроны деревьев создают узор светотени на фигуре женщины в светлом одеянии. Она прислонилась к мощному стволу дерева, в правой руке хрустальный бокал, он слегка наклонён, тонкой струйкой льётся вода: «В самом молчаньи тишины ловлю минувшего я отзвуки и тени» (И.Б.). Шею поэтессы украшает двойная нить жемчужных бус, взгляд обращён вдаль. Льётся вода, уходит время, печален прощальный взгляд ушедшему веку. Какие символы доминируют на этом фотопортрете? Ствол дерева напоминает нам об эзотерическом тайном символе – Древе Жизни; хрусталь как кристалл льда, вода, жемчуг это знаки праматери жизни и хранильницы информации – Стихии Воды; героиня портрета женщина – символ

Материнства, дарующего Жизнь и надежду на Будущее. У зрителя данная работа Пантелеева вызывает разные мысли: философские, романтические, даже ироничные (что там в стакане?). Ирина Титаренко к портрету Ирины Богородицкой написала стихотворение и посвятила его фотохудожнику Юрию Пантелееву:

*Стакан наполовину полон –
Поэт – извечный оптимист!
Приоткрывая тайны полог,
Мир перед ним, как чистый лист.
В портрете этом смысл сакральный –
Живой водой струится речь.
Бокал в руках, как шар хрустальный,
Предскажет имена Предтеч.
Так будем жечь сердца глаголом!
Душа поэта – пополам!
Стакан наполовину полон.
Другая половина – вам.*

Сотрудничество «фотограф – герой картины» напоминает работу режиссёра с актёром, но мастер является ещё и психологом, и художником. Один из поразительно эстетических снимков – портрет певицы Ольги Питериш. Это высокохудожественная фотокартина является примером декаданса: медный цвет волос, обнаженные плечи, черные длинные перчатки, вечернее платье, серебряная цепь обвивает шею, кольцо и прямой взгляд. Фоном служит набережная Зимней канавки, выход в Неву через арку Зимнего дворца, видна чугунная решётка, гранит парапета. Серебряная вода, серебряная цепь, кольцо... Ассоциации рождаются потоком – перед нами поэтесса Серебряного века, утонченная, чувственная, прекрасная, с томным очаровывающим взглядом бездонных глаз. Да, прошлое уходит, но не исчезает, мы все находимся под его влиянием, в его энергетическом пространстве. Фотография Ольги Питериш – один из самых красивых и изящных петербургских портретов, выполненных Юрием Пантелеевым. В работах серии «Аристократы духа на фоне города» переплетаются традиционная архитектура, проявления современности и невероятная мощь духовной, творческой, интеллектуальной энергетики. Именно эта грань всегда являлась доминирующей во вкладе Санкт Петербурга в мировую историю культуры.

Наталья СУВОРОВА

Париж – Санкт-Петербург

(Ослепление красотой)

Суетность принижает значимость

Софье Сергеевне Сафроновой – с любовью.

Веяние времени: картины в рамах и без – на помойке. Нет, моя находка только собиралась туда. Но теперь, заняв достойное место в моём доме, заставляла разглядывать её пристрастно, присматриваться к надписи по-французски и неразборчивой подписи живописца с Монмартра. Нет, нет, господа, непременно Монмартра. Мне лестно думать, что покупка совершена именно там.

На меня призывно смотрели сразу несколько визитных карточек европейского города: Эйфелева башня - всеми своими опорами, уровнями и ажурностью инженерной мысли. Сена - неширока, глубока. Рвущиеся ввысь крылатые кони - мои друзья в золотом обличье возле моста Александра Третьего небезразлично следили за мной, мечущейся с неотложными делами по комнате. И я поняла: не отвертеться. Пора. К тому же, я принципиально против ситуации из анекдота:

- Опять хочу в Париж!
- Что, уже была?
- Нет, уже хотела.

Итак, Париж? Значит, Париж.

Наши предки – дворяне-бояре не мыслили воспитания своих отпрысков без французского уклона. Офранцузить потомков считалось, как дыхание, необходимостью. Времена минули. Но в генетической памяти поколений этот высокий франко-российский мотив остался. Осталась и связующая нить приязни и доброжелательства.

* * *

Любите ли Вы творчество господина Эрнеста так, как любила его я, зачитав до

дыр? «Праздник, который всегда с тобой» был последней жемчужиной в копилке моих впечатлений о художнике необычайного литературного слога. Чтобы окончательно утвердиться в своей привязанности, я посетила дом-музей Хемингуэя в Гаване. Получив ответы на дополнительные вопросы. Было время, когда интерес к писателю находился на пике необычайного. Как в своё время к творчеству господина Эриха Марии Ремарка. В народе же, ночами стоявшего в очередях за подписными изданиями, созрело двустипшие. Наскоро «причесав» его ради эстетики письма, могу предложить смешливому читателю:

Вчера читал Хемингуэя,

Не понял вовсе...ничего.

С рожденья живя в Санкт-Петербурге и будучи избалована архитектурными изысками чудо-города, я захотела увидеть европейское поселение мирового масштаба. Так восхитившего писателя, что он разразился отдельной книгой.

Созданный бароном Османом, Париж был превращён его трудами в туристическую Мекку. И никто, невзирая на оттопыренные карманы и пальцы, не смеет покуситься на единожды обретенное. Весь мир желает проинспектировать этот труд, лично присутствуя на бульварах, в музеях, театрах, замках. Коренных жителей в Париже – 2 миллиона; ежегодных туристов – 25. Город пренебрегает понятием «сезонное блюдо». Париж – всегда Париж. Круглогодично. Это вам, господа, не северная Африка, которую пользуют, в лучшем случае, по октябрю.

Аэропорт «Руасси Шарль де Голль» был гостеприимен, багаж вручил лично каждому и препроводил в разные гостиницы. Нам с Мариной досталась «Alexandrine Opera» 2* в центре и на

правом берегу Сены (со звёздностью во Франции оч-чень напряжённо). Наш №24 в отеле был столь незначителен в двух измерениях, что свободно передвигаться вдвоём одновременно не было никакой возможности. Но это, к счастью, было неважно.

В шаговой доступности – «Grande Opera», от каменных ступеней которой ежеутренне начинались наши турнабеги: по 12 – 14 часов до полного изнеможения все 7 дней, господа. Иной день и не обедавши – некогда. Да и не за тем прибыли. Немощным и ленивым великий город не покорится. «Париж экскурсионный» (название нашего тура) – для скорых на ногу, гипертрофированно любознательных, готовых на всё ради неизведанных эмоций. Ис лёгкостью преодолевающих природную бережливость.

* * *

С рук на руки нас принял гид по Парижу и предместьям российский гражданин господин Сергей, знающий всё обо всём и даже больше. Обзорная экскурсия началась немедленно после чемоданных забот. За несколько часов парижский гид визуально подружил нас со всеми достопримечательностями города. Побывали и в предместьях с современной архитектурой. Париж до краёв насыщен своей красотой. Он полон собой, своей историей, выгодно отличается от предместий с современным недомыслием из стекла и бетона. Пригороды примыкают к городу так плотно, что являются его продолжением. В городке Дефанс построен первый небоскрёб (если честно - нагромождение из стекла и бетона) в честь господина Нобеле. Да, да, того самого.

Ничего не утаив, без усталости выгружая и загружая обратно, господин Сергей доброжелательно потчевал нас своим интеллектуальным богатством. На литературном русском. Изобильно и не лентясь. Демонстрируя любовь к профессии. И на этом поводе мы следовали за ним, не отставая и заинтересованно. Когда тебя везут по незнакомому городу, указывая, куда

кидать взгляд, всё ясно – понятно. И остаются в памяти интересные детали. Оказывается, улицу с именем моего родного города переименовывали четырежды. Правда, в последний раз французы впали в глубокую задумчивость: а надо ли? И, не утратив терпения и уважения к России, дали-таки улице новое имя – улица Санкт-Петербурга. А господину Дюма было предостаточно незначительной территории для всевозможных перемещений действующих лиц в романе «Три мушкетёра». Буквально, одного парижского квартала.

В результате же всех этих впечатлений, телодвижений и сообщений в голове образовалась та-ка-я «каша»! И никакие записи не помогли.

* * *

После ужина в кафе препожалуйте на прогулку по Большим Бульварам. Они действительно БОЛЬШИЕ, господа. Летний вечер ещё не вступил в свои права. Я смотрела на здания противоположной стороны самого широкого в мире проспекта и не могла понять: чего мне в этой картинке нехватает? Что же... не так? Нет, с мансардами всё в порядке, это - изобретение Парижа, оно - вне всякой конкуренции. Решётки настоящих и ложных балкончиков изящны, неповторимы в рисунке. Сравнивая, глазеть хотелось долго. Так и не определив для себя, чего же нехватает оку на фасадах прекрасных зданий, уже ваясь с ног, добрались до «Alexandrine».

День второй

Утро вечера мудренее. Сегодня я пойму, что же не так и чего не хватает. А сейчас мы с Мариной, следуя скорым шагом к ступеням «Grande Opera», пытаемся разобраться в улицах и проспектах со вчерашнего дня знакомого города. Мы подошли к театру с затылочной части, отметив, что её поношенность пытаются реанимировать, одев в леса и огородив синим забором. С изнанки театр остался в неглиже на всё время нашего пребывания в Париже.

Руководитель группы и гид Ольга

Андреевна Смирнова (французским - свободное владение, знание города, как свои пять пальцев) вручила каждому схему метро и план Парижа. И предложила спуститься под землю, дабы купить блок проездных билетов.

Быть необразованным вообще, а по Парижу, в частности, - драматично. Мне было рекомендовано, господа, стать немедленно самостоятельной в чужом городе. От неожиданности все известные процессы в моём теле приостановили свою деятельность. Страх потеряться среди неведомых улиц и площадей, языков не ведая, сковал сначала члены, а затем и органы. Я не хожу в лес одна, опасаясь заблудиться, зайдя за соседнее дерево. Не брожу отрешённо по незнакомым городам и весям - только с группой. Мой топографический дебилизм (ну и названьице!) всегда при мне - так отпущено природой. Однако, спасение пришло. Меня прислонили к себе до конца путешествия две Марины + одна Настя. И теперь сам чёрт мне был не брат. Господа, знакомьтесь с чужими столицами заранее. Не одна я с таким «подарком» судьбы, как выяснилось позже.

Вглядевшись в схему парижского метро, мы обнаружили 14 линий, которые ошарашили и впечатлили нас на всю оставшуюся. Немедленно вспомнили метро нашей северной столицы, пять линий которого ясны, как Божий день. Однажды, будучи в свободном плавании по незнакомому городу, мы вчетвером не могли выйти из метро в нужной точке целый час. А французы перстами тыкали в разные стороны, желая нам помочь. Линия же №7 надёжно пряталась от нас за схемами и указателями на французском языке. Город, принимающий разноязыкие зарубежные племена в огромном количестве, вполне мог бы продублировать тексты указателей и на английском, и на русском. У нас это уже делается. Из уважения и коммерции для.

Париж начался на острове Ситэ. Средневековый Notre Dame de Paris появился именно там. Сколько слышали,

читали, мечтали! Мохнатая гусеница - очередь в собор, извиваясь, двигалась довольно быстро ко входу. Мы примкнули к ней, чтобы осязать глазами. Извне собор грандиозен, импозантен, довлеет над всем островом. Notre Dame признан шедевром мировой архитектуры (заложен в 1163 году, имя первого архитектора не сохранено). Войдите внутрь спокойно, без суеты - суета принижает значимость. Середина собора отделена от пути следования толпы - идёт служба. Не повышайте голос: здесь молчанье - золото. Возле стен - место для коммерции: свечи, иконы, изделия из драгоценных металлов. Обойдя собор с тыла, опять убедились, что он - исполин и сделан на века. За звонкие евро можно подняться на смотровую площадку сооружения сбоку. Медленность движения по винтовой лестнице и высота, бывало, приводили к обморокам. Я остановила мысль о подъёме до следующего раза.

Жизнь собора в разные столетия не была однообразной. Произведение ранней готики, собор под своими сводами, за своими могучими стенами мог защитить-укрыть от врагов. Под сводчатым потолком собора проводились собрания-заседания, поэты читали стихи, ставились театральные представления-мистерии. Однажды Notre Dame был приговорён к высшей мере. Но после романа Виктора Гюго сносить его передумали, отремонтировали, собирая сведения в архивах об архитектурных деталях. Мне лично кажется, что наряду с импозантной завершённостью, готический средневековый стиль несёт в себе агрессию. Тем не менее, стреляющие в небо многочисленные шпили, башенки, рельефы красоту умножают, ибо она - совершенна.

... *Распростёр колоннаду,*

Как объятие рук.

Распрямит, если надо

Жизни погнутый круг.

В мир покоя нездешний

По аллее колонн

Ты заходишь как грешник,

А уходишь прощён.

Владимир Филиппов

* * *

Как утверждают гиды, мир богат нотр-дамами. Вот и мы, российские, преуспели. Казанский собор Андрея Никифоровича Воронихина есть изумление Невского проспекта. Выйдем из метро к каналу Грибоедова да на теневую сторону Невского к призывно раскинутым объётам колоннады.

Она очерчивает полуовал. А венчает собор огромный купол. Эта сияющая архитектурная деталь существует в неоднократном повторе и в Париже. Сотрясать воздух словесами в конце прошлого века было принято на казанском пяточке. Пред собором – скверик. У граждан – в востребованном почёте. Площадь и сквер у собора пользовались для митингов различные партии, движения, объединения. Пришлись впору установленные перед Казанским памятники М.И.Кутузову и М.Б.Барклаю-де-Толли. Ещё моя бабушка сказывала, как острословы городского фольклора оценили работы скульпторов Орловского и Гальберга:

Барклай-де-Толли и Кутузов

В двенадцатом году морозили французов.

А нынче благородный росс

Самих поставил против Казанского собора

Без шапок на мороз.

Строительство собора окончено накануне Отечественной войны 1812 года. Он создан во имя Казанской иконы Божией Матери. С 16-ого века и по сей день, возлюбленная российским народом, она помогает и в военное, и в мирное время. Во соборе в очередь поклониться ей, пошептать свою просьбу встала и я. Никто никого не торопит, претензий за долгое стояние перед реликвией не высказывает: атмосфера храма способствует взаимоуважению. Которого так, господа хорошие, не хватает нам и в улицах, и на кухнях. Возможно, и поэтому след от слезы на святом лике не исчезает.

* * *

В Латинском квартале Парижа всего много. В 13-ом веке Людовик Святой открыл

школу для студентов - теологов, медиков, филологов, юристов. В дальнейшем, некоторые факультеты были вынесены в другие города. К примеру, факультет филологии. Чтобы студенты «не мутили воду» революционными идеями.

Озабоченный славой полководца, господин Наполеон не только водил полки в авантюрные и бессмысленные походы. Но и был озабочен чистотой французской речи. Мы, россияне, тоже можем похвастать аналогией. Студенты же Сорбонны, на тот момент единственного учебного заведения Высшей пробы, говорили на жутком латинском сленге. Волевым решением учебные заведения были закрыты. Чистопородный французский - спасён. Сейчас высшее образование - не только Сорбонна.

Уютный дворик Musee de Cluny примечателен подлинными старинными водостоками. Эти архитектурные детали дошли до нас в обличьях химер. Они отбрасывают дождевую воду, не давая ей стекать по стене. Кстати, Notre Dame обустроен такими же конструкциями.

Пройдя от музея к бульвару Сен-Мишель, познакомились со средневековыми развалинами гало-римских терм - древнейшими сооружениями Парижа. Являющимися предтечами современных общественных бань. Ограждённые решёткой и расположенные значительно ниже уровня тротуара. Из-за последующих культурных наслоений этот уровень с годами стал выше значительно. Термы, уже только отдалённо похожие на изначальные сооружения, но исторически значимые, ответственно сохранил город для нынешних и для грядущих поколений. Следуя далее, на фасаде одного из зданий по светло-бежевому полю крупными латинскими буквами обозначено: SORBONNA.

Идучи к бульвару, знакомимся с выставленными на улице ценами. Против каждого из многочисленных ресторанчиков - меню с подробным пояснением относительно цен за весь комплексный обед и за каждое блюдо в отдельности: E10,12,15,17 - на любой кошелёк. По

российской привычке немедля произведя нехитрые арифметические действия, пришла к выводу: у нас-то дешевле. По случаю мизерных зарплат и нищенских пенсий. Уровень жизни французов высок. Господа путешественники, вы приехали увидеть и восхититься? Мы вам в этом поспособствуем. Но... платите в кассу!

Встреча у фонтана на Сен-Мишель состоялась. Служащий ориентиром, фонтан - место отдыха и свиданий интересен в оформлении. Тут тебе крылатые львы, источающие водяные струи, с телами змей вместо задних лап. И ниспадающие потоки по вертикали.

* * *

Трамвайчик, бороздящий Сену, вёз нас на прогулку, минуя множество мостов. Сопровождавший дождичек российского происхождения от работы устал и прогулку испортил не слишком. Проплывавшие мимо здания пытались ответить на мой вопрос «чего не хватает?». А неширокая Сена напомнила мне другое путешествие. По рекам и каналам Санкт-Петербурга в пригожий выходной я прокатила мою внучку. «А где море, бабушка?» - спросила Ира, следуя к набережной канала Грибоедова. «Невы державное течение» вполне внятно ответило на её молоденький вопрос. Широта и глубина городской реки, похожей на море, заморозили. Свежий ветер плотной струёй бил в лицо, трепал волосы.

*...Невесомая, как облака,
Шевеля поплавками счастливо,
Проскользнёт под мостами река,
Убегая в объятия залива.*

Адриан Протопопов

По берегу поспешали строения из того минувшего, когда зодчие были озадачены индивидуальными проектами, способными воспеть и облагородить. Отставая, мосты поражали бесконечностью пролётов, являя «оград узор чугунный». И я, наконец, разобралась, чего мне недостаёт в фасадах зданий французской столицы: цветовой гаммы. Сооружённые

из известняка, ракушечника и песчаника, они представляют собой (за некоторым исключением) моноцветный ряд, тем не менее, изящной архитектуры. Множество деталей: балкончики, решётки, барельефы, колонны, скульптуры, башенки, мансарды, исполненные инженерной мыслью и талантливими руками, явились необходимым звеном целого, получившего имя Париж.

* * *

*Не потому, что каждый кулик...,
А справедливости ради.*

Я мысленно возвращаюсь в Санкт-Петербург. Где затерзанный революционными идеями и потребительским отношением к истории современных нуворишей, старый город едва остался в живых. Всевозможные приватизации, уплотнительные застройки, распродажи бесстыдно смотрели в лицо старине из-за купленных всё разрешающих подписей и печатей. Не уважая высокое архитектурное мышление зодчих прошлого и вписывая нечто не вписываемое в уже созданное, уродовали чистые линии безукоризненного лица. И... всё-таки! Чтобы суетность не принизила значимости, господа, оторвите изнеженные филейные части тела от мягкой мебели, взор – от бездарных телепередач. Включите свой собственный мозг. Неспешно влейтесь в проспекты родной Северной Пальмиры и поверните голову направо, а потом - налево... Что?.. Ну, ладно, сначала налево, а уж затем - направо. Вы живёте в городе Петра Великого. И куда бы вы ни посмотрели, везде в старинной его части – архитектурная мысль высочайшего полёта. В разнообразной цветовой гамме, завещанной предками.

*Драмы множества жизней, дворцовые тайны
Прячут стены твоих разноликих домов.*

Ирина Богородицкая

Заметьте же это, наконец, господа. Вам не надо спешить. Ваши обзорные экскурсии не ограничены семью днями, - только продолжительностью жизни. Итак! Район Невского проспекта пресыщен блистательной вечно молодой стариной. В тот полдень мы с Ирой ехали к Спасу-На-Крови. Изгиб канала Грибоедова приоткрывал панораму не вдруг, - постепенно. И вот архитектурное детище господина Альфреда Парланда (конец 19-ого века) предстало взору целиком во всём своём индивидуальном обличье. Унаследовав генетически обусловленное обострённое чувство прекрасного, моя внучка закричала: «Бабушка, что это?» Её потрясение было столь велико, что переступив порог легендарного храма, экскурсовода уже не покидала, внимательно выслушав всё, что было подано.

День третий

Утро третьего дня приобрело запах французского парфюма, как только мы переступили порог Parfumer Fabrik «Фрагонар». Ароматы витали в воздухе, создавая атмосферу праздника. Не ленясь, профессионально, менеджер заведения прочитала познавательную лекцию живым русским языком. Поскольку от роду-то - россиянка. Её заинтересованному рассказу внимали пристрастно, коль скоро желали обогатиться не только обновлённым кругозором. Иные цифры поразили. Я и не предполагала, что один литр розового масла, собираемого, буквально, по капле, требует девятьсот килограммов лепестков. Что стопроцентного парфюма для мужчин нет в природе (какой только лапшой не пользует наши уши торговля!). Парфюм (духи) содержит двадцатипроцентную концентрацию масла, туалетная вода - двенадцати, а одеколон - четырёх. И вот настал торжественный момент приобретения ароматов. В фабричной упаковке парфюм сохраняет свои свойства восемь лет. Дегустировали до полного забвения себя, вода носами по пробным полоскам. Удержаться от соблазна «купить»

нет никакой возможности, поскольку в окружающей атмосфере заявил о своих правах господин ажиотаж: если не сейчас, то когда? Посещение Parfumer Fabrik - разовое. И только с группой и с гидом.

* * *

На Монмартр можно подняться по ступеням (поскольку высоко, их много - 237). А можно и на фуникулёре, поскольку оплачено. На церковь Сакре-Кер, вознесённую на холм, сначала смотришь с нижних ступеней лестницы, ведущей ко входу. А потому кажется, что неприступное светлое облако сооружения парит над тобой в туманном утре Монмартра. Пред собором - скульптуры: справа - Жанна д' Арк, слева - Людовик XII-ый. Их кони горделивой осанкой не пренебрегли - статус седоков обязывает. Затуманенное солнце, наскоро выпив влагу, представило с высоты холма панораму дивной красоты. Холм, будучи самым высоким местом Парижа, (127 метров), со ступеней базилики открывает солнечный вид города и его окрестностей. Видно отчётливо и далеко. Кажется, всюду рукой подать. На небольшой площади Тертр (pl. du Tertre) в былые времена кипела жизнь: это здесь художники писали свои «моментальные» картины, чтобы тут же их продать заказчикам. На Монмартре жили или снимали жильё Виктор Гюго, Жорж Санд, Тулуз-Лотрек, Винсент Ван-Гог, Пабло Пикассо, Дега, Модильяни, Огюст Ренуар, Рауль Дюфи. Теперь они проживают в Лувре, Орсэ, Оранжери и других, уважающих себя галереях. Это здесь, на Монмартре, есть одно местечко (площадь Пигаль, у фонтана), где можно было купить натурщиц. К одобрению Эдуарда Мане, частого посетителя. Без традиций - никуда: местные увеселительные заведения, «Мулен Руж» в том числе, и по сей день в работе. Тулуз-Лотрек, в своё время, проводил там вечера, делая наброски с танцовщиц и публики. Одним словом, богема никогда не была стеснена в действиях и поступках. Придя на площадь Тертр, я не ощутила атмосферы тех времён: потребности потреблять

искусство в большом количестве. Да и художников-то раз-два да и обчёлся. Их произведения не вызвали у меня острого интереса. Свои ювелирные причуды охотно продемонстрировал здесь же на площади небольшой магазинчик, серебряные изыски которого предстали в полном объёме. Париж находится на широте Сочи, и на спуске с Монмартра виноградник весело и многообещающе зеленел листьями и гроздьями будущего урожая.

* * *

Посреди всей этой изысканной античности - сумбур современной архитектурной беспощадности с уклоном «от футур» из бетона, стекла, резких геометрических форм и линий. Это - Центр Помпиду. За рубежом не принято называть президентов, отслуживших своей стране, бывшими. Потому Жорж Помпиду - навсегда президент Франции. Это он был инициатором строительства культурного Центра в сто тысяч квадратных метров по проекту англичан Ренцо Пьяно и Ричарда Роджерса. Ради освобождения полезной площади все системы обеспечения, окрашенные в различные цвета, выведены наружу: лифты, эскалаторы, трубопроводы. Мне не понравился этот хаос. Сооружение - незванный гость (*parasitos* – греч.), застрявший в «античном пиру». И это есть моя личная кочка зрения. На фоне хаоса – умное с улыбкой мудрости лицо выдающегося руководителя государства Франция гасит негативное впечатление.

День четвёртый

По залам «сумасшедшего» дома с именем Версаль мечутся толпы экскурсантов. Они постоянно испытывают чувство не только локтя и колена, но и всех прочих частей потных тел, измученных вложенными в Париж средствами: НА – ДА! УПЛО – ЧЕ – НА! Ажиотаж- то и осудить невозможно: в глазах – неподдельный интерес: охватить всё и сразу. Мы и так знали, но приятно услышать ещё раз, что пороки прошлых королей ничем не отличались от пороков

королей нынешних. Те же: страх, жадность, зависть, любовная страсть. И Бога не боялись, и ничто человеческое не было им чуждо. Не упуская из виду зонтик – опознавательный знак (он же – ориентир) нашего гида господина Сергея, мы обследовали и дворец и парк. Тщательно подстриженные кусты самшита (не будем забывать – широта Сочи) формируют украшения геометрической формы, сопровождаемые цветущей геранью, петуньей, маргаритками. Приобретённый геометрический колорит усилен вазами, статуями, мраморными бюстами и балюстрадами. Идея оформления парка понравилась, ибо нашлись желающие подражать в разных концах света. На территорию Версальского дворца невозможно пройти, минуя затейливую чугунную решётку. Людовик XIV – король-Солнце наблюдает суету экскурсантов, сидя на коне перед входом во дворец.

* * *

Не миновали и Фонтенбло – старейшую загородную резиденцию французских королей. Сейчас – национальный музей. Красота не может утомить. Субтропический парк угостил нас ароматами растений в субтропическом воздухе. А усилили впечатление от увиденного в живописном пруду немислимые безразмерные карпы, похожие на свинок. Готовые заглотнуть и нас вместе с хлебом. Рядом с карпами – лебеди в большом количестве. Негостеприимно шипели при моём приближении.

День пятый

Сегодня свободный день, он же - день музеев. Для самостоятельного посещения любых (их – очень много) музеев Парижа предусмотрена музейная карта: предъявитель сего проходит свободно, не озадачиваясь приобретением билета. Левое крыло Дворца Правосудия - музей Сен-Шапель (*Sainte Chapelle*) - Святая Капелла. Войти в музей вот так сразу прямо с улицы и глазеть по сторонам? Не так резво, господа.

Проверка ручной клади и её владельцев на предмет присутствия недозволенного и взрывоопасного обязательно и обсуждению то не подлежит. Встаньте, пожалуйста, в очередь и наберитесь терпения. Досмотр добросовестный. И только здесь, во Дворце Правосудия, в восторженном молчании взирали на витражи XIII-ого века в одном из совершенных памятников архитектуры в готическом стиле. Витражное искусство для украшения храмов использовалось в Европе весьма широко. Именитые художники работали в этой области. Марк Шагал – в их числе. Это искусство представлено почти в каждом храме из тех, что я посетила в Германии, Швейцарии.

* * *

Музей Орсе (Le Musée d'Orsay). Знакомясь с экспонатами музея, мы обратили внимание на странность внутренней конструкции сооружения: немислимые просторы, высота сводов 40 метров. Внешне - каменный фасад и купола. Припомнилось слово «эkleктика». А всё потому, что популярное ныне здание предназначалось для железнодорожного вокзала. Архитектор Ге Оленти создал пятиуровневый музей, где выставляются картины и российских художников: В. Серова, Л. Пастернака (отца).

* * *

Огюст Роден. Национальный музей. Здесь не только экспозиция подаренных государству коллекций, но и мастерская, и приёмная. Но самая любимая мною работа «Мыслитель» - недалеко от входа в музей под открытым небом меж роз и фантастически подстриженных кустов. Бродя по залам среди работ Моне, Ван Гога, Ренуара, слышали русскую речь и подошли спросить дорогу в Собор Инвалидов. «Это просто и недалеко. Но привет от меня Наполеону не передавайте», - сказал незнакомец. Нам было интересно взглянуть на воплощённую в камне степень почёта полководцу девятнадцатого века, бездарно губившего огромную армию в авантюрных походах. В бескрайних российских снегах - в том числе. Тайно бежавшего, спасая

себя и бросив в чужой стране верных долгу солдат. Они оставили нам на веки вечные французские словечки. Cher ami, говорили крестьянам голодные и едва одетые суровой зимой французы, умоляя о хлебе. Идите, идите, шаромыжники, мы вас не звали. Самим есть нечего. Для французской армии на русской земле не нашлось ничего: ни хлеба, ни фуража. Замороженные трупы лошадей валялись по дорогам непокорной страны – шваль (по-французски – лошадь). «Шерочка с машерочкой» говорят в том случае, когда на танцах не хватает мужчин, и женщины развлекают себя сами. Россия не осталась в долгу. Полюбившееся «быстро» вернулось к нам, погостив на берегах Сены, уже грацируя. «Бистро» (привычно ударяясь о последний слог по-французски) написано на вывесках питерских кафе. Степень же почёта французскому императору лично у меня вызвала недоумение. В связи с выше изложенным, чрезмерная пышность надгробия вызвала двойственное чувство. С одной стороны - блистательное архитектурное решение господина Висконти - шедевр в порфире. Он был доставлен из Карелии глыбами до двухсот тонн. Везли эти тонны целый год. Ей-богу, на это стоит взглянуть, господа... С другой стороны - за что же уж так-то уж, господа французы? С почётом-то - перебор. Но это есть моя личная «кочка» зрения.

А что же с нашим-то талантливым славянином, полководцем-победителем, с господином Кутузовым? Дело воинское познав до тонкостей, армию вражескую сгубил, страну Россию от нашествия спас. Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов внезапно умер в 1813-ом году в Бунцлау. Его прах хранит Казанский собор в западном приделе под скромной мраморной плитой. Над ней – герб, далее – из красного мрамора памятная плита скромных размеров с именем и датами начала и конца жизни. Справа – ключи от взятых крепостей и вражеские штандарты. И каждый прихожанин считает своим долгом подойти, спокойно постоять рядом и поклониться праху выдающегося полководца великой России.

* * *

Триумфальная Арка на площади Карусель (Place du Carrousel) в Париже была возведена в честь побед Наполеона. Торжественный въезд императора во дворец Тюильри должен был начинаться отсюда. Императору пышное сооружение пригодились лишь раз – для траурной процессии с его катафалком. Издали и вблизи Триумфальная Арка – сооружение основательное. В правой опоре лифт работать отказался. Именно к нашему появлению. Но мы дружно подумали: «Вы хотите поставить нас в тупик своими вопросами, а мы поставим вас в тупик своими ответами» (М. М. Жванецкий).

Мы в Париже – элемент чужеродный, экскурсанты. Здесь – не навечно. А потому «упёрлись рогом» и... поднялись пешком. По крутой винтовой лестнице, между прочим. Но, когда я достигла смотровой площадки, коленочки-то подогнулись. Иностранцы подданные моё в меру молодое тело подхватили и удержали в вертикальной позиции: все люди – братья.

* * *

Среди себе подобных человеческая особь, не наделённая чувством юмора, – элемент антисоциальный (шутка). И наоборот. Счастливые обладатели этого удивительного отпущенного Господом свойства – скорострельного и всегда неожиданного, вызывают симпатию и расположение. Войдя в вагон метро, мы стали внимательно изучать маршрут, рассуждая вслух. Русская речь привлекла внимание двух молодых мужчин, которые тут же признались, что они – армяне, живут здесь. И подсказали, на какой остановке выйти.

- Спасибо за помощь. А то мы уже приготовились блуждать в метро целый час, как это было позавчера.

- Так мы вам всё испортили?

Мимолётная встреча с остроумными людьми (ну, везде – наши!) подарила нам смешливое настроение на весь оставшийся день.

* * *

Холм Шайо. Придя сюда ещё раз, вспомнили, как в день первый на площади Троко-де-Ро меж дворцов Шайо представители арабской диаспоры устроили протестную акцию с музыкой, танцами и человеком у микрофона. Который сводил на нет титанические усилия господина Сергея: перекричать не представилось возможным. Сегодня же мы, послеобеденные и отдохнувшие от «perpetuum mobile» по парижским музеям, спустились с холма Шайо напрямик к опорам Эйфелевой Башни в длинную зигзагообразную очередь. Мы были готовы заплатить за все уровни сразу, но лифт поднимать толпу на третий уровень отказался. Я готова была пойти пешком - не пустили. Но и со второго уровня раскинувшийся под нами город с чёткими линиями Сены, отсюда - крохотными её прогулочными трамвайчиками, Елисейскими Полями, Большими Бульварами, куполами соборов там, вдали был прекрасен и очертания его лица - молоды. Смеркалось. И вот оно - чудо чудное, диво дивное. Эйфелева Башня вспыхнула и заиграла потаёнными на дневном свету огнями (проводов употреблены фантастические километры; красят башню вручную ежегодно). В протяжном вопле восторга была благодарность судьбе за оказанную милость; властям – за уважение и любовь к вверенному городу; себе самим – за то, что всё задуманное свершили.

- Девочки, вы, наконец, поняли: мы – в Париже?! – сказала одна из нас.

И смеялись от счастья и полноты чувств.

День шестой

Поездка по замкам Луары – мероприятие дополнительное. Бесплатное и на весь день. Вместе с обедом. Протяжённость пути – 250 километров. Всего каких-нибудь 164 еврика вынь да положь.

После Второй Мировой сохранилось 198 замков. Нам предстояло побывать в трёх из них. Приближаясь к цели путешествия,

миновали атомные электростанции (совсем рядом с Парижем). В стране их сорок пять. Каждая - под строгим надзором. Но теперь, в связи с природными катаклизмами, японского синдрома опасаются все страны. Франция – в том числе.

Прежде, чем впасть в Атлантический океан, река Луара преодолевает 1012 километров. И на её пути «каменная симфония» (по мнению одних), «каменный мешок» (по мнению других) – замок Шамбор. Грандиозен, импозантен. Чтобы осязать его взглядом снизу доверху, надо отступить вглубь парка. Крепость хранит воспоминание о мегаталантливом человеке: учёном, конструкторе, живописце, изобретателе. Леонардо да Винчи приписывают проекты дворца Роморантан и отдельных частей замка Шамбор. Замок построен по принципу всех прочих средневековых крепостей. Это, прежде всего, защита от врагов. Башни (донжон – фр.) обязательны для наблюдения за местностью. В средней башне в случае опасности вместе с хозяином замка укрывалось всё окрестное население. Чтобы во время нападения воды хватило всем, на территории замка рыли колодец. На случай крайней опасности существовали подземные ходы. Через них спасались бегством. Прихожу к убеждению, что жизнь человечества в любые века не была усыпана лепестками роз. Замки и Шенонсон, и Амбуаз (родовое гнездо Карла VIII) хороши не только сами по себе. Прилегающие территории обустроены и обихожены в лучших дизайнерских традициях. И к приёму гостей готовы всегда. Замок Амбуаз стал последней обителью Великого Леонардо. Он умер 2 мая 1519 года. Согласно его желанию, похоронен здесь, в замке Амбуаз.

В повесть о замках Луары включена глава относительно дегустации вин на винодельне, расположенной невдалеке от замка. Возле автобуса нас встретил безразмерный грозного вида пёс из тех, кому доверяют присматривать за малыми детьми. Ньюфаундленд достиг уже того преклонного возраста, когда снизошедшая

мудрость подсказывает простые решения: *взять мзду с каждого прибывшего. Хоть чем-нибудь, но угостить обязаны. Хозяин меня кормит, конечно, но когда ещё и вы... жизнь становится вкусней. И не такой уж это смертный грех – чревоугодие-то. Не опасайтесь, я и смолоду был безопасен, а с годами просто забыл, что можно рычать-лаять-кусать. За всё признателен вам, господа.* Услышав душой трогательный монолог, лично я - уважила.

Видимо, вина были хороши и одобрены многими - коммерция шла своим чередом. Лично я - не уважила: люблю ликёры. А сухие-полусухие с бесчисленными орденами и медалями по фасаду - не для меня. Подозреваю, что мой вкус - несовершенен. Скажу больше, извращён.

Следуя в Париж, транспорт широким потоком спешил расстаться с дневными обязанностями. И не было ему успокоения.

День седьмой

Утро седьмого дня, начавшись на ступенях Grande Opera, воодушевлено посещением Лувра. Американский архитектор китайского происхождения Ео Минг Лей решил проблему единого центрального входа с современных архитектурных позиций, поскольку не только архитектура, но и само мышление подверглось трансформации на современный лад. Посреди классики возникшая стеклянная пирамида никоим образом не вписывается в эту самую классику. Господа, следуйте в Париж и убедитесь в правоте моих слов.

Растиражированная в фотопродукции и всевозможной пластике, Венера Милосская поразить своей безупречностью уже не могла. Но публика, тем не менее, замирала, стоя несколько ниже и в удалении. И каждый, взирая, был горд тем, что довелось-таки: «Вот и я здесь, у Ваших ног, Несравненная». Сознание, что смотреть на Совершенство в подлиннике дано многим, но не каждому, превращало

поход в музей в праздник. Конечно, не единой этой скульптурой славен Лувр. Не только ради неё, бесценной, мы истязали себя в бегах с раннего утра до позднего вечера. Лувр – бескраен. Его коллекция скульптур, картин, археологических находок по величине – первая в мире. А чтобы суета не принизила значимости, надобно бы пожить в Париже. Чтобы взглянуть спокойно и никуда не спеша на «Одалиску» Энгра, «Свободу» Делакруа, на «Амура и Психею» Антонио Кановы, «Мадонну в гроте» Великого Леонардо, на «Портрет Христа» Антонеллы да Мессины. Создаст же человеческий гений, думаешь ты, безмолвно и недвижимо созерцая недостижимое и благодаря творцов за искусство, не имеющее возраста, способное возвысить душу до экстаза, понуждая её парить над землёй.

Заодно отвечая на вопрос, для чего нужны музеи?

* * *

*Дворцовой площади уют,
Дворцов доверчивые тайны,
Иду я к вам и в дни печальны
Века мне ваши свет несут...*

Владимир Думский

Осенняя Дворцовая площадь пустынна. И потому более торжественна в своём молчаливом ожидании. Хранимая величественными мифическими титанами (скульптор А. И. Тербенев), держащими на каменных руках небо, и Колесницей Победы над Аркой Главного штаба, Александровская колонна (Александрийский столп) и грандиозна, и легка. Воздвигнутая в честь Александра I – победителя Наполеона в войне 1812 – 1814 годов, она есть ажурность инженерной мысли и её полёт. Колонна не врыта в землю, не укреплена фундаментально. Точный расчёт проекта Огюста Монферрана и собственный вес удерживают гранитную стелу в центре исторической площади. Попытки ретивых

любителей экстрима (соцветие «здесь был Вася» пышно распускается в исторически значимых местах) взобраться на колонну как можно выше, чтобы себя показать и на других посмотреть, пресекает ограда, украшенная по периметру орлами.

*Когда на сердце тяжесть и холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа ты в сумерках приди,
Где без питья и хлеба, забытые в веках
Атланты держат небо на каменных руках.*

Александр Городницкий

Подписанная властями города антинародная и маразматическая идея - каток на Дворцовой обрела-таки своё воплощение. Несмотря на протесты общественности, руководства Эрмитажа, служителей Культуры два года тому питерцы вышли на платный искусственный лёд. В результате неуёмных амбиций господ-устроителей, желавших прославиться любым способом, несколько орлов, украшавших ограду, снялись с веками насиженных мест и удалились восвояси. Неведомо куда. Святотатство не может кончиться хорошо. Неведомо также, оттянулись ли карманы хозяев катка ещё пуще, но город понёс реальные моральные и материальные убытки. Ответил ли кто-либо за этот «плевок в лицо», то ж неведомо. Но предположить можно: у нас виноватых не бывает. На всё на это в ужасе взирали, замерев и задержав дыхание, Ангел с высоты Александрийского столпа; Атланты, едва не обронившие небо; и кони вместе с седоками над Аркой Главного штаба. Ну, в каких парижках, господа, возможны такие «реверансы»?

А тем временем, хранитель бесчисленных сокровищ «мировой культуры, возраст которых превышает многие тысячелетия»*, живёт своей привычной жизнью, служа одной идее – сохранению и демонстрации сокровищ классической красоты. «Для всего мира Эрмитаж остаётся эталоном абсолютной истины и недостижимого совершенства»*

(* Н. А. Синдаловский, «Петербург»). Если сделать несколько шагов влево и повернуться к колонне спиной, то там, вдали поблескивает позолотой знакомый до боли огромный купол Исаакиевского собора. Он напомнит о школьном походе в музей к маятнику Фуко в далёких пятидесятых прошлого века. Мы поднялись, конечно, на смотровую площадку, чтобы взглянуть на утренний распластаный под нами город с разных позиций:

Всё - фантастично, всё – на грани...

Домов, дворцов, монастырей

Размыты контуры в тумане...

Пейзаж расплывчатый и бледный.

Туман, как белая канва:

Ещё не вышита Нева,

Ещё не вышит Всадник Медный.

Надежда Ораевская

Рождая всевозможные слухи, Исаакий Огюста Монферрана строился бесконечно долго – 40 лет. Установленный на сваях (их – 10762) из-за ненадёжности петербургской почвы, собор-исполин - огромный, массивный, высокий - рождает легенды. Одна из них в том, что он продолжает оседать в грунт и ныне. Может кому и не по вкусу пришёлся Исаакий Великолепный. Я же, отойдя вглубь площади и окинув глазом воплощённую монферранову мечту, восхищённо взираю на это чудо.

Непрофессионально не ощущая диспропорций, низко кланяюсь чуду-чудному, диву-дивному Исаакиевскому собору за то, что в годы блокадных обстрелов сохранил-сберёг в своих подвалах музейные сокровища. Коль скоро городу вывезти все накопленные веками богатства в глубь страны не представилось возможным.

* * *

Держи-лови, лови-держи,

Держите ваши багажи

Стихословье от народа

Извечная неизлечимая язва больших и малых городов – уличные воровы-карманники. Где бы мы ни были: на пешеходных ли

экскурсиях по городу, в музеях ли, в Версале и Фонтенбло, в наземном ли транспорте или в метро гиды предупреждали: будьте бдительны. Ещё моя мама мне говорила: задний карман - чужой карман. Один из наших на минутку переложил портмоне в задний карман брюк и... лишился пятисот евро. Неплохо, да? Если учесть текущий курс европейской валюты и скорёхонько перемножить. В вагоне метро Марина поймала за руку мерзавку, вернув себе тем самым кошелёк.

Господа, не расслабляйтесь. Крадут-то ваши честно заработанные. И помните: вы объект постоянного внимания, поскольку иноземца видно невооружённым глазом. Просто на лбу написано: иноземец. Исходя из вышеизложенного, у Парижа и Санкт-Петербурга - общее заболевание.

ЭПИЛОГ

Глубокоуважаемый господин Хемингуэй! Оппонируя Вам, я понимала сложность задачи. Желая увидеть Париж Вашими глазами, не учла некоторых нюансов. Мы приехали в европейский город из разных культур, пристрастий и впечатлений. Вы - из «одноэтажной Америки», я - из города Петра Великого, над которым трудились именитые зодчие не одного поколения. Ваш восторг, Ваше потрясение от увиденного в Париже понимаю и принимаю. Париж проник в мою память музейным дорогим экспонатом, который нельзя продать – только передать по наследству. Сейчас одно из его многочисленных достоинств – ухоженность. Каждое здание, проспект, площадь, улица – любимы и хранимы. Озабоченность парижан нынешних о процветании города не имеет конечной точки. Известные всем достопримечательности Парижа сияют позолотой уважения и любви. Однако, сожалею и весьма, что в веке ушедшем насыщенность и скоротечность Вашей жизни не позволили побывать в городе, где я родилась.

*Мне же выпало счастье родиться
В этом городе светлых ночей.*

Ирина Богородицкая

И, восхитившись Северной Пальмирой под сенью ангельского крыла, душой услышав «тяжелозвонкое скаканье» Медного Всадника, к изумлению своему вдруг постичь, что не Парижем единым славен подлунный мир. От такой-то благодати петрова детища голова закружится, господин Эрнест. Зодчие с неординарным архитектурным мышлением воздвигли на Неве шедевр не ниже, чем поселение на Сене. В иную книгу невозможно вместить всю повесть о беспощадной красоте, созданной поколениями. В небольшой очерк – тем более. Всё, о чём я упомянула в нём, лишь символы моего города. И только при многократных свиданиях возможно насытиться им, достойным восхищения и любви.

Случись несбыточное, и фонтаны Петергофа отсалютуют только в Вашу честь, мистер. Случись невероятное, и, однажды, пригожей белой ночью мосты Невы взмахнут крылами, приветствуя Вас, а

*Великий Пётр, в знак уваженья,
Подаст Вам царственную длань.*

Случись невозможное, и мы, Ваши потомки, с радостью отдадимся чтению ещё одной оды необычайного литературного слога о граде на берегах Невы, который всегда в Вашем сердце.

*Ваши оппонент-
единомышленник
автор*

* * *

Милостивый государь бесценный
Александр Сергеевич!

Дерзнула беспокоить Вас своими эмоциями, коль скоро с наслаждением (уж в который раз) перечитала «Медного всадника» - душа просит. Ода Великому

городу, коею Вы изволили удостоить весь читающий мир, - нежна. И с молодых ногтей затверживается наизусть. А рифмы совершенство живёт в памяти до конца дней. *Merci bien*. Волею судеб, этим летом, любопытствуя, оказалась в Париже. Этот город изящен и хорош собой, как... Натали, будучи убрана в однотонные одежды из зело дорогих тканей разнообразных фасонов: то – с рюшами, то – с кружевом, лентами, а то – и с воланами.

Mon cher, французские пииты, касательно знаменитого города, оды свои сказывают зело несловоохотливо. Перелистав страницы книг французов, подивилась их од скупому стихословью. Вот пример. Шарль Бодлер:

*...А в мешанине стен и кровель городских
То церкви узнавать, то колоколен шпили.*

* * *

*Дрожа от холода, заря влачит свой длинный
Зелёно-красный плац над Сеною пустынной,
И труженик Париж, подняв рабочий люд,
Зевнул, протёр глаза и принялся за труд.*

Гийом Аполлинер (поэт Франции с русскими корнями):

* * *

*Бог мой, удача какая
Уехать из мрачного края
В Париж
Прекрасный Париж
Что был безусловно*

*Самим Амуром основан.
Бог мой, удача какая
Уехать из мрачного края
В Париж.*

* * *

*Как прекрасен Париж мой в конце
сентября.
Виноградники ночи, во мраке горя,
Город залили светом...*

Мои же современники – российские пииты – «племя младое, незнакомое», озабоченные желанием преуспеть, славят воспетый вами город пристрастно, зело велеречиво и с любовью. Разделяя Ваш, cher ami, восторг. И скорбя о судьбе современного Санкт-Петербурга. Вот «пример невинных упражнений»:

*Нева спешит к поднятию моста!
Зажгли огни Ростральные колонны
Раскинув крылья, мрачные грифоны
Несут луну в объятия креста.*

Сергей Новиков

* * *

*Здесь не хватает небу синевы
Реки надмирной здесь белёса млечность
И взгляд свинцовый медленной Невы
Сквозь горизонт уходит в бесконечность...*

*Здесь Медный Всадник скачет сквозь века
И бег прервать не делает попыток...
Сжимает время медная рука...
Шлифует вечность медные копыта...*

*Здесь искрой Божьей зажжены Любовь
И Вера в дни великих испытаний.
Здесь духом укрепляется любой,
От поисков уставший и метаний...*

*Великий град Великого Петра!
Мир суетный ты потрясаешь снова
Шедеврами и кисти, и пера,
И музыки, и золотого слова...*

*Культуры и традиций колыбель,
Ты не утратил царственной осанки –
Открыт душой и помыслами бел,
Нет ни в лице лукавства, ни в изнанке.*

*Ты Богом на особицу любим...
В тебе хранит историю Россия...
И духом твёрд, и непоколебим
Ты – гражданин Вселенной и Мессия.*

*В свинце застывшем медленной Невы
Реки надмирной отразилась млечность...
Здесь нехватает глазу синевы,
Но стала осязаемою вечность.*

Наталья Шитикова

Лекарь

*Ты – верный лекарь, город мой;
Тоски не излечить аптекой;
Когда не хочется домой,
Иду к тебе, мой город-лекарь!*

*Когда мрачнеет в голове,
Когда в груди кипит досада,
Я в гости прихожу к Неве,
Гуляю по аллеям сада.*

*Любуюсь тонкою иглой
Адмиралтейского фасада,
Когда покажется игрой
Вся жизнь и ничего не надо.*

*Когда не хочется домой,
Когда пройдёшь все круги ада,
Ты, город-лекарь, вновь со мной -
И утешенье и награда.*

Марина Ермошкина

*... Мне этот город – талисман
Со мной и в радости, и в горе...
У нас с ним чувственный роман,
Где голоса совпали в хоре.*

Юрий Пейсахович

Осень в Летнем саду

*Осень в кафтан багряный
Летний одела сад,
Выплеснув из карманов
Солнечный листопад
За витражом ограды
Средь позабытых снов
Смотрит усталым взглядом
В книгу судеб Крылов.
Мраморные фигуры
Под перезвон дождя.
Вересня увертюрой
С вечностью говорят.
Полуприкрыв зеницы
Мудрые до утра,
Дремлет хохлатой птицей
Домик царя Петра.
Посеребрённой бязью
Стелется Карпин пруд,
Где золотую вязью
Листья венки плетут.*

Олег Зорин

Стиха слагая совершенство, имея примером, Ваш, mon cher, немеркнувший дар, мои современники льстят себя надеждой, что город, постигший празднества и невзгоды, сохранит сквозь время своё торжественное лицо. И будет достоин песен пиитов грядущих поколений.

Ваше Величие mon ami Александр - Свет - Сергеевич, благодарю судьбу за то, что пиит Пушкин - сын России.

*С глубочайшим почтением и
совершенною преданностью
есмь автор.*

* * *

Увидеть Париж и умереть?.. Да ни за что!
Жить и любить, и хранить то, что даровано
Создателем – свою малую родину с именем
Санкт-Петербург:

*Весь в позолоченной оправе
Из шпилей, куполов, дворцов
Как в дорогой старинной раме
Пейзаж туманный – город снов...*

*Каналы в кружее чугунном,
Оград причудливый узор,
А в проводов оркестре струнном
Балтийский ветер-дирижёр!*

*Мостов гирлянды над Невою,
В белёсой дымке шпилей блеск –
Там в вечном споре с ветром волны
Ведут сердитый переплеск...*

*Великих зодчих вдохновенье,
Окаменевшее в веках –
Мой город! Ты – стихотворенье
В трёхстах возвышенных строках!*

Ирина Богородицкая

Вливаясь в улицы и проспекты града
Петрова, мы – потомки поэта всех времён
и народов, сквозь века сначала слышим его
солирующие ноты:

*«Люблю тебя, Петра творенье...»
«Красуйся, град Петра...»*

P.S. Искренне благодарю талантливых
поэтов *Российского Межрегионального
союза писателей* за вдохновенное
творчество и поэта *Дмитрия Киришина*,
собравшего мудрые строки воедино.

Валентина ФЕДОРОВА

Память поколений

Паром «Принцесса Анастасия» отплыл точно по расписанию, покидая гавань города Санкт-Петербурга. Из гавани он выплывал долго и медленно. Так медленно, что с борта лайнера были видны ясно огни города. Можно было разглядеть шаровые точки огней не только по прямым улицам города, но и в отдалённых районах на окраинах города. Они были похожи на море точек с массой сияющих шаров, с исходящими лучиками от них. Какое слияние огней!!! Это световое решение не просто красиво, но и несёт определённую смысловую нагрузку для города, для его жителей. Оно функционально и позволяет улучшить качество жизни людей. Сколько же вложено труда людей, человеческой мысли во всё это? Где-то я читала или слышала по телевидению в итоговых докладах правительства приводились данные, что в России произведено более 1 трлн.квт.ч электроэнергии. Но мы же не стоим на месте, а смотрим в будущее создавая проекты новых программ по энергоэффективности и энергосбережению. И понимаем, что являемся участниками процесса всемирной глобализации, а энергетика находится в первых рядах этого естественного процесса. Да, трудностей ещё много. Но я с гордостью за свою страну, за последовательность развития её мощи, немного успокаиваюсь, всё сразу не осилишь. Это надо понимать всем. Размышления мои прерываются. Плывём дальше...

И вдруг, совершенно неожиданно, в сумраке, на бетонном постаменте вижу сохранившуюся крупными буквами надпись «Ленинград». Этого я раньше никогда не видела, к моему стыду, просто мне не удавалось раньше никуда плавать. И для меня как гром с ясного неба. Сердце, казалось, остановилось, а потом увеличилось вдвое,

заполнило мою грудь. Эта надпись «Ленинград» сохранилась!!! Сразу вспомнились военные годы и город, проложивший всем нам Дорогу жизни.

На память пришли строки из стихотворения поэта Евгения Павловича Раевского, «Сорок первый год»:

*... Давно войны отпыхало пламя,
Насытилось, сжигая города,
Но сколько тех, кто не вернулся к маме...
Они ушли в бессмертье. Беспримерным,
В дыму, седом от пороха как лунь,
В сердцах потомков бьётся сорок первый,
Бомбёжками обугленный июнь.*

Действительно, их миллионы не вернулись каждый к своей маме... Вспоминаю детство. Как только я научилась писать и читать, мама часто меня просила почитать давние письма от брата, присылаемые с фронта. Его отправили на службу в 1938 году. Тогда было ещё мирное время. Установленный срок службы в армии был три года. Он их полностью отслужил и ждал демобилизации домой. Во время службы он писал о пограничной службе, о том как их часть даже снимали в кино. Название фильма было «Жульбарс». «Возможно, это предварительное название фильма, но вы сходите обязательно. Я там третий выскакиваю из-за угла на своём рыжем скакуне с развевающейся гривой. Мой конь рыжий, ухоженный, упитанный, незаменимый помощник в моей службе. Мы с ним спозаранку, и вечером, и ночью обходим границу. Меня он слушается во всём и, сам понимая, прислушивается к каждому шороху, останавливается, давая мне знать. Много мы с ним перебежчиков и нарушителей переловили».

На фильм мы всей семьёй тогда ходили.

Я была маленькая, так папа меня посадил на плечо и нёс до самого кинотеатра и обратно.

Ожидая приказ на мобилизацию домой, мой брат получил другой приказ «на фронт». Его оставили служить здесь же на западной границе. Получив это сообщение папа сразу сказал вслух: «Служба на границе - это первая пуля в лоб». Но брат вместе со своей частью, долго отбивая натиск врагов, писал об их мощи, но был уверен, что мы все равно выстоим. И героически стояли насмерть. Письма приходили редко, а потом и совсем не стали приходить. Мама берегла их, как бесценный дар. Она вытаскивала коробочку с письмами из шкафа, перевязанную красной ленточкой, после прочтения аккуратно, трепетно, с любовью складывала назад в коробочку, перевязывала и убирала в шкаф подальше. Очень ими дорожила.

Когда я училась, возвращаясь из школы домой вместе с подружкой Любой, проходили мимо её дома, она всегда приглашала меня к себе. Её мама, Наталья Васильевна была нам рада. Встречала нас радушно: «Девочки проходите, раздевайтесь я вам чаю приготовила». Тогда чайной заварки ещё не было в изобилии в магазинах, тяжёлое время - война. Мы пили зелёный чай, заваренный листьями смородины, земляники, чабрецом. Иногда угощала припасённой конфеткой или сухариком к чаю. Тоже просила меня почитать письма с фронта от сына, брата Любы, видно оттого, что ей Люба часто читала. Наталья Васильевна доставала их из шкафа аккуратно завернутые в чистый платок. Я их читала по порядку одно за другим, и вот последнее: «Мама, пишу тебе из Сталинграда. Отстаиваем каждый дом за домом. Если увидишь в газетах солдата с ружьём, стоящим на дому, так это я. Меня снимал военный корреспондент во время боя». К сожалению, это письмо было последнее. Писем больше не было. Наталья Васильевна не спеша складывала письма снова в треугольнички и разглаживала каждый уголок, аккуратно

трясушимися руками заворачивала в платочек. Я следила за её руками. Они судорожно тряслись. Где я видела эти руки?.. Кровь прилила к моим вискам. Да это же мамини руки. Руки моей мамы. Я их видела тысячу раз. Дома, прочитав последние письма, я старалась не смотреть на маму. Всегда были видны две мокрые дорожки на щеках от её молчаливых слёз. Я боялась... сама могу расплакаться, глядя на неё. Больше всего наблюдала за её руками, как она бережно, трепетно с любовью не торопясь, словно боялась расстаться с чем-то очень дорогим, складывала треугольнички в коробочку, перевязывая её красной ленточкой, и убирала подальше в шкаф, чтобы время от времени перечитывать их снова и снова. Видно, горе у всех матерей, любящих своих детей, одинаково... Письма, очевидно, были частью присутствия их самих, всегда рядом. От воспоминаний глаза наполнялись слезами, и веки их уже не могли удержать. Они бесшумно скатывались по щекам, оставляя следы.

Тем временем, город удалялся всё дальше и дальше. Море огней превратилось в большое жёлтое сплошное покрывало с блестящими точками и накрыло весь город. От этого вида и нахлынувшего спокойствия надёжности оставалось пожелать жителям города спокойной ночи. Паром «Принцесса Анастасия» набирал обороты, увеличивая узлы, уходил вдаль. Стемнело. Впереди проплывали розовые облака. Вдали виднелось заходящее красное солнце. Его осталось уже небольшая краюшка. Оно висит не то между скалами, не то по бокам темнеющего леса. Совсем темно, не разберёшь. Какая красота в заходе солнца! Завтра надо встать пораньше и посмотреть восход. Увиденная надпись «Ленинград» не даёт покоя. Надо не прозевать посмотреть ещё раз при возвращении.

Снова мысли уходят в прошлое. 8 сентября у мемориальной доски Ольге Федоровне Берггольц прошёл митинг памяти, посвящённый семидесятилетию начала фашисткой блокады Ленинграда, которая

длилась с 1941 по 1944 годы. Вспомнить о 900 днях скорби и мужества собрались жители Владимирского Округа города. На митинге было много студентов и школьников. Ольга Федоровна Берггольц в своих стихах писала:

*Мы будем драться с беззаветной силой,
Мы одолеем бешеных зверей,
Мы победим, клянусь тебе, Россия,
От имени Российских матерей.*

В этот день я выступала на митинге не только со стихами поэтессы, но и читала свои стихи о блокаде:

Память о войне

*Не меркнет память о войне.
Оставив дома мать больную,
Бегу я в поле по весне
Картошку собирать гнилую.*

*Гнилой картошки не забыть,
Оладий серых с отрубями.
Я не могу того простить,
Что выпало на долю маме.*

*С тех пор прошло немало лет,
Но память не даёт покоя.
По жизни им прощенья нет -
Зачинщикам чужого горя.*

Неумирающая память, живая связь поколений и уважение к тем, кто добыл всем нам Великую Победу. Благодаря им, защищавших нас, мы можем наблюдать за закатом и восходом солнца. Память о них останется в веках.

Ленинград - это святое. Эта надпись «Ленинград» должна стоять вечно.

Всегда - как самый дорогой и бесценный памятник городу и всем защищавшим Россию.

Владимир КРАЙНЁВ

Свет истины проникает даже во мрак подземелья

Накануне Нового 2012 года в Великом Новгороде в региональном отделении Союза писателей России состоялось ничем особенно не примечательное событие – отчётное собрание. Председатель отделения Союза писателей Анатолий Молоканов пригласил в качестве почётных гостей петербуржцев: главного редактора журнала «Невский альманах» Владимира Скворцова и председателя секции поэзии Рос-сийского Межрегионального союза писателей Дмитрия Киришина.

Гостям из города трёх русских революций радовались не только литераторы Великого Новгорода, а сама матушка-природа. Декабрь стоял долго без снега, а двадцать четвёртого декабря сподобился – мягкой зимней порошей выстлал белоснежную дорожку перед гостями.

На борту автобуса снаружи примета времени – реклама. При всей своей нелюбви к ней, этой я заинтересовался. Над надписью «Великий Новгород – колыбель Руси», буквы которой колыхались как волны, порхала какая-то завитушка, похожая на быстрокрылую ладью бесстрашных первопроходцев Северной Руси – новгородских ушкуйников. Они покоряли и осваивали северные края Древней Руси, передвигаясь на ладьях по рекам.

Так что, при всём почтении к приезжим, рекламная надпись напоминала жителям Северной столицы о значимости новгородцев: ваш город – колыбель трёх революций, а мы тоже не лыком шиты – Великий Новгород по-тому и великий, что является колыбелью не каких-то там революций, а самой Родины – Руси.

Но меня-то порадовало не это местническое чванство, а знакомство с двумя представителями петербургской литературной элиты.

Дмитрию Киришину предстояло через четыре дня, 28-го декабря, выступить на заседании секции поэзии в концертном зале Мемориального музея-квартиры Н.А. Римского-Корсакова в Санкт-Петербурге, и у него с собою был буклет с новыми произведениями, написанными в октябре-ноябре 2011 года. В буклете напечатаны всего одиннадцать стихотворений Киришина, притом почти каждое минимального размера: три-четыре строфы. Но насколько они ёмки по смыслу и сильны по эмоциональному настрою!

Болью и гневом наполнены стихи Дмитрия о судьбе Святой Руси, которая была истощена множеством утрат и тяжёлых испытаний, уготованных ей «перезревшим» двадцатым веком.

Взять, к примеру, стихотворение Киришина «На разрыв»:

*Жаждал воли – дождался вольницы,
Как пропащий осенний лист.
Ум ответил душе-раскольнице
Переплясом на пересвист.*

*Память бражной волною пенится,
Сорван пращуров оберег.
Вспыхнет чувство зарницей Феникса –
Ляжет пеплом на первый снег.*

*Не страдает, не пророчится,
На ветру не поётся всласть.
Райской жизни чертовски хочется –
Где бы ключ от Небес украсть?!*

Своей миниатюрной лаконичностью оно напоминает малюсенькую финтифлюшку – флешку. Но величие стихотворения «На разрыв» именно в том, что оно способно, как флешка, которую подсоединили к компьютеру, выдать такое огромное количество информации, что уму непостижимо: как смог уместиться океан страстей в микроскопическом «зёрнышке» нано-технологии. Многократно я перечитывал стихотворение Дмитрия Киришина «На разрыв» – и каждый раз моё бедное сердце разрывалось от переживаний. Всплывали воспоминания о событиях совсем недавнего прошлого.

Кто из нас не желал воли, свободы слова? Но вместо свободы слова получили такое условие, что уши вяли. А чтобы они (уши) так и оставались в принятом положении, на них не только лапшу навесили, а целые толстенные разбухшие макаронины. Бандитская же вольница получилась такой неудержимой и безжалостной, что Пугачевский бунт, по утверждению классика, бессмысленный и беспощадный, не идёт ни в какое сравнение с вольницей лихих 1990-х: так, мелкое хулиганство какое-то.

Пугачёвцы только одно дворянское сословие притесняли, а «братки» без разбора, невзирая на личности, за сто баксов могли спровадить на тот свет и едва народившегося и ни в чём не повинного младенца, и дряхлого старика, который уже и сам был готов отдать Богу душу.

Десятки миллионов разочарованных людей, враз поумневших задним числом, проклинали свою душу-раскольницу, спровоцировавшую помрачение ума. Хотел волю – получай, фашист, гранату. Вернее, сталинист.

Вместо ожидаемой зари счастья пришлось посыпать пеплом седую голову. А у кого волосы были ещё тёмными из-за своего несолидного возраста, те разглядывали пепел на снегу. Из белоснежного он становился мрачным и грязным. Впрочем, и сама жизнь становилась беспросветной.

Поэтому память и пенится хмельной брагой: хотели много, а получили кукиш с маслом. Но, тем не менее, никому не хочется признать свои ошибки, свои заблуждения, никому не удастся примирить холодный рациональный ум со своей эмоциональной душой-раскольницей. Все опять мечтают о несбыточном. А вдруг на этот-то раз подфартит? Две последние строчки стихотворения «На разрыв» Дмитрия Киршина звучат как приговор таким мечтателям-утопистам:

*Райской жизни чертовски хочется –
Где бы ключ от Небес украсть?!*

Парадоксальное словосочетание, горько, смиренно произнесённое Дмитрием, только подчёркивает утопическую идею: черти из ада намеревались перебраться в рай. А всю российскую братию отправить во тьму преисподней. И не трудами праведными мы собираемся устроить себе райскую жизнь. Этот путь очень долог и тернист. Второй путь примитивно прост – украсть ключ, который открывает врата Рая. Как пелось в фольклорной лагерной песенке: «Гоп со смыком – это буду я! Воровать – профессия моя». Нам говорили, что вы были

раньше лагерной пылью... А теперь что? Нас превращают в обыкновенный навоз?

Киршин в своём стихотворении точно угадал настроение народа и его трагедию в человеке. Он идёт «на разрыв». Ох, не знаю, что будет, если у народа лопнет терпение. Кого будут рвать на куски?

Вопросы, которые я задаю, не такие уж риторические. Каждый судит о причинах наших бед, разглядывая и отыскивая причины со своей точки зрения или, как сейчас стало модно ёрничать, со своей кочки зрения.

Хорошо, если у человека имеется собственная точка зрения. А если человек вдруг ослеп? В стихотворении «Русский Сын» Дмитрий Киршин идёт ещё дальше. Сам-то он видит, что беды нашей страны начались именно со слепоты. Но не от слепоты зрения, а со слепоты душевной.

*Я слепну, мой Отец,
теряю силу зренья –
Души моей хрусталик замутнён.*

Когда слепнешь, то тебя обступает тьма. А в кромешной темноте, в глубокой пучине океана безверия – зрение не спасет. Там, на глубине, выживают в темноте морские чудовища – кашалоты. Они овладели искусством управлять ультразвуком, и от такого эхолота не спрячется никакое живое существо. Кашалот по отражённой волне находит добычу – и заглатывает её в свою утробу целиком. И не помогут осьминогу спастись от смерти даже его восемь ног-щупальцев...

Вырваться из тьмы и призывает Киршин, обращаясь к Богу:

*Я слепну, Отче мой –
и вижу только пятна
В окладах потускневших образов.
Священному не дай
погаснуть невозвратно,
Прозрением души ответь на зов!*

*Я жажду различить
сиянье в силуэте,
Эпоху помраченья превозмочь!.. –*

*Застыну без креста
в смолистом лунном свете,
Подслеповато взглядываясь в ночь.*

Дмитрий Киршин указывает и на исторический исток, тот отсчёт, откуда началась в Православной Святой Руси эра безверия, в своём стихотворении «Из книги Небытия». В русском провинциальном городке Свияжске Лев Троцкий когда-то открыл памятник Иуде Искариоту. После этого стали рушить храмы, а со звонниц сбрасывать колокола, чтобы они разбивались вдребезги о землю и своим малиновым звоном не тревожили, не бередили заснувшую душу:

*Соборный мир – отеческий исток,
Глубинный ключ правдивого уклада,
Где с юных лет звучит заветом лада:
Ты беззащитен, если одинок.*

*Но вызрел век без веры и пощады –
И распалил предательства порок,
Дух православный выгнан за порог,
Навет и страх – попутчики распада.*

*Доносов ложных множатся талмуды:
На брата брат – по трупам – наугад!..
В заложниках семья – и стар и млад,
Справляют шабаш сыновья Иуды!*

*Святой Руси – трагичный дан урок:
Ты беззащитен, коль не одинок.*

В этом произведении поэтом Киршиным за-тронуто самая болезненная тема в трагедии России – гражданская война, где бьются насмерть: «На брата брат – по трупам – наугад!..». В стихотворении «Из книги Небытия» речь идёт не только об открытии памятника Иуде Искариоту, но и о последователях библейского предателя. Красные, принимая в свои ряды для борьбы с белыми бывших офицеров царской армии, брали в заложники семьи офицеров.

Интересный исторический вывод делает поэт, показывая, где же была собака зарыта, в чём же была причина гражданской войны.

До революции был Соборный мир, и вне его человек оказывался одинок и беззащитен. Но когда «разбита вера полчищем чужим», единство народа разрушается, и появляются воинствующие группы: белые, красные, зелёные, анархисты, монархисты, махновцы. Каждая группа тянет одеяло на себя, каждый отстаивает свою правду, а в итоге гибнут русские люди. Русские воюют с русскими, и, сплотившись в группы, противоборствующие друг другу, они становятся от своей сплоченности беззащитнее, чем если бы были одиноки, – как стадо баранов, идущее послушно за козлом-provокатором на бойню. Мясник выпустит из противоположных ворот загона только козла, а всё стадо невинных агнцев пойдёт под нож.

Читателям может показаться, что я тему гражданской войны освещаю однобоко и тенденциозно – принимаю только чью-то одну сторону. Это не так. При изучении творчества Сергея Есенина мне пришлось столкнуться с одним фактом, который великий русский поэт нигде в своём творчестве не использовал, хотя и заявлял: «Вся моя биография в стихах». В парижском ресторане официант, бывший корниловский офицер, укорил поэта, что он только кичился своим патриотизмом, а сам, предав Родину, сбежал за границу. Есенин возмутился, и завязалась драка.

Мне захотелось восполнить несправедливо пропущенную страницу биографии Сергея. Я попытался представить, как этот эпизод Есенин сумел бы изложить в стихотворном виде. Используя стиль Есенина, его некоторые любимые эпитеты и образы, написал стихотворение о конфликте Сергея и корниловского офицера:

*Яркий ситец голубого неба
И вершины снежной седина.
Мир плебеев: зрелища и хлеба.
Рим патриций, славы и вина.*

*Я в Париже в шуме ресторана
Вдруг услышал будто бы во сне:
«Улеглась во мне бывшая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне».*

*Мотыльками колыхались свечи,
Явь была туманнее, чем сон.
Подавал мне ужин в этот вечер
Бывший русский человек – гарсон.*

*И осанка словно для примера,
И учтивость: да, месье, о'кей!
Но уже улыбку офицера
Заменил улыбочкой лакей.*

*Но была, была ещё бравада.
Дворянин, гвардейский офицер
Из России убежал, из ада,
Как и ты от страха и химер.*

*И, салфеткой крошки убирая,
Обронил: «Живёте как в раю!»
Я ответил: «Мне не надо рая,
Вы не трожьте Родину мою.*

*И не тычьте в морду мне дворянством:
Я крестьянин, жил среди осин.
Прохрипел почти по-хулигански:
«Поменяй бокалы, сукин сын».*

*Он опешил: боль, смятенье, пытка,
И невольно головой поник,
Вдруг гримасой скомкана улыбка:
«Да ты, парень, просто большевик!»*

*Крик возник, он наливался злобой,
Падал в бездну, доходил до дна...
А любили Родину мы оба.
И любовь, как Родина – одна...*

Для меня, как и для всех русских, судьба и красных, и белых достойна сожаления и сочувствия. После гражданской войны в стране воцарились разруха, голод, холод. Городские жители в панике потянулись в деревни за продуктами питания. А сейчас деревенские жители бегут в города в поисках работы, чтобы деньги в кармане хоть какие-то появились и можно было бы в городском магазине кусок хлеба купить. А в деревнях остались немощные старики,

вернее – старухи. Мужики-то спиваются и умирают. Поэтому и голодно в деревнях, холодно, а разруха видна невооруженным взглядом.

Дмитрию Киршину удалось написать скорбную, но правдивую картину сегодняшней деревни. А ведь когда-то все радовались деревенской идиллии, раем на земле. Но теперь на деревни, которые географически находятся в средних широтах, а не за Полярным кругом, спустилась тьма полярной ночи, которая длится девять месяцев в году, а солнышко выглядывает на короткое время.

*Как быстро темнеет
в оставленном Богом краю...
Зияет деревня
хмельными провалами окон.*

Прежде чем приступить к исследованию стихотворения Дмитрия Киршина о заброшенной деревне, следует вновь обратиться к метафоре поэта о «перезревшем» веке. У Киршина она звучит тихо: «Но вызрел век без веры и пощады...».

Век «вызрел» пшеничными колосьями на «поле» России. Из-за непогоды в лихую годину крестьянам не удалось убрать урожай, загнил он на корню, а осыпавшееся на землю зерно не даст следующей весной всходов. В колоске 30–40 зёрен, и колосья на поле стоят плотной стеной – один пшеничный стебелёк умещается на квадратном сантиметре. Из трёх десятков зёрен, упавших на поле, даст росточек только одно. Остальные сгниют, превратившись в удобрение, наподобие навоза. А может быть, проклюнувшееся зёрнышко и вовсе не принесёт плодов в следующую осень – заглушат посеvy некультурные, более живучие растения – сорняки.

*Амбар на пригорке
глядит соловейским оком,
Бескупольно ёжась
подранком в безбожном строю.
Весенняя пустошь
оделась в лохмотья ворон,*

*В ладони земные
не ляжет зерна подаянье.
Любовь не прольётся,
и всходы не даст покаянье,
И сумрачный разум
к безверию приговорён.
Всё меньше надежды
на светлую милость Твою,
Распались на блики
лучи, окруженные тенью.
Над бором вечерним
мне маревом было виденье:
Как быстро темнеет
в оставленном Богом Раю...*

Образ деревни символичен для нашей страны. Во все времена говорили: «Пока жива деревня, будет жива Русь». И вот деревня пустеет и умирает, наступает темнота, становится от этого тревожно и тоскливо.

Однако нельзя не восхититься яркими литературными находками поэта Киршина по созданию образа современной деревни. Первая и последняя строки стихотворения Дмитрия почти идентичны – разница этих строк в одном слове. Знаю в каком: вместо первой рифмы «краю» в конце слышится божественное «Раю».

Стихотворение – не хвалебная ода. Читая первую строчку: «*Как быстро темнеет в оставленном Богом краю...*», ещё особого беспокойства не ощущаешь. Все глухие уголки нашей необъятной Родины всегда назывались забытыми Богом местами. А что темнеет быстро в этих местах, так в том тоже нет ничего необычного – мало ли таких моментов мы испытали поздней осенью, когда день намного короче темного времени суток?

Но, прочитав последнюю строчку: «*Как быстро темнеет в оставленном Богом Раю...*», невольно вздрагиваешь от предчувствия опасности. Да, был наш край райским уголком, но потемнело небо, а сверкнёт свет истины в нём снова, или нет – непонятно. Бог покинул бывший Рай на земле, и неизвестно, вернётся ли Он к нам снова, или же мы обречены оставаться проживать в вечной мгле. Ведь

деревня «*зияет хмельными провалами окон*». Провалы окон – метафора. Понятно, зияющее окно дома и око человека, лежащего на смертном одре, сливаются, и чувствуется дыхание смерти. Впечатляет и образ амбара на пригорке, на том высоком месте, где в деревне всегда строилась церковь.

Да разве может соперничать амбар, кото-рый глядит на мир «*соловееющим оком, бескупольно ёжась подранком в безбожном строю*», с величественным собором? Понятно, и почему амбар-подранок и ёжится. Нет на амбаре красивых золотых куполов церкви, и крыша его выглядит куце, как будто он втянул шею в плечистену, а на голову нахлобучил лохматую зимнюю шапку-ушанку.

В амбаре всегда хранились запасы продуктов: крупы, зерна, муки, чтобы долгой зимой поддерживать во здравии физическую плоть. А в церковь люди ходили получать пищу духовную. Раз её не получают сельчане, не обращают молитвы к Господу, то и темнеет быстро в их краю. Бог же может и вовсе отвернуться от заблудшей паствы. Живописна строчка поэта: «*Весенняя пустошь оделась в лохмотья ворон*». В деревне уже не сеют и не пашут. Вместо любовно возделанного поля темнеет сумрачное пятно весенней пустоши. Пустошь – это пустое, не засеянное, а зачастую и не вспаханное поле. На нём уселись вороны. Они намного чернее, чем общий тёмный фон пустоши. Вот и кажется наблюдательному глазу поэта, что пустошь накинула на себя не обычный зелёный наряд озимой ржи или пшеницы, а тёмную, грязновато-серую, всю изорванную в лохмотья накидку. Лохмотьями на поле кажутся вороны, в разноразной рассеявшиеся на всей площади пустоши.

Дмитрий Киршин вскрывает в своём творчестве ещё одну трагическую тему – утечку умов за границу. Раньше провинившегося перед обществом человека изгоняли из села, города, страны. Он становился изгоем по чужой воле. А нынче изгнанниками становятся добровольно: так хочется вкусить досыта заморских сладостей и деликатесов. Но наевшемуся

до отвала изгой вдруг приходит мысль, что кроме вкусной жратвы существуют ещё и моральные ценности: друзья, родные и любимые люди, не пожелавшие покинуть в трудный час свою Родину. С мольбой смотрит изгой издали на родную сторонку, осознав свою ошибку, хочет покаяться, а слова молитвы позабыл.

Поэт Дмитрий Киришин поспешил на помощь к таким страждущим и написал для них слова покаянной молитвы. Своё стихотворение он так и назвал: «Молитва русского в изгнании».

*Ропот сердца полутёмного
Укрощается с трудом...
Проводи меня, бездомного,
В Божий дом!*

*Лада не сыскать исконного –
Оттого душа скорбит,
Пробуди меня, бессонного,
От обид!*

*Ум поруган – прячь, не прячь его –
Беспородной простотой.
Ослепи меня, незрячего,
Красотой!*

*Нитью от креста нательного
Память веры не порви.
Исцели меня, бесцельного,
Для любви!*

*Ни потомка и ни пращур –
Так легла багрово месь!..
Дай надежду мне, пропащему –
Не пропасть!*

В этой молитве Дмитрий учёл всё, о чём задумался изгой, чего ему не хватает за кордоном. У него наверняка есть жилище, но он считает себя бездомным. Нет у него Божьего дома. А без него и жилище нельзя назвать домом. Дом – это не только крыша над головой. Это – то место, где тебя любят и ждут.

Во-вторых, изгой страдает бессонницей. Прошлые обиды на свою же страну, Родину-мать, не дают ему уснуть, и он просит Бога:

«Пробуди меня». Кажется, зачем же нужно будить человека, если он не спит? Но не от сна он хочет пробудиться. Изгой просит Всевышнего о пробуждении своей души.

Затем опять парадоксальная просьба: «Ослепи меня, незрячего, красотой!». У Федора Достоевского есть ставшее крылатым изречение: «Красота спасёт мир». Вот Дмитрий и взял его за основу для молитвы. Не увидев красоты – не спасёшься. Вот незрячий, не видящий красоты, изгой и просит ослепить его божьим великолепием – красотой, чтобы познать её. По старой русской поговорке: «Клин клином вышибают».

Тенденция парадоксального продолжается и в следующей строфе, в которой поэт заявляет:

«Исцели меня, бесцельного, для любви!». Но эта фраза уникальна ещё и тем, что Киришин увидел здесь не только игру слов «исцели» и «бесцельного», но разные их значения. Исцелить – вылечить, а «бесцельный» не больной, а не имеющий цели человек. А это состояние страшнее даже, чем болезнь.

Последняя строфа завораживает метафорой: «Так легла багрово месь!..». Конечно же, Дмитрий и не помышлял о карточной багровой масти. Ни черви, ни бубны тут ни при чём. Слом времён уничтожил пращуров не только физически, они убиты забвением. А если народятся потомки, то им грозит анемия – будут Иванами, а может быть, и Джонами, родства не помнящими.

Даст Бог, по прочтении «Молитвы русского в изгнании» Дмитрия Киришина на кого-нибудь и снизойдёт благодать Всевышнего.

Не остался равнодушен поэт ещё к одной страшной беде России, постигшей страну в последние два-три десятилетия. Она увеличивается с каждым годом в объёме, как снежный ком. Имя этой беды – наркомания. Ритмическое построение стихотворения схоже с тем, которое использовал поэт в «Молитве русского в изгнании». Но на сей раз Киришин написал не молитву, а скорее – заклинание. Чем ещё изгнать из нашей жизни такое

беспощадное зло, как наркотик? Хотя и в этом стихотворении Дмитрий обращается к библейскому сюжету. Финальная фраза у Киршина пронзительна: «*Что молчишь, кокаиновый каин? Где твой брат?..*». Из Библии известно, куда подевался Авель – его убил брат Каин, пролив родную кровь. Но кокаиновый каин, этот не конкретный, а собирательный злодей, пострашнее первого убийцы на Земле. Кокаиновый каин не проливает кровь, но его оружие сильнее ножа и пистолета. Жертвы Каина умирают, сгорая изнутри, медленно, а потому схватить за руку преступника сложнее.

Трагедия наркомании ещё и в том, что жертвы сами оплачивают своё затяжное по времени убийство. А в отсутствии денег на очередную дозу наркотика – сами становятся убийцами. Для них убить человека – что муху на столе газетой прихлопнуть.

*Словно каторжник, наголо бритый,
Безысходней, чем грешник в смоле,
Он сидит – ни живой, ни убитый –
На игле.*

*Заклейменный печатью изгоя,
В круги смерти он запросто вхож,
Переступит границы разбоя
Ни за грош.*

*Не удержится разум на кромке,
С новой дозой развернется рай.
Эйфория – от ломки до ломки –
Через край.*

*Зарубируются раны окраин,
Только боль обострится стократ.
Что молчишь, кокаиновый каин?
Где твой брат?..*

С гражданской позицией поэта Дмитрия Киршина я вас ознакомил. Но было бы непра-вильно, если бы я остановился только на этой части его литературного творчества. Дмитрий – оптимист, и его лирические стихотворения сияют тем светом истины, о котором я уже упоминал выше. Он своей жизнеутверждающей поэзией как бы говорит: «Прочь, хандра и мрак души!».

Ведь свет истины проникает даже во мрак подземелья. Столько внезапных ассоциаций вызвало в моей душе стихотворение Дмитрия Киршина об осени:

*Мир безропотный осенний
Ликом грустен и красив.
День упрятался под сенью
Серебристо-жёлтых ив,*

*Ливнем слякотным заклётым
Стаи птиц с небес убрал,
Не спеша червонит золотом
Храмы северных дубрав.*

*Трон зимы первопрестольной
Лишь по кромке побелён,
Но с еловой колокольни
Низошёл морозный звон.*

*Вечер обморочной стынью
Путь просёлочный мостит,
Ветер высохшей полынью –
Книгой судеб шелестит.*

*В храме северном до срока
Утихает птичий гай –
Так и души одиноко
Отлетают в тёплый край,*

*Безвенчально разлучаясь
На пороге алтаря,
Источаясь, истончаясь
Сонной синью сентября.*

Главным лирическим героем в стихотворении Киршина выступает золотая осень. Дмитрий рисует с природы, используя те краски и образы, которые природа дарит поэту. Осенний мир у Киршина безропотный, а «*ликом грустен и красив*». Осень вдруг раздражается «*ливнем слякотным заклётым*». Прилагательное «заклётый» всегда почему-то увязывается со словом «враг». А Дмитрий называет заклётым – ливень. Но у поэта ливень не простой летний, который прольётся как из ведра, а через пару часов – земля уже сухая. Дмитрий Киршин подчёркивает, что ливень осенний, одним эпитетом – слякотный. Разверзлись хляби небесные –

и не пройти, не проехать. Сплошная грязь и слякоть осенняя.

И вот этот ливень не только землю превращает в топкое болото. Он стирает, как влажной тряпкой, с небес стаи птиц. Зато *«не спеша червонит златом храмы северных дубрав»*. Тут поэт Киршин находит необычный образ и заменяет привычное, устоявшееся словосочетание *«золотая осень»* найденным им самим *«червонит златом»*. Сразу вспоминается, что золото высшей пробы в древности называлось червонным. Слово «злато», а не «золото» лишь подчёркивает древность. Кроны лиственных северных лесов кажутся позолоченными церковными куполами, а высокие мощные и стройные, в то же время, красавцы-дубы возвышаются, как храмы. Восхищает и эпизод, в котором *«день упрятался под сенью серебристо-жёлтых ив»*.

Два созвучных слова «день» и «сень» звякают мелодично, как колокольчики. А после живописной картины «серебристо-жёлтых ив» на меня нахлынули воспоминания. В юности мною было написано лирическое стихотворение, где узкие длинные серебристо-жёлтые листья ивы я сравнивал с волосами красивой женщины, рано поседевшей:

*Ива хвалится, что красавица,
И собою в речке любитесь,
Но уж бросила осень в волосы
Седину – пускай ива подуется.*

А Дмитрий продолжает поражать сравнениями и метафорами: *«Трон зимы первопрестольной лишь по кромке побелён»*. Первопрестольной называют столицу России Москву. И вот трон царственной особе – Зиме уже побелён природой первым снежком. Если дубы поэт сравнивает с храмами, то горделиво вознесённую в небеса верхушку остроконечной ели Дмитрий отождествляет с колокольной, откуда исходит *«морозный звон»*.

Дальше следует ещё созвучие – «вечер» и «ветер». А мелодия продолжается и звучит даже внутри строки: *«Ветер высохшей полынью – книгой судеб шелестит»*.

Потрясающий образ. Не только сухие, шуршащие листья шевелит в лесу ветер, а, качая стебли высохшей горькой полыни, он как бы перелистывает книгу нашей судьбы. И мы стараемся прочитать не только что было, но и что будет.

А всё будет хорошо: зима придёт на смену осени, но и ей придётся недолго властвовать – уступит место весне, а вслед за весной придёт благодатное лето.

Предвосхищением прихода красавицы весны и тёплого лета и живём, надеясь на всё лучшее. Об этом Дмитрий Киршин говорит в своём стихотворении:

*Прозрачная чёлка апрельской опушки
Смешала палитру оттенков зелёных.
Теплеют ольховой улыбки веснушки
И пролежни снега на северных склонах.*

*Озимой надеждою поле томится
На грани грачиного переполоха.
Еловых теней растворилась темница –
И разом от песен лучистых оглохла.*

*Земля не скрывает морщин бездорожья,
Но скрасили путь островки первоцвета.
И полнятся дали лазоревой дрожью,
Фиалково-нежным предчувствием лета.*

У меня ещё не обсохли чернила на пере ручки, когда я поставил точку в исследовании творчества поэта Дмитрия Киршина, как узнал, что буклет-то со стихами, приготовленный Дмитрием для его выступления в концертном зале Мемориального музея-квартиры Н.А. Римского-Корсакова – лишь вершина айсберга. Эти стихи написаны в конце 2011 года, а есть ещё буклет со стихами, написанными полугодом ранее.

И вот он у меня в руках. Тематически внутри буклета стихотворения Дмитрия Киршина можно разделить на две части. Согласно диалектике, применяя законы развития общества в исследовании исторических процессов России, можно, отталкиваясь от общего, подходить к частному, а можно и наоборот в частном увидеть общие тенденции.

катаклизмы имеют место на всём земном шаре, то они происходят и в России. В стихотворении Дмитрия Киршина, которое я назвал условно «Стынувший мир», звучит не только тревога за земную цивилизацию. В нём столько образов и метафор, что карта мира поэта выглядит как с любовью вытканное полотно мягкого, уютного ковра, шагая по которому чувствуешь, что хоть и звучат тревожные нотки, но апокалипсис всё-таки не предвидится.

Я не буду приводить полностью текст стихотворения «Стынувший мир» Киршина. Вкус лакомства не почувствуешь, если проглотить его за один раз, как голодная собака. Лакомство нужно пробовать, откусывая малюсенькими кусочками или отхлёбывая такими же глоточками, и смаковать неторопливо, придерживая его хотя бы на несколько секунд во рту.

Итак, начинаю приводить строчки стихотворения Дмитрия Киршина: «*Озябшего вечера дрожь бередит беспризорно...*». Здесь не лирическому герою становится прохладно от вечерней стужи, а сам вечер у него зябнет, и трясёт его, и пробивает от прохлады дрожь. Её даже унять невозможно, она бродит по «*телу*» вечера беспризорно, неуправляемо. Но не только сам «*лирический*» вечер замёрз. Замерзает и земля, на которую опустились сумерки: «*Сжимается тело мучительно-чёрной земли*».

Несомненно, метафора Киршина «*мучительно-чёрная земля*» у любого вызовет ассоциацию: почернело от горя, а «*сжимается тело*» от предсмертной боли, на что указывает наречие, которое применил Дмитрий в этой строке – «*мучительно*».

Земле так больно и мучительно: то, что она уродила летом, приходит в уныние и помрачение:

*В соломенной немощи рожь
позабыла про зёрна,
Без птиц онемело
пространство в лазурной дали.*

Но вечер и осень делают своё дело, методично стирая небесную лазурь. Отчий край не вызывает радости, не рождает души прекрасные порывы, а на созерцателя этого пейзажа наваливается усталость:

*Тускнеет и застится высь
от усталости Отчей,
Шагреневою синью
сжимается стынувший мир.*

Небо сжимается, как шагреневая кожа, и тускнеет небесная лазурь, превращаясь в серую пелену.

А происходит это от того, что про отчий край позабыл Мироздания Зодчий. Редко Он стал поглядывать в нашу сторону, и что из этого получилось, рассказывает поэт Киршин в предпоследних строчках, умоляя Его и надеясь на лучшее:

*С осенних небес отзовись,
Мироздания Зодчий!..
На фреске предзимья
сюжет безотраден и сир.*

В следующем стихотворении Дмитрий Киршин использует библейский сюжет. Иудейский царь Ирод Великий ненавидел Первозкрестителя Иоанна за его подвижничество. Схватил и посадил его в тюрьму, чтобы Иоанн не «мутил» честной народ. Но казнить боялся – слишком велика была популярность у Первозкрестителя. Зато жена царя Иродиада, у которой злобы на Иоанна было не меньше, чем у мужа, попыталась хитростью и коварством извести подвижника, с помощью интриги заставить Ирода казнить его. На одном пиру, где собрались солидные вельможи, Иродиада попросила свою юную красотку дочь Саломею исполнить изящный эротический танец перед гостями. Все были в восторге, а Ирод до того растрогался, что пообещал Саломее выполнить любое желание. А Иродиада, хорошо знавшая характер своего царя-мужа и психологически точно смоделировавшая ситуацию, заранее проинструктировала Саломею, о чём просить Ирода: пусть ей в

награду за потрясающее исполнение танца преподнесут отрубленную голову Иоанна Первозкрестителя. И Ирод, давший слово выполнить любую прихоть Саломеи, чтобы не ударить в грязь лицом перед почётными гостями, приказал палачу исполнить его волю и принести на столовом блюде голову Иоанна.

*На троне – раб самонадеянный,
Но Божьей властью осиян
Зерном надежды в мир посеянный,
Осмеянный, осаломеянный
Первозкреститель Иоанн.*

*Страну, от слёз и крови волгую,
Восполнить верой – наш черёд,
Над Иорданом ли, над Волгою
Творить молитву ночью долгою
И ожидать Его восход.*

*В краю безбожном и завистливом
Торить пути любви живой,
Сказать себе: «Не сдамся, выстою!» –
И довершить святую миссию,
Пусть поплатившись головой.*

В первой строфе Киршин сопоставляет и противопоставляет друг другу двух действующих лиц: Ирода и Иоанна Первозкрестителя. Царь Ирод у поэта – раб самонадеянный, а Иоанн представляется читателю как зерно надежды, посеянное в мир людей, жаждущих мира, добра, уставших пресмыкаться перед самонадеянным тираном, творящим зло.

Во второй строфе Дмитрий Киршин перекидывает мостик между прошлым и будущим одной фразой «Над Иорданом ли, над Волгою творить молитву ночью долгою и ожидать Его восход». Как каждую ночь люди ожидают восход солнца, так во тьме долгой ночи безверия каждый надеется на восход Символа Веры. А пример подвига Иоанна заставляет сердце автора стихотворения переполниться мужеством и «Сказать себе: «Не сдамся, выстою!» – И довершить святую миссию, пусть поплатившись головой».

В этой строчке поэта хочется ещё отметить пару ярких слов: «Святую

миссию», и её-то стремится исполнить Дмитрий Киршин. А как созвучны слова «миссия» и «Мессия»! Но Киршин не упоминает о Мессии, он говорит о своей святой миссии, а также и любого миссионера, вынужденного «творить пути любви живой в краю безбожном и завистливом».

Я уже упоминал о мостике, который позволяет увидеть связь времён: живущим в дне сегодняшнем, заявляет поэт, наступил черёд, как это делали первые христиане, страну «восполнить верою».

А строка-то в стихотворении Дмитрия «от слёз и крови волгая». От этой метафоры становится не по себе, и в душу закрадывается сомнение: сюжет на библейскую тему, а как он близок нам, россиянам. Да и сам поэт упоминает, что творить молитву нужно везде – и над Иорданом, и над Волгою.

А разве у нас не самонадеянный раб казнил не одного человека, а всю страну, расчленив её на части, порвав на куски веками создававшееся пространство? Увы, слишком много было вокруг нашего доморощенного раба советчиков вроде Иродиады.

Размышляя над этим феноменом многопла-новоговосприятиястихотворения Дмитрия Киршина на библейскую тему, сразу вспомнил эпоху Ренессанса Западной Европы. Художники, завоевавшие потом мировое признание, очень часто писали картины на сюжеты из Священного Писания. Написана картина и на тот библейский сюжет, который использовал в стихах Дмитрий – об отрубленной голове Иоанна, преподнесённой в «дар» Саломее.

Может быть, выше упоминаемое стихотворение поэта Дмитрия Киршина положит начало нашему Российскому Ренессансу, возрождению великой русской литературы? Вполне возможно, что сегодняшние писатели создадут такие литературные шедевры, что смогут поднять планку нашей культуры на почти недостижимую высоту. Кому-то моя мечта покажется неисполнимой, но так хочется в неё верить.

В следующем стихотворении Дмитрий

Киршин взял эпиграфом слова, сказанные в послании апостола Павла Коринфянам: *«Не все мы умрём, но все изменимся».*

Когда апостол Павел утверждает, что мы, вернее некоторые из нас, никогда не умрём, то он говорит о бессмертии наших душ. Но всё же тела наши бrenны, и физически мы когда-нибудь покинем этот мир. И, эх, какая жалость, жизнь наша удивительно коротка. О кратком миге жизни и говорится в стихотворении Дмитрия Киршина:

*Жизнь коротка! – до первого глотка
Предательства бессмысленно-хмельного,
До помысла, во злобе потайного,
Иль зависти, что бьёт наверняка.*

*Жизнь коротка. Прозрения любви
Напрасно ждём в тревоге упований:
Стерню осенних разочарований
Смятеньем слёз попробуй, оживи!..*

*Жизнь коротка... Боренье суеты
Иссушит вдохновение и силы.
Ни Богу, ни себе уже не милый,
Сам разорвёшь заветные листы –*

*Надежды нет в пустотах междустрочий!..
Жизнь коротка! Но смерть ещё короче.*

В стихотворении «Жизнь коротка» каждое из трёх четверостиший начинается возгласом поэта «Жизнь коротка». Последняя строфа состоит из двух строк, и в ней сочетанием-вздохом «Жизнь коротка» начинается последняя строчка. Всеобщим возгласом «Жизнь коротка» стихотворение Киршина начинается, им же и заканчивается.

Так почему же наша жизнь коротка? Прочитав стихи Дмитрия, приходишь к выводу, что укорачиваем жизнь мы сами, или же нам помогают окружающие нас, на первый взгляд, даже близкие и родные люди. Суета наша иссушает наши вдохновения и силы. Зря ждём прозрения любви, ничего не делая, чтобы нас полюбили. А когда наступает осенняя пора, пора разочарования и несбывшихся надежд, мы не можем слезами оживить погашенную своей

черствостью любовь; как гласит народная мудрость: «Слезами горю не поможешь».

А в начальном четверостишии поэт Дмитрий Киршин произносит необыкновенно поэтичную первую и по нумерации, и по смысловому значению строку: *«Жизнь коротка! – до первого глотка...».* Она рифмуется внутри себя и звучит отчаянно, пронзительно и гортанно: «Коротка до первого глотка». Как крик лебедя, потерявшего свою прощальную песню перед тем, как сложить на груди крылья, рухнуть камнем вниз и разбиться насмерть о землю.

Первое четверостишие знаменательно ещё и тем, что поэт рисует контуры трехголового непобедимого дракона, которого мы сами и выращиваем на свою погибель. Его три головы, считает Киршин – это Предательство, Злоба и Зависть. Мы их взлелеиваем, а потом в суете пытаемся бороться с трёхговым драконом. Но как сказал Экклезиаст – всё это «суета сует и томление духа».

И снова хочется возвратиться к последнему двестишью этого стихотворения. Когда я его перечитал, у меня открылись глаза на вторую ипостась нашей жизни – творческую. Творческая жизнь писателя, композитора, живописца бывает ещё короче собственной жизни.

Поэт жалеет, что нет надежды на продление долгожительства в творчестве, не найдёшь ключ от него даже в пустотах между строчек. Хотя ведь мы научились ловко проникать в скрытый смысл. То, что пытались вложить в написанное произведение – не для сегодняшних читателей, а для более умного и продвинутого будущего поколения, для потомков. И Киршин выносит суровый приговор не себе или другой творческой личности, потерявшей надежду на бессмертие. Он выносит приговор самой смерти. И как бы ни был суров приговор поэта – обжалованию он не подлежит: *«Надежды нет в пустотах междустрочий!.. Жизнь коротка! Но смерть ещё короче».* Да, если мы говорим, что жизнь коротка, то только в сравнении с

жизнью Вселенной, в которой наша жизнь по её масштабам – обыкновенная песчинка. Один миг, который невозможно измерить никаким точным хронометром, отделяет жизнь от смерти. И даже самые знаменитые математики его так и не вычислили.

В следующем стихотворении, которое я условно назвал «Бумажные цветы», поскольку это словосочетание рефреном звучит в начале и в концовке стихотворения, Дмитрий Киршин продолжает тему таинства смерти. С древности славяне торжественно отмечали как таинство рождения ребёнка, так и таинство ухода из жизни. Наши предки и пращурь одинаково спокойно, торжественно относились к обоим таинствам. Об этом и говорит в своём стихотворении Дмитрий Киршин:

*Небытия бумажные цветы,
Нездешний холод на венке еловом...
Чем осенить – молчанием иль словом?
Чем отмолить? – усилия пусты!*

*Кладбищенской январской белизной –
Метелью робкой – головы кропимы,
В кольце людском чернеет нестерпимо
Земной порог дороги неземной.*

*Прах в пустоту опустят неуклюже,
Но воспарит душа в сиянье новом,
Прольётся голос горней высоты,*

*Рождая вопреки сковавшей стуже
Нездешний трепет на венце терновом,
Бессмертных книг бумажные цветы.*

В стихотворении поэта всё построено на сравнении, на сопоставлении, и благодаря точным, ярким деталям картина похорон, нарисованная Киршиным, получается не мрачная, а светлая. Как сказал великий Пушкин: «Печаль моя светла».

Метель, которая традиционно представляется читателю стихийной силой, у поэта «робкая», она не пугает своим напором людей, пришедших на кладбище сказать близкому или знакомому человеку последнее «Прости». Она своей лёгкой снежной, а значит, и светлой

белой порошей кропит их склонённые в знак смирения головы. А дальше следует поразительный своим неспешно философским смыслом поэтический образ. Перед похоронной процессией открывается не пустота чёрного провала могилы, а все присутствующие видят *«земной порог дороги неземной»*. По ней и от-правится в дальнейший путь душа усопшего.

На надгробный холмик к кресту устанавливаются памятные венки из еловых веток, украшенные бумажными цветами. Живые цветы тоже кладутся на могилу, но они, особенно зимой, увянут через день или два. Бумажные же цветы мертвы, зато дольше сохраняют память о признательности людей, проводивших в последний путь.

Деталь, отмеченная Дмитрием в «Бумажных цветах», вполне прозаическая. Но в сочетании со словами «Нездешний трепет на венце терновом» и «Бессмертных книг бумажные цветы» картина, написанная поэтом Дмитрием Киршиным, превращается в огромный монумент – памятник Бессмертию.

В бумажных цветах похоронных венков он видит листы Библии – бессмертной книги книг. А в еловом лапнике веночек терновый, венец Иисуса Христа, принявшего мучительную смерть за нас.

И теряет силу пессимизм в сердцах читателей, когда звучит строка поэта: «Но воспарит душа в сиянье новом». В этом стихотворении Киршин спорит со своим предыдущим стихотворением, где пессимисты утверждают, что «Жизнь коротка». В «Бумажных цветах» поэт доказывает: да, жизнь коротка для индивидуума, для конкретного человека, а для общества, для сообщества людей она бесконечна.

Оттого и звучит следующее стихотворение как гимн вечной жизни.

*Ни по адресу, ни по имени
Не отыщешь святого облака...
Светом солнечным напои меня,
Тёплой влагой живого облака!..*

Хочется сразу же отметить одетую в жемчужное ожерелье рифму: «облика – облака».

*В майский полдень сбегу из дома я,
Причащусь благодатью вербную...
Я спелёнут земной истомою
И небесной пронизан верою.*

*По росе пройду, аки посуху,
Над рекой загнушу до вечера.
Пусть судьба не дарует посоха –
Я тростинку сожму доверчиво.*

Рифма «посуху – посоха» из той же замечательной серии, что и упомянутая выше «облика – облика». Но образ и метафора в этом четверостишии вызвали в душе моей благоговейный трепет. Говорят, что утопающий хватается даже за соломинку, зная наверняка, что она не удержит его на плаву.

Тростинка, по сути своей, тоже соломинка растущего вдоль берега тростника. Но лирический герой Киршина так не думает. Он радуется тому, что вместо крепкого дорожного посоха, получил хотя бы тонкую тростинку-былинку. Герой заявляет: «Я тростинку сожму доверчиво». Эта доверчивость лирического героя идет не от безысходности, не от слабости его, а от уверенности в своей силе. С тростинкой, которая ему дарована свыше, он собирается преодолеть все преграды и доплыть до дальней пристани, а не утонуть в пути.

А обращается поэт к тому, кто вручил ему тростинку вместо посоха, с единственной просьбой-молитвой: «Напои меня влагой вечною, тёплым светом прощальной истины!..»

Тёплый свет прощальной истины и преодолевает смерть, приносит людям бессмертие.

Следующее стихотворение поэта я не собирался даже комментировать. Оно как бы вытекает из предыдущего и только добавляет несколько дополнительных красок в картину, исполненную живописцем Дмитрием Киршиным ранее.

А созвучие двух стихотворений при их последовательном чтении создает эффект симфонического звучания.

*Тени в полнеба вихрятся стаей,
В тёмные страны тянутся будто.
Льдинками выси скоро растают
Хрупкие звёзды раннего утра.*

Но разве можно удержаться от соблазна поделиться с читателем такой чудесной находкой, на которую я наткнулся в первой же строфе стихотворения поэта.

Звёзды на небе к утру у него тают, как хрупкие льдинки от солнечного дневного света на земле. И даже тени, которые вихрятся стаей, тоже к утру растают. А каково свечение рифмы, от которой исчезают тени: «стаей – растают»? – она слепит, настолько ярка. И под её светом ночь даёт трещину:

*В трещинах ночи прячутся совы,
Множат цикады трепет бессонный.
Речки прозрачной речь родникова –
Жаль, непонятен говор исконный.*

*В памяти сердца теплится адрес
Дальней поляны ягодно-тайной...
Влажного леса солнечный абрис
Ожил, очнулся в капле хрустальной.*

*Не заплутать бы в споре с собою!.. –
Сквозь расстоянья, сквозь расставанья
Выйти из ночи росной тропою,
Засветло веря в Божье сиянье.*

Прочитав последние две строчки, понимаешь, почему такое светлое стихотворение получилось у поэта Дмитрия Киршина. Не случайно я вынес в название исследования его творчества слова «Свет истины проникает даже во мрак подземелья».

Вторая часть стихотворных произведений Дмитрия состоит из частных случаев взаимоотношений мужчины и женщины. Я бы не рискнул назвать эти отношения одним, пусть даже очень ёмким словом – любовь. Хотя и тут поэт следует закону

диалектики, но уже в обратном порядке – идёт от частного к общему. И предмет его изысков не любовь, а падение нравов.

О падении нравов молодёжи судят и судили всегда. Ещё во времена римского императора Нерона, самого погрязшего в пороках, в одной трагедии звучал монолог, содержащий возмущённое восклицание: «О, времена! О, нравы!».

С тех пор, а может быть, тысячелетий на десять-пятнадцать раньше, проблема падения нравов и стоит, наклонившись как Пизанская башня, да упасть так и не может. Таково общее положение дел, а вот частное мнение поэта Киршина трудно сбросить со счёта, поскольку ещё Лев Толстой сказал, что все счастливые семьи похожи, а в несчастных семьях каждый несчастен по-своему. Потому-то интересны рассказы о несчастных любовных случаях нынешнего времени.

Прочитайте для начала стихотворение «Серебряный развод». Уже в самом названии звучит интрига. Привычно слышать ласкающее слух сочетание «серебряная свадьба». Её справляют супруги, прожившие совместно двадцать пять лет. А если после четверти века совместной жизни муж и жена расходятся, разводятся, разбегаются в разные стороны? Неужели это и есть серебряный развод? Или же, встретившись через двадцать пять лет после развода, когда притупились обиды, нанесённые друг другу, нужно отпраздновать «серебряный развод»...

Про нас, русских, говорят, что мы непобедимы, потому что бьём своих крепче, чем чужих. По принципу: бей своих, чтоб чужие боялись. А может быть, перестать дубасить своих родных и близких, тогда и все войны прекратятся.

Но прочитайте-ка лучше сами «Серебряный развод» Дмитрия Киршина.

*Не волнуй замужним взглядом,
Не садись напрасно рядом –
Мы бесславно запороли
Наши чувственные роли.*

*Жалишь ты огнём строптивым,
Я киплю в обнимку с пивом,
Но ничуть не пострадало
Равнодушие от скандала.*

*Не саднит сердца утрата
Благосклонности Эрато,
Растолстели, расхотели...
Я – не в духе, ты – не в теле.*

Ах, как тяжело осознавать, что мы стали кузнецами не собственного счастья, а несчастья. И «бесславно запороли наши чувственные роли». Супруги у Киршина даже скандалят-то равнодушно: собака лает, а ветер уносит в сторону её яростный лай. Жена вроде бы из строптивости и пытается испепелить, обжечь провинившегося муженька взглядом, а он и не собирается выпускать из рук «полторашку» пива, хотя благородный гнев уже начинает кипеть в груди: «Имею я право на «культурный» отдых или не имею?» Что же касается огненных стрел, летящих из сердитых глаз жены, то они мужа уже не задевают. Его глаза и душа зашорены и зашторены наглухо.

Впрочем, и сердца уже не загораются у супругов любовью. Не летят стрелы бога любви в их сторону. Эрос, или Эрот, потерял к ним всякий интерес, перестал проявлять к ним благосклонность. В итоге уже не любовь у них, а сбоку бантик. «Растолстели, расхотели... Я – не в духе, ты – не в теле», – такой фразой поэт завершает «Серебряный развод». Праздник души у юбиляров не состоялся.

Стихотворение Киршина «Памяти Незнакомки» навеяло великолепной живописной картиной портрета Ивана Николаевича Крамского, написавшего портрет неизвестной женщины в 1883 году, – его впоследствии стали называть «Портрет Незнакомки». Неизвестная женщина Крамскому была известна. Как, впрочем, и зрители догадывались, что моделью художника сталаневеликосветская дама, а дама полусвета. Она вращалась в светском обществе, но не принадлежала ни к властной верхушке аристократии, ни

к дворянам. Незнакомка скорее содержанка или, на французский манер – куртизанка. Но как держится Незнакомка, расположившись на заднем сидении, обтянутом кожей, как кресло в Зимнем дворце, мог бы позавидовать любой аристократ. Крамской её написал якобы с натуры, на Невском проспекте, на фоне Казанского собора. Пелена сероватого тумана застилает собор в морозное седое утро.

Незнакомка восседает в высокой пролётке, и перспектива картины построена так, что кажется: голова женщины вознеслась горделиво выше самого собора. Она надменно взирает на проходящих мимо её экипажа людишек, высокомерно выгнув крутые соболиные брови, чуть прикрыв свои выразительные тёмно-карие, почти чёрные глаза веками, но так, чтобы они не казались прищуренными.

Особую нежность лику Незнакомки придают овал лица, точёный носик и маленький, с детской припухлостью ярко-красных губ рот. Небольшая чёрная шляпа с белым, горизонтально прикреплённым к ней, пером смотрится как царская корона. Чёрное узкое пальто подчёркивает даже у сидящей Незнакомки её грациозную фигуру. А затенённый туманным маревом и приземлённый величавостью женщины Казанский собор лишь подчёркивает её полусветское положение в обществе.

Архитектор Казанского собора Воронихин считался внебрачным сыном барона Строганова. А вот все идут мимо собора по Невскому проспекту и шапки ломают перед творением безродного архитектора. Кто знает, каким великим мастером станет совместный отпрыск содержанки и того неизвестного магната, который знаменит лишь толстым кошельком, а потому, скорее всего, и останется неизвестным.

Прежде чем проанализировать стихотворение «Памяти Незнакомки», я хочу привести его полностью:

*Ты ловишь мужчину цинично-толково,
Играя тонами амурной постели.
Но тщетно смыкаешь оковы алькова –
Холодным расчётом постыли постели.*

*Мечталось по совести – вышло по року,
Семейного лада не сыщешь в помине.
Лукавые чувства – порука пороку,
Горчащие зёрна в полоне полыни.*

*Сломались доспехи, сыреет в нас порох,
Есть хрупкий предел благородства у стали.
Настояны годы на спорах неспорых –
Сердца ли смирились, уста ли устали?..*

*Спивается «рыцарь» на сонном постое,
Пресытилась «дама» добычей искомой.
В эпоху распада устои – пустое!..
Но застится взор перед иконой исконной...*

Прочитав «Памяти Незнакомки», убеждаешься, что Дмитрий Николаевич справился со своей работой не хуже Ивана Николаевича.

Всё, о чём я написал выше восторженной прозой, запечатлел трагедией в стихах поэт. Трагедия Незнакомки как раз в том, чем я восторгаюсь, – в её самоуверенности и самовлюблённости, неотразимости красоты. Внешние данные Киршин противопоставляет внутреннему разладу. Слишком цинично и холодно-расчётливо она решила на участь дамы полусвета. Лукавые чувства не создают семейный уют, а мнимое благородство сменяется хмельным бездуховным прозябанием в сонном царстве, где действующие актёры замерли в слишком затянувшейся сцене на долгое, долгое время.

Краски для трагических переживаний героев драмы Киршин подобрал умело. Амурные пастельные тона противопоставлены у него блеклости постылой постели. И сколько ни пытайся сомкнуть, соединить цвета оковами алькова, чувства любви не испытаешь. А цинизм – «порука пороку». Великолепное звучание этих слов вызывает не восторг, а грусть, и от безнадеги слёзы наворачиваются. Становится так горько «в полоне полыни». Вот сидит в алькове парочка (чуть не сказал: баран да ярочка) и размышляет: «Есть хрупкий предел благородства у стали», и даже поцеловаться не хочется – «уста ли устали». Мужчина и женщина давно устали друг от друга, а поэт поймал кураж и

методично вбивает эту мысль, капая словами в темечко: «у стали», «уста ли», «устали». Так раньше наказывали провинившихся вельмож китайские императоры. Посадят преступника под капающий водопроводный кран, туго, крепко-накрепко привязав его веревками к столбу, чтобы нельзя было пошевелить головой. А все падающие вниз капли попадали в одну точку, пока преступник с ума не сойдёт или сердце, не выдержав пытки, навсегда не остановится.

Но когда читаешь ещё одну не менее ажурную фразу в стихотворении поэта «Памяти Незнакомки» – «В эпоху распада устои – пустое!..», закрадывается сомнение: а про Незнакомку ли Крамского написал Дмитрий Киришин? Нет ли намёка в словах «эпоха распада» на нашу сегодняшнюю эпоху.

Теперь незнакомки, которых называют по простому – проститутками, стоят на Невском проспекте, едва ли не на каждом углу, но уже не утром туманным, утром седым, а тёмной ноченькой, слетаясь под уличные фонари мотыльками – ночными бабочками. И поскольку фонарь закрыт наглухо стеклянной оболочкой, эти «бабочки» никогда не спялят на огне свои крылышки. А будут ловить «мужчину цинично-толково». Поймав «благородного рыцаря», они сохраняют своё инкогнито. А после ночи вдвоём он так и останется незнакомцем, она – незнакомкой. Может, памяти такой Незнакомки и написал своё стихотворение поэт?

Следующая «героиня» такого же романа описана Киришиным в стихотворении с игривым названием «Под каблукком»:

*Говоришь, довела я до ручки –
Ум оплёван, и в сердце колючки.
Упрекаешь: дошёл ты до точки,
Не по нраву мои коготочки.*

*Милый, я не меняю привычки,
Все упрёки поставлю в кавычки.
А тебе за гроши да подачки
Не видать ни кухарки, ни прачки!*

*Думал, взял безотказную квочку?
Чур меня! – петушишь в одиночку.
Сам давно ли в любовной отключке
Замуж звал благородно с полочки?!*

*Под луну выводил на крылечко,
Подносил с бриллиантом колечко... –
И теперь у меня коготочки
Самой острой алмазной заточки!*

С каким изяществом изобразил поэт проказы такой ведьмочки! Не «под каблукком», не подкаблучник, а именно под каблукком, под изящным каблукком.

Дмитрий прошёл, сочиняя своё произведение, на грани фюла, по острию ножа, а может быть, и бритвы, ни разу не споткнувшись, не свернув ни влево, где пошлость, ни вправо, где хамство. Когда девушка-красавица, зная свою алмазную цену, выступает с отлично отрепетированным монологом перед единственным зрителем, успевая говорить и за себя, и за своего партнера по спектаклю, то кажется, будто два влюбленных голубка воркуют. Да только не клювиками целуются. Наша голубка своему голубю сизокрылому, а возможно сизокосому, готова вцепиться в глотку своими коготочками и выцарапать из неё лакомый кусочек своей сладкой жизни. Видимо, у него стало тоже алмазной и очень острой заточки коготочки.

Дмитрий Киришин отвечает за всех разочаровавшихся в любви мужчин лирическим стихотворением:

*Вновь трель апрельская простая
Свивается в лазурный вихрь,
И корни сосен вековых
На ощупь в бездну прорастают.*

*Опять клокочет в сердце стих,
Редуты холода сминая...
Любовь мятежная, земная,
Ты – привилегия слепых.*

*Твоей насмешкой запоздалой
Кривится страсть – и сладу нет,
В глубины тянет, не на свет.
На почве вымерзшей, усталой*

*Влюблённости потерян след
В проталинах весенних лет...*

В последних строчках, кажется, звучит разочарование: *«Влюблённости потерян след, в проталинах весенних лет...»*. Но поэт, сожалея о потерях юности – где ж вы, мои весенние года? – всё-таки говорит не о любви, а о влюблённости. В юности каждый влюблялся, но не каждая влюблённость заканчивается браком. Браки заключаются на небесах, и свою половинку отыскать непросто.

Не признаёт поэт и мятежную, страстную любовь – она, по его мнению, привилегия слепых, слепых сердцем.

Потому-то, разочаровавшись в такой

любви, люди становятся не только слепы, но и глупы, злобны и мелочны. Они, вспоминая любовислезу от лирических воспоминаний. От запаха ромашек и мёда у них глаза никогда не бывают на мокром месте. А если глаза сухие, то кто увидит слёзы?

Ведь главный смысл у Дмитрия Киришина заключен не в последней строфе, а в самом начале стихотворения. Остальные же строчки – только умелая аранжировка основного мотива. Как только апрель вбрасывает в лазурную высоту неба призывную трель *«И корни сосен вековых на ощупь в бездну прорастают. Опять клокочет в сердце стих, редуты холода сминая...»*.

Творчество невозможно без любви, а любовь просыпается тоже весной, и потому у поэта клокочет в сердце стих. Прислушайтесь к нему – и любовь непременно придет к каждому из вас. Мы же пришли в этот мир для любви.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Мақар Алпатов 5
Ирина Богородицкая 27
Таша Васильева 30
Алексей Воронов 36
Людмила Ильина 44
Петр Камчатый 47
Мария Орфанудақи 50
Татьяна Карпенко 54
Андрей Павлов-Арбенин 55
Светлана Панова 59
Наталия Сорокина 64
Александр Темников 69
Ирина Питаренко 71
Олег Шляговский 75
Валентина Чирок 79
Владимир Черкин 103

ПОЭЗИЯ

- Евгений Раевский 113
Андрей Маничев 115
Таша Васильева 118
Василий Денисюк 120
Виктор Пермьяков 121
Лидия Соловей 122
Татьяна Святушенко 123
Анна Юннис 124
Наталия Шитикова 125
Вера Кулемина 127
Евгения Марченко 129
Ирина Питаренко 131
Игорь Сафронов 133

ГОСТИ

- Александр Крылов 135
Юрий Свечников 143

ПУБЛИЦИСТИКА

- Наталия Веселова 147
Иван Ильин 168
Галина Ковальская 175
Юрий Пейсахович 178
Диана Радес 181
Елена Сакс 187
Ольга Сафарова 190
Вера Соловьева 193
Наталия Суворова 195
Валентина Федорова 210
Владимир Крайнев 213

Золотое слово №5
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2011 г., 230 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: **www.rmsp.pro**
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, Д. 12, кв. 2
Контактный тел.: (812) 321-95-75; факс: (812) 356-19-02

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства
«Гамма»
Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15
Заказ № 58 Тираж 900